

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
„ЗОЛОТОЕ
ПЕРО”

12

ПОЛ АНДЕРСОН

Звездный лис

ПОЛ АНДЕРСОН

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ
ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК **12**

ПОЛ АНДЕРСОН

Звездный лис Планета, с которой не возвращаются Экран

Перевод с английского

МОСКВА
«ТОПИКАЛ»
1992

Оформление серии
Владимира Катина
Иллюстрации
Александра Яцкевича

Андерсон П.

А 65 Звездный лис: Романы / Пер. с англ. — М.: Топикал, 1992. — 480 с., ил. — (Клуб «Золотое перо»: Любителям фантаст.; Вып. 12).
ISBN 5-85256-002-2

В книгу вошли три романа, один из которых «Звездный лис» — это то, что называется звездно-космическая опера. Герой романа, сильный, отважный, решительный человек — флибустьер будущего. Отсюда и его поведение при освоении других планет Галактики. Этой же теме посвящен и другой роман «Планета, с которой не возвращаются» — борьбе двух рас, двух цивилизаций, земной и космической, за планету, пригодную для жизни. Судьба открытия, способного остановить наращивание вооружений всеми странами Мира, защиты каждого человека от опасности, и борьба различных сил за обладание этим открытием — таков сюжет третьего романа «Экран».

© Художественное оформление серии, иллюстрации, составление. «Топикал», 1992

ISBN 5-85256-002-2

Звездный лис

«Мерси... и арсвуар!»

Франсуа Борде

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАПЕРСТВО¹ И РЕПРЕССАЛИИ²

Глава 1

...Король заставил бить в барабан...

...король заставил бить в барабан...

— пел кто-то по-французски.

Гуннар Хейм остановился как вкопанный. Некоторое время он стоял, озираясь в поисках источника голоса, звучащего в темноте.

Чтобы увидеть всех этих дам.

И первая, кого он увидел...

Голос доносился откуда-то издалека, заглушаемый грохотом машин на берегу у доков. Но лишь один человек этой ночью в Сан-Франциско мог изобразить подобную пародию на эту злую старую балладу.

...очаровала его душу.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тратата-та-та!

Хейм пошел на звук голоса. Он еще не утратил способ-

¹ Каперство — нападение вооруженных частных торговых судов воюющего государства, с его разрешения (каперские свидетельства), на неприятельские торговые суда.

² Репрессалии — принудительные меры, предпринимаемые государством в ответ на незаконные действия другого государства (*лат.* — удерживаю).

ности двигаться быстро и бесшумно, когда нужно. Через мгновение он услышал звон и сердитое дребезжание струн.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тратата-тата!

Справа от него темной стеной громоздились пакгаузы. В этот час, когда до рассвета оставалось не так уж много времени, город тускнел, утопая в тумане; лишь над крышами виднелась розовая дымка, да башни дворца на Ноб-Хилл светились далекими огнями. Слева, словно лоснящийся дракон, лежала грузовая субмарина, покрытая лунной чешуей, но возле нее не было ни людей, ни роботов — портовых грузчиков. Гавань, гладкая и блестящая, напоминала эбеновое дерево. Горы на восточном берегу, в нескольких километрах от порта, образовывали темный массив, осыпанный искусственными звездами. Настоящие звезды были довольно тусклыми, равно как и защитный спутник, быстро поднимавшийся над горизонтом, словно все светила удалились от планеты, утратившей силу. Луна находилась в полуфазе возле зенита. Сквозь сырой осенний воздух невозможно было различить светлое пятно Аполло-Сити на ее темной стороне.

Маркиз, скажи, ты ее знаешь?

Маркиз, скажи, ты ее знаешь?

Кто такая эта прелестная дама?

И маркиз отвечал:

Сир, это моя жена.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тратата! Та-та!

Хейм обогнул сарай у пирса и увидел менестреля. Тот сидел на пале лицом к воде, еще более жалкий и маленький, чем Хейм ожидал увидеть. Его пальцы с таким остервенением дергали двенадцать струн, словно он сражался с врагом, а лицо, освещенное луной, было мокро от слез.

Хейм остановился в тени, у стены. Он не должен был прерывать песню. В Салуне звездолетчиков сказали, что малый этот — пьяница и дикарь.

— И, истратив последние пенни, он заявил, что будет петь за выпивку, — сказал буфетчик. — Я ему объяснил, что у нас здесь ничего такого не принято. Тогда он заорал, что пел так на дюжине планет, а вся беда Земли в том, что его просто не хотят слушать. Я еще сказал, что через несколько минут по видео будет показан стриптиз и что завсегдатаи хотят именно этого, а не какой-то там чужеземной чепухи.

Ну, а он мне в ответ: что будет петь звездам, или что-то вроде этого, — бред душевнобольного, одним словом. Я и велел ему убираться, пока его не выкинули. Он и ушел. Это было с час назад. Ваш друг, что ли?

— Возможно, — ответил Хейм.

— О, ну тогда вы могли бы пойти поискать его. Он может нарваться на неприятности. Не ровен час — его завывание привлечет охотников за легкой добычей.

Хейм кивнул и залпом допил вино. Район Благоденствия в любом большом городе был небезопасен для одиноких ночных прогулок. Даже полиция не предпринимала почти никаких попыток контролировать тех, кого еще до рождения заменили машины. Она ограничивалась тем, что удерживала это бешенство и никчемность в границах отведенного ему района, в достаточном удалении от домов тех людей, чьи способности были нужны обществу. Предпринимая вылазки в субпопуляцию лишних людей, Хейм всегда брал с собой оружие. И временами ему приходилось пускать его в ход.

Однако здесь некоторые его знали. Хейм сказал им, что он — звездолетчик в отставке (что-либо более близкое к правде было бы просто неблагодарно), и вскоре его уже считали вполне подходящим в компании для выпивки и картежной игры, свойским парнем, как многие из космофлота, появлявшиеся и исчезавшие перед их безразличным взором.

Хейм помахал рукой нескольким своим знакомым, одни из которых были грубыми дикарями, а другие давно поддались безнадежности, и вышел из бара.

Поскольку менестрель, должно быть, пошел к порту, Хейм тоже направился туда, постепенно ускоряя шаг. Сначала он не ставил себе целью непременно отыскать этого парня, просто это был повод еще для одного путешествия по трущобам. Но, по мере того как он шел, в его сознании вдруг стали вырисовываться возможные последствия встречи с «певцом».

И теперь, когда его поиски увенчались успехом, услышанная песня что-то затронула в нем, он почувствовал, как участился пульс. Этот незнакомец, возможно, и в самом деле кое-что знал.

Королева заставила ее сделать букет
из прекрасных цветов лилий.
И аромат этого букета убил маркиза.

Когда старая легенда, тоже повествующая о тирании, предательстве и смерти, подошла к концу, у Хейма созрело решение.

Тра-та-та! Тра-та-та! Трата-та-та!

Наступила тишина, нарушаемая лишь плеском воды и бесконечной пульсацией того огромного мотора, каким был город. Хейм сделал несколько шагов вперед.

— Добрый вечер! — сказал он.

Певец вздрогнул, сделал прерывистый вдох и повернулся. Хейм, улыбаясь, вытянул вперед руки ладонями вверх.

— Я не причиню вам зла, — сказал он. — Просто наслаждался вашим концертом. Не будете возражать, если я составлю вам компанию?

Менестрель ожесточенно протер глаза. Затем его тонкое лицо с заостренными чертами обратилось в оценивающий взгляд. В таком месте, как это, трудно было сохранить невозмутимость при встрече с Гуннаром Хеймом. Рост последнего достигал почти двух метров, а ширина плеч соответствовала росту. Черты его лица были грубоваты и просты. В красновато-каштановых волосах, несмотря на сравнительно молодой возраст, 45 лет, блестела седина, бровь пересекал зигзагообразный застарелый шрам. Но одет он был весьма прилично — в плащ с высоким воротником и брюки, по последней моде заправленные в мягкие полуботинки. Капюшон его плаща был откинут назад. Он, по всей видимости, оружия при себе не имел.

— Ну что ж. — Певец нервно передернул плечами. — Здесь не частная территория. — По-английски он говорил быстро, но с заметным акцентом, хотя лучше, чем по-французски.

Хейм вытащил из кармана плоскую бутылку виски.

— Не желаете ли со мной выпить?

Менестрель схватил бутылку. Смакуя каждый глоток, он произнес сначала: «Ах», потом:

— Простите мне мои дурные манеры, мне страшно хотелось выпить. — Он поднял бутылку. — Прозит, — снова отпил и вернул ее Хейму.

— Прозит. — Хейм сделал большой глоток и сел на камень причала, прислонившись к палу. Все выпитое сейчас и ранее бурлило в нем вместе с нарастающим возбуждением. Это была попытка сохранить расслабленное состояние.

Менестрель слез с пала и сел рядом с Хеймом.

— Так, значит, вы не американец? — спросил он. Голос его слегка дрожал: он явно старался изобразить спокойствие и безучастность, в то время как на его лице с высокими скулами стыли слезы.

— Вообще-то по натуре я американец, — ответил Хейм. — Мои родители были норвежцами. Но я родился на Гсе, Тау Кита II.

— Что?

Лицо менестреля, как и надеялся Хейм, приняло выражение крайней заинтересованности. Он насторожился.

— Вы астронавт?

— Служил в Военном флоте лет пятнадцать назад. Мое имя — Гуннар Хейм.

— А я... Андре Вадаж. — Тонкие пальцы исчезли в лапше Хейма. — Венгр, но последние десять лет я провел вне Земли.

— Да, я знаю, — мягко сказал Хейм. — Недавно я видел вас в программе новостей.

Вадаж скривил губы и сплюнул в воду.

— В интервью вы успели рассказать не слишком много, — закинул удочку Хейм.

— Да. Уж они-то постарались вовремя заткнуть мне глотку. — Вадаж расплылся в слащавой улыбке, изображая «их». — Итак, вы музыкант, мистер Вадаж. С помощью любых подвернувшихся под руку способов вы прокладываете себе путь от звезды к звезде, неся колонистам и нелюдям песни Матери-Земли. Это ведь так интересно, не правда ли?

Струны гитары жалобно застонали под гневным ударом.

— Вы хотели рассказать о Новой Европе, но они упорно отвлекали вас от этой темы. Интересно знать, почему?

— Они получили приказ. От ваших драгоценных американских властей, под давлением нашей великой бравой Всемирной Федерации. Было уже слишком поздно отменять мое выступление, поскольку оно было объявлено, но они решили заткнуть мне глотку. — Вадаж расхохотался, закинув голову. Его смех напоминал лай койота в лунную ночь. — Что я, параноик? И кажется ли мне, что меня преследуют? Да! Но что, если заговор против меня и в самом деле существует? Тогда имеет ли значение, в своем ли я уме или нет?

— М-м-м. — Хейм потер подбородок, подавив эмоции,

готовые вырваться наружу, — он не относился к числу импульсивных людей. — С чего вы это взяли?

— Куинн сам признал это, когда я позже упрекнул его. Он сказал, что студия может лишиться своей лицензии, если э... прибегнет к голословным заявлениям, которые могут смутить Федерацию в это трудное время. Не скажу, что я был слишком удивлен. Прибыв на Землю, я беседовал с разными официальными лицами, как гражданскими, так и военными. Самыми мягкими словами, которые я услышал от них, были слова о том, что я, должно быть, ошибаюсь. И при этом они понимали правоту моих доказательств. Они знали.

— А вы не пробовали обратиться к французам? Как мне кажется, они бы, пожалуй, скорее предприняли что-либо.

— Да. В Париже я не прошел дальше помощника заместителя министра. Мой рассказ так напугал его, что он не хотел даже допустить меня к кому-нибудь повыше, кто мог поверить. Я отправился в Будапешт, где меня приняли родственники. Мой отец устроил мне встречу с самим министром иностранных дел. Тот был, по крайней мере, честен со мной. Венгрии, которая в любом случае не могла бы пойти против целой Федерации, не было дела до Новой Европы. Выйдя из его кабинета, я несколько часов бродил по улицам. Наконец, когда уже стемнело, я сел возле памятника Свободе. Я смотрел в лицо Имре Нэги, но это была лишь холодная бронза. Я смотрел на фигуры мучеников, умиравших у его ног, и понимал, почему никто не станет меня слушать. И поэтому напился как свинья. — Вадаж потянулся за бутылкой. — С тех пор я почти всегда пьян.

«Теперь мы его спросим!» — словно молния, мелькнуло в голове Хейма. Он не мог больше управлять своим голосом, прежнего спокойствия в нем как не бывало. Но Вадаж не замечал этого.

— Насколько я понял по тем крохам, которые все же прошли сквозь сито этой официальной цензуры, вы хотели рассказать о том, что люди на Новой Европе еще живы. Так?

— Совершенно верно, сэр. Они бежали в горы, все до одного.

— Оут-Гаранс, — кивнул Хейм. Все, что ему оставалось делать, — лишь кивнуть. — Для партизанской войны лучше места не найти. Куча укрытий, большинство из которых не

отмечены на картах, и жить непосредственно на земле не обязательно.

— Вы там были! — Вадаж опустил бутылку и уставился на Хейма.

— Весьма часто, когда служил во флоте. Это было любимое место для капремонта и космических отпусков. Я провел на Новой Европе четыре месяца подряд, залечивая вот это, — Хейм прикоснулся к шраму на лбу.

Вадаж пристально всмотрелся в лицо Хейма, освещенное пятнистым лунным светом.

— Работа алеронов?

— Нет. Это было более двадцати лет назад. Я заработал этот шрам, когда мы занимались ликвидацией Индо-Германского конфликта на Лилит. Вы его, вероятно, не помните, поскольку еще слишком молоды. Стычки с алеронами начались позднее.

В голосе Хейма слышалась растерянность. В данный момент возбуждение и гнев в нем перелились в воспоминания...

Красные крыши и крутые узкие улочки Бон-Шанс, скользящие вдоль реки Карсак к Байи-де-Пешур, простирающей свой пурпур и золото до самого края света. Праздные дни, проводимые за перно в уличном кафе, красновато-коричневое солнце, которое хочется пить и пить, подобно тому как кот лакает молоко. А когда дело пошло на поправку — охотничьи вылазки в горы вместе с Джеквесом Буссардом и Тото Астьером... Отличные ребята, открытые души и честные сердца, немножко сумасшедшие, как и положено быть молодым людям. Мэдилон...

Хейм встряхнулся и резко спросил:

— Вам известно, кто был или является там ответственным лицом?

— Полковник де Виньи из планетарной полиции. После того как мэрия подверглась бомбежке, он взял на себя командование и организовал эвакуацию.

— Уж не старик ли это Роберт де Виньи? Бог мой! Я его знал. — Пальцы Хейма сжали бетон пала. — Да, раз так, стало быть, война действительно продолжается.

— Она не может продолжаться бесконечно, — пробормотал Вадаж. — Алеронам торопиться некуда, и в конце концов они выследят всех поодиночке.

— Я тоже знаком с алеронами, — сказал Хейм.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на звезды. Не туда, где находилось солнце Аврора. Удаленное на сто пятьдесят световых лет, оно все равно было бы недоступно глазу; к тому же оно принадлежит созвездию Феникс, закрытому от них горизонтом. Но Хейм не мог смотреть прямо в глаза менестрелю, задавая ему вопросы:

— Не встречалась ли вам некая Мэдилон Дюбуаз? Это ее девичья фамилия. Я думаю, она уже давно замужем.

— Нет.— Пропитой голос Вадажа тотчас стал чистым и мягким.— Мне очень жаль, но я ее не встречал.

— Ну что ж...— Сделав над собой усилие, Хейм равнодушно пожал плечами.— У вас для этого не было почти никаких шансов. Предполагалось, что численность людей на Новой Европе достигала полумиллиона. Кстати, каковы были... потери?

— Я слышал, будто Сюр д'Ивонн в долине Пейз д'Ор был разрушен ракетой. Или же... нет, я не верю в это. Сражения велись в основном в космосе, после того, как флот алеронов уничтожил несколько кораблей из флота Федерации, оказавшихся поблизости. Впоследствии они высадились в полном составе, поначалу в пустынных местностях, так что ничего, кроме пары рейдов с применением всего лишь лазеров и химических бомб, им сделать не удалось, поскольку почти все города успели к тому времени эвакуироваться. Разумеется, алероны продвигались быстро и предлагали им сдаться, но де Виньи отказался, и его поддержало такое количество людей, что в конце концов все оставшиеся присоединились к ним.

«Проклятье,— подумал Хейм,— придется и дальше делать вид, что меня все это не особенно волнует. По крайней мере, до тех пор, пока я не узнаю больше».

— Как вам удалось оттуда выбраться? В выпусках новостей, упоминавших о вас, когда вы только что прилетели на Землю, почти ничего об этом не говорилось. Вероятно, намеренно.

Вадаж встряхнул бутылкой, и в ней забулькало.

— Когда произошло нападение, я был там,— сказал он осипшим снова голосом.— Французы реквизировали торговый корабль и послали его за помощью, но он был уничтожен, едва выбравшись за пределы атмосферы. И если бы не один рудокон из накссов...— Он произнес это слово из языка расы нелюдей почти правильно.— Возможно, вы знаете,

что не так давно между людьми и наквсами было подписано соглашение, что последним разрешается добывать руду в Терра-де-Суд за арендную плату. Поэтому, находясь в такой дали, они ничего не знали, к тому же облачный покров над Гаранс держал их в полном неведении относительно происходивших событий. После переговоров по радио командующий алеронов разрешил наквсам удалиться, и я возьму на себя смелость утверждать, что сделал он это, просто не желая вступать в конфликт сразу с двумя расами. Разумеется, их кораблю было запрещено брать пассажиров. Но еще до этого я как-то раз побывал там и завоевал их симпатии, особенно капитана, тем, что проявил интерес к их песням, а некоторые даже выучил. Поэтому он протащил меня на борт своего корабля и сумел перехитрить инспекторов алеронов. Де Виньи надеялся, что я смогу доставить его послание. Ха-ха! — Смех Вадажа перешел почти в истерический. Слезы снова хлынули из глаз. — От наквсов мне пришлось, по выражению тех, кто брал у меня интервью, «прокладывать себе путь любым подвернувшимся под руку способом». На это потребовалось время. И все, все оказалось ни к чему.

Снова взявшись за гитару, он ударил по струнам и запел низким голосом:

Прощай, моя милая, прощай, мое сердце,
прощай, моя милая, прощай, мое сердце,
прощай, моя надежда...

Хейм взял бутылку, потом резко поставил ее, так что она громко звякнула. Вскочив, он принялся ходить по причалу. Его тень то и дело падала на фигуру менестреля, плащ развевался за спиной, отражаясь в освещенной лунным светом воде.

— Нет, это невозможно! — яростно воскликнул он по-норвежски.

— А? — глядя на него, растерянно заморгал Вадаж.

— Послушайте, вы сказали, у вас есть доказательства?

— Да. Я предлагал дать показания под наркозом. К тому же де Виньи снабдил меня письмами, фотографиями, целыми пакетами с микропленками. Но никто на Земле не желает признать эти материалы подлинными. Многие вообще не желают на них смотреть.

— А я желаю, — сказал Хейм. Кровь шумела у него в голове.

— Хорошо. Хорошо. Хорошо. Можно прямо здесь, у меня все с собой.— Вадаж принялся рыться в складках своей одежды.

— Нет, подождем немного. Сейчас я поверю вам на слово. Все, что вы рассказали, вполне согласуется с другими фактами, которые мне удалось собрать.

— Значит, одного человека я все-таки убедил,— горько произнес Вадаж.

— Не только.— Хейм сделал глубокий вдох.— Слушай, друг, с искренним к тебе уважением — а я уважаю каждого, у кого только кишка не тонка, чтобы поступать так, как он считает нужным, — так вот, хочу тебе сообщить, что я — не самозванный трубадур, похожий на косматого осла. Я — босс и главный владелец «Хеймдаля».

— Фирмы по производству ядерных двигателей? — Вадаж одурело потряс головой.— Ноу. Нон. Найн. Нет. Вы не можете быть здесь. Я видел ваши двигатели в такой дали от дома... аж во владениях Риджель.

— Угу. Чертовски хорошие машины, а? Прежде чем обосноваться на Земле, я всесторонне изучил все «за» и «против». Офицеры военного флота, уходящие в отставку и не желающие летать на «курицах», почти все сто процентов, кончают свою карьеру среди безработных. Но в то же время я понимал, что те, кто первым возьмется за внедрение двухфазовой контрольной системы, изобретенной алеронами, станут центром притяжения на рынке нашей расы и на рынках половины рас нелюдей. И... когда техническая разведка производила вскрытие корабля алеронов, захваченного нами в бою возле Акернара, я был на месте и не зевал. Мой отчим изъявил желание поддержать меня материально, рассчитывая, разумеется, на мою благодарность. И вот сегодня я — о, далеко не финансовый гигант. Но кое-какие деньжата у меня имеются.

Кроме того, я продолжал поддерживать связь со своими друзьями по Академии.

Сейчас некоторые из них уже адмиралы, мои идеи для них — не пустой звук. К тому же я аккуратно плачу налоги в казну партии сторонников Свободы Воли, что означает неизменное внимание к моему мнению со стороны Тваймена. И, право же, это в его интересах!

— Нет! — Голова с темными взъерошенными волосами

все так же уныло качнулась из стороны в сторону. — Этого не может быть, чтобы я наконец нашел кого-то.

— Брат мой, это так. — Хейм с силой ударил сжатой в кулак рукой в ладонь другой руки. В его сознании промелькнуло мгновенное удивление собственной радости. Была ли она вызвана подтверждением того, что люди на Новое Европе еще живы? Или открывавшейся перед ним, Гуннаром Хеймом, возможностью лично устроить «короткое замыкание» проклятым алеронам? Или, может быть, просто внезапно возникшей целью в жизни, после пяти лет без Конни? Именно сейчас, как никогда, он остро ощутил всю пустоту и бессмысленность этих лет.

Радость все росла и росла. Нагнувшись, Хейм одной рукой поднял Вадажа, другой — бутылку.

— Прозит! — прокричал он Ориону-Охотнику и сделал такой глоток, что малютка Вадаж чуть не подавился от удивления. — Фуу-уу! Пошли, Андрес. Я знаю места, где мы можем отпраздновать это событие так, как нам захочется, черт возьми. Мы будем петь песни, и рассказывать сказки, и пить с заката до рассвета, а потом начнем работать. Так?

— Да-да... — Вадаж, все еще не опомнившийся от изумления, сунул гитару под мышку и, закованный, двинулся в кильватере у Хейма. В бутылке все еще булькало, когда Хейм затянул «Голубые ландскнехты» — песню, такую же печальную, яростную, как он сам. Вадаж повесил гитару на шею и принялся подпрыгивать. После этого они спели вместе «Марсельезу», «Двух гренадеров», «Шкипера Булларда», к этому времени вокруг них собралось немало буйных компаньонов, и в конце концов они все вместе неплохо провели время.

Глава 2

Когда в Сан-Франциско было 17.00, в Вашингтоне в тот же самый момент 20.00. Но Гарольд Тваймен, старший сенатор из Калифорнии и лидер большинства среди представителей Соединенных Штатов в Парламенте Всемирной Федерации, был очень занятым человеком, так что его секретарша не могла устроить этот конфиденциальный телефонный разговор пораньше, тем более после столь короткого уведомления, какое сделал Хейм. Однако последнего это

вполне устраивало, поскольку давало ему время прийти в себя после предыдущей ночи, не пользуясь при этом чрезмерным количеством наркотиков, а также позволяло передать наиболее важные дела фирмы «Хеймдаль моторс» нужным людям и изучить доказательства Вадажа. Венгр все еще спал в комнате для гостей. Его тело, претерпевшее слишком много злоупотреблений, нуждалось теперь в капитальном ремонте.

Незадолго до того, как часы показали 17.00, Хейм решил, что в достаточной мере ознакомился с материалами, собранными Робертом де Виньи. Он выключил видео, потер глаза и вздохнул. Боль в разных частях тела еще потихоньку грызла его. Когда-то — Боже, кажется, что это было еще совсем недавно! — он запросто вынес бы двадцать таких попок и после этого еще был способен три или четыре раза кряду заняться любовью, а на следующее утро лететь хоть в другую Галактику.

«У меня теперь трудный возраст, — криво усмехнувшись, подумал он. — Я слишком стар для лечения препаратами антистарения для... чего?

Ничего, клянусь сатаной! Просто в последнее время я немного засиделся дома. Стоит разок прошвырнуться по-настоящему — и, глядишь, этого брюшка, которое становится все заметнее, как не бывало».

Хейм втянул в себя живот, достал трубку и с ненужной силой набил ее.

«Почему бы в самом деле не взять отпуск? — думал он. — Побродить по лесам и поохотиться». У него имелось бессрочное приглашение посетить игорный заповедник Яна Мак-Вея в Британской Колумбии. Или отправиться на собственном катамаране на Гавайи, или воспользоваться своей межпланетной яхтой, полазить по лунным Альпам, по марсианским горам. Земля была настолько загромождена всеми этими вонючими толпами. Или даже взять билет на межзвездный рейс. Он не был на своей родине, на Гес, с тех самых пор, как родители отправили его на Ставадджер, где можно было получить подходящее образование. За Ставадджером последовали Академия Гринлэнд, и флот Глубокого Космоса, и снова Земля — дел всегда было по горло.

В памяти Хейма всплыла, обдав сердце острой болью, забытая картина: в небе, точно шар из красного золота, — Тау Кита; горы, спускающиеся к самому морю, как в Норвегии.

Но океаны на Гее были теплыми, зелеными и преследовали его странными запахами, которым не было названия в человеческом языке. Синдабаны — его товарищи по мальчишеским играм, смеющиеся, как и он, когда они все вместе несутся к воде, и заваливаются кучей в пирогу, и поднимают парус, и скачут по волнам наперегонки с ветром; бивачный костер на острове, отблески пламени, выхватывающие из поющей ночной тьмы ветви даоды и тоненькие фигурки друзей; и песни, и барабаны, и необыкновенные обряды, и... и...

«Нет.— Хейм разжег трубку и глубоко затянулся.— Когда я покинул Гею, мне было двенадцать лет. А теперь па и ма умерли, а мои Синдабаны стали взрослыми членами племени, которое люди все еще пытаются понять, я нашел бы там лишь небольшую научную базу, ничем не отличающуюся от двух десятков других таких же, виденных мной на разных планетах. Время — дорога с односторонним движением. Кроме того...— его взгляд упал на микропленки, лежавшие на столе,— ...здесь пока хватает работы».

За дверью кабинета раздались шаги. Желая хоть немного отвлечься, Хейм вышел на звук этих шагов. Они привели его в гостиную. Как он и предполагал, это его дочь вернулась домой и, как всегда, плюхнулась в кресло.

— Привет, Лиза,— сказал Хейм.— Как дела в школе?

— Так себе.— Она нахмурилась и высунула язык.— Старый Эспиноза сказал, что мне придется переписать сочинение.

— Много ошибок? Что ж, если б ты только взялась наконец за дело и выучила...

— Ошибки не только в правописании. Хотя чего я не понимаю — так это с какой стати они делают из этого такую трагедию. Он сказал, что мои семантики — это нечто невообразимое! Старый зануда!

Хейм оперся о стену и, тыча в сторону Лизы чубуком своей трубки, сказал:

— Семантика — существительное единственного числа, да будет тебе известно. Твоя грамматика ничуть не лучше, чем орфография. И вообще, пытаться писать, или говорить, или думать, не зная принципов семантики,— все равно что пытаться танцевать, не научившись ходить. Боюсь, что мои симпатии в данный момент на стороне мистера Эспинозы.

— Но, папа! — заныла она.— Ты не понимаешь! Мне придется переделывать все с самого начала!

— Разумеется.

— Я не могу! — Ее голубые глаза, такие же голубые, как у него, во всем остальном она до боли была похожа на Конни, заволоклись дымкой, предвещавшей слезы. — У меня свидание с Диком... Ой! — Она сконфуженно зажала рукой рот.

— Дик? Ты имеешь в виду Ричарда Уолдберга? — Лиза отчаянно замотала головой. — Лжешь! — прорычал Хейм. — Я достаточно часто повторял тебе, черт побери, что ты не должна встречаться с этой неотесанной деревенщиной!

— О, папа! П-п-просто это...

— Знаю. Возвышенные чувства. Я бы сказал, что в его лице Уолдберг-старший приобрел злобного озорника и неплохого циника и любая девушка, которая свяжется с этой компанией, рано или поздно попадет в беду. А впрочем, ничего более опасного, чем беременность, ей не грозит.

Хейм почувствовал, что почти кричит. Он взял себя в руки и продолжал вежливо-приказным тоном:

— Короче говоря, это свидание не только непослушание с твоей стороны, но и предательство. Ты сделала это за моей спиной. Прекрасно, в течение недели ты будешь находиться под домашним арестом все время, проводимое вне школы. И завтра я должен увидеть твоё сочинение, написанное без ошибок.

— Я ненавижу тебя! — крикнула Лиза и выбежала из комнаты. На мгновение перед Хеймом мелькнуло ее яркое платье, хрупкая фигурка и мягкие каштановые волосы, затем она исчезла. Он слышал, как она пнула дверь своей комнаты, желая заставить ее быстрее открыться.

— А что еще, по-твоему, я должен был сделать? — крикнул он ей вслед, но ответа, разумеется, не последовало. Хейм перестал курить, рывкнул на служанку, посмевавшую войти с вопросом, и вышел на террасу, увитую розами, откуда открывался вид на Сан-Франциско.

В лучах закатного солнца город лежал холодный, подернутый дымкой. Отсюда, с Телеграфной горы, Хейму видны были шпили зданий и надземные магистрали, сверкающая вода и островки садов. Вот почему он выбрал это место после того, как Конни погибла в той бессмысленной катастрофе, во время которой столкнулись два флайера, и дом в графстве Мендосино стал слишком большим и безмолвным. В про-

шлом году или около того Лиза начала ныть, что этот район якобы недостаточно фешенебельный. Ну ее к дьяволу!

Хейм вновь ощутил невыносимую тоску, охватывавшую его всякий раз, когда он вспоминал о жене. У Лизы была своя жизнь, в которой не было места ему, ее отцу. Да это его и не особенно расстраивало.

Нет, непонимание между ними — всего лишь результат того, что у Лизы сейчас трудный возраст: четырнадцать лет. Только в этом должна быть причина. К тому же без матери... Вероятно, ему надо было жениться ради Лизы. Возможностей было хоть отбавляй. Но в большинстве случаев все оканчивалось, как... именно как случай... поскольку ни одна из женщин не была Конни. Или даже Мэдилон. Если только не считать Джоселин Лори, но она была безнадежно погружена в свое проклятое движение за мир, и вообще... А между тем он, возможно, совершал ошибку за ошибкой, в одиночку воспитывая Лизу. И во что теперь превратилось то маленькое трогательное существо с ямочками на щеках!

Хейм взглянул на часы и выругался. Давно пора было звонить Тваймену.

Вернувшись в кабинет, он подождал, пока секретарь соединит его с боссом и подключит экран. Не в силах усидеть на месте, он расхаживал по кабинету, притрагиваясь руками к книгам, к настольному компьютеру, к своим сувенирам, захваченным с улана «Звездный Лис», которым он когда-то командовал. Тяжело было расставаться с кораблем. После женитьбы он еще в течение года мог служить в военном флоте. Но это не решило бы проблемы, да и по отношению к Конни было бы нечестно. Хейм погладил рукой фотографию жены.

— В конце концов все образовалось, родная. Ты вполне стоила всего этого.

Раздался мелодичный звонок, и на осветившемся экране появилось лицо секретаря.

— Сенатор вас слушает,— сказал он.

Его изображение тотчас же сменилось изображением знакомой седой головы Тваймена. Хейм сел на краешек стула.

— Хелло, Гуннар,— сказал Тваймен.— Как жизнь?

— С переменным успехом,— ответил Хейм.— А у тебя?

— Представь себе состояние загнанной лошади, и ты меня поймешь. Конфликт с алеронами, сам знаешь.

— Угу, как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

Тваймена, как показалось, это встревожило.

— Я не могу сказать слишком много.

— Почему?

— Ну... ну, пока что, по сути дела, сказать особо нечего.

Их делегация находится здесь всего лишь третью неделю, если ты помнишь, так что никакие официальные дискуссии еще не проводились. Такова уж традиция дипломатии между различными расами. Приходится проделывать такую массу кропотливой работы по подготовке, проводить обмен информацией, семантические, ксенологические и даже эпистемологические исследования, прежде чем две стороны смогут пройти полпути к уверенности, что они говорят об одних и тех же вещах.

— Гарри, — сказал Хейм, — я не хуже тебя знаю, что все это — пустая болтовня. Неофициальные конференции благополучно проводятся и в данный момент. Когда Парламент встречается с алеронами, у вас — ребята, которые в курсе дела, — все трюки заготовлены наперед. Аргументы расставлены в нужном порядке, голоса подсчитаны, так что остается лишь тушить свет и отправляться на ратификацию, решение вы уже вынесли.

— Ну... как... нельзя же ожидать, скажем, чтобы представители империи Кении смогли понять нечто, настолько сложное...

Хейм вновь разжег трубку.

— Как бы там ни было, что вы собираетесь делать?

— Извини, но я не могу этого сказать.

— Почему же? Разве не является наша Федерация «демократией государств»? Разве не гарантирует ее Конституция свободного доступа к информации?

— Ты получишь столько информации, сколько тебе потребуется, — сухо сказал Тваймен, — когда мы начнем действовать на официальном уровне.

— Тогда будет слишком поздно, — вздохнул Хейм. — Не важно. Я могу подсчитать, сколько будет дважды два. Вы собираетесь уступить Новую Европу алеронам, не так ли?

— Я не могу...

— А это и не обязательно. Признаков, что так и будет, больше чем достаточно: главы государств, уверяющие свои народы, что для паники нет причин, мы не собираемся вступать в войну; политики и комментаторы, осуждающие «экс-

тремистов»; подавление любого намека на то, что может возникнуть вполне обоснованная причина для войны.

Тваймен рассвирепел.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я встречался с Андре Вадажем, — ответил Хейм.

— Кем? А, да. Этот авантюрист, который возомнил...

Послушай, Гуннар, некоторая опасность войны действительно существует. Я этого не отрицаю. В особенности Франция охвачена сейчас стремлением вооружаться, демонстрациями, забастовками, во время которых чернь буквально сдирает флаги Федерации и топчет их ногами. У нас и без того дел по горло, и не хватало еще того, чтобы такие чокнутые, как этот Вадаж, мутили воду и еще больше раздували страсти.

— Он не чокнутый. К тому же его правоту подтверждает само прошлое алеронов. Спроси любого из Военного флота.

— Именно так. — В голосе Тваймена послышалось упорство. — По мере того как мы вторгаемся в сферу их интересов, число конфликтов неизбежно возрастает. И вправду ли мы винить их в этом? Они совершали круизы в районе Феникса уже тогда, когда люди еще только обживали пещеры. Он принадлежит им.

— Однако Новая Европа им не принадлежит. Ее открыли люди, и они же основали там колонию.

— Знаю, знаю. Звезд так много... Вся беда в том, что мы всегда были алчными. Мы забрались слишком далеко и слишком быстро.

— Звезд много, — согласился Хейм, — но планет, пригодных для заселения людей, не такое уж великое множество. Они нам нужны.

— Алеронам тоже.

— Да? Какой же, интересно, им толк от планет человеческого типа? И даже если взять в масштабах, подобных нашим, прежде чем мы начали осваивать эту область?

— Массовая колонизация стала их ответом на наш вызов, — ответил Тваймен. — Что стал бы делать ты на их месте, если бы чужая культура начала осваивать планетарные системы, расположенные к Солнцу так близко, как Аврора к Эйфу? — Он откинулся назад. — О, не надо засорять мне мозги. Алероны — не святые. Иногда они даже ведут себя как злодеи, по нашим понятиям. Но нам приходится

быть с ними соседями в космическом пространстве. Война немыслима.

— Почему? — медленно спросил Хейм.

— Что? Гуннар, уж не свихнулся ли ты? А может, ты никогда не читал историю? И не видел Кратеров? И не понимаешь, каким тревожным звонком был Ядерный Обмен?

— Этот звонок был настолько тревожным, что с тех пор человеческая раса не в состоянии подходить к данному вопросу рационально, — отозвался Хейм. — Но мне приходилось изучать некоторые объективные анализы. И даже ты должен признать, что Обмен и его последствия избавили нас от неких идеологических правительств.

— Межзвездная война могла бы «избавить» нас от Земли!

— Чепуха. Планета с такой космической защитой, как у нас, не может быть атакована извне ни одним ныне существующим флотом. Любой луч был бы погашен, любая ракета перехвачена, любой корабль уничтожен.

— В отношении Новой Европы это не так, — сказал Тваймен. Он злился все больше.

— Нет, разумеется, нет. У Новой Европы нет ни космической крепости, ни собственного флота. Ничего, кроме нескольких улан и преследователей, оказавшихся поблизости, когда нагрянула армада алеронов.

— Не будь смешным, Гуннар. Это была всего лишь очередная стычка, которая, правда, вышла из-под контроля.

— То же самое говорят и алероны, — пробормотал Хейм. — Если это и в самом деле правда, почему ни один, хотя бы один, из наших кораблей не вернулся оттуда?

Тваймен проигнорировал этот вопрос.

— Мы никогда не сможем точно узнать, кто сделал первый выстрел. Но можно быть уверенным в том, что алероны не стали бы атаковать Новую Европу ракетами, если бы наш корабль и командующий не попытались заманить их корабль вниз, в атмосферу, дабы сделать из них бифштекс, запеченный в тесте. Какая еще могла быть для этого мыслимая причина?

«Если бы Новая Европа и в самом деле была атакована ракетами, — подумал Хейм. — Но этого не было».

Чтобы справиться со своим негодованием, сенатор некоторое время помолчал, затем продолжал почти ласково:

— Весь этот эпизод в целом продемонстрировал, насколько невыносимой стала ситуация и насколько далеко

все может зайти, если мы не остановимся, пока еще не поздно. И за что мы хотим сражаться? За несколько несчастных планеток? Единственное, что от нас требуется, — это оставить в покое традиционную сферу влияния алеронов, и тогда вся остальная Галактика будет открыта для нас. Драться из мести? Ну, разумеется, невозможно проигнорировать факт гибели полумиллиона человеческих существ, но остается также тот факт, что все они мертвы. Я не хочу, чтобы за их жизнями последовали другие.

— Хорошо, — так же спокойно ответил Хейм, — что же вы собираетесь делать?

Тваймен пристально посмотрел на него, прежде чем ответить.

— Ты — мой друг, и я могу рассчитывать на то, что ты не станешь болтать. И на то, что окажешь мне поддержку, когда — сам знаешь. Идет?

— Насчет секретности... ну... да. А вот насчет поддержки... Там видно будет. Продолжай.

— Детали все еще обсуждаются. Но алероны предлагают нам за Новую Европу компенсацию. Вполне приличную. Кроме того, они были бы не против откупиться и от других наших интересов в Фениксе. Окончательно условия договора еще придется утвердить — вероятно, они не смогут заплатить все сразу, — но проект выглядит неплохо. Если мы покинем их сферу, они сделают то же самое в отношении околосолнечного пространства. Но, как ты, надеюсь, понимаешь, мы не собираемся возводить никаких стен. Мы будем обмениваться послами и миссиями культуры. В свое время будут обсуждены и условия торговли. Ну вот. Тебя это удовлетворяет?

Хейм посмотрел в глаза человеку, который, как он когда-то считал, был честен сам с собой, и сказал:

— Нет.

— Почему нет? — как можно мягче спросил Тваймен.

— С точки зрения будущего, ваш план не принимает во внимание натуру алеронов. Они будут уважать наши интересы в Солнечной системе ровно столько времени, сколько им потребуется для укрепления своей сферы, которую вы сейчас собираетесь им уступить ни за что ни про что. Да-да, именно ни за что ни про что, потому что, пока не заключен договор о торговле — а он, я полагаю, никогда не будет заключен, — каким образом сможем мы использовать всю ту

валюту, которую они столь великодушно собираются нам всучить в качестве компенсации?

— Гуннар, я знаю, что несколько твоих друзей погибло от рук алеронов и это вызвало у тебя нелюбовь к ним.

— Вся беда в том, Гарри,— позаимствовал Хейм мысли Вадажа,— что нелюбовь и в самом деле существует. Ты живешь словно во сне. Ты настолько поглощен идеей избежать войны, что все остальное совершенно не берешь во внимание. В том числе и честь.

— Что ты хочешь этим сказать? — требовательно спросил Тваймен.

— Новая Европа не была атакована ракетами. Колонисты не погибли. Они укрылись в горах и ждут, когда мы придем им на помощь.

— Это не так!

— Доказательство лежит здесь, прямо на моем столе.

— Ты имеешь в виду документы, подделанные этим... бродягой?

— Документы не поддельные. И это можно доказать. Подписи, отпечатки пальцев, фотографии, да хоть сами коэффициенты изотопов в пленке, изготовленной на Новой Европе. Гарри, я никогда не думал, что ты можешь продать полмиллиона человек.

— Я отрицаю, что я это делаю,— ледяным тоном произнес Тваймен.— Вы фанатик, мистер Хейм, вот и все. Даже если бы то, что вы говорите, было правдой... как вы представляете себе спасение хотя бы одного человека на планете, которая оккупирована и имеет космическую охрану? Но это неправда. Я говорил с теми, кто остался в живых и кого алероны доставили сюда. Должно быть, вы сами видели их по стереовизору. Они подтверждают факт ракетной атаки.

— Хм. А ты помнишь, откуда они были?

— Из района Сюр д'Ивонн. Все остальные уничтожены.

— Это алероны так говорят,— возразил Хейм.— И спасенные тоже так считают. Все, кто так не считает, были отсортированы во время опроса. Я утверждаю, что Сюр д'Ивонн был единственным местом, куда ударила ядерная ракета. Я утверждаю также, что мы сможем бороться, если таковым будет наш долг, и сможем победить. Только космическая война. Я не собираюсь нести чушь насчет «атаки неприступного Алерона», которую ваши дрессированные комментаторы неустанно вкладывают в наши умы, «умы

экстремистов», к тому же Земля в не меньшей степени неприступна. Далее я утверждаю, что, если мыотреагируем быстро и в полную силу, нам, вероятно, можно будет избежать войны — алероны пойдут на попятный. Они недостаточно сильны, чтобы задирать перед нами нос... пока. Наконец, я утверждаю, что если мы оставим в беде этих людей, которые верят в нас, что все, что алероны в конечном счете сделают с нами, будет вполне заслуженно. — Он набил свою погасшую трубку. — Таково мое мнение, сенатор.

Тваймен, дрожа от ярости, ответил:

— Тогда мое слово, Хейм, будет таким: мы переросли этот вид саблезубого милитаризма, и я не собираюсь допускать, чтобы нас тащили назад, опять на тот же уровень. Если ты настолько ослеплен, что станешь разглашать все, рассказанное тебе мной в частной беседе, я тебя уничтожу. В течение года ты окажешься в районе Благоденствия или на исправлении.

— О нет, — сказал Хейм, — я всегда держу клятву. Факты сами скажут тебе. Мне достаточно лишь указать на них.

— Давай-давай, если тебе хочется лишиться денег и репутации. Ты станешь таким же посмешищем, как и остальная воинствующая толпа.

Ошеломленный Хейм криво усмехнулся. В течение последних недель, после новостей с Новой Европы, он видел, что сделали средства массовой информации с теми, кто говорил так же, как он сейчас. Точнее говоря, с теми, кто пользовался влиянием и кого поэтому стоило опорочить. Простые люди, не имевшие отношения к политике, были не в счет. Ученые мужи попросту заявили, что Всемирное Мнение требует мира. Однако, прислушавшись к разговорам немалого числа людей, от инженеров и физиков до космических чернорабочих и механиков, высказывавших свое мнение, Хейм усомнился, что Всемирное Мнение было передано правильно. Но он не видел никакого способа доказать это.

Может быть, провести голосование? Нет. В лучшем случае результаты напугали бы лишь нескольких профессоров, которые быстро пришли бы к выводу, что оно было основано на ложных статистических данных, да нескольких студентов этих профессоров, которые организовали бы демонстрацию, требуя осуждения монстра по фамилии Хейм.

Пропаганда? Лавирование? Общество Поля Риверы?.. Хейм тряхнул головой и ссутулился.

Лицо Тваймена смягчилось.

— Прости, Гуннар, — сказал он. — Ты ведь знаешь, я по-прежнему твой друг. Независимо от того, куда пойдет очередное денежное пожертвование твоей компании. Звони в любое время. — Поколебавшись, он решил добавить только «пока» и исчез с экрана.

Хейм подошел к своему письменному столу, чтобы взять хранившуюся там бутылку. Пока он доставал ее, его взгляд упал на модель «Звездного Лиса», которую подарил ему экипаж улана при уходе в отставку. Она была сделана из стали, оставшейся от боевого корабля алеронов, в который улан засадил атомную торпеду в бою у Акернара.

«Интересно, используют ли алероны наши подбитые корабли в качестве трофеев?»

Хм. Странно. Прежде я никогда не думал об этом. Усевшись в кресло, Хейм положил ноги на стол и поднес бутылку к губам. А почему бы мне не загнать в угол одну из их делегаций и не спросить у них об этом?

Он чуть не захлебнулся виски и сплюнул; его ноги сползли со стола на пол, и он не заметил этого. Последняя мысль слишком озадачила его. Почему бы и нет?

Глава 3

На потолке отражался слабый свет красного карликового солнца, отбрасывавшего кроваво-красные блики на листья, побеги ползучих растений и медленно закрывавшиеся цветы. Там, где растения образовывали особенно густой полог, стояли земные приборы: телефон, стереовизор, компьютер, диктофон, инфотрив, кубики обслуживания, аппарат для контроля окружающей среды — и все это являло собой крайне неуместное здесь зрелище. Тишина была столь же глубокой, как и пурпурные тени вокруг. Синби ждал, не двигаясь.

Камера декомпрессии завершила свой цикл, и Гуннар Хейм вышел наружу. Сухая разреженная атмосфера обожгла ему горло. Но он почти не заметил этого, настолько ошеломительным показались ему запахи. Он не мог определить, какой из них — сладкий, острый, едкий, мускусный — ис-

ходил от какого растения, множество которых росло от стены до стены, подымаясь до самого потолка и вновь изгибаясь книзу водопадом голубовато-стальных листьев, там и сям взрывающихся фейерверком оранжевых, розовых, алых, черных и фиолетовых цветов. Пониженная гравитация, казалось, заставляла голову слегка кружиться, что было весьма неприятно и непривычно для Хейма. Перистый мох пружинил под ногами, точно резина. Было тепло, как в тропиках. Хейм чувствовал, как инфракрасные лучи нагревают кожу. Он остановился и огляделся вокруг. Наконец его глаза привыкли к необычному освещению, какое могли бы дать тлеющие угли в догорающей печи. И все же детали очертаний, столь непривычных для Земли, он разглядел далеко не сразу.

— Имбак дистра? — неуверенно произнес он. — Мой повелитель?

Его голос дрогнул в этом разреженном воздухе.

Синби рю Тарен, Интеллектуальный Властитель Сада Войны, адмирал флота и военный специалист Главной Комиссии Посредников, семенящими шажками выступил из-под деревьев.

— Добро пожаловать, — пропел он. — Так, значит, вы понимаете Высокую Речь?

Хейм сделал приветственный поклон, в этике алеронов означавший, что он, индивидуум высокого положения, приветствует другого индивидуума, занимающего иное, но равное по высоте положение.

— Нет, мой повелитель, о чем весьма сожалею. Лишь несколько фраз. Для любого представителя моей расы язык этот очень труден.

Прекрасный голос Синби охватывал музыкальный диапазон, до сих пор неведомый человеку.

— Не желаете ли присесть, капитан Хейм? Я могу распорядиться насчет чего-нибудь освежающего.

— Нет, благодарю, — сказал он, поскольку не хотел терять определенного психологического преимущества, которое давал ему его рост, да и пить вино врага тоже было не в его привычках. Внутренне он был озадачен. «Капитан Хейм?» Откуда его имя было известно Синби? И сколько ему было известно?

Времени для наведения справок было достаточно, поскольку с момента запроса данной аудиенции прошло уже

два дня. Но разве можно было предположить, что сверхповелитель алеронов так заинтересуется простым индивидуумом? Вполне возможно, что просьба Хейма была удовлетворена под нажимом Гарольда Тваймена, а не по какой иной причине. Сенатор твердо верил в полезность дискуссий между оппонентами. Любых дискуссий. «Мы можем сесть в лужу, но, по крайней мере, мы сделаем это, разговаривая», — таков был его неосознанный девиз.

— Надеюсь, ваше путешествие было приятным? — ханжеским голоском осведомился Синби.

— О... в общем да, мой повелитель, особенно если учесть, что я обожаю тщательные обыски и путешествие с завязанными глазами.

— Весьма сожалею, но это вызвано необходимостью держать в тайне местонахождение нашей делегации, — кивнул Синби. — Ведь ваши фанатики...

Последнее было произнесено полуторатоновым глиссандо, в котором звучало столько презрения, что Хейм и не подозревал о таких возможностях.

— Да. — Хейм с трудом взял себя в руки. — В вашей цивилизации массы лучше... контролируются.

Смех Синби рассыпался, словно весенний дождь.

— Вы меткий стрелок, капитан.

Он приблизился, двигаясь, точно неуклюжий кот.

— Вы не против прогуляться по моему лесу, пока мы с вами будем беседовать? Возможно, вам не случалось попадать в список тех немногочисленных людей, которые когда-либо ступали на землю алеронов.

— Да, мой повелитель, сожалею, но не имел этого удовольствия.

Синби остановился. Мгновение они рассматривали друг друга в сумрачном свете. И Хейм в это время думал лишь о том, насколько красивы алероны.

Длинные ноги, слегка наклоненное тело высотой 150 сантиметров, грудь такая же сильная и талия такая же тонкая, как у борзой, хвост — противовес, находящийся в постоянном движении, иногда едва заметном, — все это вызывало невольное восхищение. Как сверкал лоснящийся мех, отражая крошечные блики света, как уверенно опирались о землю три длинных пальца обеих пальцеходящих ног; какими грациозными были жесты рук; как гордо поднята была тонкая шея. Мало кто из людей мог бы позволить себе

одеться подобно Синби в цельнокроеный покров из металлической сетки, закрепленный на шее, запястьях и лодыжках с помощью полированных медных застежек. Такой наряд слишком многое оставлял неприкрытым.

Однако голова алерона могла кого угодно привести в замешательство. меховой покров кончался на шее, а лицо Синби — цвета мрамора, с огромными глазами под изогнутыми бровями, с маленьким носом, ярко-красными губами, широкими скулами и узким подбородком — могло бы походить на лицо женщины. Правда, не совсем: различие было в одной детали, и эта деталь была людям не свойственна. Между остроконечными ушами Синби вдоль спины и до половины хвоста струилась грива волос, густых и шелковистых, золотисто-медового цвета. Человек, который стал бы глядеть в это лицо слишком долго, рисковал забыть о прилагавшемся к нему теле.

«И мозг», — мысленно добавил Хейм.

Опустившаяся мигательная перепонка на миг скрыла изумрудный цвет кошачьих глаз с длинными ресницами. Он улыбнулся, продолжая приближаться к Хейму, и взял его за руку. Три двухсуставчатых и один большой палец сомкнулись в осторожном пожатии.

— Идемте, — пригласил алерон.

Хейм пошел рядом с ним в темноту под деревьями.

— Мой повелитель, — произнес он охрипшим голосом, — я не хочу отнимать у вас время. Давайте поговорим о деле.

— Быть по сему, капитан. — Свободной рукой Синби ударил о фосфоресцирующую ветку.

— Я здесь по поводу новоевропейцев.

— По поводу мертвых, которых уже оплакали? Мы произвели репатриацию оставшихся в живых, и они, должно быть, давно в безопасности.

— Я имею в виду живых, которые остались на планете. А это почти все население Новой Европы.

— Ах-х-х, — выдохнул Синби.

— Сенатор Тваймен, должно быть, предупредил вас о том, что я подниму данный вопрос.

— Это так. Однако он заверил, что никто не верит вашему голословному утверждению.

— Большинство его сторонников просто не решаются поверить в это. А те, кто поверил, не решаются в этом признаться.

— Подобное обвинение могло бы подвергнуть опасности мирные переговоры.

Хейм не смог уловить, какая степень насмешливости прозвучала в замечании Синби. Споткнувшись в темноте о что-то невидимое, он выругался и с облегчением увидел, что они выходят из зарослей на небольшую лужайку, усыпанную цветами. Впереди возвышалась внутренняя стена, на которой были расположены полки с сотнями книг — не только длинные и узкие фолианты алеронов, но и многочисленные древние земные книги. Хейм не мог разобрать их названий. Соседняя комната апартаментов, в которую вел вход под аркой, была ему не видна, но он слышал, что где-то рядом плещет фонтан.

Хейм остановился и, глядя прямо в лицо алерону, сказал:

— У меня есть доказательства, что Новая Европа не была полностью очищена от людей, говоря конкретно, они отступили в горы и продолжают сопротивление вашим оккупационным силам. Свидетельства этого находятся в надежном месте...

«Боже, не слишком ли мы мелодраматичны?» — подумал Хейм и продолжил:

— ... и я планировал опубликовать их. Что было бы, как вы справедливо заметили, несколько не ко времени для участников вашей конференции.

В глубине души он таил почти отчаянную надежду на то, что алерон недостаточно хорошо знаком с фактами жизни на Земле, чтобы понять, насколько безнадежна была эта угроза. Однако по лицу Синби понять это было невозможно. Все, что он себе позволил, — это лишь невозмутимо приподнять уголки рта, а затем последовал ответ:

— У меня такое впечатление, будто вы решили пойти по другому пути, капитан.

— Это зависит от вас, — отозвался Хейм. — Если вы репатрируете всех людей, оставшихся на Новой Европе, я отдам вам все вышеуказанные документы и не скажу более ни слова.

Синби отвернулся, сделав вид, будто его заинтересовал побег какого-то выходящего растения. Лиана обвилась вокруг его руки и потянулась цветами к его лицу.

— Капитан, — проговорил он наконец, — вы неглупый человек. Допустим, вы искренне верите в то, что говорите. Но если даже так, то каким образом мы могли бы заставить

подойти к своим кораблям охваченных яростью людей, скрывающихся в горах?

— Они сражаются, поскольку ждут помощи. Если бы представитель французского правительства приказал им вернуться сюда, они бы подчинились. Переговоры можно провести с помощью радио.

— Но разве согласилась бы Франция действовать подобным образом?

— У нее бы не было выбора. Вы должны знать лучше меня, что большинство в Федерации не желает отстаивать свои права на Новую Европу. Пожалуй, единственное, что могло бы спровоцировать вооруженный конфликт — это насилие над колонистами. Дайте им вернуться на Землю невредимыми — и... вы одержите свою чертову победу.

— Возможно.— Свет красноватой рябью скользнул по роскошной гриве Синби, когда тот кивнул в ответ на слова Хейма. Он по-прежнему не поднимал глаз от цветов.— Но после? — тихо пропел он.— После?

— Я знаю,— сказал Хейм.— Новоевропейцы были бы живым доказательством вашей лжи — лжи не только о них самих, но о сражении. Доказательством того, что все произошло не потому, что какой-то воинствующий помешанный нажал на спусковой крючок, а потому, что ваше нападение было вами заранее подготовлено.— Хейм ощутил во рту какой-то мерзкий привкус и, сглотнув, продолжал: — Почитайте земную историю, мой повелитель. Вы поймете, что мы, люди, относимся к подобным вещам не столь серьезно, сколь могли бы. Ложь считается нормальным явлением в дипломатии, и несколько потерянных кораблей, несколько убитых людей — это мелочи жизни. Если хотите, эта ваша уступка только укрепит партию мира. Смотрите же, скажут сторонники мира, алероны не такие уж плохие, с ними можно иметь дело, наша политика спасла жизнь оставшимся на Новой Европе и помогла избежать дорогостоящей войны.

На этот раз женственное лицо наконец повернулось, и несколько мгновений сияющие глаза смотрели на Хейма. Он почувствовал, как тяжело забилося сердце. Плеск фонтана, казалось, умолк, а горячая красноватая мгла стусилась вокруг.

— Капитан,— пропел Синби таким низким голосом, что его почти не было слышно,— Эйф — древнее светило. Ци-

вилизированные алероны возникли за миллион лет до вашей цивилизации. Мы не стремимся сделать свою империю слишком обширной, ибо это могло бы разрушить старый, устоявшийся порядок. Наши Странники отправлялись в дальние скитания, а наши Умы размышляли. Возможно, в разнообразных проявлениях судьбы мы мудрее, чем какой-либо беспечный пришелец. Возможно, мы постигли вашу собственную сущность глубже, чем вы сами.

Я сказал «после». Это слово приобретает иной вес, если отзывается сквозь миллион лет. Я имел в виду не десятки лет, не поколение, не век. Я смотрю дальше в будущее.

Пусть в пределах этих стен все, что вы говорите, будет правдой. Тогда признайте, что правдой является также и то, что алероны не могут доставить сюда полмиллиона индивидуумов, чтобы они пропитали свою расу ненавистью.

Если бы они сдались, все было бы иначе. Мы сообщили бы на Землю, что эта битва была скорее случайной, чем спровоцированной, и что теперь мы должны иметь свою собственную сферу, где не будет никаких чужаков. И те ваши колонисты, которые пожелали бы остаться, могли бы это сделать, если бы приняли подданство Алерона. Мы предложили бы провести инспекцию, с тем чтобы Земля смогла убедиться в том, что ее колонисты не подвергаются притеснениям. Поскольку столь небольшие владения, окруженные чужой территорией, не имеют особого значения, алероны нашли бы способ осуществить их интеграцию с остальной своей цивилизацией: способ этот не такой уж быстрый с точки зрения времени, очень тонкий, но в то же время вполне, вполне надежный.

Внутри этих стен я могу признаться, что колонисты не пожелали сдаться. И даже если бы мы смогли захватить их живыми, а сделать это на планете, о которой идет речь, невозможно, — даже тогда они могли бы принять подданство Алерона. А пленные, которые представляли бы собой постоянную опасность и вечно сохраняли бы надежду на то, что Земля их освободит, нам не нужны. Тем не менее, если бы Франция как таковая приказала им вернуться домой, они восприняли бы это как предательство тех, кто не сдался, и стали бы добиваться, чтобы в правительство Федерации вошли более смелые мужчины. Я смотрю в будущее и вижу, как они обвиняют сторонников миролюбивой политики — да, да, капитан, именно это, неуловимое и непостижимое, и

движет вашу историю; вы относитесь именно к этому типу животных. Действительно, войны за возвращение Новой Европы могло бы и не быть. Ваши лидеры отлично понимают: что с возу упало, то пропало. Так, кажется, принято у вас говорить? Но когда возникает другой спорный вопрос... ах-ах.

«Так значит очередной спорный вопрос все же должен возникнуть,— подумал Хейм.— Ничего такого, о чем бы я уже не догадался, он не сказал. Однако хотелось бы знать, когда у них запланирован второй кризис. Возможно, я до него уже не доживу. Но Лиза, безусловно, станет его очевидцем».

Когда он заговорил, собственный голос, бесстрастный и далекий, показался ему чужим, словно говорил не он, а кто-то другой.

— Так, значит, вы не собираетесь признать тот факт, что колонисты живы? И что вы станете делать? Постепенно вылавливать их?

— Я командую воздушными силами, капитан, а не наземными войсками.— К удивлению Хейма, ресницы Синби затрепетали, и он опустил взгляд на свои руки. Пальцы их плотно сжались.— Я и так уже сказал вам больше, чем положено. Но если уж на то пошло, я не принадлежу к числу «старых» алеронов. Мой тип индивидуумов появился после того, как с Земли начали прилетать корабли чужаков. И... я был у Акернара.— Он поднял глаза.— Капитан «Звездного Лиса», пожмете ли вы мне на прощание руку по земному обычаю?

— Нет,— сказал Хейм. Повернувшись на каблуках, он зашагал в направлении камеры декомпрессии.

Глава 4

Сопровождавший его эскорт из рядовых Мирного Контроля развязал ему глаза и выпустил из официального флайера в Порт-Джонсон, в Делавэре. Кружной маршрут, которым они летели, занял больше времени, чем ожидал Хейм. Свидание с Кокелином могло не состояться. Он поспешил вскочить в бас, направлявшийся к гражданским гаражам; протолкнувшись сквозь толпу у входа, он обнаружил, что всю дорогу придется стоять.

Ярость его утихла за те часы, что он сидел, слепой, во флайере, обмениваясь банальностями с честным молодым офицером из своей охраны (— Синоптики явно проворонили последний ураган, как по-вашему?... — Да, с Новой Европой дела плохи, но в то же время мы переросли такие вещи, как империализм и месть, не так ли? — В любом случае Галактика велика... — Я так завидую вам, вы весь космос повидали. — Нам, конечно, по долгу службы тоже приходится путешествовать в разные уголки Земли, и ее люди с каждым годом становятся все больше похожими друг на друга) или погружившись в свои собственные мысли. Хейм не надеялся достичь каких-то заметных результатов во время встречи с алероном. Эта попытка была не чем иным, как простым выполнением долга.

Сумрачное настроение не покидало его.

«Не представляю, что мне удастся сделать в Париже», думал он.

Мужчина в потрепанной одежде, настроенный весьма агрессивно, без всякой причины толкнул Хейма. Тот сдержался с большим трудом — он ненавидел скопища людей — и не стал отвечать взаимной грубостью. Нельзя было винить беднягу за то, что он враждебно относился к человеку в дорогой одежде, выдававшей в нем принадлежность к техно-аристократии.

Вот почему мы должны осваивать космос, в тысячный раз сказал себе Хейм. Простор. Возможность выбраться из этой ужасающей земной сутолоки, чувствовать себя свободно, быть самим собой, испробовать новые способы жить, работать, мыслить, творить, удивляться. На Новой Европе на каждого из полумиллиона людей приходится больше счастья, чем когда-либо мог бы представить любой из десяти миллиардов землян.

Что это в них такое? Страх? Инерция? Отчаяние? Простое, старое, как мир, невежество? Что заставляет их проглотить эту болтовню насчет того, что вся остальная Вселенная открыта для нас? Потому что это пустая болтовня. Планет, пригодных для заселения, не так уж много. И большинство из тех, что известны, имеют своих разумных аборигенов; остальные же большей частью колонизированы другими. Хейм не хотел, чтобы его расу принудили к крайней мере безнравственности — отбирать у кого-то по праву принадлежащие ему владения.

Хотя вопрос с Фениксом имел еще более важную подоплеку. Утрата мужества. История неоднократно доказывала, что уступка несправедливому требованию ради еще нескольких лет мира всегда была первым шагом к последующим уступкам. Принятие весьма порочного принципа «сфер интересов». В космосе не должно быть никаких границ. И, разумеется, самодовольная глупость: категорический отказ ознакомиться с документами, доказывающими, каковы на деле намерения алеронов в отношении Земли; положительная готовность предоставить врагу время и ресурсы, необходимые ему для подготовки очередного вторжения.

Но что мог сделать со всем этим один человек?!

В гараже Хейм затребовал свой флайер, с беспокойством и раздражением подозревая, что Служба Движения сделает все от несе зависящее, чтобы задержать его отлет. И в самом деле, прошло немало времени, прежде чем он с облегчением услышал звук двигателя своей машины. Сначала он включил ручное управление, чтобы ощутить удовлетворение от того, что наконец-то сам может что-то сделать, дабы поскорее убраться отсюда. Гравитроны его «Мунрейкера», сделанные по заказу, имели достаточную мощность, чтобы поднять его высоко в стратосферу. В остальном флайер ничем не отличался от других подобных машин. Хейм был абсолютно равнодушен к земным благам. Поручив автопилоту доставить его в Орли, он принял длительную горячую ванну, достал из холодильника мясо, приготовил ужин и вырубился на пару часов.

Часовой механизм разбудил его «Увертюрой легкой кавалерии» и преподнес кофе. Надев чистую одежду — нечто официальное, с золотом по воротнику и вдоль брюк, — Хейм приготовился к выходу: флайер уже заходил на посадку. Мгновение он колебался, не взять ли с собой оружие, поскольку при нем был пакет Вадажа. Но нет, это могло возбудить больше недоверия, чем того стоило. Если здесь тоже ничего не выйдет, Хейм сомневался, будут ли иметь смысл дальнейшие хлопоты в отношении Новой Европы. Что тогда можно будет предпринять? Разве что напиться до поросячьего визга и отправиться в эмиграцию на какую-нибудь особенно удивительную, удаленную планету.

Зайдя в канцелярию Доуэйна, он предъявил свою идентификационную карточку и получил разрешение на пребывание в течение тридцати дней. Франция, менее перенесе-

ленная, чем большинство других стран, весьма неохотно принимала чужаков. Но сейчас служащий буквально растаял, лишь только прочел имя Хейма.

— Ах, да, месье, мы предупреждены о том, что будем иметь счастье принимать вас. Машина к вашим услугам. Желает ли месье сделать распоряжение насчет багажа? Нет? Вьен, сюда, пожалуйста, и позвольте пожелать вам приятного путешествия.

Весьма ошутимый контраст по сравнению с тем, какой прием был оказан Андре Вадажу. Но ведь он всего лишь гениальный музыкант. А Гуннар Хейм возглавляет широко известный промышленный концерн и приходится пасынком Курту Вингейту, заседающему в правлении «Дженерал нуклеонис». Если Гуннар Хейм просит разрешения на конфиденциальную беседу с Мишелем Кокелином — главой французского правительства во Всемирном Парламенте, — что ж, разумеется, разумеется.

И тем не менее он выбился из расписания. Тваймен ударился в крайность, когда, решив угодить Хейму, устроил ему встречу с Синби. Однако торговцы миром, без сомнения, послали своих агентов следить за ним, так что, если не поторопиться, они могут найти способ воспрепятствовать его дальнейшему расследованию.

Машина въехала в Париж по земле. Голубые сумерки сгущались, превращаясь в ночь. Деревья вдоль бульваров роняли пожелтевшие листья, которые яркими брызгами осыпались на величавые старые стены Барона Хайсманны и шуршали под ногами хорошеньких девушек, прогуливавшихся под руку со своими кавалерами. Открытые кафе, как обычно в этот сезон, пустовали. Хейм был рад этому. Париж мог бы заставить его вспомнить о слишком многом.

Машина остановилась возле Кэ д'Орсэ, и Хейм вышел. Слышно было, как под пронизывающим холодным ветром плещется Сена; если не считать этого, вокруг было тихо. Машина ехала, и казалось, что шум большого города совершенно отсутствовал здесь. Но свет, поднимавшийся в небо, скрывал звезды.

У входа стояли часовые. Их лица над хлопающими на ветру накидками застыли в напряжении. Вся Франция была сейчас в напряжении и ожесточении. По длинным коридорам — в этот поздний час здесь все еще работало немало людей — Хейма провели в приемную Кокелина.

Министр отодвинул в сторону стопку бумаг, встал, чтобы приветствовать гостя.

— Здравствуйте,— сказал он. Голос был усталый, но по-английски этот человек говорил безупречно. Это было кстати, с годами Хейм почти совсем забыл французский язык. Кокелин жестом указал на потертое, но, судя по всему, очень удобное кресло рядом с собой.

— Садитесь, пожалуйста. Не хотите ли сигарету?

— Нет, спасибо, я курю трубку.

Хейм вынул трубку из кармана,

— Я тоже.— Кокелин улыбнулся, его лицо собралось в крупные морщины, затем сел и принялся набивать еще более потрепанную, чем у Хейма, старую курительную трубку из корня эрики.

Он был невысок, но мощного телосложения, с бесстрастным выражением лица, лысый, с высоким большим лбом и очень твердым взглядом карих глаз.

— Ну, мистер Хейм, чем могу быть вам полезен?

— М-м... Это касается Новой Европы.

— Я так и думал.— Улыбка исчезла.

— По моему мнению...— Хейму показалось, что это звучит слишком напыщенно.— Месье Кокелин,— снова начал он,— мне кажется, Земля должна сделать все необходимое, чтобы вернуть Новую Европу.

Раскурив трубку, Кокелин сантиметр за сантиметром осмотрел лицо своего собеседника.

— Благодарю вас за это,— произнес он наконец.— Мы здесь, во Франции, чувствовали себя одинокими в этом мнении.

— У меня с собой некоторые материалы, которые, возможно, могли бы пригодиться.

Кокелин сделал едва заметный вдох сквозь зубы.

— Будьте любезны, продолжайте.

Пока Хейм говорил, он сидел, сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица, курил и неотрывно смотрел на своего собеседника. Лишь один раз он прервал его:

— Синби? Ах да, я с ним знаком. Это тот, которого разместили в... Нет, пожалуй не стоит говорить, официально считается, что мне это неизвестно. Продолжайте.

Когда Хейм закончил, Кокелин открыл пакет, достал несколько пленок, вставил их во вьюер, стоявший у него в комнате. Тишина, казалось, готова была взорваться. Хейм,

подобно вулкану, пускал клубы дыма, смотрел через окно в темноту и слушал биение собственного сердца.

Наконец Кокелин пробормотал:

— Слухи об этом доходили до меня.

Меняя позу, Хейм пошевелился в кресле так, что оно застонало.

Наступила еще одна пауза, после чего Кокелин продолжал:

— Насколько я понимаю, вы и Вадаж готовы вступить в Легион Чести. Что бы ни случилось.

— А что должно случиться? — спросил Хейм. Челюсти заняли — так сильно он их сжал, сидя в ожидании приговора Кокелина.

Тот пожал плечами.

— Вероятно, ничего, — сказал он скучным голосом. — Они явно настроены купить то, что у них называется «миром».

— О да, вы ведь, должно быть, в курсе. Так что я могу сказать вам, что тоже знаю их план.

— Отдать алеронам Новую Европу? Хорошо, мы можем говорить открыто. Естественно, для меня вопрос чести — не разглашать обсуждение вопроса и решения до тех пор, пока мои коллеги по комитету не будут в полном единодушии относительно этого вопроса, и если бы я нарушил данную мною клятву, это было бы с моей стороны весьма легкомысленным поступком с гибельными политическими последствиями, поэтому я бесконечно рад заполучить в качестве собеседника по данному вопросу человека со стороны. — Кокелин провел рукой по глазам. — Но мы не так уж много можем сказать друг другу, нет?

— Ну почему же! — воскликнул Хейм. — В время очередного официального заседания вы можете представить эти материалы Парламенту вместе с научными подтверждениями их подлинности. Вы можете спросить их, могут ли они рассчитывать на избрание после продажи стольких человеческих существ.

— Да, да. — Кокелин смотрел на свою трубку, в которой огонь то разгорался, то угасал, то разгорался, то угасал. — Кое-кто скажет, что я лгу. Что мои доказательства подделаны, а мои ученые подкуплены. Остальные скажут: «Увы, это ужасно, но — полмиллиона людей? Ведь несколько ракет, если бы они ударили по наиболее густонаселенным

центральным частям Земли, могли бы уничтожить в двадцать раз, в сотню раз больше; к тому же мы не имеем права на территорию планеты Феникса; и ничего не останется делать, как только подружиться с алеронами, иначе нам придется ожидать войны, которая продлится десятилетия; так что мы можем лишь сожалеть о наших людях, оставшихся там, но помочь им мы не в силах». — Он криво усмехнулся. — Полагаю, в их честь воздвигнут монумент «Принесенные в жертву миру».

— Но это же нелепо! Земля не может быть атакована. А если даже и может, значит, то же самое относится и к Алерону, и они не станут провоцировать это нападение, зная, что мы вдвое сильнее их. Одна-единственная флотилия хоть сейчас выбьет их из системы Авроры.

— Половина Военного флота была отозвана для защиты внутренних территорий. Другая половина рассредоточена вдоль спорной полосы и ведет наблюдение за флотом алеронов, который тоже курсирует в этом районе. Даже некоторые из адмиралов, с которыми я советовался, не желают выделять флотилию для Авроры. Как вам, должно быть, известно, месье, каждой из сторон совсем не обязательно иметь большое количество кораблей, когда одно-единственное судно с ядерным вооружением обладает такой разрушительной способностью.

— Стало быть, мы сидим сложа руки? — прокрипел Хейм. — Да в данный момент даже один корабль мог бы... мог бы нанести серьезный урон противнику. Пока что у них наверняка нет больших сил в районе Авроры. Но дайте им год или два — и они сделают Новую Европу такой же неприступной, какой является Земля.

— Я знаю. — Кокелин обернулся вокруг на своем вращающемся кресле, положил руки на стол и втянул голову в плечи. — Я буду спорить. Но... сегодня я чувствую себя стариком, мистер Хейм.

— Бог мой! Если Федерация не желает действовать, то как насчет самой Франции?

— Невозможно. Согласно Конституции, мы в качестве отдельной страны не вправе даже вести переговоры с какой-либо внеземной цивилизацией. Нам не разрешается иметь никакой вооруженной силы, никакой военной машины, кроме той, что не превышает уровня полиции. Это находится в компетенции только властей Мирного Контроля.

— Да, да, да...

— Фактически...— Кокелин взглянул на Хейма. На одной щеке у него дергался мускул.— Теперь, когда я думаю о том, что вы мне принесли, об этих документах, я не знаю, стоит ли мне предавать их гласности.

— Что?

— Подумайте сами. Франция и так достаточно взбаламучена. Стоит только допустить, чтобы стала известна вся правда, включая предательство,— и я не беру на себя смелость предсказывать, каковы могут быть последствия. Да и самой Федерации это повредит еще больше, чем Франции. Лояльность по отношению к Федерации следует ставить превыше всего. Земля слишком мала для национального суверенитета. А ядерное оружие слишком могущественно.

Хейм смотрел на склоненную голову, и бушевавшая в нем ярость, казалось, готова была разорвать его в клочья.

— Я бы сам полетел туда! — крикнул он.

— Это было бы пиратство,— вздохнул Кокелин.

— Нет... Пойдите, пойдите.— Хейм вдруг все понял. Он вскочил.— Каперство. Когда-то давным-давно существовали военные корабли, принадлежавшие частным владельцам.

— Э, да вы, я вижу, кое-что читали по истории.— Кокелин немного ожил. Он сел прямее и вмиг насторожившимся взглядом оглядел огромную фигуру напротив.— Но я читал больше. Каперство было объявлено вне закона еще в девятнадцатом веке. И даже страны, не подписавшие этот пакт, соблюдали запрет, пока он не стал частью интернационального закона. Допустим, в Федеральной Конституции не упоминается столь архаичный вопрос. И все же...

— То-то и оно! — взревел Хейм, или это кричал демон, пробудившийся в нем.

— Нет, нет, стоит только пренебречь законом — и тут же появится стража Мирного Контроля. Я слишком старый и уставший человек — лично я,— чтобы предстать перед Всемирным Судом. Не говоря уже о трудностях практического характера. Франция сама по себе не может объявить войну. Франция не в состоянии производить ядерное оружие.— Кокелин печально усмехнулся.— В прошлом я юрист. Если бы в данном деле была... как это называется... хоть какая-нибудь лазейка, я, быть может, еще и попытался бы пролезть сквозь нее. Но увы...

Не дав ему закончить, Хейм сказал:

— Я могу достать оружие.

Кокелин подскочил в своем кресле.

— Где вы его возьмете? — От волнения он заговорил по-французски.

— Не на Земле. Я знаю одно такое место. Разве вы не понимаете — алеронам придется держать космическую защиту на орбите вокруг Новой Европы, иначе она не выдержит даже самой маленькой преднамеренной атаки.

— Хейм теперь не сидел в кресле, а, навалившись на стол, придвинулся к самому носу собеседника и тараторил, словно пулемет.

— Новая Европа имеет лишь ограниченно развитую промышленность. Поэтому алеронам придется большую часть оборудования доставлять со своей планеты. Длинная линия снабжения. Один космический пират, грабящий коммерческое судно, — какое он будет иметь отношение к занимаемой ими сейчас торгашеской позиции? Какое он будет иметь отношение к нашим бедным, загнанным в ловушку людям? Один корабль.

— Но я уже говорил вам...

— Вы мне сказали, что это фактически и легально невозможно. Я могу доказать физическую возможность. А вы говорили, что когда-то были юристом.

— Но я уже говорил вам...

Кокелин поднялся, подошел к окну и посмотрел куда-то вдаль, через Сену. Хейм принялся мерить шагами комнату, сотрясая пол. Мозг его распух от избытка планов, фактов, злости и надежды; давно уже он не испытывал такого прилива сил и энергии — с тех пор, как стоял, широко расставив ноги, на своем капитанском мостике у Альфа Эридана.

Потом Кокелин повернулся. В тишине раздался его шепот.

— Была не была, — произнес он по-французски, вернулся к своему письменному столу и принялся барабанить по ключам на инфотриве.

— Что вам там понадобилось? — требовательно спросил Хейм.

— Все детали того времени, когда еще не все страны вступили в Федерацию. Мусульманская Лига не сочла себя вправе иметь с ней дело. Поэтому во время каких-либо беспорядков властям вменялось в обязанность защищать интересы Федерации в Африке.

Кокелин целиком погрузился в свою работу. Один раз, правда, он встретился взглядом с Хеймом. И тот увидел в глазах министра новое — энтузиазм, задор, жажду жизни.

— Приношу вам сердечную благодарность, мой друг, — сказал Кокелин по-французски. — Быть может, всего лишь на одну ночь, но вы вернули мне молодость.

Глава 5

Андре Вадаж снял крышку с котелка, вдохнул великолепный аромат, встряхнул содержимое и снова закрыл крышкой.

— Почти готово, — сказал он. — Мне надо было сделать салат. Компоненты готовы?

Лиза Хейм покраснела.

— Я... боюсь, я не особенно хорошо умсю резать огурцы и прочее, — ответила она.

— Плевать. — Вадаж вывалил хаотическую кучу зелени в большую чашу. — Для курсанта ты справилась нормально... Найди мне еще приправы, идет? Надо быть просто инженером, чтобы управляться с этой чертовой механизированной преисподней под названием «кухня». Бывало я говорил, когда был маленьким и меня заставляли делать что-то на кухне: «Видно, мне все же хотят присвоить звание повара и мойщика бутылок младшего разряда. Контрольное задание: голова хряка с красными яблоками во рту и полевыми ягодами, желтыми и зелеными, вместо глаз. Все это с капустой и заварным кремом».

Лиза хихикнула, вспорхнула на стол и уселась там, болтая ногами и глядя на Вадажа со смущающей симпатией. У него и в мыслях не было добиваться расположения девушки, он просто пытался составить хорошую компанию дочери своего гостеприимного хозяина, пока тот отсутствовал. Вадаж уделил травам и специям больше внимания, чем это было необходимо.

— Моя мамаша научила меня испанской пословице, — заметил он. — Для приготовления салата нужны четыре человека: мот для масла, философ для приправ, скряга для уксуса и сумасшедший для встряхивания.

Лиза снова хихикнула.

— А вы остроумный.

— Ну, начнем, пожалуй.— Вадаж принялся не спеша перемешивать салат, напевая:

— Жил-был в Иерусалиме один богач.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Он носил цилиндр, одевался элегантно.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг!
Скинна-ма-ринки дудл-ду.
Скинна-ма-ринки дудл-ду.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— Это тоже настоящая старинная песня? — спросила Лиза, когда Вадаж сделал паузу, чтобы передохнуть. Он кивнул.— Я просто обожаю ваши песни,— сказала она.

Однажды у ворот его дома
уселся один бродяга,

— поспешно продолжал Вадаж,—

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
На нем был надет котелок,
от которого остался один ободок,
и он болтался у него на шее.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Схватив сковородку и ложку, Лиза принялась отбивать ритм, подпевая Вадажу:

Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг!
Скинна-ма-ринки дудл-ду.
Скинна-ма-ринки дудл-ду.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
И вот бедняк попросил кусочек хлеба.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Богач сказал: я пошлю за полицией,
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг! — присоединился к их дуэту бас, подобный реву быка, и Гуннар, Хейм ворвался в кухню.

Скинна-ма-ринки, дудл-ду,

(Папа! — Гуннар!)

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Хейм стащил Лизу со стола, подбросил к самому потолку, так что она чуть не пробила его головой, снова поймал и при-

нялся кружить ее по комнате. Вадаж весело скакал вокруг них. Хейм еще раз пропел куплет, не выпуская из рук вконец обессиленную Лизу, которая теперь пронзительно визжала.

Теперь бедняк умер,
И его душа отправилась на небеса.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Теперь его душа в хороводе вместе с ангелами,
Пока часы не пробьют четверть двенадцатого.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— О папа! — Лиза корчилась в приступе смеха.

— Добро пожаловать домой, — сказал Вадаж. — Вы выбрали весьма удачное время для возвращения.

— Однако что здесь происходит? — осведомился Хейм. — Для чего в прекрасно оборудованной кухне этот походный котелок? Вам что — автоматов мало?

— Видите ли, машины — весьма компетентные повара, но стать шеф-поваром ни одна из них никогда не сможет, — ответил Вадаж. — Я обещал вашей дочери гуляш, и притом не ту лишенную вкуса и запаха липкую тушенку, а настоящий, приготовленный вручную гуляш, чтобы раз нюхнешь — и сутки чихаешь в свое удовольствие, столько там всяких специй.

— О, прекрасно! Только я, пожалуй, лучше...

— Ерунда. На всех хватит. Венгр, накрывая на стол, всегда умножает количество едоков на два. Если хотите, можете еще добавить к этому немного красного вина. Итак, еще раз, добро пожаловать домой, рад видеть вас в таком хорошем настроении.

— На то есть причина. — Хейм потер свои огромные ручки и улыбнулся улыбкой счастливого тигра. — Да, кажется, я действительно счастлив.

— А что случилось, папа? — спросила Лиза.

— Боюсь, я не могу этого сказать. Пока. — Заметив первые симптомы мятеха, он взял Лизу за подбородок и сказал: — Это для твоего блага.

Она топнула ногой.

— Я не ребенок, ты это знаешь!

— А ну-ка, а ну-ка, — вмешался Вадаж. — Давайте не будем портить настроение. Лиза, надеюсь, ты не откажешь в любезности приготовить приборы? Мы будем ужинать по высшему разряду, Гуннар, в вашей солнечной столовой.

— Разумеется, — вздохнула она. — Если вы мне включи-

те общий интерком — и звук, и изображение. Ну, пожалуйста, папа!

Хейм издал короткий смешок, прошел из кухни к центральной контрольной панели и разблокировал систему включения, автоматически задействовав в работу интерком. Теперь Лиза могла видеть и слышать все, что происходит здесь, из любой другой комнаты дома. Вслед ему донесся голос Вадажа:

Богач умер тоже.
Но ему повезло немного меньше.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Он не мог попасть на небеса,
А потому отправился в ад.
Глория, аллилуйя...

Вернувшись, Хейм спросил вполголоса, поскольку Лиза должно быть, была начеку:

— Она не желает даже на секунду расстаться с тобой, а?

Прекрасно вылепленное лицо Вадажа стало печальным.

— Гуннар, я не собирался...

— О, что ты еще городишь! — Хейм хлопнул Вадажа по спине. — Ты представить себе не можешь, как я был бы рад, если б она стала увиваться вокруг тебя, а не вокруг какой-то желторотой дряни. Кажется, фортуна наконец-то повернулась ко мне лицом.

Лицо венгра посветлело.

— Надеюсь, — сказал он, — это означает, что вам удалось какой-нибудь особенно сногсшибательный способ вырвать наших друзей из лап алеронов.

— Шш! — Большим пальцем Хейм указал в сторону экрана интеркома. — Давай посмотрим, какое вино мне выбрать для твоего коронного блюда.

— Ха-ха, да тут целый список! Вы что, содержите отель?

— Нет, сказать по правде, моя жена пыталась сделать из меня знатока по части вин, но продвинулась в этом не слишком далеко. Я всегда не прочь выпить, но не обладаю особым вкусом. Так что, если не в компании, я обхожусь пивом и виски.

На экране появилось лицо Лицы, она пела:

Дьявол ему сказал:
Это тебе не отель.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Это всего лишь простой ад,
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Вадаж нажал большим пальцем на кончик носа, а остальные растопырил и пошевелил ими. Лиза высунула язык. Они оба улыбались, но шире всех улыбался Хейм.

Ужин прошел в атмосфере такого веселья и ощущения домашнего очага, какого Хейм не помнил с тех пор, как умерла Конни. Впоследствии он не мог бы сказать, о чем они говорили за столом, большей частью добродушно подтрунивали друг над другом и пели песни.

Лиза собрала приборы в кьюбикл обслуживания и скромно удалилась к себе в спальню. Она даже поцеловала отца на прощанье, Хейм и Вадаж спустились по антресоли вниз, в кабинет. Хейм закрыл двери, достал из ящика стола шотландское виски, а из холодильника — лед и содовую, наполнил бокалы, свой и Вадажа.

Вадаж взял бокал и чокнулся с Хеймом.

— И напутственный глас... — произнес тост менестрель. — «Кто за Победу? Кто за Свободу? Кто за возвращение домой?»

— Я выпью за это, — сказал Хейм и сделал большой глоток. — Откуда эти строчки?

— Они принадлежат некоему Г.-К.Честертону, жившему пару веков назад. Вы не слышали о нем? А впрочем, конечно, на Земле больше не интересуются такими наивными вещами. Лишь в колониях люди настолько простодушны, что считают, будто победы возможны.

— Быть может, нам удастся и здесь изменить мнение по данному вопросу. — Хейм сел и достал трубку.

— Итак, — произнес Вадаж бесстрастным голосом, но по его тонким чертам прошел легкий трепет, — теперь приступим к делу. Что же все-таки произошло за те несколько дней, что я мучуюсь бездельем?

— Начну с самого начала, — сказал Хейм. Он не чувствовал ни малейшего угрызения совести, рассказывая о своем диалоге с Твайменом, поскольку собеседнику вполне можно было доверять. Его знакомство с Вадажем, хоть и короткое, было тем не менее весьма плодотворным.

Однако венгр не был удивлен.

— Я знал, что они не намерены возвращать Новую Европу, поэтому никто не желал меня слушать.

— А мне удалось найти такого парня, который все же пожелал выслушать меня, — сказал Хейм и продолжал свой отчет. На его окончании у Вадажа отвалилась челюсть, и

раздавшийся при этом звук был достаточно громким, так что даже Хейм смог его расслышать.

— Капер? Вы это серьезно, Гуннар?

— Абсолютно, черт побери! Так же настроены и Кокелин, и еще несколько человек, с которыми мы имели беседу.— Веселье Хейма исчезло. Он глубоко затянулся, выпустил мощные клубы дыма сквозь раздувшиеся ноздри и сказал: — Ситуация такова. Один торговый пират в районе Феникса может натворить столько разных дел, что это не пойдет ни в какое сравнение с его возможностями. Кроме срыва планов и расписаний он свяжет немалое количество боевых кораблей, которым либо придется охотиться за ним, либо осуществлять конвой своих кораблей. В результате силы алеронов, противостоящие нашим вдоль опорной полосы, уменьшатся, и равновесие нарушится в нашу пользу. Поэтому если тогда Земля проявит твердость, как в космосе, так и за столом переговоров — причем нам не придется быть особенно жесткими, не будет никаких крутых мер, по поводу которых могли бы поднять шум торговцы миром,— всего лишь один хороший нажим Военного флота, пока пират будет дразнить корабль алеронов,— и мы сможем заставить их вернуть нам Новую Европу. А также сделать для разнообразия несколько уступок нам.

— Возможно, возможно.— Вадаж по-прежнему оставался спокойным.— Но где вы достанете боевое судно?

— Куплю обычный корабль и переснащу его; что же касается оружия, то я собираюсь вскоре отправить пару надежных людей на быстроходном судне, принадлежащем компании, к Строну — слышали про такой?

— Приходилось. Ага! — Вадаж щелкнул пальцами. В его глазах загорелись огоньки.

— Да. Там-то и завершится работа по оснастке нашего корабля. А потом — вперед, к системе Авроры.

— Но... не превратитесь ли вы в пирата с точки зрения закона?

— Над этим пока еще работает Кокелин. Он говорит, что считает в принципе возможным придать всему этому легальный характер и в то же время воткнуть клин в задницу Тваймену и всей его дешевой банде. Но это не простая задача. Если корабль окажется «Веселым Роджером», то Кокелин не без основания будет считать, что Франция имеет право подвергнуть команду суду, признать ее виновной и

вынести оправдательный приговор. Конечно, ребятам после этого, возможно, придется остаться на французской территории или вообще покинуть Землю и отправиться в какую-нибудь колонию, но они будут миллионерами, и Новая Европа, без сомнения, устроит им триумфальный прием. У меня нет времени думать об этом,— продолжал Хейм.— Мне придется просто идти вперед напролом и подвергнуть себя возможному аресту. Поскольку, как ты сам понимаешь, Кокелин и его сторонники во французском правительстве — или в любом другом, ибо не все еще нации на Земле имеют заячьи души,— короче, согласно Конституции, ни одна страна не имеет права на военные приготовления. И если бы мы все же получили какую-то помощь из официальных источников, это означало бы конец всем надеждам на легализацию операции. Нам даже следует воздержаться от набора экипажа в одной стране, а тем более во Франции. В общем, все зависит от меня. Мне нужно найти корабль, купить его, провести переоснастку, запасти топливо, набрать экипаж и отправить его в космос — все это в течение двух месяцев, поскольку именно тогда запланировано начало официальных переговоров между Парламентом и делегацией алеронов.— Лицо его стало унылым.— Придется забыть о том, что такое сон.

— Экипаж...— Вадаж нахмурился.— Непростая проблема, сколько человек?

— Пожалуй, около сотни. Гораздо больше, чем нужно, но единственный способ финансирования данного предприятия — захват трофеев. А это значит, что нам потребуются абордажная команда. К тому же... все может случиться.

— Понятно. Желательно, чтобы эти сто человек были умелыми, надежными астронавтами, предпочтительно с опытом службы в Военном флоте, поскольку это самое рискованное предприятие с тех пор, как Аргилус сопровождал ведьму Хелену. Где их взять? Хм, хм, возможно, я знаю два-три места, где можно попытаться счастья.

— Я тоже. Надеюсь, ты наконец понимаешь, что открыто вербовать людей в команду капера мы не можем. Если наша истинная цель не будет сохранена в тайне вплоть до последней миллисекунды, мы окажемся в кутузке настолько быстро, что призрак Эйнштейна непременно вернется, дабы посетить нас. Но мне кажется, с помощью самых обычных психологических тестов мы сможем проверить отношение

интересующих нас людей к известной проблеме и таким образом узнать, кому можно доверить правду. Этих самых людей мы и найдем.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, — возразил Вадаж. — Я имею в виду, что сначала необходимо найти такого психолога, которому можно будет доверять!

— Угу. Я привлеку к этому делу Вингсита, моего отчима, и попрошу его кооптировать такого человека. Надо сказать, что мой приемный папаша — хитрый и умный старый плут, имеющий связи буквально повсюду, и если ты думаешь, что мы с тобой только одни недолюбливаем алеронов, то послушал бы ты его, когда он говорит о своем отношении к ним! — Хейм искоса посмотрел на модель «Звездного Лиса», сверкавшую в противоположном углу комнаты. — Я не думаю, что будет так уж трудно найти обычных астронавтов. После того как три года назад ассигнования на Военный флот были урезаны, немало парней оказалось не у дел и, не желая дни напролет ковырять пальцем в носу какого-нибудь сухопутного, подали в отставку. Мы можем задействовать тех, кто вернулся на Землю. А вот подобрать капитана и главного инженера будет потруднее. Люди с такой квалификацией обычно не болтаются без дела.

— Капитана? Что вы имеете в виду, Гуннар? Вы и будете капитаном.

— Нет. — Голова Хейма тяжело мотнулась. От его недавней самонадеянности не осталось и следа. — Боюсь, что нет. Я бы хотел... Боже, как бы я этого хотел! Но увы, мне приходится быть благоразумным. Космические корабли стоят недешево, так же как и топливо, а особенно оружие. Мои расчеты говорят о том, что мне придется ликвидировать все имеющиеся в наличии активы и, возможно, заложить остальное, с тем чтобы снарядить такой корабль. А если я еще брошу дело на попечение кого-нибудь другого, «Хеймдаль» может разориться. Бог свидетель — у меня достаточно конкурентов, которые сделают все, что в их силах, чтобы фирма потерпела крах. А «Хеймдаль»... в общем, это нечто, созданное мною и Конни. Ее отец немного помогал нам материально, но она работала в конторе, я руководил магазином в течение тех первых трудовых лет, «Хеймдаль» — единственная собственность, оставшаяся у меня в память о Конни, не считая дочери, конечно.

— Я понимаю, — сочувственно сказал Вадаж. — К тому

же у девушки нет матери, и вы не должны подвергать ее риску потерять еще и отца.

Хейм кивнул.

— Однако вы простите меня, если я полечу, — спросил Вадаж.

— О да, Андре, я был бы свиньей, если бы стал удерживать тебя. Ты ведь даже имеешь офицерское звание: главный стюард, что, впрочем означает в основном, что ты можешь состоять шеф-поваром. И ты привезешь мне еще несколько песен. Идет?

Вадаж не ответил. Он смотрел на друга, скованного цепями собственности и власти, и в голове у него проносились строчки:

Итак, мораль сей сказки такова:

Богатые не понимают шуток.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Мы все отправимся на небеса,

Потому что разбиваем холод и камень в сердцах.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Но ритм мелодии уже проник в его кровь, и, осознав то, что сделал Хейм и что все это значит, Вадаж вскочил и принялся прыгать по кабинету, во весь голос распевая свою победную песню, так что она эхом отдавалась от стен:

Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг!

Скина-ма-ринки дудл-ду!

Скина-ма-ринки дудл-ду!

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Глава 6

Из газеты «Уорлдвик»:

31 октября.

«Гуннар Хейм, главный владелец американской фирмы «Хеймдаль моторс», приобрел у компании «Бритиш минералз» звездолет «Ручей Балмахи». В коммерческих кругах эта сделка произвела настоящий фурор тем, как быстро она была завершена. Хейм предложил цену, против которой невозможно было устоять, но при этом поставил условие: звездолет должен немедленно перейти в его владение.

Он заявил, что намерен снарядить экспедицию с целью поиска новых миров, пригодных для колонизации.

«Похоже, в Фениксе мы потеряли то, что принадлежало нам по праву, — сказал он в своем интервью Джону Филиппу, корреспонденту стереовидения. — Честно говоря, бездействие Земли в ответ на предпринятую алеронами атаку Новой Европы произвело на меня шокирующее и отталкивающее впечатление. Но здесь я бессилен что-либо сделать, кроме как попытаться найти для нас какое-нибудь новое место, которое, я надеюсь, у нас хватит мужества защитить».

Построенный в Глазго «Ручей Балмахи», по величине и мощи не уступающий военным кораблям, первоначально предназначался для разведки месторождений драгоценных металлов и руд. Однако пробные полеты показали, что найденные месторождения оказались недостаточно богатыми, чтобы окупить стоимость межзвездных перевозок, тем более что в самой Солнечной системе еще имеются действующие прииски. Таким образом, в течение четырех последних лет корабль находился на околоземной орбите.

Сэр Генри Шервин, председатель правления компании «Бритиш минералз», сказал Филиппу:

«Мы очень рады избавиться от этого белого слона, но должен признаться — чувствую себя в связи с этим немного виноватым».

7 ноября.

«Сенатор США Гарольд Тваймен (Калифорния), высокопоставленный член Федеральной комиссии по предварительным переговорам, которые проводятся с алеронами, в четверг опубликовал заявление, опровергающее слухи о якобы готовящейся распродаже Новой Европы.

«Разумеется, мы уже ведем с ними деловые переговоры, — заявил он. — А это, кстати, процесс медленный и трудный. Алероны чужды нам по своей биологии и по своей культуре. В прошлом наши контакты с ними были далеко не достаточны, а те, что все же имелись, были большей частью враждебными. В противоборстве понимания не достигнешь. Несколько лучших ксенологов Земли работают день и ночь, пытаясь почерпнуть знания в тех глубинах, которые нам следовало постичь тридцать лет назад.

Но мы все же знаем, что кое в чем алероны сходны с людьми. Они тоже относятся к числу рациональных существ. И тоже хотят жить. Их древняя цивилизация, достигшая миллиона лет стабильного существования, могла бы многому нас научить. И, без сомнения, мы тоже могли

бы научить их кое-чему. Однако ни та, ни другая сторона не может этого сделать до тех пор, пока мы не разорвем порочный круг недоверия, соперничества, вражды и мести.

Вот почему флот Глубокого Космоса получил приказ открывать огонь только в целях самозащиты. Вот почему мы не оказываем давления на правительство Алерона — если это действительно то, что мы понимаем под термином «правительство», — с тем чтобы система Авроры была очищена от их присутствия. Вот почему мы и distinguished делегация не спешим в своей работе. Кстати, позволю себе напомнить, что данная делегация прибыла к нам по инициативе самих алеронов.

Согласно Конституции, только Парламент как таковой уполномочен вести переговоры с государствами нечеловеческих рас. Разумеется, Исполнительный комитет обязан соблюсти данный закон, и он это сделает. Однако нельзя ожидать, чтобы такая обширная организация, как Парламент, стала заниматься кропотливой подготовкой к работе в столь сложном и запутанном деле. Это было поручено ее представителям, выбранным должным образом и в должное время. Мы надеемся, что через несколько недель будем готовы представить полный проект предварительного договора. К этому же времени мы сможем принять любое возможное возражение против его содержания. Однако до тех пор пристальный взгляд общественности был бы в нашей работе большой помехой.

Но мы не собираемся — повторяю: не собираемся — действовать в ущерб любым жизненным интересам человеческой расы. Переговоры — процесс двусторонний и взаимный. Нам придется немного уступить, но взамен мы тоже получим уступку. Алероны это прекрасно понимают, быть может, даже лучше, чем некоторые представители нашей молодой самонадеянной расы. Я уверен, что в конечном счете все люди доброй воли поймут, что мы открыли новую и перспективную эру космической истории. Люди на Новой Европе погибли не напрасно».

14 ноября.

«Вице-адмирал в отставке Пит Ван Риннеком, 68 лет, возвращаясь в понедельник вечером в свой особняк в Амстердаме, подвергся нападению шайки хулиганов численностью примерно в двадцать человек; ему нанесли тяжелые побои. Когда на место происшествия прибыла полиция, на-

падавшие разбежались с насмешливыми выкриками: «Поджигатель войны». По мнению очевидцев, это были люди разных национальностей. Ван Риннеком выступал в качестве прямого оппонента политике «потакания алеронам», как он это окрестил, и его перу принадлежит так называемая «Петиция мужественности», сторонники которой пытаются собрать миллиард подписей в пользу применения Землей политики силы, если это будет необходимо для возвращения Новой Европы. Большинство социологов считают, что подобная надежда — чистейшее безумие.

Состояние вице-адмирала внушает серьезные опасения.

Доктор Джонс Ио, основатель организации «Восные мира за мир», сделал в своем чикагском кабинете следующее заявление:

«Конечно, наша организация сожалеет о случившемся и надеется на скорое выздоровление адмирала Ван Риннекома. Но давайте не будем кривить душой. Адмирал сам почувствовал, каково оно — то насилие, которое он взялся защищать. Стоящий перед нами вопрос — это вопрос жизни и смерти. «ВММ» проголосует за жизнь. К несчастью, многие неинформированные люди решили дать выход своим эмоциям и теперь требуют крови, не думая о последствиях. «ВММ» существует для того, чтобы бороться с этой тенденцией, бороться за здравомыслие, чтобы нанести атаклизму воинственности смертельный удар с помощью любых средств, которые для этого потребуются. Мы не собираемся угрожать. Но предупреждаем: милитаристы, берегитесь!»

21 ноября.

«В прошлый вторник человечество всей Солнечной системы стало свидетелем беспрецедентного события. Синбию Тарен, член пребывающей на Земле делегации алеронов, выступил по официальному стереовидению с ответами на вопросы, заданные ему кронпринцем Италии Умберто, представляющим Всемирную Федерацию.

Вопросы были выбраны из числа сорока миллионов, присланных людьми всего земного шара, и Синби ответил на дюжину из этого списка. Как он заметил с мрачным юмором в последовавшем интервью:

— Тринадцать всегда считалось у вас несчастливым числом. Последняя единица в нем включала либо того, кто предавал, либо того, кто был убит.

В целом он повторил те заявления, которые уже были

сделаны по поводу трагедии на Новой Европе. Как это произошло?

— Наши корабли находились на маневрах. Они действительно зашли в район Авроры, так как алероны не признают никаких претензий на суверенитет в Фениксе. Возможно, командующий земного корабля решил, что это атака, поскольку, честно признается, прежде такие случаи бывали. Он атаковал нас огнем, мы ответили, не ожидая того, что последствия будут столь губительны. Останки земного корабля вошли в атмосферу, чтобы совершить маневр с целью радиационной защиты. Дабы экипаж мог спастись, находившийся ближе всех отряд наших кораблей сбросил мегатонные ракеты. К несчастью, на часть континента, которую они называют Пэйз д'Эспо. На орбитальной высоте боеголовки разожгли огненный смерч. И он пронесся, сея смерть, от одного конца побережья до другого. Когда мы смогли приземлиться, нам не удалось найти живых, кроме нескольких человек в южном районе, куда тоже попала ракета. Мы передали их в руки землян вместе с нашей искренней скорбью. Однако тем самым тринадцатым — предателем был как раз тот капитан, который не подумал о людях Новой Европы, прежде чем стрелять по нашим кораблям.

— Почему алероны до сих пор сохраняют свое присутствие на Новой Европе?

— Смещение владений еще никогда не приводило ни к чему, кроме неприятностей, люди то и дело вытесняли нас с планет, которые мы открыли тысячи лет назад и покой которых не нарушен грохотом машин, стуком чужих шагов. И, сказать по правде, мы часто испытывали желание все наши пространства, даже силой, очистить от первых поселенцев. Расы, в течение тысячелетий поддерживавшие контакты с нами, за последнее время стали испытывать к нам вражду, смущенные тем, о чем рассказывали и что передали им люди. Мы лишились необходимых источников сырья. Из всего этого возникало напряжение, которое нередко переходит в прямые конфликты. Давно минули те времена, когда мы должны были бы положить конец всему этому.

— Почему алероны не разрешают визит на Новую Европу инспекционной комиссии с Земли?

— Насколько мы понимаем символику вашей культуры, такой шаг с нашей стороны был бы равносителен признанию собственной слабости и неправоты. Кроме того, мы не мо-

жем пойти на риск шпионажа или, чего доброго, самоубийственного визита земных кораблей с контрабандными атомными бомбами на борту. Я не хочу сказать, что ваш Парламент когда-либо пошел бы на подобную авантюру, но в вашем обществе, в том числе и среди высшего командования, есть личности, рассуждающие иначе. Может быть, позже, когда будет достигнуто взаимопонимание...»

26 ноября.

«Алерономания», уже широко распространенная в Северной Америке, получила такой инерционный толчок от недавнего появления на стереовидении делегата Синби рю Тарена, что в течение последней недели она пронеслась, подобно метеориту, среди подростков, принадлежащих к высшим слоям общества разных стран. Эта лихорадка поразила также многих в районах Благоденствия. Теперь девушки, которых природа наградила длинными волосами натуральных светлых оттенков, щеголяют ими перед своими сестрами, выстаивающими очереди для того, чтобы купить парик и накидки из металлической сетки; то же самое относится и к их братьям. По-видимому, никакие дисциплинарные меры, предпринимаемые родителями или учителями, не в силах удерживать детей от напевания каждого произносимого ими слова. Лишь наушники могут спасти от преследующего повсюду мяуканья в минорной тональности: «Алерон, Алерон», — раздающегося по радио, по стереовидению. Скользящий рэмбл алеронов вытеснил с танцплощадок даже популярный в последнее время виггл. В пятницу в Лос-Анджелесе на большом экране в парке Ла-Бреса демонстрировалась учебная программа — вторичный показ исторического интервью, полиции пришлось в течение трех часов утихомиривать расходившихся учеников высшей школы.

С целью выяснить, является ли это простой причудой или довольно истеричным выражением искреннего стремления планеты к миру, наши корреспонденты взяли интервью у нескольких типичных представителей молодого поколения всех стран. Вот некоторые из них:

Люси Томас, 16 лет, Миннеаполис:

— Я просто без ума от него. Даже когда сплю, я заново переживаю увиденное. Эти глаза — они завораживают вас и одновременно заставляют таять. Ах-х-х!

Педро Фраго, 17 лет, Буэнос-Айрес:

— Они не могут быть существами мужского пола. Я ни за что в это не поверю.

Машико Ичкава, 16 лет, Токио:

— Самураи поняли бы, такая красота, такая доблесть.

Симон Мбулу, 18 лет, Найроби:

— Конечно, они испугали меня. Но это составная часть чуда.

Георг де Рувси, 17 лет, Париж, позволил себе высказать грубые угрозы:

— Не знаю, какая муха укусила всех этих молодых верблюдов. Но я скажу вот что. Если бы мы увидели какую-нибудь девицу в таком обличии, мы бы содрали с нее парик вместе с ее собственными волосами.

От делегатов, место пребывания которых по-прежнему держится в тайне, нам не удалось получить никаких комментариев по этому поводу».

5 декабря.

«Лиза Хейм, 14 лет, дочь промышленника и будущего предпринимателя космических исследований Гуннара Хейма из Сан-Франциско, в среду исчезла при загадочных обстоятельствах. Попытки напасть на след девушки пока что ни к чему не привели, и у полиции имеются опасения, что она, возможно, была похищена с целью шантажа. Ее отец назначил награду в один миллион американских долларов «любому, кто поможет ее найти». Он также добавил, что готов увеличить сумму выкупа, если потребуется».

Глава 7

Утхг-а-к, тхакв нагнул лицо как можно ниже, что удалось ему в весьма незначительной степени, и наставил обе пары своих хемосенсорных усиков прямо на лицо Хейма. В таком положении третий глаз на верхушке головы, позади дыхательного отверстия, был виден человеку. Но именно передние глаза, находившиеся по обе стороны от мясистых шупалец, устремили свой пристальный взгляд на Хейма. Из безгубой дыры рта раздавалось подобие хрюканья.

— Итак, говоришь, война. Нам, жителям Наквсы, мало что известно о войне.

Хейм отступил назад, поскольку дыхание этого существа казалось человеку невыносимым, как запах гнилого болота.

Но все равно ему приходилось смотреть вверх. Утхг-а-к, тхакв возвышался над ним на восемнадцать сантиметров. В голове Хейма пронеслась мимолетная мысль:

«Быть может, в этом заключается причина столь предубежденного отношения к наквсам?»

Обычным объяснением данного факта была их из ряда вон выходящая наружность. Утхг-а-к, тхакв напоминал дельфина ядовитого желтого цвета с зелеными пятнами неправильной формы, его хвост раздваивался, образуя две короткие ластообразные ноги. Бугры, выступавшие под тупой головой, служили подобием плеч для рук, до смешного напоминавших человеческие, если не брать во внимание их величину и плавательные перепонки, проходящие от локтей до таза. За исключением мешка, свисавшего с единственного более или менее узкого места на всем теле, которое призвано было обозначать нечто вроде шеи, наквс был абсолютно гол и обладал явными признаками мужского пола. Психологи утверждали, будто людей оскорбляет как раз не отличие наквсов от их расы, а, напротив, именно то, что в некоторых аспектах они как бы были параллельны людям и в то же время отличались от них, словно являя собой грязную пародию на гомо сапиенс. Запах, слюнявость, склонность к отрыжке, признаки пола...

Но большей частью они тоже космические путешественники, разведчики, колонисты, фрахтовщики, купцы, составившие нам сильную конкуренцию, иронично подумал Хейм.

Лично его все эти пустяки никогда не смущали. Наквсы были хитры, но в среднем более нравственны, чем люди. Да и внешне их можно было считать весьма привлекательными, если взглянуть на это с функциональной точки зрения. А их личная жизнь никого не касалась. Тем не менее факт оставался фактом: большинство людей с негодованием отнеслось бы даже к идее пребывания в одном корабле с наквсами, не говоря уже о том, чтобы находиться у них в подчинении. И... Дэйв Пеннойер был бы вполне компетентным капитаном; в отставку из Военного флота он ушел в звании заместителя командующего. Но Хейм не был уверен, что ему хватит твердости в экстремальных ситуациях, если таковые возникнут.

Отогнав от себя тревожные мысли, он сказал:

— Верно. Фактически это круиз с целью грабежа. Ну так как — ты все еще заинтересован?

— Да. Разве ты забыл тот кошмар, из-за которого я так влип?

Хейм этого не забыл. Проследив распространение слухов вплоть до их источника, он обнаружил этот источник в Нью-Йоркских районах Благоденствия, что устрашающе действовало даже на него. Наквс, очутившийся на Земле, был подобен выброшенному на мель кораблю. Он был абсолютно беспомощен. Утхг-а-к, тхакв прежде служил по договору техническим советником на звездолете с планеты, которую люди называли Калибан и наиболее передовое племя которой решило принять участие в космической игре. При входе в пределы Солнечной системы неопытный шкипер корабля столкнулся с астероидом и погубил свое судно. Оставшиеся в живых были доставлены на Землю звездолетами Военного флота, и калибанитов отправили домой. Однако с наковсами Земля не вела прямой торговли, и ввиду кризиса в Фениксе, где как раз и находились их владения, возвращение туда Утхг-а-к, тхаква постоянно откладывалось.

«Проклятье,— думал Хейм,— вместо того, чтобы валять дурака с этим ублюдком алероном, Парламенту лучше следовало бы заняться выработкой соглашения о помощи пострадавшему астронавту».

— У нас нет возможности провести глубокую проверку твоего сознания, подобную той, что мы проводим с людьми,— прямо сказал Хейм.— Поэтому мне приходится полагаться лишь на обещанное тобой молчание. Я думаю, ты отлично понимаешь, что если передашь данную информацию куда следует, то вознаграждения за это тебе вполне хватит, чтобы купить возвращение домой.

Утхг-а-к, тхакв что-то пробулькал через свое дыхательное отверстие. Хейм не был уверен, означает ли это смех или выражение негодования.

— Я дал слово. К тому же эти алероны мне осточертели. Я не прочь подраться с ними. Кстати, надеюсь, часть добычи достанется мне?

— Конечно. Таким образом, с этой минуты ты — наш главный инженер,— сказал Хейм, а про себя добавил:

«Потому что корабль должен скоро стартовать, а, кроме тебя, мне негде взять кого-то, кто в случае нужды справится бы с ремонтом главного двигателя».

— Теперь обсудим детали.

Интерком произнес голосом служанки:

— Почта, сэр.

— Прошу прощения, — сказал Хейм. — Я сейчас вернусь. Не стесняйся, чувствуй себя как дома.

Утхг-а-к, тхакв что-то просвистел в ответ и взгромоздил свою скользкую тушу на стоявший в кабинете диван. Хейм поспешно вышел.

Вадаж сидел в гостиной с бутылкой в руке. Последние несколько дней он очень мало говорил и не спел ни единой ноты. В доме стояла тишина, словно в гробнице. Сперва в посетителях не было недостатка — полиция, друзья, Курт Вингейт и Гарольд Тваймен приехали одновременно и обменялись рукопожатием; из всех близких знакомых Хейма одна только Джоселин Лори не дала о себе знать. Все это в его памяти было словно расплывчатое пятно; он продолжал заниматься подготовкой корабля, полностью поглощавшей его внимание, и даже не заметил, когда визиты прекратились. Времени не хватало, работать приходилось круглые сутки, так что Хейм волей-неволей прибегал к помощи допинга. Даже исчезновение Лизы отступило на второй план. Сегодня утром, взглянув на собственное отражение в зеркале, он заметил, что здорово похудел, но это обстоятельство оставило его абсолютно равнодушным.

— Наверняка обычная ерунда, — промямлил Вадаж по поводу только что полученной почты.

Хейм смахнул со стола кучу конвертов. Под ними оказалась плоская посылка. Он содрал с нее пластиковую обертку, и на него глянуло лицо Лизы. Это было звуковое письмо. Хейм нажал кнопку аниматора, и губы, в точности такие же, как у Конни, раскрылись.

— Пап, — произнес тихий голос, — Андре. Со мной все в порядке. Я имею в виду, что мне не причинили никакого вреда. Когда я стояла на остановке элвея, чтобы поехать домой, ко мне подошла женщина. Она сказала, что у нее ослабла магнитная застежка у лифчика, и попросила меня помочь застегнуть ее. Я никогда не думала, что кто-нибудь из высшего класса может быть опасен. Она была прекрасно одета, говорила превосходным языком и все такое. Мы сели в машину и зашторили окна. Потом она выстрелила в меня из станнера. Очнулась я уже здесь. Я не знаю, что это за место, здесь несколько комнат, окна всегда закрыты, при

мне находятся две женщины. Они не делают ничего плохого, просто не выпускают меня отсюда. Они говорят, что это ради мира. Пожалуйста, сделай так, как они хотят.

Монотонность речи Лизы говорила о том, что ей был сделан укол антифобика с целью предупреждения невроза страха. Но вдруг ее словно прорвало.

— Я так одинока! — выкрикнула она, и затем послышался плач.

На этом запись кончилась. Вадаж указал Хейму на записку, которая тоже находилась в посылке. Текст был отпечатан, и Хейм, прищурившись, прочел:

«Мистер Хейм.

Вот уже несколько недель, как вы предоставили свое имя и влияние в помощь милитаристам. Вами фактически оплачены все объявления, содержавшие лживое и провокационное утверждение, что большинство населения Новой Европы будто бы осталось в живых. Теперь мы получили информацию о том, что вы замышляете более радикальные меры с целью подорвать мирные переговоры.

Если это правда, человечество не может этого допустить. Во имя гуманизма мы не имеем права даже оставлять шанс на то, что это может стать правдой.

Ваша дочь будет содержаться в качестве заложницы ради вашего примерного поведения до тех пор, пока договор с алеронами не будет заключен, а также, если мы сочтем это необходимым, и в течение некоторого последующего времени. Если в этот период вы публично признаетесь во лжи относительно Новой Европы и не станете больше ничего предпринимать, дочь вернется к вам.

Излишне предупреждать вас о том, что полиция ничего не знает и не должна знать о данном послании. Движение за мир повсюду имеет так много преданных сторонников, что, если вы все же обратитесь в полицию, нам это станет известно. В этом случае мы будем вынуждены наказать вас посредством вашей дочери. С другой стороны, если вы будете вести себя должным образом, то и впредь станете иногда получать от нее известия.

Искренне ваши — сторонники мира и здравомыслия».

Хейм прочел письмо три или четыре раза, прежде чем его содержание дошло до его сознания. За суматохой последних дней он почти забыл об этом досадном происшествии и вообще не придавал ему большого значения, полагая,

что похищение было совершено с целью вымогательства денег. Однако теперь дело принимало совсем иной оборот.

— Манера речи типичная для Сан-Франциско, — сказал Вадаж. Он скомкал пластиковую обертку и швырнул ее об стену. — Хотя это ничего не значит.

— Боже милостивый, — Хейм, спотыкаясь, подошел к креслу, рухнул в него и уставился в одну точку ничего не выражавшим взглядом, — почему они не вышли прямо на меня?

— Именно так они и сделали, — возразил Вадаж.

— На меня лично!

— Вы были бы слишком рискованной мишенью для насилия. С молодой и доверчивой девушкой все гораздо проще.

У Хейма было такое чувство, что он сейчас заплачет от досады и бессилия. Но глаза его по-прежнему были сухими и горячими, словно угли.

— Что же делать? — прошептал он.

— Не знаю, — каким-то механическим голосом ответил Вадаж. — Очень много зависит от того, кто они. Очевидно, это не официальные лица. Правительству достаточно просто арестовать вас по какому-нибудь поводу.

— Значит, военные. Джонас Ио. — Хейм встал и направился к выходу.

— Куда вы? — Вадаж схватил его за руку. Однако это было все равно что пытаться остановить лавину.

— Возьму оружие, — сказал Хейм, — и в Чикаго.

— Нет. Постойте. Да стой же, дурак чертов! Что вы можете сейчас сделать, кроме как спровоцировать убийство Лизы?

Хейм качнулся и остановился.

— Возможно, Ио знает об этом, а может, и нет, — сказал Вадаж. — Нет никаких сомнений в том, что конкретной информацией о ваших планах никто не располагает, иначе они просто подключили бы к этому Мирный Контроль. Быть может, похитители не имеют абсолютно ничего общего с военными. Страсти постоянно накаляются. И этот тип людей, должно быть, ощущает потребность непременно изобразить из себя героев драмы, нападать на прохожих на улицах, устраивать похищения, ублажать свои маленькие грязные «я». Да, на Земле таких много даже в высших классах, и все они сходят с ума от собственной никчемности. Им

все равно, какой лозунг избрать. «Мир» — просто наиболее престижный.

Хейм вернулся, взял бутылку, трясущимися руками налил себе в бокал.

— Они хотят убрать меня с дороги, убрать с дороги, — повторял он. — Хоть убей, но я не вижу никакого выхода!

— Как?

— Лиза в руках фанатиков. Что бы ни случилось, они не перестанут меня ненавидеть. И они все время будут опасаться, что она сможет их узнать. Андре, помоги мне!

— У нас еще есть время, — огрызнулся Вадаж. — И лучше провести его с пользой, чем закатывать истерики.

Хейм поставил бокал и постарался собраться с мыслями.

— Прежде мне приходилось нести ответственность за жизнь людей, — сказал он, и в нем разом проснулись старые рефлексy командира. — Надо сконструировать смелую теоретическую матрицу и выбрать курс с минимальными негативными затратами.

Его мозг заработал, словно компьютер.

— Спасибо, Андре, — сказал он.

— Может быть, насчет своих людей в полиции — это с их стороны просто блеф? — осведомился Вадаж.

— Не знаю, но лучше не рисковать.

— Тогда... мы откладываем экспедицию, отказываемся от того, что говорили о Новой Европе, и ждем?

— Возможно, это единственное, что нам остается. — Голова у Хейма гудела. — Хотя я считаю, что это будет неверный шаг, даже если мы сделаем его ради спасения Лизы.

— Что же остается? Нанести ответный удар? Каким образом? А может, частные детективы смогли бы отыскать...

— А где искать? По всей планете? О, можно, конечно, попробовать, но... Нет, пока у меня не возникла эта идея с капером, я словно бы сражался с туманом, и вот теперь я снова в тумане, и должен снова из него выбраться. Нужно что-то определенное — такое, о чем они не догадаются, пока не будет слишком поздно. Ты был прав: нет смысла угрожать Ио и даже, как мне кажется, обращаться к нему с просьбой. Единственное, что имеет для него значение, — это выбранный ими курс. Если мы тоже могли бы этого придерживаться...

Хейм вдруг взревел так, что задрожали стены, а Вадаж

едва не был сбит с ног, когда эта огромная туша пронеслась мимо него к телефону.

— Вот дьявол! А в чем дело, Гуннар?

Хейм отомкнул один ящик письменного стола и вытащил оттуда свой личный телефонный справочник. Теперь в нем среди прочих номеров был и закодированный номер неофициального телефона Мишеля Кокелина. В Калифорнии 9.30. Сколько в Париже? 17.30. Его пальцы нажали на кнопки.

На экране появился конфиденциальный секретарь.

— Бюро де... о, мистер Хейм!

— Прошу вас, соедините меня, пожалуйста, с министром, — сказал по-французски Хейм.

Несмотря на обстоятельства, Вадаж поморщился, услышав варварское произношение своего патрона, которое, по мнению последнего, было весьма сносным.

Секретарь взглянул на выражение его лица, подавил вздох и нажал на кнопку. Его изображение тотчас сменили усталые черты Кокелина.

— Гуннар! Что такое? Новости о вашей дочери?

Хейм рассказал ему обо всем, лицо Кокелина стало пельно-серым.

— О нет, — сказал он. — Это конец всему.

— Угу, — отозвался Хейм. — Лично я вижу лишь один реальный выход. Моя команда теперь уже набрана, ребята все что надо — хоть в огонь, хоть в воду. А вам известно место пребывания Синби?

— Вы что, с ума сошли? — запинаясь, проговорил Кокелин.

— Давайте мне все детали: точное место, как туда добраться, размещение охраны и сигнализации, — потребовал Хейм. — Я вытащу его оттуда. Если ничего не получится, я не стану впутывать в это дело вас. Я спасу Лизу или попытаюсь спасти ее, представив похитителям право выбора: либо я дискредитирую их и их движение, вылив на них всю грязь, в которой у меня не будет недостатка, либо я получаю Лизу назад, объявляю себя публично лжецом и, дабы доказать свое раскаяние, кончаю жизнь самоубийством. Мы сможем устроить все так, что у них не будет сомнений в решительности моих намерений.

— Я не могу... я...

— Для тебя это трудно, Мишель, я знаю, — сказал

Хейм.— Но если ты мне не поможешь, что ж, тогда я связан по рукам и ногам, мне придется делать так, как они хотят. И полмиллиона людей на Новой Европе погибнут.

Кокелин облизнул губы, выпрямился и спросил:

— Ну, предположим, я тебе скажу, Гуннар. И что дальше?

Глава 8

— Космическая яхта «Махаон». ГБ-327-РП, вызывает Джорджтаун, остров Вознесения. Мы терпим бедствие. Джорджтаун, вы нас слышите? Отзовитесь, Джорджтаун.

Свист рассекаемого воздуха перешел в рев. Сквозь передний защитный экран мощной волной хлынул жар. Иллюминаторы на мостике, казалось, были охвачены пламенем, а экран радара словно взбесился. Хейм крепче затянул привязанные ремни и сосредоточил все свое внимание на вырвавшемся из рук реле управления.

— «Махаон», я Харрисон.— Голос, говоривший по-английски, был едва слышен: волны мазера с трудом пробивались сквозь ионизированный воздух, окутавший этот стальной метеорит.— Мы держим вас под контролем. Прием.

— Будьте готовы к аварийной посадке,— сказал Дэвид Пенойер. Его соломенные волосы слиплись в мокрые от пота пряди.

— Прием.

— Здесь садиться нельзя. Остров временно закрыт для посещения. Прием.

Каждое слово, казалось, было окружено облаком статического электричества.

На корме запели двигатели. Силовые поля начали свою дикуую пляску в четырех измерениях. Внутренние компенсаторы сохраняли стабильность, и то чудовищное торможение, которое заставило стонать корпус корабля, внутри почти не ощущалось. Но яхта быстро теряла скорость, пока наконец термальный эффект не пошел на убыль.

За стеклами иллюминаторов видение пылающего горна сменилось гигантской дугой Южного Атлантического побережья. Над Атлантикой, над ее сверкающей поверхностью были густо разбросаны облака. Линия горизонта была темно-голубой и постепенно переходила в черноту космоса.

— Какого еще черта нельзя?— заорал Пенойер.— Прием.

— А что у вас случилось?

На этот раз слышалось гораздо лучше.

— Когда мы вышли на суборбитальную скорость, что-то засвистело. У нас в хвосте дыра, и мы потеряли управление. Пока еще удастся сохранять частичный контроль над главным двигателем. Я думаю, мы сможем сесть на Вознесении, но где именно — сказать трудно. Прием.

— Садитесь на воду, мы вышли лодку.

— Ты что, старик, не слышал, что я сказал? У нас пробит корпус. Мы бы камнем пошли на дно. Может, скафандры и спасательные жилеты выручили бы нас, а может, и нет. Но в любом случае потеря яхты стоимостью в миллион фунтов не доставила бы лорду Понсонби особой радости. И если у нас есть хоть какой-то шанс спасти эту посудину, мы должны его использовать. Прием.

— Ну что ж... Не отключайтесь, я соединю вас с капитаном.

— Не надо. Нет времени! Не волнуйтесь. В Гаррисон мы не врежемся. Наш вектор нацелен на юг. Мы попытаемся дотянуть до одного из плато. Как только приземлимся, будем передавать вам сигнал, чтобы вы могли указать нам дорогу. Думаю, долго ждать вам не придется. Пожелайте нам удачи. Связь кончаю.

Пенойер отключил радио и повернулся к Хейму.

— Ну, а теперь надо пошевеливаться!— прокричал он сквозь грохот.— Как только они перестанут нас слышать, сразу выйдут несколько вооруженных флайеров.

Хейм кивнул. За те мгновения, что длился этот разговор, «Конни» пулей пролетела все необходимое расстояние. Детекторы фиксировали металл и электричество — должно быть, берлога Синби была здесь. Между «Конни» и радарами Джорджтауна возвышался окутанный туманом пик Зеленой горы. Теперь уже не было необходимости использовать лишь главный двигатель. Самая рискованная часть дела осталась позади.

Хейм снова включил рулевое управление.

Яхта, завывая по-волчьи, описала дугу. В иллюминаторах показалась крохотная посадочная полоска, высеченная в вулкане. Хейм направил судно вниз, и оно провалилось во взметнувшийся фонтан пыли.

Стойки коснулись поверхности площадки. Хейм выключил двигатели и сбросил с себя ремни.

— Останешься за меня, Дэйв,— сказал он и зашагал к главному шлюзу.

Вместе с ним прилетели кроме Дэйва еще два десятка верных парней. Все они были в космическом снаряжении, и их оружие блестело в падавшем сверху свете ламп.

Хейм проклинал предохранительный клапан, из-за которого шлюз открывался с такой садистской медлительностью. Снаружи просачивался свет полуденного солнца.

Хейм, не дожидаясь, пока аппарат выдвинется до конца, соскочил с нее и упал в оседавшую пыль.

Как и говорил Кокелин, в конце поля располагалось три здания, казарма на пятнадцать человек, ангар и укрывающий их купол. Четверо стоявших снаружи человек настолько растерялись, что забыли даже нацелить на Хейма свое оружие, еще двое, охранявшие мобильный транспортер ракеты типа ГТА, тоже разинули рты. Разумеется, им звонили из штаба Джорджтауна с приказами не стрелять, если они заметят какой-то летательный аппарат. Остальные люди отряда охраны выбегали из задней двери здания.

Хейм быстро сосчитал. Пока на виду были еще не все... Прихрамывая, он направился к ним.

— Аварийная посадка!— крикнул он на ходу.— Я увидел ваше поле...

Парень с нашивками лейтенанта Мирного Контроля, который, вероятно, был здесь за старшего, выглядел испуганным.

— Но...— Он запнулся и затеребил свой воротник.

Хейм подошел ближе.

— В чем дело? — спросил он.— Почему мне не следовало садиться на ваше поле?

Он знал, что это весьма каверзный вопрос. Армией Мирного Контроля существование данной площадки никогда официально не признавалось.

Верховных лидеров алеронов, входивших в состав делегации, нельзя было размещать вместе. У них это было не принято; если бы им не смогли обеспечить абсолютного уединения, они сочли бы это за оскорбление, а возможно, это даже представляло бы угрозу для их жизней. Поэтому пришлось разбросать их по всей Земле. Остров Вознесения был выбран весьма удачно. Район этот, если не считать ма-

ленького сооружения базы полиции Мирового оксана, был абсолютно пустынным. Таким образом, отъезды и приезды инопланетянина оставались в тайне.

— Таков приказ,— уклончиво ответил лейтенант, скосив глаза на серебристое копьё яхты.— Я бы не сказал, что вы похожи на потерпевших серьёзную аварию.

Можно было подделать название и регистрационный номер «Конни», но с наружными повреждениями дело обстояло иначе. Из казармы вышли последние двое охранников. Хейм поднял руку и, повернувшись в сторону яхты, сказал:

— Пробойна с той стороны.— В следующее мгновение, опуская руку, он резко двинул вниз защитное стекло своего шлема.

Две фигуры у воздушного шлюза сделали шаг назад, и наружу высунулся ствол прятавшейся за ними пушки. Из ее жерла под давлением в пятьдесят атмосфер хлынула струя анестезирующего аэрозоля.

Один из часовых открыл огонь. Хейм нырнул вниз, в пыль. Прямо у него перед глазами из скалы брызнули каменные крошки: пуля пролетела в каком-то миллиметре над головой, с гудением пронеслась мощная струя желтого аэрозоля. А парни из его экипажа уже бежали в конец поля со станнерами наизготове. Никакого смертоносного оружия, Хейм скорее позволил бы убить себя, чем убить человека, выполняющего свой долг. Но в данном случае в атаку шли бойцы, выдавшие и не такие виды. Доводить дело до убийства было совсем не обязательно.

Короткая и яростная схватка закончилась. Хейм поднялся и бросился к куполу. Сзади бежали Цуккони и Люповец, таща за собой на гравипривязи таран. Медицинская команда «Конни» тем временем занялась оказанием помощи в необходимых пределах упавшим охранникам.

— Сюда,— произнес Хейм по внутренней связи. Цуккони и Люповец нацелили таран и включили мотор. Стальная болванка весом в 500 кг принялась методично долбить стенку купола. В усыпляющем тумане этот звук казался совершенно неуместным. Хейм прыгнул в пролом, в свет красного солнца.

За ним последовало еще человек двенадцать.

— Он где-то здесь, в этой каше,— сказал Хейм.— Рассредоточтесь. До появления копов у нас есть минуты три.

Он нагнулся и бросился в джунгли. Хлестали ветки, раз-

лстались лианы, под ногами захрустели сломанные цветы. Мелькнула какая-то тень...

— Синби! — Хейм рванулся вперед.

Зашипело испепеляющее пламя лазера. Хейм ощутил жар и увидел, как его защитная нагрудная пластина испаряется в сверкающем огне. В следующее мгновение он бросился на алсрона и выбил оружие у него из рук.

«Близко подходить нельзя, — мелькнуло у Хейма в голове. — Он может обжечься о горячий металл».

Лицо Синби перекосила яростная ухмылка, и он захлестнул ноги Хейма своим хвостом. Хейм упал, но Синби не ослаблял захвата. В это время прибежали остальные, схватили добычу, предварительно отцепив хвост от своего командира, и поволокли по-лягушачьи поджавшего ноги Интеллектуального Хозяина Сада Войны к выходу. Очутившись снаружи, вдохнув дурманящее испарение, Синби впал в полную прострацию.

«Будем надеяться, что биомедики правы, утверждая, будто эта штука безвредна для него», — подумал Хейм.

Выбежав на поле, он моментально забыл все, о чем думал. В небе показались два флайера АМК. Словно стервятники, они дружно спикировали вниз, обстреливая отряд Хейма. Он увидел, как пунктирная линия взметаемых пулями фонтанчиков пыли приблизилась к нему, услышал треск и свист в наушниках.

— Откройте! — крикнул он. Горло невыносимо жгло. — Пусть они увидят, кого мы ведем.

Флайеры взревели и стали набирать высоту.

— Они попытаются вывести из строя яхту. Если мы не сможем быстро подняться.

Впереди была еще аппарель, казавшаяся сейчас чертовски крутой. Над Зеленой горой показалась эскадрилья. Хейм взобрался на аппарель и остановился. Мимо проскочили люди из группы захвата. Теперь Синби был на борту. И все остальные тоже. Один из флайеров нырнул вниз. Хейм услышал, как прямо по пятам за ним пули забарабанили о стальную поверхность аппарели.

Пересбаться через коминг... Кто-то моментально задрал шлюз. «Конни» встала на хвост и устремилась в небо.

Некоторое время Хейм лежал, не двигаясь. Наконец, подняв стекло шлема, он зашагал на мостик. Пространство

кругом сияло звездами, но Земля уже вновь начала затенять их.

— Прижимают нас книзу, а? — спросил он.

— Ага, — ответил Пенонер. Напряжение предыдущих часов прошло, и его мальчишеское лицо было одной широкой улыбкой. — Надо поскорей убираться, пока они не прислали весь Военный флот. Сейчас пробьем этот потолок и двинем за их радарный горизонт.

Вслед за тем яхта описала длинную дугу над атмосферой, идя при этом на хорошей скорости, чтобы опередить момент включения орбитальных детекторов Мирного Контроля, а потом помчалась к обратной стороне планеты. Операция прошла без сучка, без задоринки, что являлось для капера хорошей приметой. Если бы такая же удача сопутствовала «пиратам» и дальше — это было бы как раз то, что нужно.

Хейм повесил на место скафандр и погрузился в обычную рутину радиопереклички со всеми отсеками корабля. Это занятие полностью вернуло ему самообладание. Везде все было хорошо, если не считать нескольких небольших пробоин, оставленных пулями на внешней обшивке. Люповец доложил:

— Пленник очнулся, сэр.

Хейм почувствовал не волнение, а лишь прилив силы воли.

— Приведите его ко мне в каюту, — приказал он.

Яхта кралась сквозь ночь, постепенно снижаясь. Правильный расчет времени был очень важен. Русская Республика добродушно поплескивала на Контроль Перемещений, как, впрочем, и на многое другое, а поэтому, если соблюдать осторожность, можно было после наступления темноты сесть где-нибудь в Сибирской тундре абсолютно не замеченными. Хейм ощутил легкую вибрацию и понял, что «Конни» пошла на посадку. Когда урчание двигателя замолкло, наступившая тишина показалась чудовищной.

Двое охранников у каюты капитана подняли руки в приветственном салюте. Хейм вошел внутрь и закрыл дверь.

Синби стоял возле койки. Он был совершенно недвижим, лишь самый кончик его хвоста слегка подрагивал, да ветерок, создаваемый вентилятором, шевелил шелковистую гриву. Однако когда он увидел Хейма, на его красивом лице появилась улыбка, от которой кровь стыла в жилах.

— Ах-х-х,— промурлыкал он.

Хейм приветствовал его официальным салютом алеронов.

— Синби, прошу меня простить,— сказал он.— Я доволен до безумия.

— Должно быть, это так,— трелью зазвенело у него в ушах,— если вы надеетесь таким образом спровоцировать войну.

— Нет, я не на это надеялся. Что может лучше дискредитировать мои взгляды, чем подобный поступок? Просто мне нужна ваша помощь.

Зеленые глаза сузились.

— Довольно странный способ обратиться с просьбой, капитан.

— Другого не было. Послушайте. Напряжение между лагерями войны и мира на Земле достигло апогея, то и дело оно выливается в насилие. Несколько дней назад была похищена моя дочь. Я получил предупреждение, что, если я не перейду на другую сторону, она будет убита.

— Сожалею. А что могу сделать я?

— Не надо изображать сочувствие. Если бы я отступил, вам это явно было бы на руку. Так что не имело смысла просить у вас помощи. Да и вообще, что бы я ни предпринял, я не склонен верить в их обещания. Мне нужно было заполучить рычаг управления. Я подкупил кое-кого из тех, кто знает о вашем местопребывании, нанял эту шайку и... и теперь мы позвоним главе организации агитаторов примирения.

Хвост Синби хлестнул по лодыжкам.

— Допустим, я отказываюсь,— прозвучала холодная музыка.

— Тогда я вас убью,— со злобой сказал Хейм.— Не знаю, пугает это вас или нет, но на следующей неделе ваша делегация встречается с Парламентом. Лишившись военного эксперта, она окажется в невыгодном положении. Кроме того, дальнейшие переговоры вряд ли пойдут гладко после той бучи, которую я могу поднять.

— Однако, капитан, разве нельзя допустить мысль, что вы собираетесь прекратить мое существование в любом случае, с тем чтобы я не мог потом обвинить вас в шантаже?

— Нет. Дайте согласие помочь мне — и я вас отпущу. Зачем мне совершать убийство, последствия которого отзо-

вутся на всей планете? Меня бы непременно нашли. Один только мой корабль был бы вполне достаточной ниточкой к разгадке подобного преступления, поскольку у меня нет алиби на время похищения.

— Тем не менее вы все же так и не сказали, почему вы считаете, что я не стану выступать против вас с обвинением.

Хейм пожал плечами.

— Это было бы не в ваших интересах. Слишком грязная история всплыла бы при этом наружу. Безответственное похищение, организованное сторонниками войны, и т. д. Я бы предал гласности свои документы с Новой Европы. Я бы дал показания под неоскопом о нашем разговоре и о тех признаниях, которые вами были сделаны во время этого разговора. О, я бы дрался не на жизнь, а на смерть. Настроение у нас на Земле — вещь весьма тонко сбалансированная. Одного моего процесса, может быть, окажется вполне достаточно, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону.

Глаза Синби затянулись мигательной перепонкой. Он почесал подбородок тонкой рукой.

— Фактически,— продолжал Хейм,— лучше всего будет, если вы заявите в АМК, что вас якобы похитила группа неизвестных с целью сорвать переговоры. Вы убедили их в том, что это похищение в первую очередь невыгодно им самим, и они вас отпустили. Затем вы настаиваете на том, чтобы наши власти полностью замаяли это дело. Они с радостью сделают это, если вы так захотите. Публичный скандал на данном этапе был бы весьма некстати.

Алерон по-прежнему был погружен в свои мысли.

— Синби,— сказал Хейм со всей мягкостью, на какую был способен.— Вы не понимаете людей. Мы так же чужды вам, как вы нам. До сих пор вам удавалось без труда надуть нас. Но стоит появиться какому-нибудь новому фактору — и чего будет стоить тогда весь ваш план?

Пленка, закрывавшая глаза Синби, исчезла.

— Я не вижу при вас никакого оружия,— монотонно пропел алерон.— Если я откажусь помочь вам, как вы меня убьете?

Хейм растопырил пальцы.

— Вот этими руками.

В каюте раздался смех, похожий на звон колокольчика.

— Ну что ж, капитан «Звездного Лиса», давайте сюда ваш радиотелефон.

В Чикаго было позднее утро. Появившееся на экране лицо Джонаса Ио, лицо пуританина, выражало недовольство.

— Что нужно, Хейм?

— Вам известно о похищении моей дочери?

— Нет. Я хочу сказать, я выражаю свое сожаление, если не вам, то ей, но какое отношение все это может иметь ко мне? Я не располагаю никакой информацией.

— Мне сообщили, что похитители принадлежат к фракции сторонников мира. Подождите, я не обвиняю лично вас в участии в этом грязном деле. У каждой группы свой лидер. Но если вы потихоньку отдадите приказ о персональной проверке каждого из списка членов вашей организации, прямо или косвенно вам удастся выйти на них.

— Слушайте, вы, негодяй...

— Включите свой магнитофон, я хочу, чтобы вы записали и затем на досуге поразмыслили над тем, что скажет вам сейчас Синби рю Тарен.— Несмотря на то что Хейм старался говорить спокойно, сердце его готово было выскочить из груди.

Алерон скользнул к экрану.

— Боже мой! — Ио чуть не задохнулся от изумления; выпучив глаза, он смотрел на инопланетянина.

— Капитан Хейм во имя чести обратился ко мне за помощью,— пропел Синби.— Нас связывают прошлое и будущее: однажды мы участвовали в сражении. Кроме того, ни одна древняя раса не позволит себе испытать чашу позора. Если этот ребенок не будет возвращен, мы покинем вашу планету и вынуждены будем применить то же дезинфицирующее средство, каковым является война. Поэтому я приказываю вам подчиниться требованиям капитана Хейма.

— Б-б-боже мой... я... да! Немедленно!

Хейм выключил видеофон. Воздух со свистом вырвался из его легких, ладони были мокры от пота.

— С-с-спасибо,— заикаясь, произнес он.— Как только Вадаж даст мне знать о ее возвращении, мы начнем подниматься. Доставим вас поближе к городу.

Некоторое время Синби изучающе смотрел на него, прежде чем спросить:

— Вы играете в шахматы, капитан? Из всего, что создано на Земле, это, пожалуй, самое прекрасное. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы вы на время отвлеклись от всех этих проблем.

— Нет, благодарю, — сказал Хейм. — Мне известно ваше умение делать мнимый мат. Вы все время будете выигрывать. Я лучше прослежу за тем, чтобы наши фальшивые опознавательные знаки были заменены на настоящие.

Он был рад выйти наружу, на зимний холод.

Они уже почти закончили, когда в просме плюза, словно темное пятно на светлом фоне, возник Синби. Очень высоким голосом он произнес:

— Капитан, поторопитесь. Из вашего дома вас вызывает бродячий певец. Она доставлена.

Хейм быстро прошел в радиорубку и плотно закрыл за собой дверь.

С экрана видео на него смотрела Лиза.

— О, папа!

— С тобой все в порядке? — спросил Хейм.

— Да. Они... они не причинили мне никакого вреда. Только усыпили. Когда я проснулась, мы уже были здесь, в городе. Мне сказали, что дальше я должна добираться с помощью элвея. У меня все еще сильно кружилась голова, и я не обратила внимания на номера. Когда ты приедешь?

— Часа через два-три.

Лиза все еще находилась под влиянием наркотика, и речь ее была довольно вялой.

— Мне кажется, я знаю, как это случилось, пап. Прости меня, пожалуйста. В ту ночь ты и Андре говорили о вашем... ну, ты сам знаешь... в общем, ты забыл выключить общий интерком. Я все слышала из своей комнаты.

Хейм вспомнил, как загадочно она себя вела в течение двух последовавших затем недель: что называется, тише воды, ниже травы. Он приписал это ее желанию понравиться Вадажу. Теперь он полностью осознал свою беспечность, и этот удар был не из легких.

Вероятно, уловив мгновенную перемену в его лице, Лиза сказала:

— Не бойся. Я об этом никому не говорила. Честно. Только когда Дик и некоторые другие стали приставать ко мне, почему я не занимаюсь этим дурацким подражанием алеронам, я разозлилась и ответила им, что один человек стоит больше, чем сотня таких выродков, и что мой отец собирается это доказать. Больше я ничего не говорила. Но теперь мне ясно, что слухи дошли до кого-то, потому что эти женщины все время спрашивали меня, что я имела в

виду. Я сказала, что просто наврала, и даже когда они обещали меня побить, я говорила то же самое, и, по-моему, они поверили, потому что так и не стали меня бить. Пожалуйста, не сходи с ума, папа.

— Ладно, — резко бросил Хейм. — Я просто получил по заслугам. Отправляйся в постель, я скоро прибуду.

Экран погас. Теперь Хейм мог облегченно вздохнуть.

Негромко заурчали двигатели. Хейм помог Синби сойти на землю. Она была мерзлая и звенела под ногами. Из окон домов, стоявших на окраине, струился свет, сквозь мглу сияли зимние звезды.

— Вот, — Хейм неловко протянул Синби теплую накидку, — вам это будет не лишнее.

— Благодарю, — словно свирель пропела из-под серебрявшихся на морозе локонов. — Когда за мной придут ваши власти, я все скажу так, как вы хотели. Это будет наиболее мудрым решением и для алсронов, и для меня, поскольку я не хочу, чтобы ваши страдания продлились.

Хейм смотрел на тонкий снежный наст. Он сверкал, словно мех Синби.

— Прошу простить меня за мой поступок, — пробормотал он. — Не следовало обращаться с вами подобным образом.

— Я не держу на вас зла, — низким голосом пропел Синби. — Прощайте.

— До свидания. — На этот раз Гуннар Хейм пожал руку алсрону.

Яхта взмыла вверх, вышла на орбиту и по стандартной траектории двинулась в направлении Порт-Мохейв. Официально ее вылет был зарегистрирован как имеющий целью проверку загрузки межзвездного транспорта. Хейм с удивлением заметил, что не испытал желания немедленно увидеть свою дочь.

А ведь вместе им оставалось быть совсем недолго. Корабль должен был стартовать через несколько дней, и он летел на нем в качестве капитана.

От прежнего решения остаться на Земле Хейм в конечном счете отказался. Зло стало настолько могущественным, что он побоялся бросить ему вызов, рассчитывая применить при этом только часть своих сил. А полную силу он мог обрести только среди звезд, а не на этой большой планете.

Лизу он собирался оставить на попечение Вингейта. В

этом случае она была бы в полной безопасности. Что же касается «Хеймдаль», то в отсутствие своего хозяина она могла развалиться, могла и выжить. Все зависело от обстоятельств. Но в любом случае Вингейт не оставил бы Лизу без средств к существованию. Кроме того, не следовало сбрасывать со счетов и возможную крупную добычу.

Хейму хотелось смеяться.

— Может быть, я просто испытываю эгоистичное, атакистическое желание взбудоражить присподбную. Ну и что с того? Значит, так тому и быть.

Глава 9

Они отмечали раннее Рождество. В гостинной сиротливо поблескивала огнями елка. О стекла барабанил дождь.

— Это так ужасно,— сказала Лиза,— что война неизбежна.

— Насчет неизбежности ты ошибаешься,— возразил Хейм.— По сути дела, все, что мы сейчас предпринимаем, имеет главную цель — предотвращение войны.

Она с изумлением взглянула на него.

— Если мы не дадим сейчас отпор алеронам,— сказал Хейм,— беды начнутся одна за другой, и мы будем все время в проигрыше, пока наконец Землю не загонят в угол. А если уж загнать человеческую расу в угол, она будет сражаться, сколь бы напрасно это ни казалось,— так было всегда. Планета против планеты — это было бы настоящее светопрествление. Все, что нам требуется сейчас,— это просто дать им понять, что мы не позволим помыкать нами. После этого уже можно будет говорить с ними по-деловому. Так как космос и в самом деле достаточно просторен для всех, если признавать право каждого на существование.— Он надел плащ.— Пора.

Они молча спустились вниз, в гараж, и заняли места во флайере — Хейм, Лиза, Вингейт, два мощных телохранителя, приставленных к девушке на время отсутствия отца, и Вадаж. Выскользнув из ворот гаража, флайер начал набирать высоту, пробивая себе дорогу сквозь бурю. Его корпус вздрагивал и резонировал. Но когда он поднялся в более высокие слои атмосферы, их окружило голубое спокойствие. Внизу, словно снежные горы, проплывали облака.

Вингейт достал сигару и закурил. Его лицо — лицо щелкунчика — смялось в гримасу недовольства. Наконец он пролаял:

— Не люблю я все эти проводы, ожидания, когда настанет время расставаться и когда сидишь и не можешь придумать, что бы такое сказать. Давайте лучше посмотрим репортаж из дворца Парламента.

— Не стоит, — ответил Хейм. — Они предполагают провести целую неделю в предварительных дискуссиях, прежде чем пригласить делегацию алеронов. Каждому грошовому политику непременно хочется быть прослушанным хотя бы раз.

Но согласно вчерашним новостям, Франции по алфавитной жеребьевке достался номер где-то в самом начале. С минуты на минуту может начаться выступление Кокелина.

— Он... о, ну ладно. — Хейм включил видео.

В Мехико-Сити времени было не намного больше, но по залу Капитолия это было не заметно. Камера показала большие трибуны — лица, лица и лица, белые, желтые, коричневые, черные, чьи глаза были устремлены на роstrum, с которого только что сошел оратор, представлявший Финляндию. Президент Фазиль стукнул молотком; в затаенной тишине этот звук походил на звук заколачивания в гроб гвоздя. Вингейт, слабо знакомый с испанским, повернул шкалу транслятора до отметки «английский».

— ... уважаемый оратор от лица Франции господин Мишель Кокелин.

Хейм включил автопилот и откинулся назад, чтобы удобнее было смотреть. Квадратная фигура с нарочитой медлительностью, словно насмехаясь, начала продвигаться между рядами.

Камера показала крупным планом лицо Кокелина — очень старое, но достойное быть отлитым в бронзу.

— Мистер Президент, высокочтимые делегаты, леди и джентльмены. Я не стану надолго задерживать ваше внимание. Миру известно об отношении Франции к вопросу о Новой Европе. Моя страна хочет, чтобы ее положение стало ясным до конца, прежде чем будут начаты дискуссии по данному поводу. Поскольку для этого необходимо широкое обсуждение, я рекомендую повременить с оглашением моего заявления, пока distinguished делегаты не огласят свои.

— Вот видите? — сказал Хейм. — Он должен выиграть

для нас время, чтобы мы внесли ясность в этот вопрос. Франции просто не повезло, что ее очередь выступать выпала так рано. Но Кокелин все уладит.

— И все-таки, пап, что он собирается сказать? — спросила Лиза. — Не может быть, чтобы он позволил обвинить вас в разбое.

Хейм ухмыльнулся.

— Поживем — увидим.

— Мистер Президент! — Камера развернулась и остановилась, нацелив свой объектив на Гарольда Тваймена. Тот вскочил на ноги и, казалось, был очень озадачен. — В таком важном деле уклонение от прав первенства должно быть одобрено голосованием.

Кокелин поднял брови.

— Я не понимаю, почему должны быть какие-то возражения против того, чтобы Франция уступила право первенства, — сказал он.

— Мистер Президент, уважаемые члены этого собрания, — с напором заговорил Тваймен. — Высокочтимый оратор от лица Франции предупредил нас, что намерен преподнести сюрприз. Однако сейчас время для серьезного обсуждения, а не для дискуссионных трюков. Если мы окажемся втянутыми в дебаты, вызванные неожиданным заявлением, наша встреча с уважаемыми делегатами Алерона вполне может быть отложена еще на неделю. И так уже промедление было слишком долгим. Я настаиваю, чтобы собрание проголосовало: разрешить либо не разрешить господину Кокелину играть нами.

— Мистер Президент...

Фазиль не дал Кокелину договорить. Он снова стукнул молотком и объявил:

— Председатель считает претензию обоснованной, хотя и изложенной с излишней горячностью. Желает ли кто-нибудь проголосовать за то, чтобы заявление французской делегации было отсрочено до тех пор, пока не закончат свои выступления представители других наций?

— Ого, — пробормотал Вадаж, — не очень-то хорошо все это выглядит.

Хейм протянул руки и настроил автопилот на максимальную скорость. Жужжание двигателя увеличилось. Сквозь этот шум он услышал, как представитель Аргентины сказал:

— Я голосую за это.

Потом датчанин:

— Поддерживаю.

— Проголосовано и поддержано.

— А что, если ему не разрешат,— заныла Лиза.

— Тогда нам пулей надо вылетать из района Венеры,— сказал Хейм.

Кокслин начал говорить в пользу голосования. Через несколько минут Вадаж прищелкнул языком и с восхищением сказал:

— Никогда не слышал ничего более красноречивого. Этот человек — артист.

— Хм,— хмыкнул Вингейт.— Может быть, он их терпеть не может.

— Само собой,— ничего не выражающим голосом сказал Хейм,— что он не надеется на выигрыш, каков бы этот выигрыш ни был.

Прения продолжались. Флайер оставил бурю позади и теперь летел над обширной холмистой местностью. Далеко на востоке сверкали вершины Сьерры.

«Однажды мы могли бы потерять всю эту красоту»,— подумал Хейм.

Наконец показался космодром Мохейв. «Конни» скользнула вниз и приземлилась на просторном поле. Техосмотр машины, формальности проверки документов, долгий путь по бетонной полосе под палящим солнцем — быть может, это от света у Хейма так предательски защипало в глазах?

Они остановились у аппарели.

— Ну что же,— грубовато сказал Вингейт,— нечего терять время. Да будет с вами Бог.— Он разорвал рукопожатие.

Плачущая Лиза подошла к Хейму.

— Папа, папа, прости, это все из-за меня.

Хейм обнял ее и потрепал по волосам.

— Не бери в голову. Мы скоро вернемся. Вернемся богатыми, знаменитыми и расскажем миллион всяких историй. Будь умницей. Пока.

Он подтолкнул ее к Вадажу, и тот, осторожно обняв девушку, поцеловал ее в мокрую щеку.

— До встречи,— тихо сказал венгр.— Я привезу тебе новую песню.

Затем они поспешно взбежали вверх, постояли в створе

шлюза и помахали на прощание рукой, пока шлюз полностью не был убран, и в следующий миг дверца закрылась за ними.

— Спасибо, Андре,— сказал Хейм и повернулся на каблуках,— ну что ж, поехали.

Яхта могла бы совершить прыжок прямо на орбиту. Однако демонстрировать такую беспричинную поспешность было ни к чему. Поэтому Хейм поднимался постепенно, как и положено. Небо вокруг становилось все темнее, просыпались звезды, и наконец судно словно очутилось внутри огромного ларца с драгоценными камнями. Вадаж от нечего делать крутил ручки настройки аппаратуры связи. И неожиданно поймал репортаж из Мехико, передаваемый спутником.

Прения и голосование по внесенным предложениям подходили к концу. Результаты переклички возвестили ошеломляющее поражение.

— Мистер Президент,— прозвучал голос Кокелина, распливчатый и тихий, как у насского.— В намерения Франции не входило ничего, кроме обыкновенной учтивости. Поскольку мне рекомендовано огласить основное политическое заявление моей страны сегодня, я это сделаю. Однако позволю себе заметить, что время приближается к полудню, а я должен предупредить, уважаемый председатель, что мое выступление будет несколько пространным. В связи с этим я предлагаю сначала сделать перерыв для ленча.

— Президиум принимает данное предложение,— уступил Фазиль.— Заседание возобновится ровно в четырнадцать часов.— Молоток ударил по подставке.

— Артист, я же говорил,— рассмеялся Вадаж.

— Пара часов — это не так уж много, чтобы вывести корабль на нужную дорогу, да еще с новым экипажем, не успевшим обвыкнуться,— напомнил ему Хейм.

В поле зрения появились очертания огромной торпеды, которая росла на глазах по мере того, как яхта приближалась к ней, и наконец полностью закрыла носовые иллюминаторы. Пока что корабль не был закамуфлирован, и яростное солнце ослепительно сверкало на его суровой экипировке. Системы двигателей, кольца, орудийные башни, открытые крышки люков отбрасывали длинные тени на металлические бока.

— Яхта «Конни» вызывает крейсер «Лис-2». Мы на подходе. Приготовьтесь. Отбой.

Вингейт был против изменения названия корабля.

— Я понимаю, что для тебя означала твоя команда, Гуннар,— сказал он.— Но ты рискуешь навлечь на себя лишние неприятности, если откажешься от названия, присвоенного кораблю Флотом.

— Именно это я и сделаю,— ответил Хейм.— Насколько я знаю, лисы пока еще относятся к общественной собственности. Кроме того, мне ужасно хочется утереть нос-кому нос, показав, чем должен заниматься Военный флот. И чем он фактически хочет заниматься.

Четвертый створ был открыт специально для него. Хейм поставил туда яхту — размером она была как раз со вспомогательный корабль — и нетерпеливо дождался, когда воздушные насосы поднимут давление. В коридорах позади раздавался суматошный шум и металлический лязг. На корабле имелось достаточно опытных людей, на которых можно было положиться, но Гуннар очень жалел, что у него не было времени для пробного рейса.

На капитанском мостике его приветствовал Первый офицер Пенюйер:

— Добро пожаловать, сэр.

До этого момента воспоминания об одиночестве, на которое обречен каждый капитан, еще не просыпались в душе Хейма.

— Вот полное расписание нарядов. Работа идет полным ходом. Расчетное время ускорения — 23 часа по Гринвичу.

— От этой цифры надо отнять по меньшей мере час,— сказал Хейм.

— Сэр?

— Вы меня слышали.— Хейм сел и бегло просмотрел руководство по управлению кораблем.— Например, вот здесь. Бортинженеру вовсе не обязательно еще раз проверять компенсаторы внутреннего поля. Если они окажутся в неисправности, наше ускорение не сможет превысить 1,5. Тогда, перейдя в режим свободного полета, мы приведем их в порядок, хотя придется немного поработать в невесомости. Да и то это все еще весьма гипотетично. С какой стати здесь должны быть какие-то неполадки? Бортинженер у нас — парень что надо. Пусть-ка лучше сразу приступит к на-

стройке импульсных систем. Чем точнее будет выполнена эта работа, тем быстрее мы сможем развивать ускорение.

— Да-да, сэр.— Пенойер с заметной неохотой включил интерком и вызвал Утхг-а-к, тхаква. Хейм продолжал листать руководства, выискивая, что бы еще урезать.

И в конце концов как бы само по себе дело было сделано — манера действовать вполне типичная для человека. В 21.45 завывала сирена, раздались звуки команды, во фьюжн-генераторах вспыхнули атомы, и грависилы ухватились за пространство. Медленно, плавно, с утробным урчанием, которое не столько действовало на слух, сколько ощущалось внутренней вибрацией в организмах людей, «Лис-2» покинул орбиту Земли.

Хейм стоял на мостике и смотрел, как удаляется его мир. Земля все еще господствовала в небе, огромная и бесконечно прекрасная, с облаками и морями в сапфировой оправе атмосферы. По мере того как корабль огибал планету, его взору представляли континенты во мраке ночи или в сиянии дня: Африка, колыбель человечества; Азия, где человек впервые перестал быть просто дикарем; Европа, где он отбросил думы и обратился к звездам; Австралия — обетованная земля, Антарктида — край героев, но Хейм был счастлив, что довелось ему увидеть, прежде чем корабль устремился к звездам, Америку — страну, первой издавшую закон о свободе человека.

Сомнения и страхи, даже тоска по дому теперь исчезли. Он принял на себя ответственность, и радость бурлила внутри.

Через некоторое время Пенойер доложил:

— Согласно показаниям приборов, режим работы всех систем удовлетворительный.

— Очень хорошо. Так держать.— Нажав кнопку интеркома, Хейм вызвал камбуз:

— Андре? Не могли бы там некоторое время обойтись без тебя? А, ну и прекрасно... Шагай на мостик. И захвати с собой гитару. Возможно, она потребуется.

В голосе венгра послышалась тревога:

— Капитан, вы слушали репортаж из зала Парламента?

— Э... нет. Слишком был занят. Ах, черт! Так ведь уже прошло больше часа с тех пор, как они все начали по новой, так?

— Да, мы поймали луч, передаваемый на Марс. Я смот-

рел репортаж и... в общем-то отсрочки Кокелину не дали. Он пытался тянуть, как мог, с помощью длинного вступления, но председатель предложил ему держаться ближе к делу. Тогда он попробовал представить доказательства касательно Новой Европы, кто-то возразил, и они решили провести голосование, чтобы определить, уместно ли это в данный момент. Голосование еще не закончилось, но уже ясно, что большинство против.

— Ого!

Эта новость не испугала и не поколебала Хейма, ведь сегодня он вновь принял командование кораблем, призванным защитить интересы Земли, но кровь в его жилах побежала быстрее, побуждая к немедленному действию.

— Мистер Пенoyer, — приказал он. — Дайте сигнал к максимальному ускорению и направьте всех, кого только можно, к аварийным системам.

Помощник удалился, вытаращив глаза, однако немедленно и беспрекословно повиновался.

— Радисты, перекиньте сигнал этой дискуссии на наш стереовизор, — продолжал Хейм. — Мистер Вадаж, пройдите, пожалуйста, на мостик. — Он несвесело усмехнулся. — Да, и захватите все же гитару.

— Что случилось, сэр? — спросил наконец обеспокоенный Пенoyer.

— Скоро увидишь, — ответил Хейм. — Франция вот-вот швырнет бомбу во всю эту машину. Мы планировали увести «Лиса» к этому времени достаточно далеко. Ну, а теперь нам будет нужна удача, как бывает нужен ум и красота.

Экран вспыхнул, изобразил какое-то смутное движение, усилившийся гул двигателей почти совсем заглушил голос Кокелина. Земля все уменьшалась, теряясь среди звезд, и все ближе придвигался щербатый лик Луны.

— ... это собрание решило не уступать моей стране ни единого сантиметра. Как хотите, леди и джентльмены. Я собирался преподнести вам это постепенно, поскольку удар в лучшем случае будет не из легких. Теперь вы вынуждены слушать меня независимо от того, готовы ли вы к этому или нет.

Камера давала изображение таким крупным планом, что лицо Кокелина заняло собой весь экран.

«Паршивый трюк» — подумал Хейм. О, если только он не стал жертвой невольного самообмана, на этот раз деше-

прием операторов не достиг своей цели. Вместо того чтобы подчеркивать все недостатки — бородавки, прыщи, волосинки, морщины, — экран показал гнев и несокрушимую силу. Словно подтверждая, что Хэйму это не показалось, в следующее мгновение изображение отодвинулось назад, представив Кокелина маленьким, перебирающим на кафедре бумаги.

— Мистер Президент, distinguished делегаты...

Звуковой перевод лишь отчасти передавал интонации голоса Кокелина — обычно мягкого, но теперь ставшего похожим на сухую и невыразительную декламацию прокурора, излагающего технические детали.

Федерация была основана и существует до сих пор для того, чтобы покончить с трагической анархией, преобладавшей ранее среди наций, и подчинить их закону, который служит всеобщему благу. Теперь закон не может существовать без соблюдения равной справедливости. Популярность того или иного довода не должна приниматься во внимание. Относящимся к делу следует считать лишь то, что законно. Исходя из этого, я от лица Франции уполномочен сделать следующее заявление:

1. Конституция запрещает каждой нации, входящей в состав Федерации, иметь вооруженные силы численностью выше полицейского уровня или каким-либо образом нарушать территориальный суверенитет любой нации. Для проведения в жизнь данного закона Организация Мирного Контроля облечена исключительной военной властью. Она имеет право и должна принять те меры, которые необходимы для пресечения актов агрессии, в том числе и тогда, когда подобные акты осуществляются заговорщиками. Индивидуумы, несущие перед законом ответственность за противоправные действия, должны быть арестованы, и они должны предстать перед лицом Всемирного суда.

2. Военный флот, как часть Организации Мирного Контроля, использовался за пределами Солнечной системы лишь для выполнения сравнительно небольших акций по подавлению мятежей и бунтов или по защите жизни и собственности людей на удаленных планетах. Уполномочивая Флот на подобные действия и заключая соглашения с разными чужаками, Федерация тем самым признала положение, предусматривающее в первую очередь соблюдение интересов инопланетных сообществ, положение, которое было традиционным

среди правительств на Земле во времена, предшествующие Конституции. Таким образом, Земля в целом — это суверенное государство с законной прерогативой самозащиты.

3. Совершив нападение на Новую Европу и проводя ее последовательную оккупацию, алероны совершили акт территориальной агрессии.

4. Если Алерон не считается суверенным государством, ведение с ним переговоров незаконно, и ОМК следует предпринять военные действия против того, что может рассматриваться не иначе как бандитизм.

Зал загудел. Фазиль ударил молотком по столу. Кокелин ждал с сардонической улыбкой на губах. Когда порядок был восстановлен, оратор от лица Франции продолжил:

— Вполне очевидно, что данная ассамблея *считает* Алерон таким же суверенным государством, как и Земля. Исходя из этого:

5. Если Алерон действительно полноправное государство со всеми законными правами и обязанностями, тогда, согласно преамбуле Конституции, он принадлежит к семье наций. В этом случае он должен считаться либо как: а) обязанным воздерживаться от территориальной агрессии под угрозой военной санкции, либо б) не обязанным это делать, поскольку он не является членом Федерации.

6. В случае а) Алерон автоматически подвергается военной санкциям со стороны Организации Мирного Контроля. Однако и в случае б) ОМК тоже предписывается, согласно Конституции и прошлым прецедентам, охранять интересы отдельных людей и государств, входящих в состав Федерации. Еще раз подчеркиваю, эта обязанность возложена на ОМК. Не на данную высокочтимую ассамблею, не на Всемирный суд, а на ОМК, действия которой в зависимости от обстоятельств должны носить военный характер.

7. В соответствии с вышеизложенным, в настоящее время в любом случае между Алероном и Всемирной Федерацией возникает состояние войны.

Все смешалось в невообразимом хаосе.

Вошел Вадаж. Некоторое время он смотрел на экран, показывавший сотни людей, вскочивших с мест и издававших грубые возмущенные или приветственные крики. Потом пробормотал:

— А здесь нет какого-нибудь слабого места?

— Нет,— отозвался Хейм.— Вспомни дело Мусульманского Союза. Кроме того, я перечитал заново Конституцию, и там все сказано вполне ясно. Конечно, наше счастье, что она была написана до того, как мы встретились с иножителями, не уступающими нам по развитию.— Он повернулся к помощнику.— Как радар?

— О? О... о да. По правому борту на высоте около 10 000 км, вектор примерно тот же, что и у нас.

— Проклятье! Должно быть, это одно из соединений Военного флота, вызванного для обороны Земли. Ну что ж, поживем — увидим.

Хейм, не обращая внимания на бесновавшуюся толпу на экране, смотрел на холодное спокойствие Млечного Пути, думая о том, что хотя бы это должно сохраниться.

Каким-то образом тишину все же удалось восстановить. Кокслин терпеливо дождался этого момента, взял в руки другой листок с отпечатанным на нем текстом и продолжал тем же сухим тоном:

8. В случае территориальной агрессии государства — члены Федерации обязаны оказывать ОМК любую посильную помощь во имя Федерации.

9. В понимании Франции это подразумевает неотъемлемую обязанность оказывать военную помощь колонистам Новой Европы. Однако член Федерации не имеет права на производство или владение ядерным оружием.

10. Подобного запрета не существует для отдельных индивидуумов, которые вне Солнечной системы могут иметь такое оружие для собственных нужд при условии, что не допустят его проникновения в пределы системы.

11. Не существует также закона, запрещающего любому государству — члену Федерации проявлять одностороннюю инициативу по предоставлению свободы действий частной военной экспедиции, которая берет на себя все связанные с этим расходы. Мы допускаем, что они, частные предприниматели, должны формально считаться гражданами страны, под флагом которой они выступают, и что это, возможно, противоречит национальному закону о разоружении. Мы допускаем также, что окончательно выдача каперских свидетельств и свидетельств, санкционирующих репрессалии, была запрещена Парижской декларацией 1856

года. Однако в то время, как данная Декларация связывает тех, кто под ней подписался, она не распространяется на Федерацию в целом, поскольку она не подписывала данный документ и поскольку ее членами являются такие страны, как, например, США, которые тоже под ним не подписывались. А мы уже убедились на основе вышеизложенного, что Федерация — это суверенное государство, обладающее всеми правами и обязанностями, которых она должна четко и неукоснительно придерживаться.

12. Таким образом, Федерация имеет ничем не ограниченное право на выдачу каперских свидетельств, санкционирующих репрессалии.

13. Исходя из этого, а также согласно параграфам 7,8,9, Франция имеет право и обязана выдавать каперские свидетельства и свидетельства, санкционирующие репрессалии, во имя Федерации.

Именно так Франция и поступила.

Стереовизор пищал — слабее и слабее с каждой минутой, по мере того, как «Лис-2» наращивал ускорение и все быстрее удалялся от Земли. В то время, когда луч, направленный на Марс, потерялся и прием пропал, заваруха в Капитолии все еще продолжалась.

Пенойер сказал:

— Ну и ну! Что же теперь будет?

— Бесконечные споры, — отвистил Хейм. — Кокслин будет драться за каждую запятую. Между тем ничего нельзя поделаться с проявлением мягкотелости по отношению к алеронам. Будем надеяться, что люди, не лишенные мозгов, поймут, что Кокслин выиграл начало сражения, сплотятся вокруг него и... я не знаю.

— Но что будет с нами?

— Возможно, нам удастся удрать прежде, чем кто-нибудь догадается, о каком французском предпринимателе шла речь. Конечно, официально они не имеют права задерживать нас без санкции Министерства Военного флота, а вам хорошо известно, сколько времени уходит на получение такой санкции. Но ядерный снаряд — это своего рода итог, и тот, кто его выпустит, приобретет в лице членов суда могущественных друзей.

Вадаж настроил гитару и негромко запел:

Моргенрот, моргенрот...

Хейм долго не мог понять, что это такое, пока не вспомнил старый-престарый кавалерийский марш австрийцев:

Утро красное, утро красное,
Засияешь ли ты мне, мертвому?
Скоро трубы затрубят,
И я должен буду пойти на смерть,
Я и немного моих верных друзей.

Но песня эта была из категории грустных, ее пели хором отряды молодых веселых людей, которые скакали верхом на резвых конях, и солнце ярко освещало их знамена и пики.

Хейм громко рассмеялся.

— Эй! Идея! Речь Кокелина состояла ровно из тринадцати пунктов. Интересно, случайность это или нет?

Никто не отозвался, кроме струн. Хейм погрузился в собственные мысли... Конни, Мэдилон, Джоселин... Земля и Луна остались далеко позади.

— ПСА-СН «Нептун» вызывает крейсер «Лис-2». Подойдите ближе, «Лис-2».

Раздавшийся внезапно голос буквально подбросил их вверх.

— Господи Иисусе,— прошептал Пеннойер,— бласт-корабль.

Хейм проверил показания радара.

— Идет курсом, параллельным нашему. И собирается переходить на перехват. К тому же говорят с нами по-английски, хотя у нас французские опознавательные знаки. Стало быть, они знают...

Закусив губу, он сел за передатчик.

— «Лис-2» вызывает «Нептун»,— сказал он.— Слышим вас. На связи капитан. Каковы ваши намерения? Отбой.

— На связи капитан контр-адмирал Чинг-Кво, командир «Нептуна». Сбросьте ускорение и будьте готовы принять на борт наших людей. Отбой.

У Хейма засосало под ложечкой.

— Что это значит? — выпалил он.— У нас есть разрешение на полет. Отбой.

— Вы подозреваетесь в незаконных намерениях. Вам приказано вернуться на орбиту Земли. Отбой.

— У вас есть предписание Министерства? Отбой.

— Я покажу вам документ, удостоверяющий мои полномочия, когда ступлю к вам на борт, капитан. Отбой.

— Если у вас этого документа нет, то окажется, что я

напрасно потерял время. Установите видеоконтакт и покажите мне его. В противном случае я не обязан повиноваться вам. Отбой.

— Капитан, — сказал Чинг-Кво, — у меня есть приказ. Если вы откажетесь следовать инструкции, я буду вынужден открыть огонь.

Взгляд Хейма блуждал среди звезд.

Нет-нет! Только не это! Еще час — и мы были бы уже далеко! Один час.

Внезапно словно пламя охватило его.

— Ваша взяла, адмирал, — ответил он. Собственный голос показался ему чужим. — Я уступаю, хотя и против своей воли. Дайте хотя бы время на вычисление, и мы пойдем вам навстречу. Отбой и конец связи.

Он рывком выключил передатчик и нажал кнопку связи с машинным отделением.

— Капитан вызывает главного инженера, — сказал он. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — рыкнул Утхг-а-к, тхакв, — все нормально?

— Не тут-то было. Кто-то выпустил джинна из бутылки. Возле нас болтается бласт-корабль и обещает обстрелять, если мы не остановимся и не сдадимся. Приготовьтесь к переходу на ускорение Маха.

— Капитан! — возопил Пенойер. — Вы что, собираетесь так глубоко забираться в солнечное поле?

— Если синхронизатор в порядке, это осуществимо, — сказал Хейм. — Ну, а если нет... тогда мы просто станем мертвецами, не более того. Утхг-а-к, тхакв, как ты думаешь — не слабо нам повернуть этот трюк?

— Гвуррру! Что за вопрос!

— Ты сам осматривал двигатели, — продолжал Хейм, — и я тебе доверяю.

За его спиной запела гитара Вадажа.

Мгновение интерком передавал только пульсацию механизмов. Затем раздался голос Утхг-а-к, тхаква:

— Капитан, я не Бог. Но мне кажется, у нас есть неплохой шанс. И я доверяю тебе.

Хейм включил общий интерком.

— Слушайте все, — произнес он на фоне музыкального сопровождения Вадажа. — Немедленно приготовиться к ускорению Маха.

Пенойер сжал кулаки.

— Да, да, сэр.

Гудение на корме все нарастало, пока не превратилось в гул, напоминающий порывы шквального ветра и шум огромных волн. Пространство искривилось. В иллюминаторах танцевали звезды.

Ключ к этому феномену был подобран в далеком прошлом Эрнстом Махом из Австрии (Моргенрот, моргенрот). Нет ничего, что существовало бы изолированно. Инерция не имеет никакого значения без инерционной системы координат, которой должна являться вся Вселенная. Эйнштейн доказал, что инерционная и гравитационная массы — это одно и то же. Но что касается самих этих явлений... Гравитационную можно рассматривать как выравнивание искривленного пространства. Тогда инерция — это индукционное влияние на массу космического гравиполя. Если гравитроны вашего корабля способны изгибать пространство — не в той незначительной мере, которая необходима только для взлета и короткого броска, а по замкнутой кривой, то ускоряющая его сила не встречает никакого сопротивления. Теоретически вы можете двигаться с любой скоростью. Границ больше не существует.

«Нептун» выстрелил. Недолет в миллион километров. Адмирал корабля бросился к приборам. Возможно, так и есть, его надежда не оправдалась: этому помешали силы, порожденные чудовищным смещением координат здесь, где все подчиняло себе Солнце. На приборах — никаких показаний: ни обломков, ни следов — ничего, кроме завывания протонов, отброшенных дугообразной волной, поднятой обгоняющим свет кораблем. Адмирал не осмелился его преследовать.

Хейм выпрямился и расслабился.

— Ну что ж, — сказал он. — Дело сделано.

Но ликование, бушевавшее в нем, невозможно было выразить никакими словами. Что же касается Вадажа, то он что было мочи вопил:

Глория, Глория, аллилуйя!

Глория, Глория, аллилуйя!

Ну вот мы и на воле!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОРТ-АРСЕНАЛ

Глава 1

Когда прибыл корабль с Земли, Гуннар Хейм торговался с посыльным из ядерной кузницы. Аэри-Требогир, от имени которого говорил Ро, мог продать оружие; но при этом поставил некоторые условия.

Изобилующая свистящими и шипящими звуками речь инопланетянина звучала в наушниках и тут же переводилась Грегориосом Куманодисом:

— ... ракета развивает такую скорость, поскольку пусковой толчок ей дают гравитроны ее собственного корабля.

Хейму хотелось изобразить колебание наподобие того, какое, бывало, проявляли раньше при покупке лошади, и задумчиво почесать в затылке или сделать что-то в этом роде. Но в данных обстоятельствах это выглядело бы глупо. Проклятый скафандр! Как жаль, что его нельзя снять. Хейм стоял на специальной платформе, поддерживающей его вес в нормальном состоянии; но даже его двухметровое тело, которое приобрело во время полета первоклассную форму, ощущало тяжесть скафандра, который ему приходилось на себе таскать. Сначала он не собирался выходить из корабля, рассчитывая установить наружную стереосвязь из «Конни» и таким образом встретиться с представителями Строна, но Куманодис отговорил его от этого.

— Они отнесутся к вам с большим уважением, если вы посетите их лично, — сказал грек. — Это, разумеется, ирра-

ционально, однако они придают большое значение физической силе. А те, к кому они проникаются уважением, удостоиваются и лучшего обращения.

— Итак,— Хейм, прищурившись, взглянул на ослепительно голубое солнце,— я вижу некоторые преимущества. Однако, будучи ограничен в маневренности, я превращусь в подсадную утку.

Куманодис передал его возражение на языке, преобладавшем на территории от Кимретских высот до Железного моря. Ро развел руками в жесте, на удивление похожем на человеческий.

— Утрата маневренности — это еще не самое страшное, поскольку для стрельбы требуется лишь доля секунды. После этого корабль вновь мгновенно приобретает полную силу в маневре. Для верности необходимо осуществить синхронизацию системы с двигательным комплексом, но сделать необходимые изменения на вашем корабле, я думаю, будет не так уж сложно.

Хейм непроизвольно посмотрел на небо: где-то за этим пурпурным сводом, за этими голубовато-ледяными облаками вращался на орбите вокруг Строна «Лис-2», а грузовые ракеты совершали рейсы туда и обратно со своим смертоносным грузом, и люди вместе с инопланетянами ползали по крейсеру, словно муравьи, вместе делая одно дело: подготавливая корабль к войне. Теперь уже осталось не очень много. И Хейм каждой своей клеточкой рвался в небо. Ведь лишний день, проведенный им здесь, означал, что алероны стали еще сильней, а судьба людей на Новой Европе еще безнадежнее.

И все же единственный капер, совершающий рейды в Фениксе, был ужасно одинок. Поэтому, если появлялась любая возможность, даже самая микроскопическая, получить какие-то преимущества, капитан не имел права упустить эту возможность. Такую, например, какую, как утверждал Ро, можно изготовить в Аэри-Требогир. Предложение было заманчиво...

— Сколько времени потребуется на установку всей системы? — спросил Хейм.

Четыре когтистых пальца, расположенных по всей окружности ладони, снова пришли в движение.

— Несколько дней. Точнее сказать нельзя, поскольку наши технологи недостаточно хорошо знакомы с судами ва-

шего класса. Могу ли я сделать капитану предложение, чтобы он прислал своего высокочтимого главного инженера для обсуждения некоторых деталей с нашими технологами?

— М-ммм... — Хейм задумался. Его взгляд перешел с Ро на Гальвета, который бесстрастно ждал, не коснется ли разговор Ложи. Но бласт-ружье неподвижно покоилось в руках наблюдателя. Если на лице Гальвета и появилось какое-то выражение, то это было выражение сонливости, при котором его желтые глаза то и дело устало закрывались. Таким образом, человеку невозможно было понять, какие мысли бродят в узких головах стронов. Трудно было даже различать отдельных индивидуумов. Отличительные черты не бросались в глаза из-за их абсолютной чужеродности. Оба — и Ро, и Гальвет — достигали в длину около трех метров, но половину этого составлял толстый хвост, имевший на конце нечто вроде рулевой стойки, на двойной спирали которой покоилось безногое туловище. Килевая кость выступала вперед, словно нос корабля. Лицо представляло собой острую морду с клыками наподобие волчьих и маленькими круглыми ушами. Оно здорово напоминало маску, и это впечатление создавалось не столько темной полосой, проходящей через глаза, сколько ноздрями, спрятанными под подбородком. Сероватая поросьль — не шерсть и не перья, а нечто среднее между ними — покрывала всю поверхность тела. Одежды никакой не было, кроме двух поясов с кармашками, идущих крест-накрест от плечей к талии. И на все это ложилась тень от двух гигантских, как у археоптерикса, крыльев — семи метров в размахе.

Если приглядеться повнимательнее, различия можно было заметить: Гальвет отличался некоторой худобой, а его покров имел серебристый оттенок, что было равнозначно седине. А Ро был еще в полном расцвете сил, свойственном молодости. Кроме того, Гальвет носил нечто вроде пряжки с золотым орнаментом, которая была отличительным знаком Ложи, в то время как Ро имел черно-красную татуировку с геометрическим рисунком — такую же, как и другие жители Требогира.

Хейм повернулся к Куманодису.

— Ну, а что ты думаешь? — спросил он.

Тучный переводчик пожал плечами.

— Я не специалист в этих вопросах.

— Но, черт побери, ведь ты и Уонг провели здесь пару

месяцев. Так должны же вы были замстить, кто компетентен в таких делах и кому можно верить, а кому нет.

— А, вы насчет этого! Разумеется. Правитель Требогира — не какой-нибудь грабитель. У него доброе имя. И с ним можно иметь дело.

— Ладно.— Хейм принял решение.— Тогда скажи этому посланнику, что его предложение меня заинтересовало. Я вызову с «Лиса» бортинженера при первой же возможности — сейчас он занят, поскольку должен проконтролировать работу подрядчиков из «Хест Вениливсейн», устанавливающих компьютеры по управлению режимом работы огневых установок,— и тогда мы приедем к ним в Аэри и на месте обсудим все дальнейшие детали.

— Вы не должны быть столь прямолинейны,— сказал Куманодис.— Члены Ложи — это члены Ложи, но все они разные. Например, в Ложе Гисзда цветистые фразы любят не меньше, чем в Японии или где-нибудь в арабских странах.

С этими словами он повернулся к посланнику и, старательно подбирая слова, начал передавать сказанное Хеймом в своей интерпретации.

Внезапно сквозь ветер, шуршавший красной листвою низкорослого леса вокруг космопорта, сквозь шум прибоя в километре от него пробился жалобный вой. Он все нарастал, превратился в громоподобный рев, тяжелый воздух раскололся и на бетонное поле и на здания из лавровых блоков упала тень. Все посмотрели вверх.

На поле опускался закругленный цилиндр. Бело-голубые отсветы на его металлической поверхности были такими ослепительными, что Хейм отвернулся. Но он узнал эту конструкцию и почувствовал, как дрогнуло сердце.

— Звездолет! Земной конструкции... Что происходит?

— Я... не... знаю.

Лицо Куманодиса с большим носом приобрело багровый оттенок, так что это было заметно даже сквозь темное стекло шлема.

— Мне никто ничего не говорил. Гальвет! — Он повернулся к строну и нервно выпалил вопрос.

Член Ложи нехотя проямлил что-то в ответ.

— Он говорит, что не придавал этому значения и не знал, что это интересует нас,— перевел Куманодис.

— Проклятье! — чертыхнулся Хейм.— Но ведь он же знает об алеронском кризисе! И наверняка получил какую-

нибудь писанину о наших неладах с собственным правительством. Ложа, должно быть, остановила этот корабль для инспекции не далее как вчера. Почему же нас не предупредили?

— Никогда нельзя знать наверняка, насколько хорошо понимают нас страны, — ответил Куманодис. — На их взгляд, это странно, что мы не смогли вооружиться дома и затем отправиться, когда и куда захотим. Кроме того, эти люди не могут иметь при себе какого-нибудь серьезного оружия, иначе им не позволили бы совершить здесь посадку.

— У них может быть ручное оружие, — огрызнулся Хейм. — У нас оно есть. Постарайся отделаться от этих ублюдков как можно быстрее, Грег, и возвращайся на корабль. Я пока предупрежу наших ребят.

Он быстро зашагал через платформу к посадочной аппарели и взбежал по ней наверх к воздушному шлюзу. Там он был вынужден ждать, пока сменится атмосфера, и сам он не подвергнется декомпрессии. При мысли о том, что все достигнутое с таким трудом может пойти насмарку, Хеймом вновь овладела слепая ярость, которая, как он полагал, осталась на Земле. За те две недели, которые необходимы были «Лису» для преодоления пути в сотню с лишним световых лет к этой звезде, или за те три недели, которые последовали за первыми двумя и в течение которых корабль переснащался, могло произойти все что угодно. Если партия умиротворения одержала победу, если его каперское предприятие было объявлено вне закона...

Конечно, снова и снова говорил он себе, этот корабль не принадлежит Военному флоту Федерации. Просто маленькое гражданское судно. Но страны не позволяют никаким военным кораблям, кроме собственных, курсировать возле их планет. Если это судно просто доставило мне официальный приказ вернуться домой... Что ж, хорошо, тогда встает вопрос: что в этом случае делать? Продолжать делать то, что намечено, уже в качестве пирата? От этого будет мало толку. Вся идея заключалась в том, чтобы создать такую ситуацию, из которой Земля могла бы извлечь пользу. Если Земля отказывается от этого шанса и отрывается от нас, нам остается одно — стать всего лишь источником неприятностей для алеронов до тех пор, пока нас не загонят в угол и не прикончат. Я больше никогда не увижу Землю.

Он словно бы вновь увидел планету, где встретил свою единственную, неповторимую любовь и где был счастлив.

Может быть, что-то удалось бы даже пирату. Был ведь когда-то Дрейк—Золотая Рука... Правда, тогда были иные времена и люди не отличались такой феноменальной трусливостью.

Дверь распахнули. Хейм вошел внутрь яхты, которая теперь исполняла роль вспомогательного судна при звездолете, и открыл шлем.

Андре Вадаж был на мостике. Тонкое смуглое лицо местреля было обращено к иллюминатору: сквозь стекло был виден чужой корабль, приближавшийся в искаженных гравитронами лучах света. Когда шаги Хейма прогрехотали по палубе, он не оглянулся, только сказал ничего не выражающим голосом:

— Я приказал членам экипажа находиться в боевой готовности и принес из вашей каюты вашу лучшую винтовку.

— Молодцом! — Хейм положил оружие на сгиб локтя. Его массивность, твердость и красивая форма придавали уверенности. Это была циклическая винтовка тридцатого калибра системы «Браунинг», способная выпускать сорок пуль в минуту в любой атмосфере или при отсутствии оной,— гордость коллекции Хейма. Вадаж, тоже в расстегнутом скафандре с открытым шлемом, сидел возле лазерного орудия.

— Я не совсем уверен,— заметил венгр,— смогут ли шесть человек сделать что-нибудь, если они попытаются атаковать нас. В этом корабlike их, как минимум, раз в пять больше.

— Мы можем продержаться, пока не прибудет помощь с «Лиса»,— сказал Хейм.— А их там в общей сложности около сотни. Это в том случае, если Ложа не остановит сражение.

— О, в этом я сомневаюсь,— пробормотал Вадаж с легкой улыбкой.— Их прекрасный космопорт вряд ли пострадает, к тому же, судя по тому, что я слышал о странах, препятствовать кровопролитию — не в их правилах.

Он указал на несколько крылатых теней, круживших на фоне туч над западной оконечностью острова Орлинг.

— Они с удовольствием посмотрят этот спектакль.

Хейм приказал радисту связаться с «Лисом». На это потребовалось некоторое время. Луч должен был пройти через наземную станцию и пару ретрансляционных спутников.

Уонг находился на орбите в качестве переводчика при рабочих отрядах землян и стронов, а радисты плохо знали местный язык. Пришелец должен был спуститься с минуты на минуту.

«Это просто мнительность, — попытался успокоить себя Хейм. — Но, с другой стороны, зачем лететь сюда земному кораблю, если не в связи с моей авантюрой?»

Торговать? Да, да, время от времени торговые корабли действительно навевывались сюда с Земли, Наквсы или с какой-нибудь другой планеты, имеющей космический флот. Вот почему производители оружия на Строне готовы принять от меня кредиты моей Федерации. Но уж, конечно, не сейчас, когда алеронский кризис близок к взрыву».

Вадаж тихонько насвистывал «Бойдансюб» — самое подходящее время! А впрочем, он, быть может, просто хотел вспомнить, пока у него еще есть такая возможность...

Земля, корпус яхты и тело Хейма в последний раз вздрогнули, когда стойки неизвестного корабля коснулись бетонной полосы. Его тень, упавшая на «Конни», целиком поглотила яхту. Через интерком Хейм слышал крепкие словечки, отпускаемые членами его экипажа, бормотание радиста, сидящего у передатчика, и храп ядерного двигателя, приведенного в состояние готовности. Вентилятор обвевал прохладным воздухом его лицо, покрытое капельками пота. Когда на мостике появился Куманодис, Хейм повернулся к нему с поспешностью, в которой выразилось все его напряжение.

— Ну? Ты что-нибудь узнал? — рывкнул он.

Грек с облегчением вздохнул.

— Мне кажется, все в порядке, сэр. Насколько я понял Гальвеста, они хотят побыть здесь некоторое время, осмотреться и кое-что узнать. Короче говоря, ксенологическая экспедиция.

— На эту планету? — недоверчиво спросил Хейм.

— Ну, в конце концов, мы сейчас находимся в Гидре, — заметил Вадаж. — А вся эта заваруха происходит в Фениксе. Отсюда вполне приличное расстояние.

— От Эйфа — не дальше, чем Альфа Эридана, — возразил Хейм, — где у нас состоялась самая крупная заваруха с алеронами. И это было много лет назад. Они расползлись по всему этому сектору. Кроме того, на организацию экспеди-

ции нужно время. Почему же мы ничего не слышали о ней на Земле?

— Мы были слишком заняты,— сухо ответил Вадаж и подошел к радиотелефону.— Может быть, стоит попробовать связаться с ними?

— Что?.. О да, разумеется.

Хейм мысленно чертыхнулся, что забыл о такой простой вещи.

Связь установилась сразу.

— «Поиск», США, — произнес мягкий молодой голос.— Капитан занят, сэр, но я могу соединить вас с доктором Брэгдоном. Он возглавляет научную бригаду.

Облегчение, испытанное Хеймом, было подобно удару. Он буквально осел в своем скафандре.

— Так, значит, вы здесь лишь для того, чтобы проводить исследования?

— Да, сэр. Экспедиция Гавайского университета по согласованию с Научно-исследовательским филиалом Федерации. Один момент, пожалуйста.— Экран замерцал, и на нем появилось изображение каюты корабля, до отказа забитой книгами разных форматов. Человек на переднем плане тоже был молод — этакий здоровяк с темными волосами и крупными чертами лица.

— С вами говорит Виктор Брэгдон,— сказал он, и вдруг челюсть его отвисла.— Бог мой! Так это вы, Гуннар Хейм!

Капитан капера не ответил. Он был слишком ошеломлен. Женщина, стоявшая позади Брэгдона, наклонилась над его плечом и встретилась взглядом с Хеймом широко раскрытыми глазами. Она была высокого роста, простой серый костюм на молнии плотно облегал ее сильную женственную фигуру.

Лицо ее тоже привлекало внимание не столько заурядной миловидностью, сколько выраженной в нем силой: прямой нос, широкий рот, высокие скулы и лоб, обрамленный вьющимися каштановыми волосами. Несколько лет назад это лицо не давало ему заснуть. Когда он увидел имя Джоселин Лори в заголовке листовки, выпущенной организацией «Военные мира за мир», старая боль ожила в нем, и он с еще большим рвением продолжил свои приготовления к войне.

Ошеломление первых минут прошло, уступив место познанию. Хейм почувствовал, как напряглись его мышцы.

— Что вы здесь делаете? — выкрикнул он.

Глава 2

Впоследствии Хейм с грустной иронией вспоминал о своей осторожности. Не прошло еще и часа со времени приземления «Поиска», как он поднял яхту, ссылаясь на срочную необходимость своего присутствия на борту «Лиса-2». Однако Куманодис вызвался остаться на борту прилетевшего корабля, дабы нанести визит вежливости.

Хейм знал, что грек выполнил большую работу по заключению предварительных договоров на Строне. Невозможно, удастся ли ему столь же успешно достичь взаимопонимания со своими собратьями-землянами, но у Хейма не было выбора. Остаться должен был либо Куманодис, либо Уонг — единственные, кто бегло говорили на местном языке и поэтому могли пользоваться лазерной линией космопорта, гарантирующей невозможность подслушивания.

По прошествии двух вахт от Куманодиса поступило донесение:

— С ними все в порядке, шкипер. Меня провели по всему кораблю, и я имел возможность поговорить с каждым. В экипаже у них пять человек плюс капитан, его помощник и бортинженер. Все они — самые обычные косморобочие, подписавшие контракт на этот исследовательский полет, как подписались бы на любой другой. Тут не спутаешь. Или надо быть слишком хорошим артистом. Но такие работают на стереовидении, а не в космосе.

— Им вовсе не обязательно играть, — сказал Хейм. — Достаточно надеть на себя ничего не выражающую маску.

— Но эти парни совсем не такие. Они обступили меня и буквально засыпали вопросами о нашей экспедиции. В целом они считают, что наша идея чертовски удачна. Двое из них даже изъявили желание к нам присоединиться.

— Угу. Это меня не удивляет. Простые люди часто проявляют больше здравого смысла, чем представители интеллектуальной элиты. Но постой, к числу последних относится кто-нибудь из офицеров?

— Да, инженер. Капитан Гутьерсц и первый офицер... В общем, они были непроницаемы, как метеориты. Я до сих пор не знаю, что у них на уме. Возможно, в принципе они воспринимают нас негативно, полагая, что война — это дело регулярного Военного флота. Но я постарался доказать целесообразность нашей экспедиции. Упомянул ее бескоры-

стные цели, официальные документы, подтверждающие ее законность, и т. д.

— А как насчет ученых?

— Разношерстная команда. Мне кажется, Брэгдон и миссис Лори — единственные, кто когда-либо бывал за пределами Солнечной системы. Среди них есть еще один ксенолог, семантик, глоссаналитик, биолог и полдюжины аспирантов в качестве помощников. Насколько я понял, прежде никто из них не бывал на Строне.

— Странно.

— Чарли Уонг и я тоже впервые попали сюда с вашей экспедицией, босс. Они сделали то же самое, что и мы: опирались на имевшуюся информацию и по дороге выучили основной язык с помощью РНА-электро. Этот прибор кого угодно натаскает за каких-нибудь две-три недели. Как бы там ни было, я могу вам с уверенностью сказать, что людей этого типа можно не опасаться. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них, кроме Брэгдона, умел обращаться с ручным или любым другим оружием. Мы и наши убеждения их не очень волнуют, так что взаимоотношения между нами все равно были бы слегка натянутыми, даже если бы по отношению к ним не было проявлено никакой грубости. Они не представляют для нас никакой угрозы.

— Это можно сказать про всех? — спросил Хейм, вдруг ощутив огромный упадок духа.

— Нет. Забавно, но и мистер Брэгдон, и миссис Лори весьма дружелюбны. Он один раз заметил, что не согласен с вашими идеями, но очень уважает вас за мужество, а она сказала, что надеется вскоре снова увидиться с вами. Может быть, вы все же нанесете им визит?

— Да, — мягко ответил Хейм. — О да.

Через час «Конни» уже набирала скорость, возвращаясь с орбиты к планете.

Сидя на мостике, Хейм слушал гудение яхты и биение собственного сердца в такт мелодии фламенко, исполняемой Вадажем. Некоторое время оба молчали, не отрывая глаз от зрелища в иллюминаторах.

Строн, диаметр которого в два с половиной раза, а масса — в девять с половиной раз больше земной, гигантским шаром катился среди непроглядной тьмы. Моря сияли благородной голубизной; континенты, испещренные пятнами белоснежных облачных скоплений, были коричневато-жел-

тыми или цвета киновари. Вдоль линии горизонта атмосфера образовывала неистовый яркий обод; и над всем этим озаренное горячим солнцем класса Ф-Б струилось свечение, превращавшееся возле полюсов в огромное знамя зари, взметнувшееся высоко вверх, в космос. Позади виднелись две луны, сиявшие ледяным светом, а еще дальше мерцали странные созвездия.

— Когда я вижу что-нибудь наподобие этого,— пробормотал Хейм,— я всегда удивляюсь.

Вадаж перестал играть и, по-птичьи наклонив голову, взглянул на него.

— Чему удивляешься?

— Какого черта мы теряем время на то, чтобы ненавидеть и убивать, когда мы можем его потратить на... А, не имеет значения.— Хейм достал трубку.— Все это только служит поводом для раздоров.

Вадаж пристально смотрел на него.

— Я уже изучил тебя достаточно хорошо, Гуннар,— сказал он.— Ты не подходишь на роль Гамлета. Что случилось на самом деле?

— Ничего!

— А, прости, если я сую нос не в свои дела, но успех этого предприятия зависит от тебя. Причиной для расстройства послужило появление леди, не так ли?

— Я был всего лишь удивлен, не больше. Когда-то мы были друзьями.— Хейм принялся старательно набивать трубку. Но твердый взгляд венгра заставил его продолжать: — Несколько лет назад мы с женой довольно много общались с четой Лори. Незадолго до смерти Конни они улетели на Уранию, в систему Ипсилон Индеец, чтобы оборудовать в тамошней колонии фабрику по изготовлению станков. Должно быть, дела там пошли не очень хорошо, потому что в прошлом году она вернулась оттуда, будучи уже в разводе с мужем. Конфликт с алеронами находился уже в серьезной стадии, хотя дело еще не дошло до нападения на Новую Европу, и она стала активно участвовать в движении за мир. У нее совсем не было свободного времени: постоянные разъезды, митинги, собрания... Поэтому мы виделись всего несколько раз, да и то мельком, на больших официальных встречах, где любят много и без толку болтать. Я... э... почти не сомневался, что она не захочет говорить со мной теперь, после того, что я сделал.

— И теперь приятно удивлен, э? Она действительно привлекательна. И тебе это особенно должно быть заметно. О... — Улыбка Вадажа была обезоруживающей. — Не стоит слишком пристально присматриваться к интимной жизни своего ближнего. Однако, Гуннар, хотя ты был слишком занят, я чувствовал, что ты совершаешь ошибку, не... как бы это сказать... в общем, не подготавливая себя к длительному путешествию в исключительно мужском обществе.

Хейм ухмыльнулся в ответ.

— Мне и так стоило немалого труда сочинять всякие небылицы в оправдание твоих отлучек. Как я мог сказать, что герой занят любовными похождениями?

— Тише! — Вадаж стал красным, как помидор, и принялся радостно дергать струны на гитаре.

«Однако в его словах, быть может, есть доля правды, — подумав, решил Хейм. — Я мог бы... Конни поняла бы меня. Так же, как когда-то поняла в отношении Джоселин. Одному Богу известно, сколько с тех пор могло быть других женщин... Может быть, я слишком много думал о Мэдилон, оставшейся на Новой Европе. Проклятая глупость. О... не знаю, все перепуталось».

Вот что он вспомнил и понял потом.

Не совсем уверенно он нажал кнопку на ее двери. Она открыла, когда еще не стих звон колокольчика.

— Гуннар, — сказала она и взяла обе его руки в свои. — Я так рада, что ты смог прийти.

— С твоей стороны было очень мило меня пригласить, — сказал он.

— Ерунда, когда два старых друга встречаются снова на полпути между домом и Южным Крестом, что еще они могут сделать, кроме как устроить небольшой прием наедине? Ну, входи же...

Дверь за ним закрылась. Он огляделся. Ее каюта была большая и комфортабельная, и Джоселин сумела сделать ее уютной. Хейм узнал некоторые вещицы из ее бывшего дома в Сан-Франциско: репродукции Матисса и Хиросиге, несколько потрепанных томиков Катулла, Йетса, Тагора, Пастернака и Мозуник-Лопеса, флейту... Когда-то ему нравилось слушать, как она на ней играет. Были здесь и сувениры из системы Ипсилон Индеец — не столько с Урании, сколько с застывшего Нового Марса. Затем его внимание вновь

переключилось на хозяйку, и он замер. На Джоселин было электрическое голубое платье и ожерелье из массивного серебра, какие носят на Геане. Ее туалет был одновременно и скромным, и ошеломляющим. Или так просто казалось, поскольку под ним легко угадывались знакомые линии.

«Очнись, парень», — внутренне сказал себе Хейм, а вслух произнес:

— Ты не изменилась.

— Лгунишка. Однако благодарна. — Ее глаза задержались на нем. — А вот ты изменился. Усталый, сердитый человек.

— Ну почему же, нет, сейчас я чувствую себя счастливейше, чем... — Она не дала ему договорить, отпустив его руки и направившись к столу, на котором стояли бутылки и лед.

— Давай чего-нибудь выпьем, — сказала она. — Насколько я помню, ты любишь шотландское виски. А вот еще глинтвейн.

— Как? Ведь ты всегда предпочитала легкие вина?

— Видишь ли, Вик... ну, ты, конечно, понял — доктор Броддон... он разделяет твои вкусы и любезно предоставил в наше распоряжение свой бар.

Она начала разливать вино. Мгновением бульканье льющегося вина в бокал было единственным звуком во всей Вселенной.

«Черт меня дерит, какое право я имею ревновать?» — подумал Хейм и тут же нарушил молчание:

— Я не совсем понял, что ты тут делаешь вместе с ним.

— Официально я — секретарь при экспедиции. Определенные навыки этой работы я получила еще до замужества, а затем постепенно утратила их, вступив в движение за мир. Потом они мне сновагодились на других планетах, включая планеты, где для жизни требуется специальное снаряжение. Мне приходилось довольно часто бывать на Новом Марсе — якобы для того, чтобы сопровождать геологоразведчиков с Эдгара, а на самом деле — просто чтобы куда-нибудь убраться... Но это не важно. Все это в прошлом. Когда я услышала об этой экспедиции, я подала заявление с просьбой об участии и, к своему удивлению, получила положительный ответ. Наверное, потому, что понастоящему соответствующие этой должности люди боялись оказаться в такой близости от большого коварного Алерона, а отчасти потому, что я смогу справиться с этим.

Она подала ему бокал и подняла свой.

— Добро пожаловать на борт нашего корабля, Гуннар, за прежние дни.

Они молча чокнулись бокалами.

— За те дни, когда жизнь была проста и прекрасна,— добавила Джоселин. Сделав глоток шабли, она снова произнесла тост, на этот раз с вызовом: — А теперь за будущее, мы сделаем его таким же.

— Что ж, будем надеяться.

Уголки его губ приподнялись. Джоселин всегда любила чересчур все драматизировать, но ему, с его флегматичностью, это даже нравилось.

— Садись.— Взмахом руки она указала ему на кресло, но он сел на стул. Джоселин усмехнулась и, опустившись в кресло, принимающее форму тела, расслабилась.— Ну, а теперь,— сказала она,— Расскажи мне о себе.

— Разве ты еще не наелась сообщениями обо мне в газетах?

— Да уж, недостатка в них не было.— Она прищелкнула языком.— Вся Солнечная система пришла в волнение. Половина требовала повесить тебя и бросить на Францию водородную бомбу за содействие твоей авантюре. Остальные...— От ее юмора не осталось и следа.— Я не знала, что ваша политика имеет столько сторонников среди населения. Твой шаг как бы слил их всех воедино, выкристаллизовал в одно целое.

Усилием воли подавив вспыхнувшие эмоции, Хейм сказал:

— Честно говоря, именно на это я и рассчитывал. Один решительный жест, чтобы пробиться сквозь эту чертову путьницу... Ну, ты можешь выставить меня вон.

— Нет, Гуннар, никогда.— Она наклонилась и легко хлопала его по руке.

— Я считаю, что ты неправ, ужасно неправ, но я никогда не сомневалась в честности твоих намерений.

— То же самое я мог бы сказать о тебе, разумеется. Хотелось бы мне, чтобы это относилось и к некоторым из твоих союзников. Да и из моих тоже, чего греха таить. Не могу сказать также, чтобы я питал особую любовь к некоторым довольно мерзким фанатикам.

— Я тоже. Военные... я покинула их организацию, когда они начали открыто аплодировать насилию толпы.

— Они пытались шантажировать меня через мою дочь,— сказал Хейм.

— О, Гуннар! — Она сжала его пальцы.— А я даже не навестила тебя за все это время. Постоянно было столько дел... Сначала это движение за мир, потом полет на Венеру, а когда я вернулась и узнала обо всем, уже все закончилось и ты улетел. Но... это ты серьезно? Неужели люди Ио и в самом деле...

— Я все уладил,— сказал он.— Давай больше не будем об этом говорить. Нам приходится держать это в секрете. Я рад, Джосс, что ты порвала с ними.

— С ними, но не с тем, что они представляли в самом деле,— уточнила она. В ее продолговатых карих глазах внезапно блеснули слезы. Хейм не мог понять, чем они вызваны.— Еще одна причина разрыва — мое ежедневное желание покинуть Землю. Все превратилось в такую отвратительную мешанину... Где ни начни искать — нигде не найдешь ответа на вопрос, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

Она персвела дух и продолжала с чудесной искренностью:

— Но неужели ты не видишь, какой вред принесла Франция? Все вроде бы говорило за то, что конфликт с алеронами можно было уладить мирным путем. Теперь сторонники мира объединились в легальную организацию, и это единственное, что они могут сделать, чтобы не дать экстремистам взять контроль над Парламентом в свои руки. Делегация Алерона заявила, что она больше не собирается ждать, и отбыла домой. Нам придется посылать за ними, когда мы найдем выход из этого тупика.

— Или пуститься за ними в погоню, если этот выход приведет туда, куда рассчитываю я,— сказал Хейм.— Вы не можете, не хотите видеть одной простой вещи, а именно: алероны не собираются заключать настоящий мир. Они хотят, чтобы Земля вообще убралась из космоса.

— Но почему? — с мольбой в голосе спросила Джосс-лин.— В этом же нет никакого смысла!

Хейм нахмурился, глядя в бокал.

— Готов признать, что это кажется довольно странным. Для них это имеет смысл, но они думают не так, как мы. Взгляни на перечень их дел, а не красивых слов, с тех пор, как мы впервые столкнулись с ними. Включая доказательства, подтверждающие, что они намеренно напали на Новую

Европу и намеренно осуществляют свои действия по уничтожению французской колонии на этой планете. Твоя фракция отрицает подлинность этих документов, но будь же честной сама с собой, Джосс.

— Ты тоже будь честным, Гуннар... Нет, посмотри на меня. Что может сделать один-единственный капер, кроме того, как лишь еще более обострить враждебность и усложнить ситуацию? Ведь ты же прекрасно понимаешь, что никто больше не последует твоему примеру. Пока что Франции и ее союзникам удастся удерживать Парламент от объявления твоей экспедиции вне закона. Но Министерство запретило все сделки по передаче кораблей в частные руки, и Франция не в силах устроить такой законодательный переворот, который отменил бы данный запрет. Ты погибнешь здесь, Гуннар, в одиночестве, ни за что ни про что.

— Я надеюсь, что во Флоте начнется движение,— сказал он.— Если, как ты выразилась, мне удастся обострить враждебность... Угу, не думай, что это мания величия. Просто надежда. Но мужчина обязан думать и делать то, что в его силах, даже если это не бог весть что.

— Женщина тоже,— вздохнула она.

Затем, внезапно вскочив с кресла, взяла у Хейма бокал, чтобы снова наполнить его, и улыбнулась с усилием, но без притворства.

— Хватит споров, давай остаток этого вечера будем сами собой. Мы так давно не виделись.

— Это верно. Мне хотелось тебя увидеть, и я собирался непременно это сделать после твоего возвращения на Землю, но, мне думается, мы оба были слишком заняты. Да и случая вроде бы не выпадало.

— Слишком заняты, потому что слишком глупы,— кивнула она в ответ.— Настоящие друзья — большая редкость. А ведь когда-то были таковыми, не правда ли?

— Правда,— сказал он, стараясь, как и Джосслин, не сворачивать с безопасной на первый взгляд дороги.— Помнишь нашу пирушку в Европе?

— Как я могу забыть? — Она бросила на него ответный взгляд и снова села, но на этот раз прямо, так что ее колени касались его колен.— Эта смешная маленькая таверна в Амстердаме, где ты стучался головой о потолок всякий раз, когда вставал, и в конце концов тебе пришлось взять у полисмсна напрокат его шляпу. И вы с Эдгаром все время

орали что-нибудь из «Эдды», и... Но как вы оба были прекрасны, когда мы в предместье Парижа, раздетые донага, наблюдали восход солнца.

— Вы, женщины, были намного прекраснее, поверь мне, — сказал он, чувствуя себя несколько неловко. Последовало молчание. — Мне очень жаль, что у вас с Эдгаром все так получилось, — наконец отважился нарушить тишину Хейм.

— Мы совершили ошибку, отправившись за пределы системы, — кивнула Джоселин. — К тому времени, когда мы поняли, как губительно действует на нервы окружающая обстановка, было уже слишком поздно. Сейчас он нашел себе очень хорошую жену.

— Ну что ж, это уже кое-что.

— А как насчет тебя, Гуннар? Это был такой ужас... Я о бедной Конни. Но ведь прошло уже пять лет, и неужели ты...

— Да, пять лет, ничего, — бесстрастно сказал он. — Не знаю, почему.

Она чуть-чуть отодвинулась и спросила очень мягко:

— Я не смею льстить себя надеждой, но не я ли была тому виной?

Он покачал головой. Лицо его зарделось.

— Нет. С этим давно покончено. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Конечно. Ведь вечер нашего воссоединения должен пройти весело. Салют!

Снова зазвенели бокалы.

Она начала говорить о прошлом, он поддакивал и дополнял — банальность, присущая всякой дружбе: а ты помнишь, как бы там ни было, мы тоже, однажды, ты сказал, мы подумали, а помнишь, и потом там еще был, мы надеялись, а помнишь? И время, и слова, и пустые бокалы... И наконец как-то само собой вышло так, что она начала играть для него на флейте «О клер де ля Лун», «Гаудеамус игитур», «Сентябрь», «Генандоа». Звуки мелодии, яркие и холодные, смешались в хороводе, кружили голову, и наконец Хейм перебрался в кресло и, откинувшись на его спинку, стал смотреть на блики света, отражавшегося в волосах Джоселин и исчезающего затем в глубоких тенях на шее. Но когда она запела «Девушку из Скрайдstrup»...

Может быть, се я должен был
любить тогда,
цветущей весной каменного века...

Флейта упала ей на колени, и Хейм увидел, что ее глаза закрылись, а губы задрожали.

— Нет,— сказала она.— Прости. Я не думала. Это ты научил меня, Гуннар.

Он сел прямо и положил ставшую вдруг странно нежной руку на ее плечо.

— Забудь об этом,— сказал он.— Не надо было мне раскрывать свою пасть. Лучше было помалкивать. Но особого вреда ведь не было. Это было белее чем... не белее, чем одно из обычных увлечений. Конни не держала на тебя зла. Она очень умело и осторожно освободила меня от этого наваждения.

— Мне повезло меньше,— прошептала Джоселин.

Ошарашенный, он мог лишь произнести, запинаясь:

— Джосс, ведь ты сама не хотела продолжать!

— Я не смела. Но именно это было главной причиной, которая заставила меня уговорить Эдгара покинуть Землю. Я надеялась, Гуннар, когда я вернусь... Ну почему мы оба были такими идиотами?

Потом она вдруг рассмеялась низким грудным смехом, подошла к нему и сказала:

— Но ведь еще не поздно, не так ли? Даже сейчас?

Глава 3

Период обращения Строна составлял восемнадцать часов. По прошествии семи таких дней Утхг-а-к, тхакв закончил работу над компьютерами военного корабля и на грузовом судне прилетел в космопорт Орлинг.

Когда его огромная дельфинообразная голова ввалилась в штурманскую рубку яхты, Андре Вадаж, ожидающий прилета бортинженсера, невольно попятился назад.

«Фу! — подумал певец.— Старательности и способностей у него не отнимешь, но каждый раз приходится заново приспосабливаться к этой болотной вони... Интересно, а как он относится к моему запаху?»

— Привет, Б.И.— поздоровался он с Утхг-а-к, тхаквом,— надеюсь, вы еще не устали до смерти. Мы уже провели здесь слишком много времени.

— Да уж,— отвечал ему булькающий голос.— Мне все это надоело не меньше вашего. Остальное смогут закончить

без меня, и надеюсь, закончат одновременно с установкой этой спецкатапульты для ракет. Конечно, это при условии, что система работы стронов и в самом деле настолько хороша, насколько они ее расписывают.

— Именно вам и решать, так это или нет,— уточнил Вадаж.

Еще одной чертой, раздражавшей его в наковсах, была их привычка торжественно констатировать очевидные вещи. В этом плане они почти не уступали людям.

— Ну-с, я позаботился о вашем питании здесь. Собирайтесь и ждите нас на платформе лифта снаружи через полчаса.

— Нас? Кто же отправится в это гнездо?

— Вы и шкипер, разумеется, чтобы принимать решения, и Григориос Куманодис, чтобы переводить. Я... в общем, официально это касается и стюарда тоже, поскольку дополнительное вооружение повлияет на массу и объем груза. Но практически шкипер в данный момент расслаблен, ему все надоело, и он страшно нуждается в увеселительной прогулке. И потом там будут еще двое с «Поиска» — Виктор Брэгдон и Джоселин Лори.

— А они с какой стати?

— Насколько вам известно, они здесь проводят ксенологические исследования. А сопровождая нас в деловом визите к местной важной персоне, они получают уникальную возможность понаблюдать здешние законы и обычаи в действии. Так что Брэгдон даже предложил одолжить нам один из своих флайеров, с условием, что мы возьмем их с собой. Фактически он не прочь был захватить еще несколько своих людей, но «гнездовники» ограничивают число посетителей. Мнительные твари. Как бы там ни было, но, имея флайер, мы можем использовать яхту для срочной работы и, таким образом, быстро завершив свое предприятие.

— Я чую. Нет, по-английски говорят «понимаю»,— безразличным тоном отозвался Утхг-а-к, тхакв. Он повернулся и зашлепал на своих перепончатых ногах по направлению к собственной каюте.

Вадаж задумчиво смотрел ему вслед, пока тот не исчез из виду.

— Интересно, доходят ли до него наши людские междоусобные ссоры и трения,— размышлял венгр.— Вероятно, нет. Он, видимо, просто не воспринимает, что отношение между Джоселин и Гуннаром — это сущая чепуха, если,

конечно, он вообще их заметит. И, возможно, он будет прав. По крайней мере, пока это выражается лишь в частых отлучках Гуннара с нашей посуды. На данном этапе они еще не приносят особого вреда. Среди парней в экипаже ходят уже слухи, но, судя по интонации разговоров, это просто хорошая зависть. Что же касается меня самого, то я меньше всего склонен завидовать другу, если ему удалось ухватить кусочек счастья. Тогда почему же, черт возьми, это не дает мне покоя?

Он отогнал от себя тревогу и нажал кнопку на радиотелефонной приставке. Из салона «Поиска» на него глянуло лицо человека среднего возраста, по виду напоминавшего ученого.

— Добрый вечер, доктор Тауни,— бодрым голосом произнес Вадаж.— Не будете ли вы столь добры напомнить капитану Хейму, что до нашего отлета осталось полчаса?

— Пускай сам себе напомнит,— огрызнулся глоссаналистик.

— Неужели ваша неприязнь к цели нашего пребывания здесь столь велика, что вы не хотите сказать человеку двух слов по интэркому? — Вадаж злобно посмотрел на него.— Тогда будьте добры, напомните об этом мадам Лори.

Тауни покраснел и выключил связь. Должно быть, он действительно страдает архаичными предрассудками. Вадаж усмехнулся и, насвистывая, пошел заканчивать собственные приготовления в дорогу.

Мальбрук в поход собрался...

А на борту «Поиска» Хейм тем временем посмотрел на висевшие на шпангоуте часы, потянулся и сказал:

— Пожалуй, пора.

Джоселин положила одну руку на его шевелюру, а другой взяла за подбородок и, повернув к себе его некрасивое лицо с тяжелым подбородком, спросила:

— А надо ли?

Тревога в ее глазах отозвалась в нем болью. Он попытался рассмеяться.

— Как, отменить путешествие и лишить Вика уникальных материалов? Он бы нам этого никогда не простил.

— Он был бы почти так же счастлив, как и я. Потому что гораздо важнее всего этого то, что ты... что ты вышел наконец из своего лунатического состояния, Гуннар.

— Дорогая моя,— ответил он.— Единственно, что пор-

тило иногда эти прекрасные часы, проведенные вместе, были твои периодические попытки незаметно заставить меня отказаться от задуманного мною предприятия. Но сделать это ты не сможешь. Как говорили в старину китайцы: «Почему бы тебе не расслабиться и не начать вкушать наслаждение?» — Он прикоснулся губами к ее губам.

Она не ответила, но встала с постели и прошла в противоположный угол каюты.

— Если бы я снова стала молодой, — с горечью сказала она, — возможно, мне бы это удалось.

— А? Нет. А теперь послушай...

— Я слушаю.

Она остановилась около туалетного столика и медленно провела руками по щекам, по груди и бедрам.

— О, для сорока трех лет я сохранилась неплохо. Но никуда не денешься от этих «гусиных лапок» в уголках глаз и от появившегося второго подбородка, да и вообще, без одежды я проигрываю. В течение последних дней ты... ты вел себя хорошо, Гуннар... ты был добр. Но я заметила, что ты старался ничем не связать себя.

Хейм поднялся, в два шага преодолел разделявшее их расстояние и остановился возле Джоселин, возвышаясь подобно огромной башне.

Что делать дальше — он не знал.

— А как я мог это сделать? — наконец решился спросить он. — Я представления не имею, что может случиться с нами во время полета. Я не имею права что-либо обещать или...

— Ты мог бы пообещать чисто условно, — сказала Джоселин. Мгновение спустя ее отчаяние прошло или она сумела подавить его. Ее лицо приняло загадочное выражение, а голос стал бесстрастным.

— Ты мог бы сказать так: «Если я вернусь домой живым, я сделаю то-то и то-то, если ты согласишься».

Он не знал, что ответить. Она вздохнула и отвернулась. Голова ее поникла.

— Что ж, давай одеваться.

Двигаясь совершенно механически, Хейм натянул тонкий комбинезон, который надевали под скафандр. В голове у него была такая пустота, словно в ней был вакуум.

«Так чего же я хочу? — думал он. — Много ли из того, что я чувствовал (и чувствую до сих пор?), было подлин-

ным, или это было просто ностальгией по прошлому, вызванной одиночеством и выведшей меня из равновесия? Не представляю».

Однако его смущение длилось недолго, поскольку менее всего Хейму нужен был самоанализ. Он отогнал от себя все вопросы, чтобы затем изучить их на досуге, а вместе с ними и все обусловленные ими эмоции. На переднем плане его сознания осталось чувство нежности к Джоселин, смешанное с сожалением, что он причинил ей боль, и смутное желание что-то предпринять в связи с этим; но над всем этим преобладало желание удалиться побыстрее. Необходимость лететь на Требогир вполне оправдывала это его стремление.

— Давай, поехали, — сказал он, снова повеселев, и игриво шлепнул ее по круглому задку. — Прогулка должна быть неплохая.

Джоселин повернулась. Ее глаза и губы выражали печаль.

— Гуннар... — Она вынуждена была опустить глаза и теперь стояла перед ним, сцепив руки. — Ты действительно не считаешь меня... в лучшем случае дурой, а в худшем предателем... из-за того, что я не хочу войны... не так ли?

— Только этого еще не хватало! — воскликнул Хейм, отшатнувшись от нее. — Когда это я подал тебе такую идею?

Она сглотнула и не нашла ответа.

Хейм взял ее за локти и мягко встряхнул.

— Ты дуреха, если думаешь, что я когда-либо так считал, — сказал он. — Джосс, я ведь хочу, чтобы войны не было. И верно, что демонстрация силы сейчас, предупредительный лязг зубов, может предотвратить фатальный исход будущего. Это все. Хорошо, у тебя иное мнение. Я его уважаю и уважаю тебя. Я что, заставил тебя думать по-другому? Пожалуйста, скажи. Может быть, в этом моя вина?

— Нет, ничего. — Она выпрямилась. — Просто я глупая. — И добавила: — Пожалуй, нам пора.

Они молча спустились вниз. У шкафчика возле эллинга-3 Виктор Брэгдон натягивал скафандр.

— Эй, привет, — окликнул он их. — А я уже начал волноваться, не задержало ли вас что-нибудь. Во время прошлой вахты один из ваших людей доставил сюда ваше снаряжение, Гуннар. Весьма кстати. Здесь мы бы вам, пожалуй, не нашли подходящего размера.

Хейм облачился в жесткий скафандр, застегнул все молнии, надел перчатки и ботинки с поддержками для лоды-

жек, обращая внимание на застёжки. Если кислород внутри смешается с водородом снаружи, он будет потенциальным факелом. Конечно, во флайере можно было и не надевать полного снаряжения — это была лишь предосторожность, но Хейму слишком часто приходилось видеть, как мало иногда нужно, чтобы свести на нет все меры безопасности. Подсоединяя шлем к резервуарам с воздухом под высоким давлением и к рециркулятору, он спустил с плеч снаряжение, но оставил клапаны закрытыми, а забрало шлема — открытым. Теперь — пояс с пищевыми и медицинскими тубами, фляга, ёмкость для отходов... Но никакого оружия, поскольку в Гнездо с ним не пустят...

Хейм заметил, что Джоселин никак не может справиться со скафандром, и поспешил на помощь.

— Он такой тяжёлый, — пожаловалась она.

— Ну уж, ведь точно такой же ты носила на Новом Марсе, — сказал Хейм.

— Да, но там сила тяжести наполовину меньше земной.

— Ну, тогда ещё радуйся, что мы не подвергнемся полной гравитации под воздействием Строна, — добродушно сказал Брэгдон, наклоняясь, чтобы поднять походную сумку.

— Что там у вас? — спросил Хейм.

— Дополнительное оборудование для съёмок. Вспомнил в последнюю минуту. Но вы не беспокойтесь. Полевое аварийное снаряжение уже на борту и дважды проверено.

Направляясь к входному шлюзу, Брэгдон по-прежнему улыбался, намеренно так повернувшись к Джоселин, чтобы показать свой орлиный профиль. Хейму стало смешно.

Элинг для шлюпки напоминал пещеру. Дополнительное место, специально оставленное здесь для отдыха, сейчас занимали три атмосферных флайера, предназначенных для работы на планетах класса Юпитер, и один из них в данный момент был на вылете, совершая предварительный картографический рейс. Люди прошли сквозь шлюз флайера и пристегнулись ремнями. Брэгдон сел за пульт управления и связался с вахтенным. Из шлюпочной камеры откачали воздух, заполнили её атмосферой Строна и открыли внешние двери. Взревел мощный двигатель, и флайер взлетел.

Затем он опустился, чтобы взять на борт Вадажа, Куманодиса и Утхг-а-к, тхаква. В своем скафандре наквс выглядел ещё более неуклюжим — словно дельфин в караульной будке, зато эта будка почти скрывала его аромат. Брэгдон в

последний раз проверил приборы и вновь поднял машину в небо.

— Я волнуюсь, как мальчишка, — сказал он. — В первый раз увижу по-настоящему эту планету.

— Что ж, вполне можете считать себя туристом, — отозвался Куманодис. — Плохой погоды не предвидится. Хотя, конечно, во время шторма мы в любом случае должны будем сделать посадку. Штормы здесь свирепые.

— В самом деле? Я полагал, что в атмосфере такой высокой плотности скорость ветров должна быть невелика.

— Атмосфера Строна не такая уж плотная: на уровне моря всего лишь в три раза превышает земную, что во многом объясняется здешней силой тяжести. Кроме того, не забывайте о водяных парах, которые, поднимаясь вверх, порождают грозы. Да еще такой чертовский избыток солнечной энергии.

— Что? — Джоселин бросила удивленный взгляд в направлении кормы, откуда можно было видеть утреннее солнце. Находясь наполовину ближе к Строну, чем Солнце к Земле, диск местного светила имел несколько меньший диаметр в угловых единицах, и хотя оно сверкало почти вдвое ярче, отбрасывая холодный голубоватый свет, его суммарное излучение немного уступало солнечному.

— Нет, этого не может быть. Строн получает всего лишь... сколько же? На двадцать процентов больше радиации, чем Земля.

— Но ты забываешь, какая доля в ней принадлежит ультрафиолетовому, — напомнил Хейм. — И это при отсутствии свободного кислорода, способного создать озоновый барьер.

— Да, для колонии нудистов такое место вряд ли подошло бы, — сказал Вадаж. — Того, кто не задохнется здесь от водорода, гелия и азота и кого не отравят метан и аммиак, того ультрафиолет поджарит наподобие бифштекса.

— Бррр! Но все же до чего здесь красиво!

Джоселин прижалась носом к иллюминатору возле своего кресла и стала смотреть вниз.

Они уже поднялись на большую высоту, и Орлинг исчез вдаль. Посреди моря цвета индиго остров возвышался, подобно Гибралтару: берега обсидианово-черные, поверхность рябит различными оттенками красного цвета, образуемыми растительностью. В последний раз сверкнул скелет радара космопорта, затем и этот блестящий шрам исчез из вида, и

осталось лишь смутное пятно, парившее под скопившимися на западе грядями кучевых облаков. Где-то на пределе зрения на несколько километров виднелся клин стаи стронов, летевшей по своим неведомым делам.

Как будто стараясь избавиться от какой-то мысли, Джоселин указала на них и спросила:

— Прошу простить мою тупость, но как они умудряются летать? Разве существа, дышащие водородом, не должны обладать менее активным обменом веществ, чем те, которые дышат кислородом? Неужели здешнего атмосферного давления достаточно, чтобы они могли преодолеть гравитацию, почти вдвое превышающую земную?

— Их кости подобны птичьим, — пояснил Куманодис.

— Что же касается вопроса энергии, — добавил Хейм, — то водород действительно даст меньше энергии на грамм-молекулу, чем кислород, вступая в реакцию с углеводными соединениями. Но в клетках легких огромное количество водородных молекул. Кроме того, ферментные системы весьма эффективны. И... посуди сама. А растения Страна синтезируют воду и метан для получения свободного водорода и углеводов. Животные существуют, совершая обратный процесс. Лишь подвергаясь такому мощному потоку ультрафиолета, растения создают соединения, более богатые энергией, чем что-либо на Земле.

— Мне кажется, я поняла. — Джоселин вновь погрузилась в свои мысли.

Остров исчез за широким горизонтом. Они летели над тьмой цвета красного вина, пока наконец вдаль не показался материк. Там громоздились горы, ярус за ярусом, красные внизу от покрывавшей их растительности, серые, с неровными тенями вверх. Солнце отражалось от далеского металлического пятнышка. Хейм настроил оптику своего иллюминатора и иллюминатора Джоселин на полное увеличение. Пятнышко стало флайером уродливой неземной конструкции, который патрулировал над скоплением башен из оплавленного камня, прилепившимся к пропасти в километре над кромкой приборя.

— Карниз Радемира, — сказал Хейм. — Пожалуй, лучше взять чуть южнее, Вик. Мне говорили, что мы его несколько раздражаем, и не исключено, что у него вдруг возникнет желание на нас напасть.

Брегдон подрегулировал автопилот.

— А почему?

— Когда Чарли Уонг и я прибыли сюда для предварительных переговоров, он хотел продать нам босголовки,— пояснил Куманодис.— Но Насест Крейгана предложил нам более выгодную цену.

Брэгдон покачал головой.

— Ей-богу, не понимаю я эту культуру,— сказал он.— Анархия и атомная энергия. Вещи абсолютно несовместимые.

— Что? — встрепенулся в своем кресле Вадаж.— На Строне есть настоящая литература,— медленно сказал он.— Неужели вы даже ничего не читали из нее?

— О, разумеется, разумеется,— поспешно ответил Брэгдон.— Но это какая-то галиматья. Никакой научной основы. Моя полсвая практика проходила в основном на Исисе.

— Мы не можем сказать, что подготовились к экспедиции лучше, чем кто-либо до нас,— добавила Джоселин.— По сути дела, ее организация проходила в страшной спешке. Но несмотря на беспокойную обстановку в этом секторе, исследовательский Центр счел необходимым безотлагательно собрать достоверную информацию о сообществах, проживающих в границах данного сектора, точнее, о тех из них, которые имеют выход в космос.

— Если уж быть до конца точным, то стронов причислить к последним нельзя,— возразил Хейм.— Конечно, у них развита астронавтика, но все ее достижения используются в целях планетарной защиты. Они охотно торгуют с посетителями, но сами торговых партнеров никогда не ищут.

— Когда-нибудь начнут. Слушайте-ка.— Брэгдон повернулся, посмотрел на остальных.— Вот прекрасная возможность убить время. Почему бы вам не изложить свою версию сложившейся здесь ситуации? Я, конечно, читал об этом, но если кто-то передаст материал... Другими словами, это весьма полезно.

Вадаж сощурил глаза, но ничего не сказал. Хейма занимала главным образом рука Джоселин, лежащая на его руке. Он подумал, что она непроизвольно продолжает просить его. О чем? О том, чтобы устранить разделяющую их преграду? Хейм откинулся назад, переместив основную тяжесть своего снаряжения на спинку и подлокотники, и сказал:

— Я не специалист, но, насколько я понимаю, строны...

это большая редкость, строго плотоядная разумная раса. Обычно плотоядные специализируются в совершенствовании именно физических, а не умственных способностей, как вам известно. Однажды я разговаривал с парнем, который побывал здесь и немного прошвырнулся по планете. Он сказал, что заметил кое-где окаменевшие обнаженные породы, которые давали повод предполагать, что когда-то, давным-давно, этот континент подвергся нашествию более крупных, но родственных странам биологических видов. Быть может, предкам стронов пришлось пойти по пути совершенствования умственных способностей, чтобы спастись. Я не знаю. Однако, как бы это ни происходило, в итоге возникла раса, с мощными хищническими инстинктами, но лишенная признака стадности. Основное социальное звено — это... э... нечто вроде семьи. Большой семьи с системой парных браков, настолько сложной, что никому из людей еще не удавалось ее понять, плюс слуги со своими собственными женскими особями и детенышами; но доминирует в патриархальном семейном укладе по-прежнему крупный самец.

Флайер попал в полосу дождя. Хейм выглянул в иллюминатор. Они уже пересекали горный хребет. На западе он увидел горный хребет, переходивший в красновато-коричневую равнину Тревожных Земель.

— Не думаю, чтобы это привело к развитию общества, намного превосходящего стадию первобытной дикости, — заметил Брэгдон.

— На стороне им все же удалось на время достичь такого развития. Каким образом — я не знаю. И вообще, знал ли кто-нибудь доподлинно, каковы эволюционные законы хотя бы нашей собственной человеческой цивилизации? Быть может, странам помогло то, что у них есть крылья и они более подвижны, чем мы. Со временем у них возникла общепланетарная индустрия, они распались на отдельные федерации. Изобрели научную методологию и пошли экспонентной кривой открытий вверх, вплоть до ядерных двигателей.

— Я думаю, — прохрюкал Утхг-а-к, тхакв, — эти нации основывались на захватнических войнах и рабстве. Это естественно, и отсюда их нестабильность.

Хейм удивленно взглянул на его физиономию со свисающими щупальцами, и продолжал:

— Возможно. Сейчас имеется один стабилизирующий

фактор. Мужские особи у стронов гораздо темпераментнее мужчин-землян в течение периода половой активности, но по достижении «пожилого» возраста они претерпевают большие эндокринные изменения, чем мы. Во всех других отношениях они остаются по-прежнему сильными, однако теряют как половой инстинкт, так и свою воинственность и предпочитают тихо и спокойно жить дома. Мне кажется, это и послужило механизмом выживания, поскольку женские особи и детеныши, находясь в Гнезде, имели охрану в лице «пожилых» самцов, в то время как молодые охотились и воевали. В плане влияния на цивилизацию можно предположить, что этот фактор позволил ей в некотором смысле созреть. Старших принято уважать и прислушиваться к их мнению, принимая во внимание их жизненный опыт.

Тем не менее промышленное общество разлетелось на куски во время ядерной войны. Накопленные знания и даже большая часть материальных ценностей не были утрачены, однако организация — увы. Строны вернулись назад, к этим баронским Гнездам. Сочетая одновременно производство на основе автоматизации и возрождение так называемых «больших охотничьих игр», каждое такое сообщество находится чертовски близко к полной независимости. Никто уже не желает больше никаких замысловатых социальных структур. Настоящая их жизнь устраивает их как нельзя лучше.

— А как насчет Ложи? — спросила Джоселин.

— О да. Через некоторое время возникла необходимость в избрании какой-то центральной группы с тем, чтобы она могла решать спорные дела между Гнездами, осуществлять контакты с иными мирами. Ложа образовалась как... я предполагаю, как квазирелигиозная организация, хотя я ни черта не смыслю в символизме. Лидерами ее являются старые самцы. Наиболее активная работа поручается тем, кого мы могли бы назвать новообращенными и служаками, вместе с младшими помощниками и теми, кто нанимается туда в поисках приключений, в надежде быть когда-нибудь допущенными к полному посвящению. Такой механизм работает безотказно.

— В человеческом обществе он бы не сработал, — сказал Вадаж.

— Да, — отозвался Куманодис, — но эти ребята — не люди.

— Вот, пожалуй, и все, что мне известно,— подытожил Хейм.— Я уверен, что не сообщил ничего такого, что невозможно было бы найти в книгах и журналах.

Он снова выглянул наружу. Внизу быстро скользили облака; слышался лишь легкий свист и ощущалась вибрация флайера. Вот на фоне однообразной растительности мелькнуло и пропало из виду стадо несущихся животных. На востоке постепенно таяли последние различимые горные вершины. В течение довольно долгого промежутка времени все молчали. Хейм потом просто поразился, осознав, как долго все сидели, погружившись в свои мысли, прежде чем Брегдон нарушил тишину:

— Кажется, я не понимаю одного. Вполне очевидно, что каждое Гнездо содержит ядерный арсенал и оборудование для военного производства. С какой целью?

— Чтобы сражаться,— ответил Куманодис.— Иногда Ложи не могут прийти к обоюдному согласию и решить тот или иной спорный вопрос, например, относительно территории, и тогда — ого-го! Дым коромыслом, как говорится. Да мы, вероятно, еще увидим с вами несколько кратеров.

— Но... нет. Такая вот разновидность безумия и сокрушила их цивилизацию.

— Последнюю фазу их цивилизации, вы хотите сказать,— уточнил Хейм.— Насколько она уязвима. Гнездо обычно находится под землей, и даже здания, расположенные на поверхности, почти невозможно взорвать. Радиация влияет на стронов неизмеримо меньше, чем на людей, поскольку они и в повседневной жизни получают немалые дозы, а против чрезмерных доз у них имеются медицинские средства, такие, как и у нас. Что же касается зажигательных бомб и тому подобного оружия, то в водородной атмосфере оно бесполезно. Фактически до изобретения атомной энергии единственным способом расплавить металл было использовать кратер вулкана, а вулканов на этой огромной планете с горячим ядром больше чем достаточно.

— Значит, у них нет никаких ограничений,— пробормотала Джоселин,— в том числе даже на продажу оружия иножителям, чтобы те с его помощью убивали других.

— Что-то мы слишком часто стали касаться этой темы, провались она...— проворчал Куманодис.

— Полегче, Грег,— предупредил Хейм. Лицо женщины было таким несчастным.

Куманодис поерзал в своем кресле, затем выглянул в иллюминатор и вдруг застыл.

— Эй,— пролаял он.

— В чем дело? — спросил Брэгдон.

— Как по-вашему, куда мы летим?

— К Аэри-Требогир, куда же еще.

Грек привстал и указательным пальцем ткнул в иллюминатор. Над горизонтом, подобно привидению в своей обособленности, плавал белый конус. Равнина снизу скатывалась под уклон в направлении ослепительно сверкавшей белой нитки, извивающейся сквозь долину, по которой бежали тени облаков.

— Что за черт! — взорвался Куманодис. — Ведь это же рска Морх. Наверняка она. Карту знаю только я один! Там, где живет Требогир, в упор не видно никаких снежных пиков. Должно быть, мы находимся над нагорьем Кимрет, то есть в добрых пяти сотнях километрах от того места, где должны быть!

На лбу Брэгдона выступил пот.

— Я действительно задал автопилоту кружной курс, чтобы лучше ознакомиться с окрестностями, — признался он.

— И не поставили нас в известность? — Куманодис рванулся с кресла, забыв о пристяжных ремнях.

— И как я, дурак, раньше не заметил, что солнце находится не с той стороны! Убирайся прочь от штурманского пульта. Я беру управление на себя.

Хейм перевел взгляд на Джоселин. Ее руки были сжаты в кулаки, она дышала тяжело и прерывисто.

Брэгдон быстро опустил руку в походную сумку, стоявшую рядом с его сиденьем. Когда он вновь ее поднял, Хейм увидел направленное на Куманодиса дуло лазерного пистолета.

— Сидеть! — приказал Брэгдон. — Первый, кто отстегнет ремни, будет тут же убит.

Глава 4

Покинув воздушный шлюз и оказавшись вне поля флайера, Хейм почувствовал чудовищный рывок — это поле тяготения Строна вступило в свои права. Он напряг мышцы ног, чтобы не упасть, и выпрямился. Несмотря на то, что

вес снаряжения был хорошо сбалансирован, тяжесть его была ужасной.

Джоселин вышла первой, чтобы держать пленников под прицелом по мере того, как они будут выходить. В скафандре она выглядела до абсурда непохожей на себя, а темное стекло шлема напоминало надетую на лицо маску. Хейм двинулся к ней.

— Стоять! — Несмотря на встроены в шлем наушники, предназначенные для компенсации параметров передаваемого звука, ее голос был до жути незнакомым. Хейм остановился под дулом ее автомата. Это было оружие системы «сорок пять», выпускавшее пули с мягким наконечником при низкой скорости, которые пробивали скафандр или другую защиту.

Хейм сделал глубокий вдох, потом другой. Воздух внутри скафандра представлял собой рассчитанную композицию при давлении в три атмосферы, с тем чтобы компенсировать наружное давление и снабжать перекутомленные клетки кислородом. Его слова загрохотали в шлеме:

— Джосс, что значит весь этот фарс?

— Ты просто не можешь себе представить, как мне этого не хотелось, — сказала она нетвердым голосом. — Если бы ты послушал меня тогда на корабле...

— Значит, с самого начала ты задалась целью сорвать мой план, — бросил он.

— Да. Это необходимо было сделать. Неужели ты не понимаешь — необходимо! На переговоры с алеронами нет никакого шанса, потому что ты провоцируешь войну. Прежде чем покинуть Землю, их делегаты так и заявили официально.

— И вы им поверили? Может быть, расскажешь еще какую-нибудь сказочку?

Она, казалось, не слышала. Слова лились из нее водопадом. Несмотря на все звуковые искажения, он слышал в ее голосе мольбу:

— В разведке Службы Мирного Контроля догадались, что вы направились сюда, чтобы достать оружие. Они не могли послать военный корабль. Страны не разрешили бы ему посадку. Фактически Франция могла бы заблокировать любую информацию, любую официальную акцию. Но неофициальную... Мы снарядили эту экспедицию и бросились за вами в погоню. Я узнала об этом, потому что в РСМК

стало известно, что я — твой старый друг, и меня вызвали на допрос. Я просила дать мне разрешение на участие в экспедиции. Я думала, я надеялась, что смогу убедить тебя.

— Удобно во всех отношениях, — резко прервал ее Хейм. — Вот как это называется.

— Моя попытка не удалась — сказала она с безысходностью в голосе. — Тогда Вик решил, что теперь его черед действовать, и придумал эту поездку. Мы не собираемся причинять вам зло. Мы отвезем вас обратно на Землю. И больше ничего. Вам даже не будет предъявлено никаких обвинений.

— А вот я мог бы предъявить обвинение в шантаже и в насилии над нами.

— Как тебе будет угодно, — пробормотала она.

Безнадежность охватила Хейма.

— А что толку? Вы бы подыскивали такого судью, который сделал бы ваше наказание чисто условным.

Появился Вадаж, затем Куманодис, затем Утхг-а-к, тхакв. Из уст грека непрерывно лилась ругань.

«Без капитана, без бортинженера «Лису» придется отправляться домой, побежденному прежде, чем он успел нанести хотя бы один удар в сражении», — подумал Хейм.

Он огляделся вокруг. Они приземлились на западном берегу реки Морх. Ее широкая сверкающая лента извивалась по песчаному с примесью гальки руслу, огражденному низким отвесным берегом. В нескольких километрах, освещаемые солнцем, виднелись горы Кимрет, казавшиеся вполне реальными сквозь голубовато-серую дымку воздуха и похожие на гигантский бастион, над которым возвышалась вулканическая вершина, замеченная ими сверху. Земля под ногами была покрыта той упругой, похожей на мох красновато-желтой растительностью, которая в этом мире являлась эквивалентом травы. Над головой изгибалась арка темно-сливового неба, по которому стремительно неслись гонимые ветром облака. Вдали показалась и вновь исчезла летучая стая существ, похожих на морских скатов.

— Куда нас затащили? И что теперь будет?

Вадаж незаметно придвинулся к Хейму, так что их племени соприкоснулись, и пробормотал:

— Только быстро: может быть, броситься на нее? Я не думаю, чтобы ее намерения были такими уж безобидными.

— Но мы же не в состоянии двигаться быстро, — ответил

Хейм.— Хотя... Неужели ты действительно выстрелила бы в меня, Джосс?

Его сердце тяжело ухнуло, и он почувствовал, как мгновенно взмок от пота. Но прежде, чем он собрался с силами, чтобы заставить себя попытаться сделать что-то, из флайера вышел Брэгдон, и теперь больше не приходилось сомневаться, будет ли использован лазерный пистолет.

— Г-ворру! — пробулькал Утхг-а-к, тхакв.— Вы забыли закрыть воздушный шлюз.

— Я знаю,— сказал Брэгдон.— Кроме того, я задал автопилоту определенную программу. Лучше всем лечь.

С этими словами он опустился на землю.

Флайер взвыл и прыгнул вперед. Блеск его металлического корпуса ослепил Хейма. Все выглядело так, словно комета вдруг, остановившись в сотне метров над поверхностью, затем сделала петлю и нырнула вниз. Хейм инстинктивно упал на живот. И прикрыл голову руками.

Флайер разбился неподалеку от них. На месте взрыва взметнулся столб яркого пламени. То и дело снова начинало грохотать, и Хейм слышал, как над головой свистят осколки. Наконец не осталось ничего, кроме густого дыма и пыли, да эхо взрыва все еще раздавалось вдалеке, но скоро и его унесли порывы ветра.

Хейм с трудом поднялся на ноги. В голове все еще звенело. Остальные мужчины тоже встали. Джосслин осталась сидеть.

— Твою... душу... мать,— выдохнул Куманодис.— Что ты сделал?!

— Не беспокойтесь,— сказал Брэгдон.— Вскоре за нами прибудет другое транспортное средство.— Он сделал паузу.— Впрочем, я могу объяснить более подробно. Наша цель — парализовать вашу дьявольскую пиратскую затею, доставив вас обратно на Землю. Я разработал несколько различных вариантов осуществления данной задачи, но этот был наиболее простым.

Сейчас один из наших флайеров на вылете, и управляют им двое молодых людей, которым известно, что должно было произойти, а также приблизительно известно место, где я намеревался все это осуществить. Разбитый флайер они смогут заметить издали. Они возьмут нас на борт, и мы все вернемся на «Поиск». Правда, придется ползгать на полу, чтобы нас не было видно, и мне очень жаль, но вас

придется связать. Как только мы попадем на корабль, вас отведут в специально подготовленную каюту. Джосслин и я тоже будем скрывать место своего пребывания. После того как от вас перестанут поступать какие-либо сообщения, ваша команда начнет беспокоиться и искать вас. Разумеется, капитан Гутьерес окажет любую помощь, какая только понадобится. Потом они обнаружат место крушения и решат — произошел несчастный случай, все погибли. Вряд ли кто-либо обратит внимания на то, что на месте катастрофы нет останков людей. Но даже если так случится, это можно будет легко объяснить предположением, что мы покинули данный район в отчаянной попытке найти помощь и вскоре погибли. В конце концов обе экспедиции, охваченные горем, вынуждены будут порознь вернуться домой.

— Вы уверены, что можете положиться на свою команду? — ледяным тоном спросил Вадаж.

— Они узнают правду не раньше, чем «Поиск» окажется в космосе, — сказал Брэгдон. — Капитан Гутьерес и первый офицер Германи уже в курсе. Я не думаю, чтобы люди подняли мятеж.

— Ты мерзкий ублюдок... — Куманодис двинулся к нему на негнущихся ногах.

— Стоять! — предупредил Брэгдон. — Если понадобится, я выстрелю, не задумываясь. С другой стороны, если вы будете вести себя как полагается, вас доставят на Землю в целости и сохранности, после чего вы немедленно получите свободу.

Хейм пожал плечами.

— А вы уверены, что сможете помешать нам снарядить новую экспедицию? — осведомился Хейм.

— Разве вы забыли? Ваш корабль сейчас оснащен ядерным вооружением. Как только вы войдете в пределы Солнечной системы, власти Мирного Контроля, согласно закону, будут обязаны конфисковать его. А куда еще, кроме Солнечной системы, могут отправиться ваши люди, лишившись своих командиров?

— На кого вы работаете, Брэгдон? — презрительно усмехнулся Хейм. — На алеронов.

— На человечество, — последовал гордый ответ. — Кстати, если хотите знать, я никакой не ксенолог, а всего лишь офицер Армии Мирного Контроля, находящийся в данный момент в отпуске, и меня за это разжалуют. Хотя то, что

мне удалось, этого стоит. Организация «Военные за мир» позаботятся о том, чтобы я не остался без работы.

— Так, значит, это их рук дело? — фыркнул Куманодис.— Да. У них есть свои люди и в правительстве.

Хейм обратился к Джоселин:

— Значит, ты лгала мне, когда говорила, что бросила эту работу.

— Пожалуйста, пожалуйста.— Ее шепот смешался с шумом ветра.

— Не мешало бы нам позаботиться о собственных удобствах на ближайшие несколько часов,— предложил Брэгдон.— Если мы этого не сделаем, гравитация нас вымотает до предела. Я говорю «часов», потому что вряд ли второй флайер прилетит раньше: мы не могли заранее рассчитать точное время аварии, а использовать радио было бы слишком большим риском.— Он повелительно взмахнул оружием.— Садитесь, а потом я.

Вадаж был так близко от Хейма, что только капитан услышал его тихий свист и заметил, как напрягся менестрель.

— Хей-хо, Роджер! — пробормотал венгр.— Лови первую луну.

— Что еще такое? — спросил требовательно Брэгдон, заметив напряжение на лицах пленников.

— В присутствии леди я этого переводить не буду,— ухмыльнулся Вадаж.

Хейма словно обожгло.

«Сленг астронавтов,— мелькнуло у него в голове.— Что-то должно случиться. Будь готов действовать в любую минуту».

Холод и тьма оставили его. Пульс участился в предчувствии схватки.

— И вообще, вы в своем уме? — продолжал Вадаж.— Мы не можем оставаться здесь.

— Что вы имеете в виду? — огрызнулся Брэгдон.

— Вблизи такой реки, как эта. Может быть внезапное наводнение. Нас опрокинет, скафандры порвутся, и мы будем мертвы, прежде чем нам удастся выбраться куда-нибудь повыше.

— Вы лжете.

— Нет-нет. Взгляните на эти горы. Подумайте. Густая атмосфера при сильной гравитации имеет высокий градиент

плотности и как следствие — высокий температурный градиент. Сейчас осень. Ночью над линией снегов холод такой, что аммиак замерзает. Но около полудня все это снова разжижается и выливается в устья рек. Гравитация притягивает эти осадки с такой силой, что они, прежде чем испариться, проходят пятьдесят километров или даже больше. Так ведь, Грегориос? Ты сам мне рассказывал.

— Именно так, — подтвердил Куманодис.

— Потому эта река и называется «Морх», что на местном языке означает «наводнение».

— Если это какой-то подвох... — начал Брэгдон.

«Ясно как день, что именно так, — промелькнуло в голове у Хейма. — Подобных феноменов здесь нет и в помине. Но для новичка эта сказка звучит довольно убедительно... Я надеюсь... как я на это надеюсь».

— Клянусь вам, что буду стрелять при первом же подозрении, — сказал Брэгдон.

Хейм начал удаляться от него.

— Стреляй, если хочешь, — огрызнулся он. — Уж лучше умереть от пули, чем захлебнуться в аммиачном потоке. Ты не сможешь помешать мне попробовать забраться на вершину этих холмов.

Его спина напряглась под прицелом лазерного пистолета. Но тут раздался крик Джоселин:

— Вик, не надо! Что в этом опасного?

— Я... думаю, ничего, кроме того, что это очень трудно, — уступил Брэгдон. — Пусть Джоселин держит вас под прицелом. Если вы намерены сбегать, то как только вы окажетесь за гребнем, я особо возражать не стану. Вы не сможете уйти слишком далеко, прежде чем прилетит наш флайер, а тогда мы вас быстро поймем. И даже в том случае, если вы где-нибудь спрячетесь, я не стану беспокоиться, поскольку Строн сам убьет вас.

Один тяжелый шаг за другим, и Хейм заковылял среди разбросанных скал, покуда не добрался до берега реки. Это была голая, твердая, как железо, земля, усеянная камнями, образовавшая невысокую и некрутую, но трудно проходимую при таком притяжении возвышенность. Хейм принялся карабкаться вверх по склону. Он подался под тяжестью своей туши, земля и камни с шипением поползли у него из-под ног. Хейм потерял равновесие и упал на четвереньки. С трудом выпрямившись, он осторожно двинулся даль-

ше. Вскоре пот уже заливал ему глаза, сердце бешено колотилось, и воздух обжигал горло. Затуманенным взором он видел тащившихся позади Вадажа и Куманодиса. Утхг-а-к, тхакву это удавалось более легко — он просто полз на живот, отталкиваясь широкими лапами и цепляясь за грунт мощными руками пловца. И все же дыхание наковса перекрывало даже шум ветра.

Наконец они кое-как все же добрались до вершины. Хейм и его бортинженер были первыми и помогли остальным, подав им руки. Они вползли на край холма и остановились, чтобы отдохнуть.

Хейм нащупал под рукой камень.

Когда силы мало-помалу начали возвращаться к нему, он увидел, что Брэгдон уже проделал почти половину пути. «Ученый» рационально расходовал время, делал частые длительные остановки, во время которых стоял, сжимая в руке пистолет и глядя на пленников. Джоселин дожидалась внизу. То и дело в нее летели песок и камешки, вырывавшиеся из-под ног Брэгдона, но она даже и не пыталась увернуться. Ее фигура казалась черной на фоне ослепительного сияния голубого, словно молния, солнечного света; отражаясь от поверхности автомата, свет, казалось, плавился.

Вадаж опустился на колени между Хеймом и Куманодисом и сжал им руки. Никакого иного сигнала или объяснения не требовалось.

Хейм метнул свой камень. Мгновением позже мимо просвистели камни, брошенные его товарищами. Получив ускорение, равное 1900 см в секунду, эти снаряды летели, словно выпущенные из катапульты.

Хейм не знал, который из них попал в Брэгдона. Он видел, как тот пошатнулся и упал. В ту же секунду он и его друзья уже спускались вниз.

Прыжок — скольжение — короткая пробежка — снова прыжок... При этом нужно удержаться в образующемся небольшом обвале и правильно рассчитать, куда перенести центр тяжести — как рыцарь на полном скаку.

В Джоселин ни один из камней не попал. Хейм видел, как она, оступившись, сделала шаг назад — медленно и неуклюже, и со всей скоростью, на какую был способен, запрыгал вниз мимо сцепившихся Брэгдона и Куманодиса. Из-под его ног столбом летела пыль. Дважды он чуть было не упал. При той скорости, с какой он сейчас двигался, это

могло кончиться очень плачевно: ничего не стоило, к примеру, свернуть себе шею. Однако ему каким-то чудом удалось сохранить равновесие, и он продолжал нестись дальше, подобно лавине.

Наконец подножие холма!.. Теперь — либо рухнуть за смертью, либо бежать быстрее, чем когда-либо бегал. Его тело было сейчас взбунтовавшейся машиной, и Хейм изо всех сил старался снова подчинить его своей воле и затормозить, но инерция неудержимо влекла его вперед, все быстрее и быстрее. Каждый шаг отдавался болью в мышцах и костях, заставляя зубы выбивать барабанную дробь. Кровь гудела в ушах.

Во время этого сумасшедшего рывка Джоселин один раз выстрелила. Пуля пролетела мимо. Хейм видел, как оружие описало дугу для более точного прицела. Ни бояться, ни надеяться уже некогда. У него нет ничего, кроме скорости. Однако она столь велика, что здравомыслящему человеку воспринять ее очень трудно. Охваченная паникой и душевной мукой, Джоселин промедлила со вторым выстрелом. Это была всего лишь доля секунды. Если бы все это происходило на Земле, нападавший, вне всякого сомнения, получил бы пулю в лоб. Прежде чем она успела нажать на спусковой крючок, Хейм пролетел мимо, выкинув в сторону руку. Выхватить автомат не удалось. Однако его удар застал Джоселин врасплох, а ее оружие отлетело на несколько метров.

На горизонтальной местности Хейму наконец-то удалось притормозить: сначала — до нормального бега, потом — до трусцы, а затем — до полной остановки. Он круто повернулся, оказалось, что его удар не только выбил оружие из рук женщины, но и сбил ее с ног. Она пыталась подняться. Хейм, тяжело и шумно дыша, услышал, что она плачет. Спотыкаясь, он побрел, чтобы поднять автомат.

Когда оружие оказалось в его руках, он оглянулся и посмотрел на остальных. Утхг-а-к, тхакв сидел в куче щебня у подножия склона и, видимо, был не в силах подняться. Неподалеку от него стояли, полусогнувшись, двос. Один из них сжимал в руке лазер. Между ними без движения лежал третий, в разорванном и потемневшем скафандре.

Подняв автомат двумя руками, Хейм прицелился в эту группу и приготовился к стрельбе.

— Андре! — позвал он охрипшим голосом. Его внезапно охватил ужас.

— Со мной все в порядке, — отозвался человек с оружием в руках. Его слова тотчас умчал вестер. — А вот Грегориоса уже нет.

Хейм медленно потащился к ним. Сквозь запыленное стекло шлема погибшего ничего не было видно. Хейм с тоской подумал, что это и к лучшему. Луч лазера располосовал ткань скафандра и тело, после чего газы смешались и произошел взрыв. Все вокруг было забрызгано ярко-красной кровью.

Наквс вдруг издал какой-то ужасный звук, заунывный, похожий на вой.

— Гвурру схука эктуруш, так, значит, война? Мы такое дома — нет. Рахата, рахата.

— Должно быть, Брэгдон пришел в себя и выстрелил, когда Грегориос прыгнул на него, — мрачно сказал Вадаж. — От удара оружие выпало у него из рук. Я подобрал его и вернулся сюда, куда они скатились вместе.

Хейм долго смотрел на Брэгдона. Наконец он механически спросил:

— Какие-нибудь серьезные травмы?

— Нет, — так же механически ответил Брэгдон. — По крайней мере, у меня все кости целы. Голова болит.

Он заковылял прочь, опустил на землю и лег, закрыв локтем стекло шлема.

— Я считал, что мы сможем обойтись без этого, — сказал Вадаж, глядя на погибшего.

— Да, могли бы, — отозвался Хейм. — Но на войне всякое случается. — Он хлопнул менестреля по плечу и пошел к Джоселин. Пот стекал по телу и хлюпал в ботинках. Хейм ощущал в горле и в груди какое-то стеснение, словно ему хотелось закричать, но не мог.

Джоселин отшатнулась, когда Хейм спросил, все ли с ней в порядке.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Хейм.

— Но я стреляла в тебя! — Ее голос был похож на голос испуганного ребенка.

— Это понарошку. — Он обнял ее и положил ее голову себе на грудь. Она зарыдала и долго не могла остановиться. Хейм терпеливо ждал, когда она успокоится, но делал это лишь из смутного чувства долга. Не то чтобы он возненави-

дел ее, — нет, то место, которое она занимала в его сердце, теперь заполнял странный вакуум, словно состоящий из пепла. Все его эмоции сейчас были связаны с погибшим другом, а мысли — тем, что предстояло сделать.

Наконец он смог оставить Джоселин, когда она опустилась на землю и умолкла. Хейм пошел к разбитому флайеру. Его обломки и остатки груза валялись кругом. Хейм нашел неповрежденную лопатку и несколько мачете и захватил их с собой.

— Начинай копать, Брэгдон, — сказал он.

— Что? — дернулся лежавший.

— Мы не собираемся бросать Грега Куманодиса, даже не похоронив его. Глубокую могилу вырыть не удастся, но... Принимайся за работу. Кто-нибудь сменит тебя, когда ты устанешь.

Брэгдон медленно, сантиметр за сантиметром поднимался с земли.

— Что вы натворили? — завопил он. — Я не убивал этого человека. Это вы, вы убили его, с вашей безумной попыткой... попыткой чего? Нсужели вы думаете, что вам удастся отбиться от нашего флайера?

— Нет, — ответил Хейм. — Я не собираюсь дожидаться здесь, когда он прилетит.

— Но... но... но...

— Не тарахти, займись-ка лучше делом. — Хейм дал ему лопатку, а сам продолжил разговор с Вадажем. Утхг-а-к, тхакв вылез из щелки, встряхнулся и принялся помогать Брэгдону, откидывая в сторону своими когтистыми руками, словно ковшами, землю.

— Ты о чем-то думал или просто пытался вернуть самообладание? — спросил венгра Хейм.

— Нет, — ответил Вадаж. — Какие-то туманные мысли о... не знаю о чем, кроме того, мои предки никогда не сдавались без борьбы.

— Садись и давай посмотрим на наши бумажки.

В каждом скафандре имелся карман, забитый картами и другой местной информацией. О Строне из них можно было узнать не слишком много. Хейм развернул карту того района, в котором они находились. Она затрепетала и зашевелилась на ветру. Хейм расстелил ее у себя на коленях.

— Грег бы понял, что означают все эти символы. Но посмотри... — Он провел пальцем по контуру. — Это горы

Кимрет, а это — река Морх. Это нам точно известно. Теперь смотри: гора Лохан помечена как самая высокая в северной цепи. Фактически ни один другой пик по высоте не превышает ее. Стало быть, тот старый вулкан и есть Лохан. Тогда мы находимся где-то здесь.

— Да.— Голос Вадажа немного ожил.— Это — Роща Вениливейн на северном склоне Лохана. Около сотни километров по воздуху отсюда, как по-твоему? Я сомневаюсь, чтобы мы смогли выдержать такой длинный переход. Но если бы нам удалось добраться до дальних окрестностей, нас могли бы обнаружить патрульные машины с воздуха или кто-нибудь из охотников.

— Вениливейн нас знает? — Хейм покачал головой.— Должен признать, что шанс очень слабый. Что это за районы, отделяющие нас от него? Ходячий лес, Машины-убийцы, Дым грома.

— Ну-ка, я попробую...— Вадаж пролистал ничтожно тоненькую записную книжечку.— Нет, никаких пояснений. Конечно, ведь это только схема с пометками Грегориуса и Чарльза, составленная ими на основе того, что они узнали за время общения с аборигенами. И наверняка они рассчитывали отработать информацию окончательно по возвращении домой. Так всегда делается.

— Я знаю. А Грега больше нет. Что ж, придется нам самим все это выяснять.

— А что с этим? — Вадаж указал на Брэгдона, с трудом ковыряющего землю, и на Джоселин, скрючившуюся в стороне.

— Боюсь, что их придется взять с собой. С одной стороны, это озадачит и задержит на какое-то время их друзей, когда они никого не найдут здесь, а стало быть, дадут нам время спрятаться. С другой стороны, нам нужна будет каждая добавочная пара рук, особенно когда мы доберемся до подножия гор.

— Постой.— Вадаж хлопнул ладонью по земле.— Гуннар, мы не сможем этого сделать. У нас есть воздушные рециркуляторы, но никакого запаса воды, кроме дневной нормы в этих флягах. Этого не хватит даже на то, чтобы развести порошкообразную пищу. А ты прекрасно знаешь, что если мы сумеем проходить по десять километров в день, то это будет фантастическая скорость.

Хейм поймал себя на том, что лишь усмехается в ответ.

— Разве тебе никогда не приходилось делать подобный трюк? Мы постоянно будем находиться вблизи от природных источников — посмотри на эти голубые линии на карте. Так что не составит особого труда наполнить фляги, перевести лазерный пистолет в режим широкого луча низкой интенсивности и выпарить аммиак.

— Расходуя при этом энергию батарей,— возразил Вадаж.— В таком случае нам нечем будет при необходимости защититься, кроме твоей пушки.

— Ерунда, Андре, с местными тиграми у нас не будет проблем. Мы для них столь же непривлекательны в качестве закуски, сколь они были бы неинтересны для нас. Главный наш враг — гравитация, враг номер два — дефицит пищевых запасов и медицинских препаратов; может появиться враг номер три — плохая погода, если нам суждено в таковую попасть.

— Мумум... Ну что ж, тебе виднее. И все-таки мне бы хотелось точно знать, что это за «Машины-убийцы». Но... да, конечно, мы попытаемся это узнать.— Менестрель вскочил почти без видимого усилия.— Сказать по правде, ты так меня обнадежил, что я даже, кажется, чувствую в себе силы покопать.

У них было не слишком много времени — едва хватило на то, чтобы наскрести немного земли, засыпать ею погибшего и прослушать «Патер ностер» в исполнении Вадажа. Затем они отправились в путь.

Глава 5

Пять дней по календарю Строна? Шесть? Хейм точно не знал. Кошмар длился слишком долго.

Поначалу все шло неплохо. Местность очень плавно поднималась вверх, покрытая редким лесом, который помогал путникам прятаться от тех, кто высматривал их с воздуха, и в то же время продолжать путь. Все находились в довольно сносной физической форме. И что было уже совсем странно — броня их скафандров казалась почему-то эталоном легкости и компактности.

А между тем, вдобавок к весу скафандра и гравитации, каждый нес груз, превышавший его собственный вес на Земле. «Неплохо» означало в среднем чуть более одного ки-

лометра в час. Затем местность пошла под уклон, и они очутились на склонах предгорьев хребта Кимрет. Хуже всего было то, что к этому времени начали появляться совокупные последствия нагрузки и перенапряжения. Это было не просто изнеможение. Не имся изолирующей палатки, они не могли ни на минуту снять скафандры. Рециркуляторы нейтрализовали летучие побочные продукты метаболизма, но мало-помалу ничтожный процент этих вредных веществ, всякий раз ускользавший от химической сорбции, стал нарастать. Зловоние и зуд стали невыносимыми. Слишком много альдегида, органической кислоты и другой дряни.

А высокая гравитация оказывала на сердце более тонкое и более пагубное влияние, чем простая перегрузка. Она приводила в полное расстройство хрупкий и очень точный баланс жидкостей в теле — баланс, выработанный за миллиарды лет у человека, жившего на одной и той же планете меньшего размера. Плазма стала просачиваться сквозь стенки клеток. Кровь прилиwała к конечностям — и лодыжки опухали, в то время как мозг, лишенный тока крови, отказывался работать. На Строне этот процесс идет не быстро, но идет.

Люди не протянули бы и трех дней, если бы в их аптечках не было медикаментов: граванола, кинестана, различных стимуляторов и обезболивающих. Однако лекарства вскоре должны были иссякнуть, и тогда останется, быть может, один день, в течение которого люди еще смогут идти дальше, прежде чем упасть и умереть.

— Чего ради все это и стоит ли этого наша цель? — То и дело проскальзывала неясная мысль сквозь жернова, словно бы вращающиеся в голове у Хейма. — Почему мы не вернулись домой? Теперь я уже не помню.

Мысли вновь смешались. Все остатки внимания надо уделить сизифову труду: поднять одну ногу, перенести ее вперед, опустить на землю, поднять другую ногу, перенести ее... Тем временем на правое плечо навалилась смертельная тяжесть.

«О да, Джосселин», — вспомнил он как будто из далекого прошлого.

Мужчины вынуждены были по очереди помогать ей двигаться вперед.

Джоселин споткнулась, и она и Хейм едва не упали.

— Надо отдохнуть, — раздался ее нерешительный голос.

— Ты отдыхала всего десять минут назад... Пошли! — Он грубо дернул за связывающую их импровизированную упряжь.

Пошатываясь и спотыкаясь, они продолжали путь в течение очередных пятидесяти секунд. Когда они истекли, Вадаж окликнул «Время!»

Люди опустились на землю и легли, распластавшись на спине и тяжело дыша.

Наконец Хейм встал на колени. В глазах у него немного прояснилось, и в голове шумело не так сильно. Он даже какой-то частью сознания отметил, что окружавший пейзаж был великолепным.

К востоку горы, по которым они с таким трудом поднимались, резко устремлялись длинными хребтами и каньонами вниз, к необозримой подернутой дымкой долине. Мягкий свет вечернего солнца сменил их окраску — рыжевато-коричневую, с красными расплывчатыми пятнами в тех местах, где рос лес, на великолепную краску тлеющего заката. Неподалеку ярко сверкал ручеек, извиваясь между валунами, чтобы потом разветвиться на несколько пенистых водопадов, и его шум напоминал звон колокольчиков в неподвижном воздухе. Над образованными им озерками роились насекомоподобные существа цвета смарагда с радужными крылышками.

На западе горы высились черной громадой, освещаемой лучами заходящего солнца, которое словно бы зацепилось за их вершины. Снежный пик Лохан, красотой и совершенством напоминавший Фудзи, поражал своей неземной зеленовато-голубой окраской на фоне фиолетового неба. Вокруг него скалы отбрасывали густые тени, скрывая от глаз Хейма то, что ждало их впереди. Но он мог различить лес, до которого было чуть больше километра. С помощью полевого бинокля он определил также, что лес этот довольно густой, с подлеском и зарослями кустарников. Но обходной путь был бы слишком велик — даже в бинокль не видно было ни северной, ни южной оконечности леса, — в то время как ширина его могла оказаться совсем небольшой.

Вадаж тоже смотрел в ту сторону.

— Мне кажется, на сегодня хватит, — сказал он.

— Еще рано, — возразил Хейм.

— Но солнце вскоре скроется за этим высоким горизонтом. А мы чертовски устали, и к тому же завтра нам при-

дется продираться через эту кашобу. Хороший отдых — для нас все равно что хорошее капиталовложение, Гуннар.

«Черт, мы и так спали по девять часов из восемнадцати!» — подумал Хейм и, взглянул на остальных, почти не видя их лиц. Он уже научился легко узнавать их по скафандрам. Джоселин уже отключилась. Утхг-а-к, тхакв был похож на блин, растекшийся по земле. Вадаж и Брэгдон сидели по-турецки, но согнув спины. И в теле самого Хейма каждый нерв трепетал от страшного переутомления.

— Хорошо, — сказал он.

Есть не хотелось, но он заставил себя развести водой немного порошка и протолкнул эту кашу сквозь специальный шлюз для питания. Когда с этим было покончено, Хейм вытянулся на спине, насколько позволял рюкзак. Прошло некоторое время, прежде чем он осознал, что спать не хочется. Изнеможение, боль и шум в голове — да, все это было, но желание спать отсутствовало. Он не знал, что тому причиной: переутомление или зуд давно небритого лица, нмытой кожи.

«Боже мой, Боже мой, чего только не отдал бы я за душ, чистое белье и свежий воздух!»

Он отогнал от себя эту мысль. Положение и так было тяжелым, и лишний психологический шок был ни к чему.

Рывком поднявшись, он сел и стал смотреть, как гаснет свет на горе Лохан. Небо темнело, возвещая о близости ночи, на нем уже задрожало несколько звезд, и почти в самом зените неподвижно застыл маленький полумесяц внешней луны.

— Вы тоже?

Хейм повернулся, чтобы разглядеть сказавшего. Рука Хейма произвольно потянулась к пистолету. Рядом был Брэгдон.

Брэгдон насмешливо улыбнулся.

— Спокойно. Слишком надежно вы нас обзоружили, обезопасили. — И спустя мгновение добавил: — Чтоб вам провалиться!

— А кто первый заварил эту кашу? — огрызнулся Хейм.

— Вы — еще тогда, в Солнечной системе. Я слышал, что, по мнению Иисуса, сама смерть является актом искупления. Быть может, когда мы умрем здесь, на Строне, вы частично искупите свою вину перед тем, кого нам пришлось здесь похоронить.

— Не я его застрелил,— процедил Хейм сквозь зубы.

— Данная ситуация возникла по вашей вине.

— Заткните глотку, пока я не дал хорошего пинка.

— О, я не претендую на безгреховность. Я должен был организовать все более тщательно. Вся человеческая раса по уши погрязла в грехе.

— Я уже слышал это высказывание, но не согласен с ним. Человеческая раса — это не что иное, как конгломерат отдельных видов. Индивидуум ответствен за свои поступки.

— В том числе и за такие, как организация частных войн? Говорю вам, Хейм, этот человек был бы сегодня жив, если бы вы оставались дома.

Хейм украдкой бросил взгляд сквозь мрак. Он не мог ни разглядеть лица Брэгдона, ни разобраться в нюансах искаженного голоса.

— Послушай,— сказал он,— я мог бы обвинить тебя в убийстве с целью вмешательства во внешнюю политику. Моя экспедиция носит легальный характер. И возможно, у нас даже больше сторонников, нежели противников. Мне страшно жаль Грегга. Он был моим другом. Однако ему была известна вся степень риска, и он пошел на это добровольно. Умереть, сражаясь за стоящее дело,— не самый худший способ смерти. Вы же слишком много на себя берете.

Брэгдон попятился назад.

— Хватит, молчите!

Хейм продолжал безжалостно долбить:

— Отчего вам не спится? Уж не Грег ли тревожит ваш сон? Не задумывались ли вы о том, что вашей шумливой породе ненависть придает больше сил, чем любовь? Не возникло ли у вас желание отрубить палец, нажимающий на спусковой крючок оружия, если оно нацелено на человека, пытавшегося сделать все, что можно, ради Земли? И хватит ли у вас сил назвать кого-нибудь убийцей?

— Подите к черту,— выкрикнул Брэгдон,— подите вы к черту!

От отполз на четвереньках от Хейма. В нескольких метрах от него он остановился, скрючился, и плечи его затряслись.

«Может быть, я был слишком жесток с ним,— подумал Хейм.— Он искренен... Плевать на это. Искренность — это одна из добродетелей, которую мы почему-то более всего склонны переоценивать».

Он снова прилег на мох и незаметно уснул.

Его разбудил восход, окрасивший гору Лохан в огненный цвет. С каждой зарей Хейм чувствовал себя все более закоченевшим, голова казалась ему пустой, но сон все же помогал продолжать движение, заставляя преодолевать нежелание принимать пищу, и каждое утро начиналось с холодного завтрака и с кипячения свежей порции воды.

Брэгдон молчал как рыба, да и другие не особенно много говорили. Но когда начался долгий путь по направлению к лесу — целый километр вверх по горе, — Вадаж запел.

Снова бьет барабан, начинается
война.

Снова бьет барабан, начинается
война.

Эт-ри, эт-ра, ра-па-та-план,
начинается война.

Допев до конца, он перешел к «Римини», «Маршу через Джорджию», «Британским гренадерам» и «Из Сиртиса в Цидонию». Хейм и Джоселин и даже Брэгдон подпевали ему задыхающимися голосами, и, может быть, Утхг-а-к, тхакв находил какую-то поддержку в маршевых ритмах. Вскоре они добрались до леса, чувствуя себя лучше, нежели ожидали.

— Спасибо, Андре, — сказал Хейм.

— Ты ведь знаешь, это моя работа, — ответил венгр.

Прежде чем углубиться в лес, люди сделали короткий привал, во время которого Хейм более внимательно приглядывался к растительности. Издалека при свете восхода он видел, что лес пересекал горы неправильной линией, так четко ограниченной: словно он был искусственный. Поскольку северо-западный склон возвышался крутой стеной прямо над Хеймом, он издалека заметил также странный маслянистый выброс почвы с этой стороны, огибавший склон и исчезающий за пределом зрения. Теперь же он находился слишком близко, чтобы увидеть что-либо, кроме самого барьера.

— Оказывается, не так уж много кустарников, — с удивлением заметил Хейм. — Всего лишь один вид. Что ты об этом думаешь?

— Я не ксеноботаник, — пробурчал инженер.

Деревья были около четырех метров высотой. На Строне ничто не бывает слишком высоким. И толщиной они были

не больше чем в человеческую руку. Но вдоль стволов от корней до самой вершины, росли бесчисленные гибкие ветки, каждая из которых в свою очередь расщеплялась на множество побегов. Местами ветви переплетались так густо, что образовывали сплошную стену. Листья росли только на верхних ветках, но и те тоже сплетались вверху в красноватую крышу, под которой подлесок казался черным, как ночь.

— Тут нам без мачете не обойтись, — сказал Хейм. — Однако терять прежний ритм передвижения нельзя. Кто-то один будет рубить — на первый взгляд это не очень тяжело, — в то время как остальные будут отдыхать. Начну я.

Он крепко сжал в руке нож.

Вжик! Вжик! Дерево было мягким, с каждым взмахом ножа ветки летели направо и налево. Мужчины сменялись каждый час, исключив из очереди Джоселин, и вскоре небольшой отряд углубился далеко в лес.

«А ведь прошло всего пара часов с тех пор, как рассвело», — ликовал внутренне Хейм.

— Смени меня, Гуннар, — попросил Вадаж. — Я уже весь мокрый, как мышь.

Хейм поднялся и пошел к венгру вдоль узкого прохода, внутри которого было жарко и тихо. Сквозь листья сочился густой багряный сумрак. И уже в нескольких шагах ничего не было видно. Кругом шелестели ветви, упруго сопротивляясь проходившему человеку. Хейм взмахнул мачете и почувствовал, как вибрация передалась сначала ножу, затем запястью, потом — всему телу.

— Ха. Странно. Впечатление такое, будто зашевелилась вся эта переплетенная гуща.

Деревья вздрогнули и зашелестели. Однако ветра не было и в помине.

Джоселин взвизгнула.

Хейм резко обернулся. Вдоль ее скафандра, извиваясь, наподобие змеи, ползла ветка. Что-то ударило его в спину. Он поднял мачете — или попытался поднять, — дюжина зеленых шупалец вцепились ему в руку. Он рванулся и высвободил ее.

Гул землетрясения прокатился сквозь мрак. От толчка Хейм потерял равновесие и упал на одно колено. Удар отозвался в ноге острой болью. Дерево перед его глазами клонилось вниз. Нижние ветви растения, покрытые множеством отростков, коснулись земли и мгновенно зарылись в

нее. Листья расцепились с треском, похожим на треск сучьев в горящем костре. Хейм успел мельком взглянуть на небо, но тут же стекло его шлема залепили ползущие по нему листья.

Хейм вскрикнул и взмахнул ножом. Вокруг него образовалось небольшое чистое пространство. Дерево высвобождало из земли свои корни. Тяжело вздыхая и вздрагивая, цепляясь за землю, оно неуклюже двинулось вперед.

Весь лес теперь был на марше. Поступь его была не быстрой — не быстрее, чем мог бы передвигаться на Строне человек, но она была непреодолимой. Хейм поднялся, с трудом продираясь сквозь ветви, но тут же снова упал на спутанный клубок зеленых щупалец. Сквозь скафандр и шлем он чувствовал их хлещущие удары. Пошатываясь, Хейм снова поднялся и попятился назад. Ствол дерева, укрепившись в горизонтальном положении, нанес ему удар прямо в живот. Хейм икнул и выронил мачете. Почти мгновенно нож исчез под зеленой массой, по мере того как ветви отрывались от земли, передвигались вперед и вновь цеплялись за грунт. Хейм, собрав всю оставшуюся силу, бросился на них. Они сопротивлялись с демоническим упорством. Хейм сам не знал, как ему удалось спасти мачете.

Сквозь треск и оглушительный шелест снова раздался крик Джоселин, в котором слышалось не удивление, а смертельный ужас. Хейм упал на колени, пригнулся как можно ниже и лихорадочно огляделся. Сквозь качающиеся, кренящиеся стволы, извивающиеся, подобно змеям, сучья, цепляющиеся ветви, мрак и раскаленные добела копыя солнечных лучей он увидел ее. Она лежала на земле, пригвожденная двумя деревьями. Еще мгновение, и они раздробят ей кости или изорвут в клочья скафандр.

Мачете взлетело в руке Хейма. Издав боевой клич, он ринулся к женщине, словно воин, прорубающий ряды врагов. Стебли и ветви вдруг стали вопреки всему совершенно не гнущимися, словно имели мускулы, которые теперь напряглись. Нож отскакивал от них, как от плотной и упругой резины. Из разрезов струей била какая-то липкая жидкость.

— Гуннар, помоги! — снова раздался в этой каше крик Джоселин. Наконец, прорубив последние оплставшие ее лианы, он наклонился и помог ей встать. — С тобой все в порядке? — Он вынужден был кричать, чтобы его было слыш-

но в этом адском шуме. Она прижалась к нему и всхлипнула. Еще одно дерево, наклонившись, потянулось к ним.

Хейм, отстранившись, встряхнул Джоселин за плечи что было сил и прокричал:

— Эй! Сюда! Ко мне!

Извиваясь, к ним подполз Утхг-а-к, тхакв, расчищавший своим телом путь для Брэгдона. Следом за ними появился и Вадаж, который умело лавировал и потому довольно быстро двигался среди этого хаоса.

— Джосс — в середину, — скомандовал Хейм. — Остальные — спина к спине вокруг нее. Удрать от этой дряни мы не сможем, оставаться здесь тоже нельзя. Мы бы вскоре окончательно выдохнулись, если бы пытались просто удержаться на ногах. Вперед. — Его мачете поймало солнечный луч и ослепительно вспыхнуло в нем.

Все, что последовало затем, была сплошная рубка, упорная борьба, лавирование и бегство от движущегося кошмара. Сознание Хейма обрело какую-то холодную ясность; он смотрел на происходящее, находил решение и выбирал способ его осуществления. Сила, поддерживавшая его, исходила из какого-то внутреннего источника. Это было большее, чем просто страх перед смертью. Что-то внутри него восставало против мысли о том, что его кости могут навсегда остаться здесь, разбросанные среди этих шагающих троллей.

Брэгдон сдался первым.

— Я... не могу... больше... это... поднять, — простонал он, падая на землю, зеленые пальцы тотчас сомкнулись вокруг одной из его ног.

Утхг-а-к, тхакв освободил его.

— Ну, становись в середину, — сказал наквс, — а вы, Лори, поддерживайте его.

Прошла, казалось, целая вечность — и вот уже Вадаж опустил свое мачете.

— Прошу прощения. — Голос его был еле различим в этом шуме. — Идите дальше без меня.

— Нет! — прорычал Хейм. — Либо все мы выберемся отсюда, либо никто.

— Разрешите мне попробовать, — робко попросила Джоселин, передав Вадажа на попечение Брэгдона, который к тому времени уже немного пришел в себя. Она взяла у венгра его нож. Ее удары были несильными, она использовала ору-

дис скорее как лом, но этого оказалось достаточно, чтобы можно было расчищать себе путь.

И... солнечный свет, чистое небо, мох возле священного пика Лохан. По инерции они прошли еще несколько метров, прежде чем рухнули на землю.

Через пару часов Хейм очнулся. Некоторое время он, прищурясь, глядел в небо, на облака, отыскивая среди них всякие причудливые формы, как, бывало, во времена своего детства на Гес. Когда сознание полностью вернулось к нему, он сел и вполголоса выругался.

Деревья все еще двигались мимо них. Однако Хейму казалось, что это движение значительно замедлилось. На северо-западе виднелась полоса взрыхленной земли. След этот уходил на пределы горизонта, но оттуда, покрывая его, уже появилось какое-то бледно-желтое пятно — это всходила новая поросль.

Ухтг-а-к, тхакв был единственным, кроме Хейма, кто тоже проснулся. Наквс подошел к нему и плюхнулся рядом.

— Ну что же, шкипер, теперь мы знаем, что такое Ходячий лес.

— Хорошо бы еще увидеть, как это делается, — отозвался Хейм.

Отдых на время прояснил его сознание, и ответ возник неожиданно.

— Конечно, это лишь предположение, — сказал он через минуту, — но, возможно, это происходит как-нибудь так: ультрафиолетовый солнечный свет делает химию растений дьявольски энергичной. Данному конкретному виду для роста необходимо нечто, быть может, какой-нибудь минерал. В тех местах, где геологические трещины обнажают его жилы, появляется лес.

— Вряд ли это минерал, — возразил Ухтг-а-к, тхакв. — Жизнь не может зависеть только от геологических случайностей.

— На большой планете геология играет роль намного большую, чем на планете земного типа, — сказал Хейм. — Однако я согласен, что только на ее основе более или менее сложная экология вряд ли возникает. Дай подумать... Скажем, существует некая бактерия, закладывающая основу для органической материи определенного вида в подходящих для этого условиях. Подобные отложения должны быть весьма многочисленны и встречаться почти повсеместно.

Эти деревья, допустим, могут разбрасывать споры, способные веками лежать в спячке, дожидаясь случая прорасти. Хорошо. Затем они с чудовищной быстротой поглощают питательную бактерию. Достигнув зрелости, такой «лесок» вынужден двигаться, поскольку почва под ним истощена. Репродуктивность слишком замедленна. Деревьям приходится передвигаться самим. Очевидно, стимулом к передвижению для них служит солнечный свет. Вспомни, они не шевелились до середины утра, а теперь, в полдень, начинают постепенно останавливаться.

— А что происходит, когда они съедают все отложения?

— Они погибают. Их останки уходят в почву. Постепенно все перерабатывается в необходимый для них продукт, а оставленные ими споры просыпаются. — Хейм удивился: — Какого черта я пытаюсь изобразить из себя ученого?! Чтобы оправдать эту гадость? Я вынужден верить, что все естественно.

— Мы прошли сквозь него и остались живы, — спокойно сказал Утхг-а-к, тхакв, — разве этого недостаточно?

Хейм не ответил. Взгляд его обратился к западу, куда им еще предстояло идти. Видел ли он легкий султанчик тумана на нижних уступах Лохана? Расстояние было слишком большим, чтобы точно сказать, что это не обман зрения. Но Дым-грома? Что бы это ни было, беспокоиться об этом пока еще рано. Надо еще миновать район Машин-убийц.

Глава 6

Еще два дня — двадцать километров? Если бы им пришлось идти не по ровному месту, пересекая плато у подножия Лохана, им ни за что не одолеть бы такое расстояние.

Это была мрачная, усыпанная камнями местность, лишенная растительности, кроме редкого низкорослого желтоватого кустарника. Множество ручьев сбегало вниз, к Морху, и их журчание было единственным звуком, наполнявшим воздух, если не считать еще бесконечно поющего ветра, берега были не менее безжизненны, чем пыльные пространства вокруг. Лишь горы, окаймлявшие плато с трех сторон, да великолепный уносившийся высоко ввысь снежный пик оживляли пейзаж.

В первый вечер отряд расположился на ночлег, имея в поле зрения кратер. Его стекловидные стенки отсвечивали в

лучах заходящего солнца красноватой чернотой, похожей на запекающуюся кровь. Вадаж заметил, указывая на кратер:

— Я считаю, что бесплодие данного района объясняется выщелачиваем почвы, которое было вызвано стекавшими сверху потоками. Теперь я вижу, что все как раз наоборот.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хейм безразличным тоном.

— А то, что вся эта картина как пить дать оставлена хорошей бомбежкой. Должно быть, когда-то здесь находился большой индустриальный центр, который был уничтожен во время войны.

— И вы хотите, чтобы то же самое случилось на Земле! — впервые за два дня подал голос Брэгдон.

Хейм вздрогнул.

— Сколько еще можно объяснять? — сказал он, обращаясь больше к Джоселин, чем к Брэгдону. — Земля имеет космическую оборону. Ее невозможно атаковать, если только мы, попадая из одного кризиса в другой, не добьемся такого ухудшения дел, при котором обе стороны будут вынуждены построить флоты, достаточно большие, чтобы позволить себе потери при прорыве космической обороны. Все, чего я хочу, — это устранить подобную возможность путем несмеленного урегулирования конфликта между нами и алеронами. К несчастью, они не заинтересованы в разумном компромиссе. Поэтому наша задача — доказать им, что у них нет иной альтернативы.

— Бомбардировкой нельзя объяснить местного бесплодия, — прервал их Утхг-а-к, тхакв. — Война здесь была три или четыре века назад по земному летосчислению. Радиация давно исчезла. Восстановлению природы мешало что-то другое.

— О, к черту все это, — захныкала Джоселин. — Дайте поспать.

Хейм тоже лег. С каким-то смутным беспокойством он подумал о том, что надо бы назначить часового, — но нет, все были так изнурены... С этой мыслью он забылся.

На следующий день люди увидели поодаль очертания двух металлических тел. Не было и речи о том, чтобы сделать крюк и рассмотреть их поближе, да вообще им и без того было чем занять ту часть сознания, которую они еще в силах были отвлечь от все более тяжелого продвижения вперед. В поле зрения уже начала появляться окончательность пла-

то. Между его краем и очередным уходящим вверх горным склоном была крутая насыпь, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся обсидиановыми утесами. Они тянулись вправо и влево, гладкие, блестящие, не очень высокие, но совершенно неприступные в условиях местной гравитации без специального снаряжения, которым отряд не располагал. Чтобы обойти их — если вообще существовало такое место, где они были более пологими, — потребовалось бы несколько дней; а медикаментов, за счет которых люди еще были живы, не хватило бы на столь длительный переход.

Сплошная линия этого неприступного вала разрывалась лишь в середине охватываемого глазом участка. От подножия крутого откоса поднимались на несколько километров вверх над горами белые султаны; они, отрываясь от верхушки столба, четко выделялись на фоне голубого неба, и по мере того как люди приближались к этому месту все явственнее слышался грозный рев.

— Это должен быть Дым грома, — сказал Вадаж. — Но что все это значит?

— Район... не знаю, как это сказать по-английски, — отозвался Ухтг-а-к, тхакв. — Земля внизу горячая, и вода выкипает.

— Гейзеры и горячие источники, — сказал Хейм и присвистнул. — Но я никогда не видел и не слышал, чтобы они достигали таких размеров. По сравнению с этим Желтый Камень или Кузница Карлика — все равно что булькающий чайник. Сумеем ли мы здесь пройти?

— Должны. — Ухтг-а-к, тхакв наклонил голову так, чтобы все его три глаза могли смотреть сквозь стекло шлема. Привычные к туманам его планеты, они до некоторой степени способны были видеть в инфракрасном спектре.

— Да-да. Утесы размыты. Проход идет под уклон, хотя он очень неровный и повсюду хлещет вода.

— И все же, слава Богу, высокая гравитация означает низкий угол естественного откоса. А как только мы доберемся до лугов, что находятся по ту сторону, у нас появится шанс встретить охотников или патрульных из Роши. — Хейм даже немного выпрямился. — Мы прорвемся.

Чуть позже он заметил, как среди кустов блеснула третья металлическая фигура. На сей раз она была так близко к их предполагаемому пути, что Хейм слегка изменил курс, с тем чтобы пройти мимо. К тому же им все равно

не было точно известно, где лучше заходить во владения Дыма грома.

Объект вырастал по мере того, как Хейм приближался к нему своим тяжелым шагом. Во время остановок Хейм обнаружил, что не может отвести взгляд от странного предмета. Его форма была какой-то особенной, и у Хейма по непонятной причине мурашки ползли по спине. Когда он наконец дотащился до того места, где стояло сооружение, ему захотелось убраться оттуда, и чем скорее, тем лучше.

— Древняя машина.— Голос Вадажа был едва слышен из-за рева и шипения, раздававшегося впереди.— Ее бросили после того, как упала бомба.

Процесс коррозии в местной атмосфере был очень замедленным. Краска облезла с металла, а тот, в свою очередь, заржавел, но все еще блестел в некоторых местах. Аппарат имел форму ящика около двух метров шириной и пяти — высотой, верхушка которого была скошена по направлению к центральной орудийной башне. Можно было различить остатки солнечной батареи вместе с радарной установкой, как показалось Хейму, и другими детекторами. Несколько портов в корпусе и башне были закрыты, без всяких видимых признаков того, что их когда-либо открывали. Хейм раздвинул кусты и, посмотрев на основание машины, решил, что передвигалась она на воздушной подушке.

— Ничего себе дирижабль,— сказал он.— Насколько я понимаю, после войны эта телега опустилась на землю. В течение долгого времени в район Лохана нельзя было заходить. Те штуки, которые мы видели, должно быть, то же самое.

Джоселин вцепилась ему в руку, и он сразу вспомнил о дочери, когда та была еще маленькая и ее что-нибудь пугало.

— Идем отсюда, Гуннар! — умоляюще проговорила она.— Слишком уж это напоминает мертвые кости.

— Интересно бы знать,— заметил он, как всегда желая докопаться до истины,— почему металл бросили на произвол судьбы. Даже владея атомной энергией, аборигены на планете, лишенной огня, должны были бы бережно относиться к металлолом.

— Может быть, табу? — предположил Вадаж.— Вероятно, эти обломки ассоциируются в представлении аборигенов с чем-то кошмарным.

— Вполне возможно, хотя у меня такое впечатление, будто строны оглядываются на свою войну с гораздо мень-

шим ужасом, нежели мы, когда вспоминаем наш Обмен, — а ведь Земля еще легко отделалась. — Хейм поправил давившую на плечи систему воздухоснабжения и рюкзак. — Ну, пора двигаться дальше. Солнце уже низко, а меня что-то не привлекает перспектива ночевать среди призраков.

— Может быть, спосшь нам что-нибудь, Андре? — попросила Джоселин. — Я бы тебя поддержала.

— Попробую. — Голос певца был усталым и разбитым, да к тому же нещадно искажался при попадании в атмосферу, но тем не менее он прокаркал:

Вдоль по дороге
К прекраснейшему Атти, ура, ура!

Помогая женщине идти, Хейм сначала не обратил внимания на слова. Но потом внезапно осознал, что Вадаж поет вовсе не «Когда Джонни возвращается с победой домой», а суровую старую балладу ирландцев — оригинал этой песни.

...где ноги, которые так быстро
носили тебя,
когда ты впервые взял ружье?
Да, теперь тебе уж больше не
сплясать.
О Джонни, тебя не узнать.
Враги со своими ружьями, и барабанами,
и барабанами, и ружьями
чуть не убили тебя.
О Джонни, дорогой мой,
ты стал теперь калекой,
тебя не узнать!

Хейм взглянул на Брэгдона. Вся его фигура выражала упрямую мысль: «Откуда этим дьяволам знать, что такое война?»

Рука, обтянутая перчаткой, сжалась в кулак, когда Хейм подумал: «Я знаю! И я должен похоронить ее!»

У тебя нет руки, у тебя нет ноги.
Ты — безглазое, безносое, бесплодное яйцо.
Остается только положить тебя в миску
на паперти
просить милостыню.
О Джонни, тебя не узнать.
С их ружьями, и барабанами,
и барабанами, и ружьями...

Слышать такую песню в этой мертвой местности было не очень-то приятно, но, быть может, Андре не имел выбора. И она не оставила их равнодушными.

Все молча радовались изнеможению, с которым они уснули этой ночью. Однако Хейму сон не принес облегчения. Его мучили тревожные сны, и несколько раз он просыпался... от какого-то шума? Может быть, в этом были повинны гейзеры? Нет, что-то металлическое — скрип, треск, жужжание... Воображение, ничего больше. Хейм снова погрузился в знобящую тьму.

Рассвет был сырым от тумана, который ветром приносило от находившегося в каких-то трех-четырех километрах Дыма грома. Белые испарения стлались над землей, так что буквально в десяти шагах все тонуло в серой дымке. Небо над головой походило на аметистовую чашу, а на шапку Лохана больно было смотреть. Хейм протолкнул сквозь пищевой шлюз пригорошню концентратов и затуманенным взором огляделся вокруг. Где Джосс?

— Она ушла туда, — махнул рукой Вадаж. — М-м-м... пора бы ей уже вернуться назад, э?

— Пойду поищу ее. — Вскинув на плечи рюкзак, Хейм заковылял в туман.

Вскоре он нашел ее, скрючившуюся в какой-то странной позе.

— В чем дело? — спросил Хейм сквозь водяной шум и бульканье.

Джоселин чуть заметно шевельнулась.

— Я не могу, — произнесла она тонким голосом.

— Чего не можешь?

— Пошевелиться. Не могу. Боль в каждом суставе, в каждой клетке. Идите дальше без меня. Вернетесь, когда найдете помощь. Я подожду.

Хейм опустился на четвереньки, стараясь равномерно распределить тяжесть на все четыре конечности.

— Ты должна идти с нами, — сказал он. — Мы не можем оставить тебя одну.

— Но разве со мной может случиться что-нибудь хуже этого? Да и вообще, не все ли равно?

Хейма охватили угрызания совести. Он обнял Джоселин и сказал как можно мягче:

— Джосс, я совершил ошибку, заставив тебя идти с на-

ми. Тебе надо было остаться, дожидаться друзей... Но теперь поздно говорить об этом... И я не прошу у тебя прощения...

— Нет нужды, Гуннар.— Она склонила голову к нему на плечо.

— ...Но я еще раз повторяю, что ты должна сделать переход. Еще три или четыре дня.

При этом Хейм мысленно добавил:

«Дольше мы просто не потянем, потому что у нас кончатся все запасы».

Вслух он продолжил:

— Потом можешь отдыхать, сколько тебе захочется.

— Отдыхать вечно,— выдохнула она. Капли стекали по стеклу ее шлема, словно слезы, но голос звучал почти безмятежно.— Когда-то я боялась смерти. Теперь она кажется мне прекрасной.

— Есть и еще одна причина, вследствие которой ты не можешь оставаться здесь одна. Насколько мне известно, у тебя скоро должен начаться очередной цикл, так ведь?

Он взял ее рюкзак и резервуар для отходов и закинул все это себе на спину.

— Гуннар! — запротестовала Джоселин.— Ты не можешь тащить еще и мою ношу!

— Да, к сожалению, твое дыхательное снаряжение я взять не могу. А остальное — какие-то несколько килограммов...

Новый вес придавил Хейма, словно глыба. Он с трудом поднялся и протянул Джоселин руки.

— Вставай! Алле-оп!

Ветер сменил направление, и с севера послышался звук, который, как считал Хейм, почудился ему во сне. Лязг, грохот, стон — достаточно близко, чтобы перекрыть шум ветра.

— Что это? — пронзительно вскрикнула Джоселин.

— Не знаю. Давай пока не будем выяснять.

Хейм и сам почувствовал, как скнуло у него сердце, но затем с мрачным удовлетворением увидел, что Джоселин поднялась на четвереньки, с трудом выпрямилась и пошла по направлению к лагерю.

А там Вадаж и Утхг-а-к, тхакв тоже услышали странный шум и вглядывались в туманную мглу, тщетно пытаясь разглядеть его источник.

Брэгдон уже ковылял дальше, не дожидаясь остальных, погруженный в апатию, причиной которой была не только

усталость. Все последовали за ним, воздержавшись от высказывания вслух предположений по поводу странного звука.

Солнце поднялось выше, и туман начал рассеиваться в его лучах. Водяные пары по-прежнему скрывали естественный проход между утесами, хотя наквс сказал, что может разглядеть некоторые детали наиболее близкой к берегу части. Люди видели только множество валунов, некоторые величиной с целый дом, и скалы поменьше, усеявшие последний километр перед началом подъема. Среди них бурлили горячие дымящиеся источники, превращая землю в грязь желтоватого (благодаря наличию серы) оттенка. В местах образования маленьких заводов этот оттенок менялся на красновато-зеленый, — вероятно, здесь обитали какие-то микроорганизмы.

Грохот, преследовавший путешественников, усилился. Вадаж пытался запеть, но его никто не слушал, и вскоре он умолк. Люди, пошатываясь, тяжело дыша, шли вперед, но делали остановки реже, чем им того хотелось бы.

Словно почувствовав что-то, Хейм внезапно обернулся и замер.

— О, небо! — выдохнул он, пораженный. Его спутники тоже повернулись, услышал это восклицание.

Между тем местом, где поднимался туман, и источником звука видимость сохранялась на расстоянии около километра. И в конце этого отрезка появилась машина, подобная той, которую они обнаружили предыдущим днем. Но памятый, потрепанный бурями каркас детектора все еще возвышался над орудийной башней, а корпус двигался... медленно, неуклюже, с болтающимися сломанными деталями, с фыркающим и дергающимся воздуховодом, сотрясаясь и грохоча. Он двигался за ними по пятам.

Джоселин с трудом удержалась от крика. Брэгдон буквально отпрыгнул назад. В голосе его звучал панический страх.

— Что это?

Хейм подавил вспыхнувший на мгновение страх.

— Брошенный вездеход, — сказал он. — Какая-то разновидность робота-автомата. Еще не совсем вышел из строя. Едва ли какие-то детали еще сохранили способность двигаться.

— Но он нас преследует! — дрожащим голосом возразила Джоселин.

— Вероятно, заданная ему программа предусматривала

патрулирование в пределах данной зоны, и если он засекал какое-то живое существо, он должен был...— Безумная надежда возникла в сознании Хейма, хотя здравый смысл отказался принять эту идею как осуществимую.

— Возможно, нам представится возможность прокатиться.

— С а к в? — удивленно квакнул Утхг-а-к, тхакв.— Куда прокатиться? На тот свет?

Однако через мгновение он задумчиво протянул:

— Да-а-а, это возможно. Или по крайней мере, если поручить эти функции радио, мы могли бы...

— Нет.— Шлем чуть не свалился с плеч Вадажа, так он затряс головой.— Я не доверяю внешности.

Хейм провел по губам вдруг одеревеневшим языком.

— Мне кажется, эта штука движется быстрее нас,— сказал он.— Так что нам все же придется каким-то образом решить этот вопрос.

Внезапно решение пришло само собой.

— Подождите здесь, я вернусь назад и посмотрю.

Вадаж и Джоселин одновременно схватили его за руки. Он рывком вырвал их, проскрежетав:

— Черт побери! Я пока еще капитан. Не мешайте мне. Это приказ.

И он пошел назад. Боль в мускулах прошла, сменившись странным покалыванием и онемением. Сознание было удивительно ясным, он видел каждый сучок и каждый листок на жидких кустах вокруг, ощущал, как его ноги ударяются о грунт и как эти удары отдаются в голени и в колене, чувствовал свои собственные тошнотворные запахи, слышал, как за спиной гудят гейзеры. Земля казалась бесконечно далеко, воспоминанием о какой-то иной жизни, просто сон о чем-то нереальном. Да, несмотря на свою очевидность, этот мир был тоже нереален — такой же пустой, как и он сам.

«Я боюсь,— мелькнула мысль и словно бы повисла над пропастью, через которую невозможно было перекинуть мост.— Эта машина пугает меня больше, чем что-либо, виденное мною раньше».

Он продолжал идти. Ничего другого не оставалось. Решетка детектора, хотя и рывками, но вращалась, сфокусировав на человеке невидимую и неосязаемую энергию. Робот изменил направление с целью пойти наперсхват. Несколько бронзовых листов оторвались и хлопали при пере-

движении машины. За ними зияла чернота. Все тело металлического монстра было охвачено проказой разрушения.

«Сколько лет уже блуждает он по этим горам? За чем?» — подумал Хейм.

Орудийная башня повернулась. Крышка порта начала было открываться, но застряла на полпути. Внутри машины что-то заскрежетало. В передней части корпуса открылся другой люк. Вперед выдвинулось тупое дуло оружия, заговорил пулемет.

Хейм увидел, как, не долетев какую-то сотню метров, пули взбили фонтанчики серой пыли. Он резко повернулся и побежал. Чудовище зарычало. Раскачиваясь на неустойчивой воздушной подушке, оно бросилось в погоню за человеком. Орудие бесновалось еще минуту, прежде чем остановиться.

«Машины-убийцы,— билось в голове у Хейма в такт тяжелым шагам и учащенному дыханию.— Роботы, оставшиеся для охраны чего-то, что находилось на месте того кратера, который мы видели. Охрана заключалась в том, чтобы убивать все движущееся. Но после того, как ракета поразила цель, остались одни роботы, выполнявшие свою программу до тех пор, пока не выходили из строя, и вот теперь их осталось всего несколько штук, но они по-прежнему бродят по этим пустошам, и сегодня один из них обнаружил нас».

Добежав до своих спутников, Хейм споткнулся и, мешком упав на землю, с минуту лежал так, полузадохшийся. Вадаж и Утхг-а-к, тхакв помогли ему подняться. Джоселин повисла у него на руке и заплакала.

— Я думала, что ты умер. Я думала, что ты умер.

— Так и было бы,— сказал Вадаж,— но взрывчатка в снарядах испортилась... Берегись!

Открылся еще один порт, и еще одна обойма была расстрелена. Сквозь красный туман в глазах Хейм вдруг заметил катушки и лазерный прожектор, а лазеры, как известно, не стареют. Он оттолкнул Джоселин назад, заслонив ее собой. Сверкающий луч был ярче солнца. Он ударил значительно левее. Кусты превратились в головешки и задымались. Следуя какому-то сумасшедшему курсу, луч испарил небольшую речушку, затем выпалил в небо и, мигнув, угас.

— Механизм наведения,— произнес Утхг-а-к, тхакв. Впервые за все время голос его слегка дрогнул.— Износился так, что стал непригоден.

— Не настолько, чтобы промахнуться с близкого расстояния,— захныкал Брэгдон.— Он или пристрелит нас, или раздавит, или... Бежим!

Страх, охвативший Хейма в первое мгновение, прошел. Внутри он чувствовал какой-то странный холодный подъем. Это не была радость поединка с достойным противником, поскольку Хейм знал, каким мизерным был его шанс. Это была полная боевая готовность всего организма. Решение словно бы выкристаллизовалось в его сознании, и он сказал:

— Не надо. Мы моментально выдохнемся. Эта гонка ведется шагом. Если мы сможем добраться до Дыма грома или хотя бы до тех валунов прежде, чем гуда долетят пули, у нас будет шанс спрятаться в укрытии. Нет, не сбрасывайте рюкзаки. Забрать их нам не удастся. Пошли.

Они двинулись вперед.

— Может быть, спеть вам? — спросил Вадаж.

— Нет необходимости,— ответил Хейм.

— Я так и думал. Хорошо. Дыхание и в самом деле мне пригодится.

Хейм замыкал шествие. Сзади кашлял и стучал двигатель адской машины. Вновь и вновь Хейм вынужден был останавливаться и оглядываться, хотя изо всех сил старался не делать этого, подчиняя себя собственной воле. С каждым разом смерть оказывалась все ближе. Старый-престарый, разваливающийся, сумасшедший, полуслепой и полупарализованный механизм, который никогда не был живым и в то же время все никак не мог умереть, тряся на остатках своей воздушной подушки чуть-чуть быстрее, чем мог передвигаться на Строне человек. Издаваемый им грохот был похож на бесконечную металлическую агонию. Один раз Хейм заметил, как на ходу от корпуса отвалился лист обшивки, в другой раз, как покосился воздуховод и чуть не свалился на громоздкий корпус. Но он двигался все дальше и дальше. А спасительные скалы впереди приближались с такой медлительностью, как в ночном кошмаре.

Джоселин начала спотыкаться. Хейм догнал ее, чтобы поддержать. Возможно, изменение цели вызвало включение какого-то реле в испорченном компьютере — неизвестно, только пулемет выплюнул новую очередь. Несколько пуль просвистело совсем рядом.

Брэгдон последовал примеру Хейма, поддержав женщину с другой стороны.

— Давайте я помогу...— задыхаясь, произнес он. Джоселин оперлась на них обоих.

— Нам... нам не успеть,— сказал Брэгдон.

— Мы должны,— сухо отозвался Хейм, боясь, как бы к Джоселин не вернулось то безразличие, которое охватило ее утром.

— Мы могли бы дойти... может быть... если бы передвигались без остановок. Вы могли бы, но не я. И не она. Нам надо отдыхать.

В воздухе повисли недосказанные слова Брэгдона.

— А преследователь в отдыхе не нуждается.

— Давайте все в воду, вон, возле тех скал,— сказал Вадаж.— Ложитесь и пригните головы как можно ниже. Тогда, быть может, этот гад не заметит нас.

Хейм посмотрел в ту сторону, куда указывал Вадаж. Чуть левее от них у мутного озерца виднелась россыпь камней. Ни один из них не превосходил по своей величине человека, но... Над головой просвистел легкий артиллерийский снаряд, орудийный залп эхом отозвался от недостижимых утесов. Снаряд попал в большой булыжник, расколол его, но не взорвался.

— Ну что ж, давайте попробуем,— согласился Хейм.

Шлепая по грязи, они добежали до озерца и легли в неглубокую красноватую воду. Хейм предусмотрительно положил рядом с собой автомат, Вадаж — свой лазер. Такое оружие представляло собой довольно трогательное зрелище, будучи противопоставленным вооружению и размерам монстра. Но человеку свойственно с доверием относиться к средствам собственной защиты. Порыв ветра принес с собой водяную пыль. Дыма грома и бросил ее на лежащих людей. Хейм вытер стекло своего шлема и осторожно высунул голову из-за камня.

Машина стояла, не двигаясь. Изнутри раздавалось какое-то ворчание, орудия поворачивались то вправо, то влево, детекторы вращались по всей сфере.

— Боже правый,— прошептал Вадаж.— Да она и впрямь нас потеряла.

— Вода охлаждает наши скафандры, снижая интенсивность инфракрасного излучения,— так же тихо отозвался Утхг-а-к, тхакв.— Быть может, мы находимся ниже уровня лучей ее радара, а может, оптические системы вышли из строя. Или система памяти развалилась на части.

— Если бы только... Нет.— Хейм опустил автомат.

— О чем ты подумал? — напряженно спросила Джоселин.

— О том, как бы нейтрализовать то, что осталось от детекторной решетки. Это можно было бы сделать с помощью лазера — видите тот оголенный силовой провод? Только вот проблема — как подобраться достаточно близко, чтобы это чучело не засекло тебя и не пристукнуло.

Возникшая было надежда на то, что машина бросила поиск и уйдет, — надежда, от которой замирало сердце, — рухнула. Робот начал двигаться по спирали, продолжая вести наблюдение. И Хейм мысленно просчитал этот курс и промормотал:

— Должен оказаться здесь не позднее, чем через полчаса. Однако сначала ему придется немного удалиться в противоположную сторону. При этом мы несколько выиграем в дистанции. Будьте готовы подняться, как только я дам команду.

— Нам не удастся это сделать, — запротестовал Брэгдон.

— Не так громко, идиот вы этакий. Откуда мне знать, не сохранились ли у этой твари еще и уши.

Словно в ответ на это, робот остановился. Мгновение он медлил, словно прислушиваясь к жужжанию собственных систем. Рога детекторных решеток сделали полный оборот, наклонились, застыли... И машина продолжила свой путь по спирали.

— Видал? — с отвращением сказал Вадаж. — Давай, Брэгдон, валяй дальше. Может быть, тебе еще удастся уничтожить нас.

Тот в ответ издал какой-то приглушенный звук.

— Не надо, — умоляюще произнесла Джоселин. — Пожалуйста.

Утхг-а-к, тхакв еле заметно пошевелился.

— Я вот тут думал, — он икнул. — Вообще-то мне не верится, что мы сумеем добраться до укрытия. Но вот что интересно. Умеют ли Машины-убийцы считать?

Вадаж удивленно уставился на него.

— Как это?

— По сути дела, терять нам нечего, — ответил на квс. — Давайте все сразу побегим, кроме одного, кто останется здесь с лазером. Если он сумеет подобраться к машине на расстояние в пределах досягаемости луча...

— Тогда этому дьяволу не составит никакого труда убить его, — закончил Хейм. Но надежда снова вспыхнула в нем.

«А почему бы и нет? — подумал он. — Что бы ни случилось, лучше умереть, сражаясь. А может быть, еще удастся выжить».

— Прекрасно, — медленно произнес он вслух. — Давайте мне пистолет, и я преподнесу нашему другу приятный сюрприз.

— Нет, шкипер, — сказал Вадаж. — Я не герой, но...

— Разговорчики, — перебил его Гуннар.

— Гуннар... — вырвалось у Джоселин.

Утхг-а-к, тхакв выхватил пистолет из руки Вадажа.

— Сейчас не время для таких игр, — выкрикнул он. — Если бы не он, мы бы сейчас здесь не торчали и к тому же пользы от него — как это у вас говорится... как напиток от какого-то животного. Поэтому... — и он бросил оружие Брэгдону. — Или, может быть, ты боишься?

— Дай сюда! — Хейм потянулся за оружием.

Брэгдон быстро отодвинулся от него.

— Эта штуковина там, — сказал он каким-то отсутствующим голосом. — Вот к чему ведет война. Подумай об этом, Хейм.

Барахтаясь в воде и иле, Вадаж попытался дотянуться до него. Хейм увидел, что робот снова остановился, прислушиваясь.

— Проваливайте отсюда! — заорал Брэгдон. — Если вы этого не сделаете, я сам покажусь ему.

Машина, ломая кусты, не обращая внимания на ручьи и камни, устремила прямо к ним.

Спорить было некогда. Брэгдон поспрется вперед как круглый идиот — уж это точно, Хейм поднялся с громким чавканьем и всплеском.

— За мной все! — крикнул он.

Джоселин вместе с ним вынырнула из озера, и они бросились бежать.

Впереди грохотал Дым грома. Сзади хрипло фыркал двигатель и тарахтел пулсмет. Водяной туман клубился перед глазами, оседая на стеклах шлемов, слепил людей. Строн притягивал их вниз, бросал им под ноги камни, грязь, чтобы ботинки застревали в ней. Хейм чувствовал, как бьется о ребра сердце, словно еще одна пушка. Он не мог бы сказать, кто из них кого больше поддерживал — он

Джоселин или Джоселин его. Сознание исчезло — остались только грохот, тяжесть и бесконечная головная боль.

Вадаж вскрикнул.

Хейм оперся спиной о валун и вскинул свой автомат. Но машина-охотник пока не собиралась атаковать.

Она была близко, ужасающе близко. Крохотная по сравнению с ней фигурка Брэгдона появилась из засады. Человск подполз к железному чуду, встал, широко расставив ноги, прицелился и выстрелил.

Ослепительно сверкнул лазерный клинок. В том месте, где он прикоснулся к корпусу, раскаленный добела металл шипел и плавился. Не прекращая огня, Брэгдон повел оружием в сторону силового кабеля.

Нечто похожее на рев быка раздалось из металлических недр робота. Брэгдон стоял на прежнем месте, похожий на карлика рядом с громадиной, и непрерывно вел огонь. В обшивке открылись все порты, которые еще в состоянии были открываться. Их орудия высунулись. Некоторые еще действовали. Хейм швырнул Джоселин на землю и сам бросился на нее сверху, прикрывая своим телом. Страшный луч ударил по валуну, у которого он только что стоял, превратив камень в пыль.

Брэгдон был недосыгаем для орудий, поскольку стоял в мертвой зоне. Машина, лязгнув, двинулась вперед. Брэгдон рассек силовую линию детектора.

— Беги, Виктор! — заорал Вадаж. — В сторону с его пути, скорее!

Брэгдон повернулся и, споткнувшись, упал. Робот прошел прямо через него.

И двинулся дальше, стреляя и стреляя — целый смерч из пуль, снарядов, силовых лучей, ядовитых газов, — последний оргазм разрушения. Бесчувственная, безмозглая, лишенная будущего Машина-убийца ковыляла теперь прямо на юг, поскольку судьбе было угодно, чтобы ее заклинило именно на этом направлении.

Хейм поднялся и побежал к Брэгдону.

«Может быть, с ним ничего не случилось, — с надеждой думал он. — Воздушная подушка распределяет вес по большой площади равномерно». Брэгдон не шевелился. Хейм подбежал к нему и остановился.

Сквозь шум воды и грохот удаляющегося чудовища до него донесся слабый крик Джоселин:

— Я иду, Гуннар!

— Нет! — крикнул он в ответ. — Не надо!

В днище железного панциря были встроены острые лопасти. Должно быть, они двигались то вверх, то вниз, выравнивая землю на несколько сантиметров вглубь. Хейм не хотел, чтобы Джоселин увидела то, что лежало теперь перед ним.

Глава 7

Из-под земли словно бы раздавался грохот барабана — это пары вырывались из сернистого конуса. Затем вверх ударила струя, образовав гигантский белый столб, увенчанный шапкой густой пены. Рядом с ним такой же столб вдруг начал опадать и затем пропал совсем, но другие били повсюду, куда ни кинешь взгляд, среди нагромождения черных камней и непроглядных занавесей водяного тумана. Хейм на ощупь пробирался в этом хаосе. Вода булькала под ногами, вновь и вновь он оскальзывался на мокрых камнях. Внутри скафандра тоже все было влажным, пот разъедал кожу.

«Странно, — подумал Хейм, с трудом отвлекая сознание от чудовищной усталости, охватившей все тело, — странно, что легкие словно бы горят сухим огнем».

Он слышал тяжелое дыхание Джоселин, тащившейся рядом с ним. Половина его сил уходила на то, чтобы помогать ей идти. Больше он не слышал ничего, кроме звуков, издаваемых титаническими силами, бурлившими вокруг них. Впереди маячили внушительные очертания Утхг-а-к, тхаква, прокладывающего путь. Вадаж плелся в хвосте.

Постепенно, по мере того как солнце садилось за горами, стало смеркаться, возвещая, что день, отмеченный возведением каменной пирамиды над новым погибшим, подходит к концу.

«Мы должны идти, — звучала в голове у Хейма идиотская фраза. — Должны идти. Должны идти». А откуда-то из глубины сознания всплывало: «Зачем?»

Ради той борьбы, в которую он намеревался прежде вступить? Но она утратила всякое значение. Единственная реальная борьба была здесь, сейчас, против этой жестокой планеты. Тогда, может быть, ради Лизы? Чтобы не оставлять ее круглой сиротой? Но не была ли она фактически

таковой даже тогда, когда они жили под одной крышей? И к тому же ей все равно суждено самой природой пережить его. В молодых и горе умирает молодым. Для того чтобы выполнить свой долг по отношению к тем, кто находится у него в подчинении? Это было уже ближе к цели, поскольку затрагивало какой-то глубинный нерв. Однако мог ли он теперь считать себя командиром, если его бортинженер в этих адских условиях видел лучше и двигался увереннее, чем любой человек?

Вскоре эти мысли развеялись, словно водяной дым гейзеров. Смерть принялась соблазнять Хейма обещаниями сна. Однако животный инстинкт не позволил ему клюнуть на эту приманку. Он выругался про себя и продолжал идти.

Впереди показался грязевой бассейн, на горизонтальной поверхности которого вздымались большие пузыри. Дальний берег его представлял нагромождение камней. Среди них хлестала вода, струи которой, попадая в бассейн, взрывались облаками пара.

Утхг-а-к, тхакв жестом дал понять остальным, чтобы они подождали, а сам плюхнулся на брюхо и пополз вперед. Предательская минеральная корка могла в любой момент провалиться, и тот, кто упал бы в один из таких котлов, сварился бы заживо прежде, чем остальные успели бы вытащить его оттуда.

Джоселин, воспользовавшись остановкой, ничком легла на землю. Быть может, она уснула, а может, потеряла сознание — теперь между тем и другим особой разницы не было. Хейм и Вадаж остались стоять. Чтобы подняться снова, пришлось бы сделать слишком большое усилие.

Утхг-а-к, тхакв, еле заметный среди облаков вокруг горной вершины, махнул рукой. Хейм и Вадаж взяли Джоселин за руки и подняли ее. Капитан шел впереди, согнувшись, чтобы видеть в серой мягкой оседавшей водяной пыли следы их проводника. Разгибался он лишь для того, чтобы, помогая себе руками и ногами, перебраться через высокие нагромождения камней. Часто небольшой кусочек «берега» отрывался и с глухим чавканьем падал в грязь. Лучшее всего было идти здесь по одному, но эта мысль возникла в его затуманенном сознании не сразу. Малейший неосторожный шаг — и...

— Гуннар!

Он круто обернулся и чуть не попал в тот же самый небольшой обвал, в котором очутилась Джоселин.

Каким-то образом ему все же удалось удержаться на ногах, отскочив в сторону сквозь горячий туман. Камни выворачивались у него из-под ног, и тотчас в этом месте струей начинала бить вода. Для Хейма сейчас не существовало ничего, кроме необходимости удержать Джоселин, не дать ей сползти в бурлящий котел внизу.

Она отчаянно молотила ногами и цеплялась руками за берег, увлекая за собой все больше камней, часть из которых обрушивалась прямо на нее.

Прыжками спускаясь вниз, Хейм добрался до края котла. Его ноги тотчас утонули в иле. Здесь еще не было слишком горячо. Но даже если бы было наоборот, он бы не заметил. Камни, скатывавшиеся вниз быстрее Джоселин и тотчас тонувшие, послужили опорой для ног. Хейм встал на камни, постаравшись закрепить как можно лучше. Обвал обрушился на него, вокруг него. Он схватился руками за воздушный циркулятор Джоселин и превратился в монолит.

Когда земля перестала сползать вниз, Хейм стряхнул с себя грязь и упал рядом с ней. Вадаж увидел, что угроза миновала, перестал торопиться и, двигаясь уже более осторожно, спустился к ним. Вскоре туда же подошел и Утхг-ак, тхакв.

Через несколько минут Хейм поднялся. Первое, что он осознал, придя в себя, был голос наквса, до жути напоминавший бульканье кипящего чайника:

— Для нас это был бы большой урон. Сможем ли мы выжить без него?

— Джосс, — пробормотал Хейм, пытаясь подняться. Вадаж ему помог. Некоторое время он опирался на плечо венгра, пока силы частично не вернулись к нему.

— Гала Истеннек! — раздалось сзади радостное восклицание. — Ты не ранен?

— Со мной все в порядке, — ответил Хейм. Собственный голос был чужим, тело казалось ему одной большой раной, и кровь сочилась из ссадин. — А с ней?

— Как минимум сломана нога. — Пальцы Вадажа коснулись того места, где берцовая и бедренная кости образовывали странный угол. — Что еще — не знаю. Она без сознания.

— В скафандре у нее повреждений нет,— сказал Утхг-а-к, тхакв.

«Первая нелепость, которую я от него услышал,— мелькнуло в голове у Хейма.— Если бы скафандр потерял герметичность, не было бы нужды беспокоиться о костях».

Он отодвинул Вадажа в сторону и нагнулся над Джоселин. Очистив от грязи стекло ее шлема, он смог рассмотреть в угасавшем свете лицо женщины. Веки ее были сомкнуты, губы полуоткрыты. Бледная кожа покрыта капельками пота. Хейм испугался, увидев, как ввалились ее щеки. Приложив наушник к ее микрофону, он едва смог засечь дыхание, неглубокое и частое.

Хейм медлил, стоя на коленях. Чтобы отсрочить приближение будущего, он спросил:

— Кто-нибудь видел, как это случилось?

— Камень вывернулся у нее из-под ноги,— ответил Вадаж.— Она покатилась вниз, и половина склона поехала за ней. Должно быть, почву дестабилизировал какой-нибудь недавний подземный толчок. Не могу понять, как тебе удалось так быстро добраться снизу и не упасть при этом.

— Какая разница! — резко ответил Хейм.— Она в шоке. Не знаю, вызвано ли это одним только переломом. Прежде всего она очень ослабла. Могут оказаться и более тяжелые травмы, например что-нибудь с позвоночником. Всякие передвижения сейчас очень опасны для нее.

— Что же тогда нам делать? — спросил инженер. Хейм понял, что командование снова перешло к нему.

— Вы пойдете дальше вдвоём,— сказал он.— А я останусь с ней.

— Нет! — произвольно вырвалось у Вадажа.

В голосе Утхг-а-к, тхаква слышались теперь лишь жалкие остатки его обычного педантизма.

— Ты не сможешь оказать ей никакой помощи, поскольку вы оба замурованы в своих скафандрах. А нам, может быть, лишняя пара рук будет крайне необходима. Нам предстоит трудный переход.

— В таком состоянии, в каком я теперь нахожусь, я стал бы для вас скорее помехой, чем помощью,— сказал Хейм.— Кроме того, ее нельзя оставлять одну. Вдруг обвал повторится или уровень этого чертова болота поднимется?

— Капитан, она обречена. В бессознательном состоянии она не сможет принимать граванол. А без него, да еще в

шоке, быстро наступит остановка сердца. Самос гуманное по отношению к ней — сейчас же открыть шлем.

Ярость и боль утраты поднялись в Хейме.

— Замолчи, ты, хладнокровный ублюдок! — заорал он.— Ты привел Брегдона к гибели, и сделал это нарочно. Хватит с тебя и этого.

— Гвурру,— всхлипнул наквс и отодвинулся от Хейма.

Злость исчезла, и вместо нее возникла пустота.

— Прости меня,— понуро сказал Хейм.— Я совсем забыл, что твое мышление не такое, как у нас. Ты не желаешь ничего плохого. Просто инстинкты людей не столь практичны, как твои.— Он усмехнулся.— Однако, если хочешь быть практичным, не забудь, что у вас еще около часа, прежде чем станет совсем темно, так что не теряйте времени. Идите.

Вадаж долго смотрел на него, прежде чем спросить:

— Если она умрет, что ты будешь делать?

— Похороню и буду ждать. Если сидеть, не двигаясь, то можно растянуть запас воды в этих флягах на несколько дней. А лазер вы возьмите с собой, потому что вам без него не обойтись.

— А ты, значит, останешься совсем без защиты. Нет, это глупо.

— У меня останется автомат, если тебе от этого легче. А теперь идите. Мы еще похлещем вместе с вами пивка.

Вадаж сдался.

— Если не на корабле,— сказал он,— то в раю. Пока.

Они молча обменялись рукопожатием. Менестрель и инженер начали подъем. Неподалеку один из гейзсров выплюнул струю воды, по ветру поплыл пар, и их фигуры исчезли из вида.

Хейм устроился поудобнее.

«Ну вот тебе и возможность поспать»,— подумал он. Но это желание, как назло, исчезло. Он проверил дыхание Джоселин — никаких изменений, и растянулся возле нее, положив свою руку в перчатке на ее руку.

Пока они таким образом лежали, в голове у него немного прояснилось. Совершенно спокойно, без малейшей примеси волнения или отчаяния он взвесил вероятность спасения. Она была невелика. Ну, а для Джосс, если отбросить в сторону иллюзии, эта вероятность вообще равнялась нулю. Для них троих — пятьдесят на пятьдесят. Вадаж и инженер

должны выйти из Дыма грома примерно к вечеру следующего дня. Затем им потребуется еще два дня (допуская, что они, измотанные вконец, смогут в течение дня обойтись без допингов), чтобы пересечь высокогорные луга и добраться до замка Вениливейна. До него было все еще далеко, но обитатели Роши очень часто забредали довольно далеко от дома в поисках добычи. Без сомнения, время от времени они даже летали над землей Машин-убийц, направляясь к равнинам и к морю.

— Хм, да, вот почему они до сих пор не тронули роботов. Даровая защита. Вот что значит — идеология плотоядных.

Если бы они могли задержаться там, возможно, их обнаружили бы уже несколько дней назад. Но задержаться они не могли. Поэтому Джосс придется умереть в этом мокром аду, под солнцем, свет которого дойдет до Земли не раньше, чем через столетие, до Земли, в чьих лесах она когда-то гуляла, в чьих залах танцевала, в чьих садах играла на флейте, пока он не напугал ее, не начал нести разную чушь.

По мере того как солнце постепенно угасало в тумане, Гуннар Хейм раздумывал над своей виной по отношению к этой женщине.

Это он заставил ее идти вместе с ними. Но сделал это только потому, что, если б она осталась на месте «крушения», она предала бы его надежды, связанные с судьбой родной планеты.

«А ты уверен в этом, парень? — мысленно задавал он себе вопрос. — А вообще, откуда тебе точно знать, что выбранный тобою путь — это именно тот путь, который нужен?»

Подобная ситуация не возникла бы, если бы не заговор, участницей которого являлась Джоселин. Тем не менее заговор этот явился следствием осуществленных прежде им самим тайных проектов.

Хейм отложил на время решение этой головоломки. Ответа не было, а он не относился к числу тех людей, которых всякая неясность способна довести до безумия. Он знал одно: если время, проведенное на борту «Поиска», и не вполне соответствовало тем мечтам, которые он когда-то похоронил, оставаясь верным памяти Конни, — все равно это было больше, чем он заслуживал, и если Джосс умрет, этот свет навсегда останется в нем.

Хлюп, хлюп,— раздавалось из грязевого котла внизу. Горячий родник забулрил громче. Гейзер ревел в сгущавшейся темноте, рев этот эхом отдавался от невидимых стен, и струи воды били среди призрачных теней огромных валунов. Такая же тяжелая, как его собственное тело, опиравшееся о жесткое каменное ложе, на мир опустилась ночь.

Тьма немного рассеялась, когда взошла ближайшая луна, почти в полной своей фазе, круг которой превосходил по величине земную Луну, сверкал металлическим блеском и был испещрен какими-то странными геральдическими знаками. Хейм ненадолго задремал, потом проснулся и увидел ее прямо над собой. Диск окружало слабое свечение — следствие диффузии в верхних слоях туманов. Но большая часть неба была открыта, и можно было разглядеть звезды. Нижние слои, мертвенно-белые, стлались по глубокому узкому ущелью Дыма грома.

Хейм сонными глазами пытался опознать отдельные солнца. Быть может, вон то, рядом с призрачной вершиной Лохана,— Акернар? Если это так, то забавно смотреть отсюда на эмблему его давней победы.

«Интересно, не смотрит ли на него сейчас и Синби,— подумал Хейм.— Где бы он ни находился».

Однако лучше проверить состояние Джосс. С этим намерением Хейм оторвался от камней своим затекшим телом.

Но что это?

Что это?

То, что он увидел, поразило его словно громом. Мгновение он не верил своим глазам. На фоне луны обрисовался длинный вытянутый клин...

Строны на пути домой, в Рошу?

Хейм стремительно вскочил.

— Эй! Хелло! Вы там,верху, спускайтесь, помогите, помогите, помогите!

Собственный крик заполнил его шлем, заставив вибрировать барабанные перепонки. Обжег ему гортань и умолк в многометровом слое встревоженного шумом воздуха. Человек принялся махать руками, ясно понимая, что испарения, наполнявшие ущелье туманом, делали его невидимым с такой высоты, и увидел, как крылатые тени миновали лунный диск и исчезли в темноте. Какой-то звериный крик вырвался из горла Хейма, он проклинал всех богов Вселенной, потом схватил автомат и принялся палить в небо.

Однако этот тихий треск был все равно что ничего. А из дула не показалось ни единой, даже маленькой, вспышки. Хейм поднял бесполезное оружие, способное лишь на то, чтобы убить Джосс, и швырнул его в грязь.

Рука его бессильно упала. Металлический лунный свет, казалось, пронзал ему череп, и он вдруг мгновенно остыл, весь превратившись в предельно ясное сознание, вырабатывавшее план действий. Терять времени нельзя. Эти крылья стремительны, как сам ветер. Хейм присел на корточки, отстегнул свою систему воздухообеспечения и, стащив ее со спины, положил перед собой. Клапан его шланга, подсоединявший систему к скафандру, открылся легко, но муфту позади него что-то заедало. А у Хейма не было плоскогубцев. Вся его оставшаяся сила сосредоточилась в руках. Резьба подалась, и аппарат был отсоединен.

Теперь в распоряжении Хейма остался лишь воздух, содержащийся внутри его скафандра. Рециркуляция зависела от давления из запасных резервуаров. Хейм расколол их клапаны. Земной воздух, находившийся в сжатом состоянии, получивший свободу, устремился наружу.

Теперь смесь надо было поджечь, но у Хейма не было лазера. Не обращая внимания на возможность шрапнели ricochetировать, он положил дуло автомата на баллон и нажал спусковой крючок. Раздался взрыв, и одновременно с ним — страшный гул. Смесь вздрогнула, свистнула пуля, и воздушный столб превратился в пылающий факел.

Его свет в сиянии луны был тускло-голубым. Хейм крепко держал резервуар системы одной рукой, а другой размахивал в воздухе.

— Пожалуйста, — кричал он, — пожалуйста, посмотрите сюда, она умрет, если вы этого не сделаете. — Какой-то далекой частью своего сознания он заметил, что плачет.

Огонь угас. Хейм нагнулся над шкалой давления, пытаясь разглядеть ее в безжалостном лунном свете. Ночь. Все.

Нет. Стоп, это был чистый ноль. Оставалось еще три абсолютных атмосферы. А водород проникал внутрь быстрее, чем выходил наружу кислород. Взрывчатая смесь? Хейм подтянулся и, цепляясь за камни, положил резервуары за большой валун. Перегнувшись через него, он выстрелил прямо в свою опустевшую систему и бросился ничком на землю.

Пламя вновь вспыхнуло ярко-алым цветком, раздался

яростный грохот, раскаты которого эхом прокатились по ущелью, визгливо запели разлетающиеся во все стороны осколки камней, заскрежетали другие камни, принимая на себя этот град, и все стихло, словно ничего и не было. Хейм осторожно поднялся.

Бесконечная тишина обрушилась на него. Он сделал все, что мог. Теперь оставалось только ждать, а оставаться в живых или умереть — как решит судьба. Он вернулся к Джоселин, послушал ее дыхание и лег рядом с ней.

«Я должен испытывать беспокойство,— смутно подумал он.— Однако я его не испытываю. Значит ли это, что мой воздух уже отравлен?.. Нет, если не двигаться, я смогу протянуть еще час или около того. Просто я... вымотался до предела».

Взгляд его обратился к луне, мысли — к Конни. Он не верил в загробную жизнь, но сейчас у него было такое ощущение, словно Конни где-то совсем рядом.

— Эй, привет,— прошептал он.

И воздух вдруг зашел, небесная бездна ринулась вниз на своих черных крыльях, и эти крылья, подобные крыльям летучей мыши, затмили луну. Сверкнуло оружие, стая сделала круг в поисках врага, блистая острыми клыками, и дьявольские тени опустились на землю.

Но увидев открывшуюся перед ними картину, они повели себя вовсе не как дьяволы. Один из воинов что-то пролаял в миниатюрный передатчик. Не прошло и нескольких минут, как рядом опустился летательный, буквально с машину, аппарат, присланный с Роши. Джоселин с материнской заботой подняли и положили на носилки и погрузили в машину. Серый, как волк, Вениливейн собственноручно подсоединил к скафандру Хейма кислородный резервуар. Флайер взмыл вверх и, словно копье, брошенное сильной рукой, устремился на восток, по направлению к Орлинку.

— Но... послушайте... янгир кетлеф...— Хейм прекратил свои жалкие попытки рассказать строкам с помощью нескольких известных ему фраз об Андре и инженере. Да, это было сейчас уже не столь важно. Скоро он будет на своей яхте, Уонг переведет и передаст по радио все нужные сведения, и двое путников будут найдены не позднее, чем на рассвете. Хейм уснул с улыбкой на губах.

Глава 8

В каюте было тихо. Кто-то повесил на переборке так, чтобы ей было видно, новую картину: пляж, вероятно, на Таити. Волны сапфирового океана, отороченные кружевами пены, омывали белый песок. На переднем плане легкий восток Земли колыхал пальмовые ветки.

В каюту вошел высокий человек, и Джоселин опустила книгу, которую держала перед собой. Лицо ее залил румянец.

— Гуннар, — произнесла она очень низким голосом. — Тебе не следовало вставать.

— Наш медик будет против, если я проваляюсь в постели до конца своей жизни, — ответил Хейм. — Пошел он к дьяволу. В конце концов надо же мне было проститься с тобой перед твоим отъездом. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Конечно, слабость пока еще не прошла, но доктор Сильва говорит, что я быстро иду на поправку.

— Я знаю. Мы с ним беседовали. Ферментативная терапия — просто чудо, а? — Хейм сделал паузу, придумывая, что бы еще сказать. Но ничего подходящего в голову не приходило. — Я рад.

— Да сядь же, дуралей!

Хейм подтащил кресло к ее кровати и сел. Даже после полета во флайере он чувствовал ужасное головокружение. Надо, чтобы прошло еще несколько дней, прежде чем его силы полностью восстановятся. Висевший у него на бедре пистолет зацепился за натянутую консоль. Выругавшись вполголоса, он освободил оружие.

Джоселин не могла сдержать улыбки.

— Совсем не обязательно было брать это с собой. Никто не собирается тебя похищать.

— Что ж, надеюсь, что это так. Считаю, будто это для страховки.

Ее улыбка угасла.

— Нет, двое хороших парней погибли, остальные прошли через далеко не лучший эпизод в своей жизни. Мне жаль, что это случилось, но на войне всякое бывает и не стоит принимать это чересчур близко к сердцу.

Ее взгляд напоминал ему взгляд маленького зверька, загнанного в ловушку.

— Ты мог бы предъявить обвинение в убийстве.

— Бог мой! — воскликнул он. — За какую же свинью ты

меня принимаешь! Мы все вместе вылетели в поле, наш двигатель заглох, после чего произошло крушение, во время которого один человек погиб и, направившись в горы в поисках помощи, потеряли еще одного. Если твои люди будут придерживаться этой версии, то мои и подавно.

Тонкая рука украдкой придвинулась к его руке. Он взял ее и долго не отпускал. Карис глаза Джоселин смотрели на него. Оба молчали.

Когда Хейм почувствовал, что больше не выдержит, а нужные слова так и не пришли, он сказал:

— Вы стартуете на рассвете, так?

— Да. Ученые — те, которые не знали об истинной цели экспедиции, — хотели остаться. Но капитан Гутьерсц отверг их предложение. Нам здесь больше нечего делать. — Вдруг она быстро спросила: — Сколько вы здесь еще пробудете?

— Примерно в течение одной земной недели, пока не будут подогнаны новые ракетные установки. Конечно, мы еще потеряем время на то, чтобы выбраться из этой планетарной системы. Ложь придется выпроваживать нас, и нам будет позволено вооружиться боеголовками лишь после того, как мы окажемся за пределами их зоны обороны. И все же я рассчитываю, что мы выйдем на финишную прямую не позднее чем через десять дней.

И снова пауза, вызванная встречей их взглядов, вот они вновь отводятся в сторону и вновь встречаются.

— Что ты собираешься делать дома? — опять попытался нарушить тишину Хейм.

— Ждать тебя, — ответила она. — И молиться за тебя.

— Но... нет, послушай, а как же твоя политическая деятельность?

— Это уже не имеет значения. И я не изменила своих взглядов... или изменила? Трудно сказать.

Свободной рукой она смущенно потерла лоб. От этого движения волосы шевельнулись, обнажив седину в каштановых прядях.

— В принципе я не считаю, что была неправа, — продолжала она немного погодя. — Может быть, однако, что на деле это было именно так. Но это больше не имеет значения. Видишь ли, ты перевернул Вселенную. Хейм, Земля доверила свою судьбу тебе.

— Нонсенс! — Его лицо зарделось. — Одному кораблю?

— Но капитаном которого являешься ты, Гуннар.

— Благодарю, но... но ты преувеличиваешь мои возможности и... Постой, Джосс, мне кажется, дома тебе все же будет чем заняться. Тамошние настроения могут зайти слишком далеко в противоположную сторону. Каждый, кто в своем уме, меньше всего на свете стремится к крестовому походу. Ты должна постоянно говорить им, что враг не столь уж опасен, чтобы полностью уничтожать его. Надо напомнить, что в конце концов мирные переговоры состоятся, и чем разумнее мы будем на них себя вести, тем больше шансов будет на сохранение мира.

Хейм видел, что ей нелегко ответить. Наконец она сказала:

— Ты прав, и я сделаю все, что будет в моих силах. Но разговоры о политике — лишь уловка.

— Что ты этим хочешь сказать? — прикинулся Хейм.

Джоселин вновь улыбнулась.

— Право же, Гуннар, я просто уверена, что ты боишься.

— Нет-нет, ничего подобного. Тебе надо отдыхать. Я, пожалуй, пойду.

— Сиди! — скомандовала она, ее пальцы сомкнулись вокруг его запястья. Прикосновение было легким, но Хейму легче было бы разорвать якорную цепь.

Лицо Джоселин то бледнело, то снова вспыхивало.

— Я должна объяснить, — вдруг сказала она с поразительной твердостью. — Насчет того, что произошло раньше.

По коже Хейма пробежали мурашки.

— Да, я надеялась убедить тебя не вступать в борьбу, — сказала она. — Но потом поняла, что это нечто большее. Бесконечно большее.

— Угу... прошлое, без сомнения...

— Когда ты вернешься на Землю, — спросила она, — что ты собираешься делать?

— Зажить спокойной тихой жизнью.

— А! Мне бы хотелось написать об этом книгу. А тем временем ты вернешься на Землю. — Голос ее стал еле слышен: — О, Боже, ты должен вернуться. — Она подняла голову. — Я тоже буду там.

Чтобы заговорить, Хейму потребовалось столько силы воли, что ее совсем не осталось, чтобы поднять глаза и посмотреть на Джоселин.

— Джосс, — начал он, медленно произнося слово за словом, — ты помнишь слишком многое. Я тоже. Когда-то был

такой случай, который нам не следовало использовать. Потом мы встретились снова, будучи оба уже свободными и одинокими, и я подумал, что тот случай, может быть, повторится. Но он не повторился. Время не поставило на нас.

— Нет, это не так. Конечно, сначала я думала иначе. Наши случайные встречи после моего возвращения с Урании и политический барьер между нами... черт бы побрал всю эту политику! Считаю я тебя просто привлекательным, да и то в основном это чувство казалось мне вызванным той дружбой, которую мы так и не стали возобновлять. По пути сюда я немного помечтала, но эти мечты выглядели просто как самые обычные бабьи прихоти. Чем ты мог ранить меня? — Она сделала паузу. — Оказывается, все же мог.

— Я пытаюсь этого не делать, — с отчаянием произнес Хейм. — Ты слишком хороша для того, чтобы успокаивать тебя ложью.

Она выпустила его руку, уронив свою на одеяло.

— Значит, тебе все равно...

— Нет, нет, не все равно. Но неужели ты не понимаешь: я не мог порвать с Конни, как ты порвала с Эдгаром. Когда она... э... помогала мне выпутаться из этой истории с тобой, нас это еще больше объединило. Потом она умерла. Меня это словно подрезало под самый корень. И с тех пор, не отдавая себе в этом отчета, я ищу корень такой же силы. Я трус, который боится связать себя с чем-то менее сильным, потому что потом на моем пути может встретиться еще кто-нибудь, и тогда... Это было бы нечестно по отношению к тебе.

Джоселин уже овладела собой.

— Ты уже вырос из веры в непреходящую страстную влюбленность, не так ли? Мы понимаем, что действительность имеет значение в отношениях между двумя людьми. Если ты пытаешься предупредить меня о том, что сможешь когда-нибудь нарушить верность мне, то я обещаю, что не буду ревновать, если ты иногда немного погуляешь. При условии, что ты всегда будешь возвращаться.

— Я не хочу гулять. Дело не в физических причинах. Этого не хочет мой разум. Того единственного случая оказалось больше чем достаточно. И когда я услышал о Новой Европе, я вспомнил об одной девушке, которая сейчас там. Я был молод и глуп, и слово «привязанность» воспринимал очень игриво, что особенно плохо для космолетчика. Поэто-

му, когда мой отпуск закончился, я улетел, не взяв на себя никаких обязательств. В следующий раз, когда я там оказался, ее уже не было. Я колебался, раздумывая, искать ее или нет, в конечном счете не стал этого делать и вскоре получил пост слишком далеко от этой планеты. Теперь...

— Я поняла. Ты хочешь выяснить, что с ней.

— Я должен.

— Но это ведь было лет двадцать или больше тому назад, не так ли?

Он кивнул.

— Я должен узнать, что с ней. И увидеть ее в безопасности, если она еще жива. Если не брать все это во внимание, то да — я, без сомнения, глупец.

Джоселин снова улыбнулась.

— Давай-давай. Меня это не особенно беспокоит.

Хейм поднялся.

— Ну, мне пора. Ни ты, ни я пока еще не годимся для волнующих сцен.

— Да. Я буду ждать, дорогой.

— Лучше не надо. Во всяком случае, не особенно серьезно. Одному дьяволу известно, что со мной будет. Может быть, я вообще не вернусь.

— Гуннар! — вскрикнула Джосслин, словно он ее ударил. — Никогда не говори так.

Он, как мог, постарался ее приободрить, поцеловал на прощание и вышел. На обратном коротком пути к своей яхте он выглянул из окна флайера. Стая стронов снималась со своей временной стоянки. Свет солнца вдруг засверкал на их оружии. Хейм почувствовал, как сумятица и неразбериха внутри него уступили место облегчению — снова на свободе, снова хозяин своего корабля, а драконоподобные тени поднялись тем временем высоко и вскоре исчезли из вида.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Глава I

Строго говоря, Феникс — это созвездие в Солнечной системе, на полпути между плоскостью эклиптики и южным небесным полюсом. Поэтому ошибочно считать относящимся к Фениксу район космоса, удаленный на сто пятьдесят световых лет от Земли в том же направлении, где расположены солнца Алерон и Новая Европа. Но поскольку каждая основанная землянами колония автоматически привлечает интерес и к нескольким соседним системам — как к местам туризма, источникам полезных ископаемых, торговли, научных исследований и захватнических войн, — этой обширной территории со смутно очерченными границами было присвоено общее название «Феникс». Вероятно, к таким вещам следовало бы относиться более взыскательно, однако, попав в обиход, это название так и укоренилось,

И быть может, именно это название было в конце концов не столь уж далеко от истины. Согласно мифу, Феникс возрождался в огне. Ядерный двигатель позволил Ламонтану преодолеть гигантское расстояние до Авроры. Когда он увидел, что под этим солнцем есть мир, где могут поселиться люди, он поднял в его небесах трехцветный флаг (флаг Франции), словно пламя. Надежда ярким огнем горела в людях, направившихся на Новую Европу, освоенную тяжким трудом первооткрывателей и завещанную им. Потом явился босвой флот алеронов с адским огнем на борту.

С планеты взлетел какой-то корабль. Силы, пульсировавшие в его гравитронах, подхваченные переплетающимися космическими полями, несли его все вперед со все нарастающей скоростью. Когда Аврора осталась позади, космос стал меньше искажаться массой звезды. Вскоре корабль должен был достичь точки, где приборы с такой точностью высчитывали траекторию, что можно было полностью исключить индуктивный эффект, известный как инерция, и перейти в режим сверхсветовой скорости.

«Лис-2» засек корабль, когда тот находился на расстоянии в один миллион километров от него. Судно обнаружило себя наружными огнями и инфракрасным излучением, сигналами, которые были пойманы сверхчувствительными радарами «Лиса» и слабой рябью космического пространства, потревоженной его движением. Кроме всего прочего, «Лис» еще «унюхал» нейтроны в его двигателях и приготовился, как хищник, к прыжку.

— Проклятье! — выругался Гуннар Хейм. — Мы должны были засечь этого зверя несколько часов назад. Должно быть, они установили добавочное экранирование.

Первый офицер Дэйвид Пенoyer просмотрел ленты анализа данных.

— Похоже на транспортный корабль среднего тоннажа. По-моему, того же класса, что и «Эллейхей», который мы взяли в прошлом месяце. Если так, то у нас есть преимущество в скорости.

Хейм нетерпеливо топнул ногой. Его огромное тело совершило свободный полет по кривой к иллюминатору. За его стеклом мерцали бесчисленные звезды; вокруг бесконечно чистой тьмы струилась серебряная река Млечного Пути; из чудовищной дали, недоступной человеческому пониманию, поблескивали туманности и дальние галактики. У Хейма не было времени для восторженного созерцания. Он взглянул в иллюминатор, и глаза его вдруг стали льдистоголубыми, как гигантское солнце; он сказал:

— Он перейдет предел Маха гораздо раньше, чем мы успеем развить подходящую скорость. Я знаю, что теоретически корабль может подойти к борту другого, идущего ускоренно, но это никогда еще не было осуществлено на практике, и я что-то не ощущаю желания попробовать. В лучшем случае это кончилось бы чересчур сильным возмущением межзвездного газа.

— Да, но... Капитан, нам вовсе не обязательно брать его в качестве трофея. Я имею в виду, если нам просто набрать ускорение, мы поймаем его в пределах лимита. Тогда он либо вынужден будет перейти на ускорение Маха и, вероятно, разлетится на куски, либо ему придется подставлять борт нашим пушкам.

Крупные черты Хейма исказила гримаса.

— И он может предпочесть пойти на риск, нежели сдаться. Мне бы страшно не хотелось портить наш рекорд. Четыре месяца налетов на торговые суда, восемнадцать алеронских кораблей, и пока что нам никого не пришлось убивать. — Он взъерошил свою шевелюру. — Если только... Пойдем.

Он развернулся и нажал кнопку интеркома.

— Капитан — главному инженеру. Слушай, ты можешь заставить гравитоны делать все, кроме мытья посуды. Не могли бы мы совершить небольшую Мах-пробежку отсюда?

Пенойер беззвучно присвистнул.

— Весь вопрос в точной регулировке, шкипер, — прогреготал голос Утхг-а-к, тхаква. — Когда мы покидали Солнечную систему, нам это удалось. Но теперь, после того, как мы находимся в космосе столько времени без обслуживания...

— Я знаю. — Поблекший голубой костюм Хейма собрался в складки, когда он пожал плечами. На «Лисе» не носили форму. — Хорошо, я думаю, нам и впрямь придется просто уничтожить их. Война — это не игра в блошки, — добавил он, главным образом для себя.

— Один момент, пожалуйста.

Из интеркома раздался какой-то лязг.

«Должно быть, он считает на своем эквиваленте логарифмической линейки», — подумал Хейм.

— Да. Я пересчитал предел безопасности. Он вполне достаточный.

— Отлично! — взревел он, рискуя порвать барабанные перепонки первого офицера. — Ты слышал, Дэйв?

Он ткнул Пенойера кулаком в спину.

Белокурый изящный Пенойер катапультировал через мостик, закашлялся и пролепестал:

— Да, сэр, очень хорошо.

— И дело даже не в том, что мы не хотим замарать

себя, — продолжал ликовать Хейм. — Дело в деньгах. В этих прекрасных-распрекрасных трофейных денежках.

«А как насчет трофейного экипажа, который должен доставить корабль на Землю? — напомнила Хейму деловая часть его сознания. — Мы чертовски близки к тому, чтобы «Лис» остался фактически без личного состава. Еще несколько рейдов — и нам придется остановиться».

Хейма охватила ярость.

— Поэтому мы не станем продавать свой последний товар, а просто отправим с ним послание. Тот, кто захочет и дальше иметь долю в этом предприятии, может встретить нас у Строна, где мы будем пополнять свой арсенал. Располагая таким счетом в банке, который должен быть у меня сейчас, я смогу оплатить снаряжение еще для дюжины полетов. Мы не остановимся, пока нас не вышибут из космоса — или пока Федерация не перестанет ломать комедию и не начнет честную войну.

Хейм с головой ушел в приготовления. Когда прозвучал сигнал боевой тревоги, весь корабль словно встряхнулся от кормы до рубки управления.

«Хорошие все же у меня ребята», — вновь с теплотой подумал Хейм. Когда возникала необходимость решать, кто отведет очередной алеронский корабль домой, добровольцев никогда не находилось. И все с неохотой тащили жребий. И хотя каждый день, проведенный в системе Авроры на пути к Земле, означал немалый риск для жизни, каждому хотелось все-таки остаться на «Лисе», чтобы принимать участие в сражениях. Разумеется, оставшиеся получали и соответственно большую добычу, но члены экипажа капсера завербовались на корабль, поскольку их привлекало нечто большее.

— Двигатели на полную мощность!

Если враг был настороже, они немедленно увидели бы на своих приборах, что другой корабль выходит на ту же орбиту. Один радар был бесполезен на таких расстояниях, поскольку зарегистрированный им объект мог быть простым метеоритом: при условии, что он не начинал ускорения.

— Внутреннее поле — до нормы!

Теперь на корабле снова царило земное притяжение.

— Поворотные векторы: крен на три румба, продольный крен на четыре с половиной румба, поворот двигателя двадцать румбов.

Звезды закружились в иллюминаторах.

— Ускорение — на максимум!

В компенсирующем поле, заполнявшем корпус изнутри, давление не ощущалось. Но двигатели взрвали, как разъяренные звери.

— Приготовиться к Мах-ускорению! Вниманис — 5, 4, 3, 2, 1!

Звездный свет задрожал, как если бы смотреть на него сквозь пелену струящейся воды, и снова стал неподвижен. На этом коротком отрезке фантастическое безынерционное ускорение не позволило достичь такой скорости, при которой в действие вступали аберрация или эффект Доплера. Но удаленный диск Авроры отпрыгнул еще дальше.

— Мах-ускорение прекратить!

Электронный сигнал отдал приказ раньше, чем Хейм успел произнести его.

Компьютеры щебетали под руками Пенойсера. «Лис» вернулся в обычное пространство гораздо ближе к противнику. Но последний все еще двигался со скоростью, превышающей кинетическую скорость капера, но теперь уже не составляло труда уравнивать векторы в пределах границы Маха.

— Орудие номер четыре, залп по курсу цели!

Ракета устремилась вперед. Среди созвездий блеснула мгновенная вспышка атомного огня.

— Радисты, дайте мне универсальную частоту,— командовал Хейм. Он почувствовал, что весь взмок от пота. Маневр, заключающийся в том, чтобы обойти противника с фланга, не был бы возможен, если бы не Утхг-а-к, тхакв, нечеловеческая чувствительность которого при настройке гравитронной системы была единственно надеждой. Инженер мог и ошибиться. Но теперь Хейма переполняло не облегчение от миновавшей опасности, а самое настоящее ликование.

— Они в наших руках! Еще добавить удар!

Завыла сирена. Корабль содрогнулся. Сработала автоматика, раздался оглушительный лязг, затем последовали глухие удары.

— Боже мой! — фальцетом крикнул Пенойсер.— Они вооружены!

Иллюминаторы закрылись, чтобы не дать глазам людей ослепнуть от невыносимой яркости сверкающего вокруг огня. Рванные клочья атомов образовывали в вакууме нечто вроде дождя или снегопада и, закручиваемые в вихри элек-

тромагнитным полем корабля, уносились прочь, к звездам, предварительно плюнув в материальный щит судна жестким рентгеновским излучением. Метеоритные детекторы верещали вовсю, засекая шрапнель, посылаемую со скоростью нескольких километров в секунду кассетными боеголовками.

На то, чтобы испугаться, просто не было времени.

— Открыть заградительный огонь! — скомандовал Хейм своим артиллеристам. — Лазерное орудие номер три, посмотрите, не удастся ли вам повредить их на посудине кольца Маха?

Это было все, что он мог сейчас сделать. Да и его высококвалифицированные люди могли сделать немногим больше — просто передать этот приказ автоматике. Машины смерти были более проворны, более сильны по сравнению с человеческими чувствами. Лучи радаров нащупали цель, звякнули компьютеры, ракеты врзались в летевшие навстречу боеголовки и уничтожили их прежде, чем те успели нанести удар. Ослепительная энергия вырвалась из судна алерона. Остановить его было невозможно. Но в то мгновение, когда он коснулся «Лиса», успев вызвать лишь минимальные повреждения, собственный тяжелый лазер земного корабля плюнул в ответ. Лист боевой обшивки корабля противника превратился в пар, луч проник внутрь, и вражеское орудие умолкло. Оставляя страшный след, луч провел линию по корпусу, нащупывая арматуру межзвездного двигателя. Это была мишень не из легких, если учитывать положение судна, двигавшегося с громадной скоростью. Но компьютеры решили эту задачу за какие-то миллисекунды. Корабль противника начал набирать ускорение, пытаясь вырваться. Мгновение лазерный луч пронзал лишь пустоту. Но затем безжалостно нашел мишень вновь и сжег ее.

— Боевая рубка — капитану! Их Мах выведен из строя, сэр.

— Хорошо. Теперь, что бы ни случилось, он уже не бросится на нас с ускорением Маха, — ответил Хейм.

— Капитанский мостик — радиорубке. Продолжайте искать контакт. Мостик — машинному отделению. Приготовиться к маневрированию.

Сражение закончилось. Оно было не слишком долгим. И диспропорция между наспех вооруженным купцом и крейсером, имевшим полное боевое вооружение, была слишком велика. Не смешотворна — поскольку единственной ракеты,

взорвавшейся на достаточно близком расстоянии, было достаточно, чтобы убить экипаж «Лиса» одной лишь радиацией, если не что-то еще,— и все же эта разница была слишком велика. «Лис» отражал всякую угрозу тем, что концентрировал в своих арсеналах большее количество гораздо более мощного оружия, чем другие корабли в космосе. В иллюминаторах снова появились звезды.

— Фууу-у,— устало вздохнул Пснейср.— А ведь они чуть было не застали нас врасплох, а?

— Ясно, что именно на это они и рассчитывали,— кивнул Хейм.— Я думаю, что после сегодняшнего боя нам лучше быть готовыми к тому, что любой транспортный корабль без сопровождения сможет оказать нам сопротивление.

О тех, которые имели конвой, не стоило и говорить. Это разумелось само собой. Их было не слишком много, поскольку основная сила алеронов была рассредоточена в пограничных областях и лишь несколько боевых кораблей блуждали в глубинах космоса, охотясь на «Лиса». Его жертвой становились грузовые суда, доставлявшие оккупантам на Новой Европе все необходимое, чтобы сделать их победу необратимой.

Хотя Хейм только что побывал на краю гибели, он не ощущал запоздалого страха. Если бы его спросили об этом, он бы сказал, что судьба наградила его темпераментом флегматика. Но на самом деле причина была в другом: в том, что его внутреннее торжество не оставляло места другим чувствам. Он вынужден был сдерживать себя, чтобы его голос звучал спокойно.

— Я не встревожен. Напротив, даже польщен. В этом поединке мы проявили себя лучше, чем можно было ожидать, имея такую разношерстную команду.

— О, не знаю, сэр. Вы здорово вымуштровали нас.— Пснейср вытащил сигарету.— Эти взрывы могли засечь. И кто знает, может быть, на место происшествия пришлют на разведку какой-нибудь корабль покрупнее этого.

— Угу. Но мы не станем торчать здесь, любуясь окружающим пейзажем.

— А как насчет этой посуды? До Солнечной системы ей не добраться.

— Мы приткнем ее на орбите какой-нибудь кометы, которая мало заметна, и на досуге починим... Э, да вот ответ на ваш вопрос.

Судовой экран засветился тусклым светом красного карликового солнца. С него смотрел алерон.

— Какой-то важный чин,— определил Хейм, увидев прекрасное женственное лицо, блестящие золотые волосы и серебристый мех. Даже в минуту ярости и горя его речь напоминала звуки музыки, достойной Бетховена.

Хейм тряхнул головой.

— Прошу прощения, я не знаю вашей Высшей Речи. Будете ли вы так любезны говорить по-французски?

— Нет надобности,— пропел алерон.— В прекрасных звездных лугах, где мы находимся сейчас, язык Новой Европы не обязателен. «Мироэт» вынужден сдаться вам, грабители.

Хейм рад был узнать, что наконец-то может вести переговоры по-английски, до сих пор ему встречались только двое говоривших по-испански, а с большинством приходилось объясняться либо по-французски, либо по-китайски. Во всех остальных случаях на помощь приходил язык жестов, причем в одной руке Хейму приходилось держать пистолет, чтобы было более понятно.

— Так вам, значит, известно, кто мы такие? — спросил Хейм.

— Сейчас всем известно о том, кто называется именем стремительного животного с острыми зубами. Да лишит вас удача своего благословения,— монотонно пропел алерон.

— Благодарю. Теперь слушайте. Мы сейчас вышлем к вам абордажную команду. Ваш экипаж будет заключен под стражу, но мы никому не собираемся причинять зло при условии, что нам не будет оказано сопротивление. Более того, если у вас есть раненые... Нет? Хорошо. Вы будете доставлены в своем корабле на Землю и интернированы до конца войны.

Внутренне Хейм сомневался в этом. Земля была далеко, даже само Солнце невозможно было рассмотреть невооруженным глазом. У него не было способа получить какие-либо известия оттуда. Абордажная команда не могла вернуться и встретиться с кораблем, который сражался в одиночку против целой империи и чье спасение было лишь в постоянном маневрировании в огромном космическом пространстве. Он предполагал, что Парламенту все же пришлось смириться с утверждением Франции, что Всемирная Федерация действительно находится в состоянии войны с алеронами, и признать законность его экспедиции. В противном случае

здесь уже были бы земные корабли — или, по крайней мере, представители Земли на захваченных им алеронских кораблях, — которые потребовали бы его возвращения домой.

Но за шесть месяцев, прошедших со времени их отлета, они не получили ни слова одобрения, никакой помощи — ничего. Им приходилось сражаться в одиночку. Последний пленный алерон, с которым ему довелось говорить, сказал, что два флота по-прежнему лишь любят друг друга через границу, и Хейм этому поверил.

«Неужели они все еще не могут выйти из тупика, решая, начать войну или продолжать переговоры? — думал Хейм. — Неужели они никогда так и не поймут, что с врагом, который поклялся вышвырнуть нас из космоса, не может быть и речи о переговорах до тех пор, пока мы не докажем, что в состоянии дать ему отпор? Боже милостивый! Со времени захвата Новой Европы прошел уже почти год!»

Черты лица на экране тронула печаль.

— Если бы нам дали хорошее вооружение, мы могли бы уничтожить вас. — Руки — тонкие, четырехпалые, двухсуставные, словно ища утешения, ласкали одну из цветущих лиан, украшающих капитанский мостик. — Для вас, человеческих существ, механизм строил сам дьявол.

«Ого! Так, значит, этот корабль был переснащен прямо на планете, — подумал Хейм. — Пришла ли эта идея кому-то в голову из находящихся там?»

— Прекратите ускорение и приготовьтесь к abordажу, — приказал он алеронам. Затем, выключив связь, он начал отдавать команды своему экипажу. Возможность какой-нибудь вероломной попытки не исключалась.

«Лис» должен был сохранять дистанцию и выслать катер. Хейм не прочь был и сам принять участие в прогулке на вражеский корабль, но долг обязывал его находиться на «Лисе». К тому же в желающих и без того не было недостатка.

«Как будто мальчишки, которые играют в пиратов... — подумал Хейм. — Что ж, сокровища, которые они захватили, и впрямь сказочные».

«Мирот» сам по себе вряд ли представлял особый интерес. Алеронам Новая Европа нужна была как сильная заставка, но даже это было не главным. Главной была их цель отнять ее у людей и тем самым изгнать их из всего района Феникса. Грузы, посылаемые с Эйфа на Аврору, будь то промышленные или военные, представляли большую цен-

ность. Назад ничего важного не отправлялось; гарнизон Новой Европы должен был максимально использовать все полученное, чтобы наладить производство и запуск на орбиту тех защитных средств, которые должны были сделать планету фактически неуязвимой.

И все же корабли не всегда возвращались с Новой Европы пустыми. Часть добычи, захваченной Хеймом, озадачила его. Отправлялось ли это на Алерон из чистого любопытства, или в надежде продать это когда-нибудь на Земле, или... Какова бы ни была причина, его парни долго не раздумывали, когда захватили чуть ли не вагон шампанского.

Векторы были равными. Катера устремились вперед. Хейм опустил в кресло перед главным контрольным пунктом и наблюдал за ними, крошечными яркими осколками, до тех пор, пока их не поглотила тень огромного, похожего на акулу, цилиндра, охраняемого «Лисом». Однако мысли его в это время были далеко: он вспомнил Землю, ее величественные города и мягкие небеса, Лизу, которая, возможно, выросла и изменилась до неузнаваемости, Джоселин, которая все же не совсем еще ушла из его сердца, и потом снова Новую Европу, людей, покинувших свои дома и отправившихся навстречу неизвестности, и еще Мэдилон...

Загудел зуммер внутренней связи. Хейм включил изображение. На него глянуло круглое лицо Блюмерга, одетого в боевой скафандр. Шлем был открыт. Хейм не мог понять, почему Блюмерг такой красный: то ли благодаря красноватому свету внутри корабля, то ли ко какой-то иной причине.

— Абордажный отряд докладывает, сэр. — Блюмерг даже заикался от нетерпения.

У Хейма тревожно дрогнуло сердце.

— Что случилось? — резко спросил он.

— Ничего... Ситуация у нас под контролем... но, сэр, у них на борту люди!

Глава 2

Короткий безынерционный полет вывел «Лиса» так далеко за пределы системы, что вероятность быть замеченным буквально приближалась к нулю. Хейм оставил управление на попечение автоматов и объявил празднование в честь очередной победы.

Судовая столовая была полна людей. Из всей команды капера осталось только двадцать пять человек плюс дюжина новобранцев, и хотя столовая была рассчитана на сто мест, они заполнили ее своим криком, пенисом, звоном бокалов — словом, тем веселым шумом, от которого дрожали переборки. В одном углу благодушный и невозмутимый Утхг-а-к, тхаква доставал шампанское бутылку за бутылкой из устроенного им самим холодильника и, с пистолетным хлопком вышибая пробку, разливал на всех. Уже неплохо набравшийся артиллерист Мацуо Хаяши и стройный молодой колонист пустились в спор, что эффективнее — каратэ или приемы апачей. По столам стучали игральные кости, шелестели долговые расписки на добычу против обещаний пылких предложений девушкам на планете в случае победы. Трио Ашанти, выпускники университета, исполняли босвой танец под аккомпанемент зрителей, барабанивших по кастрюлям и сковородкам. Андре Вадаж вскочил на стол и, с трудом удерживая равновесие, ударил по струнам гитары. Все больше и больше французов подпевали ему:

Это цветок, цветок прерий,
Это прекрасная роза Прованса...

Сначала Хейм от души смеялся над последней шуткой Джина Иррибарна, но потом музыка захватила его. Он вспомнил одну ночь в Бон-Шанс, словно бы вновь оказался там. Вокруг сада высились крыши, черные под звездным небом, но желтый свет из окон домов сливался со светом восходящей Дианы. Легкий ветерок шевелил ветви кустов, смешивая аромат роз и лилий с пряным запахом местных цветов. Ее рука лежала в его руке. Гравий похрустывал под ногами, когда они шли к летнему домику. А где-то кто-то играл на свирели, и мелодия плыла в теплом воздухе, нежная и напоминавшая о Земле.

У Хейма защипало глаза. Он резко тряхнул головой.

Иррибарн пристально посмотрел на него. Новобранец был среднего роста, а потому рядом с Хеймом выглядел пигмеем, темноволосый, с удлиненной головой и правильными чертами лица. На нем все еще была та одежда, в которой его взяли в плен: зеленая куртка, мягкие ботинки, берет, засунутый за чешуйчатый кожаный пояс, — униформа планетарной полиции, превратившаяся в форму бойца маки. На плечах поблескивали лейтенантские нашивки.

Иррибарн что-то спросил по-французски.

— А? — заморгал Хейм. Невообразимый шум вокруг, плохое знание французского языка, и тот факт, что Новая Европа была уже на полпути к созданию своего собственного диалекта, были причиной того, что Хейм не понял вопроса.

— Вас что-то взволновало, — перевел свои слова Иррибарн. В прежние времена планету посещало достаточное количество людей, говоривших по-английски, и все жители города обычно в той или иной степени владели этим языком.

— О... пустяки. Воспоминания. В свое время я провел на Новой Европе несколько восхитительных отпусков. Но это было... черт побери, в последний раз я был там двадцать один год назад.

— Стало быть, вы думаете о чужаках, которые разгуливают по улицам, где больше нет людей. Или мягко крадутся, как пантеры, вышедшие на охоту.

Иррибарн нахмурился, глядя в свой стакан, поднял его и конвульсивным жестом опрокинул в себя содержимое.

— Или, может быть, вы вспоминаете о какой-то девушке и гадаете, погибла она или прячется в лесах. Так?

— Давайте лучше снова нальем, — резко ответил Хейм.

Иррибарн положил свою руку на руку Хейма.

— Один момент, силъ ву пле. Население всей планеты составляет всего пятьсот тысяч человек. Городских жителей, с которыми вы, вероятно, встречались, намного меньше. Быть может, я знаю.

— Мэдилон Дюбуаз?

— Которая раньше жила в Бон-Шансе? Ее отец врач? Ну да! Она вышла за моего собственного брата Пьера. Судя по последним сведениям, которые до меня дошли, они живы.

У Хейма потемнело в глазах. Он прислонился к переборке, хватая ртом воздух, попытался взять себя в руки, но не мог унять бешеного сердцебиения.

— Слава Богу! — выдохнул он наконец. С самого детства он не произносил слов, которые были бы столь близки к молитве.

Иррибарн не сводил с него пронизательного взгляда прищуренных карих глаз.

— А, это для вас так важно. Идемте, не лучше ли нам поговорить наедине?

— Хорошо, благодарю.

Хейм пошел впереди. Иррибарн едва успевал за ним. А люди, сидевшие за столами, положив руки друг другу на плечи, продолжали распевать веселые французские песни под аккомпанемент гитары Вадажа.

В каюте Хейма и так была абсолютная тишина, а теперь она стала просто гнетущей. Иррибарн сел и с любопытством осмотрел опрятную небольшую комнату: на полках стояли Шекспир, Бернс и Киплинг в книжном варианте с потрепанными переплетами, микрокассеты с творениями менее маститых литераторов, модель боевого корабля, портреты женщины и девушки.

— Ваша семья? — спросил Иррибарн по-французски.

— Да, хотя моя жена умерла. Дочь сейчас на Земле, у деда.

Хейм предложил гостю одну из оставшихся сигар, а сам принялся набивать трубку. Пальцы его слегка дрожали, и он не смотрел на собеседника.

— А что с вашей семьей?

— Все в порядке, спасибо. Конечно, так было две недели назад, когда был захвачен мой отряд.

Иррибарн закурил и откинулся назад, устраиваясь поудобнее. Хейм остался стоять.

— Однако как это случилось? У нас ведь фактически еще не было возможности поговорить как следует.

— Думаю, просто не повезло. На Кот-Нотр-Дам есть урановая шахта. Как вам, вероятно, известно, на Новой Европе не так уж много урана — она не такая плотная, как Земля. Поэтому если бы ее удалось взорвать, это был бы удар для алеронов. Мы взяли спортивную субмарину, которую нашли в Порт-Августин, где горы опускаются прямо в море Драконов, и поплыли на ней. Мы знали, что единственное, чего нет у этих проклятых ублюдков, — это оборудования для снабжения субмарин. Надеюсь, вам понятно, почему: из-за сухости их собственной планеты. Но шахта охранялась лучше, чем мы ожидали. Когда мы всплыли ночью, чтобы высадиться на берег, по нам ударил снаряд. Он оказался химическим — иначе я не смог бы сидеть здесь. Алероны оказались предусмотрительными, они подождали и подобрали, скажем так, все, что выпало в осадок. После этого были разговоры о том, чтобы расстрелять нас в назидание другим или, того хуже, извлечь из нас информацию. Но об этом узнал новый верховный командующий и

наложил запрет. Мне кажется, он прибыл на Новую Европу с заданием выследить вас, мой друг, так что своим спасением мы не только косвенно, но и прямо обязаны вам. Нас отправили на Алерон. Насколько мы поняли, предполагался обмен пленными.

— Понятно.

— Но вы это дело притормозили. Однако вам хотелось бы побольше узнать о Мэдилон, не так ли?

— Черт побери, я страшно не люблю касаться личных вопросов... Да, мы любили друг друга, когда я однажды из-за болезни пробыл на Новой Европе довольно долго. Наши отношения носили вполне невинный характер, уверяю вас. Настолько невинный, дьявол их дери, что это меня немного отпугивало и... Как бы там ни было, когда я вернулся туда в следующий раз, ее там уже не было.

— Все верно. Она перебралась в Шато-Сент-Джеквес. Я всегда считал, что она попала к Пьеру... как бы это сказать... ну, рикошетом, что ли. То и дело она со смехом вспоминала об огромном норвежце, с которым была знакома до замужества. Такой смех, полувеселый, полупечальный, — всегда следствие молодости. — Взгляд Иррибарна похолодел. — Пьер хороший муж. У них четверо детей.

Хейм вспыхнул.

— Не поймите меня превратно, — сказал он, пуская клубы дыма из трубки. — Я не мог бы жениться болсе удачно, чем женился. Это было просто... она попала в беду, и я надеялся, что смогу помочь. Старая дружба, ничего больше.

Хейм сам поверил в правдивость своих слов. Несколько мыслей пронеслось у него в голове, но они были не настолько болезненны, чтобы их нельзя было похоронить. Мысли о том, что Мэдилон все эти годы жила счастливо, что она до сих пор жива, было вполне достаточно.

— К числу своих друзей вы теперь можете причислить и всех нас, — сердечно сказал Иррибарн. — А теперь скажите мне еще кое-что, прежде чем мы вернемся к праздничному столу. Я слышал, что ваш корабль — это частный капер, имеющий выданное Францией свидетельство. Но почему до сих пор медлит наш боевой флот? Когда он прибудет сюда?

«Боже, помоги мне, — подумал Хейм. — Я хотел пощадить их чувства до завтра».

— Не знаю, — ответил он.

— Черт побери! — Иррибарн резко выпрямился. — Что это вы говорите?

Хейм нехотя, словно клещами вытаскивал из себя слова, рассказал о том, как вышло, что флот Глубокого Космоса стоял на приколе с зачехленными орудиями, в то время как в Парламенте продолжались дебаты, и не исключено, что одни лишь пиратские набеги «Лиса» явились преградой для возобновления этих переговоров, которые для Алерона представляли собой лишь наиболее эффективную разновидность войны.

— Мы... мы... вы... и это астронавты. — Иррибарн с трудом овладел собой, сделал глубокий вдох и тихо промолвил: — Ваш корабль курсирует в системе Авроры. Неужели вам не удалось добыть никаких доказательств того, что мы живы?

— Я пытался, — ответил Хейм. Он ходил из угла в угол, нещадно дымя трубкой, стуча каблуками, заложив ненужные сейчас огромные руки за спину и стиснув их так, что побелели ногти. — Пленников, которые были отправлены на Землю в числе прочих трофеев, возможно, допросили. Сделать это нелегко. У алеронов реакция иная, чем у людей. Но кто-то мог все-таки выудить из них правду! Видно, никто и не пытался.

Кроме того, я однажды прошел вблизи Новой Европы. Это не так уж трудно, если быть проворным. Большинство их защитных спутников все еще не оборудованы, и мы не заметили ни одного боевого корабля, который угрожал бы нам. Поэтому я сделал фотографии, весьма четкие, на которых видно, что разрушен только Сюр д'Ивонн, а над Гарансом никакого огненного смерча не было и в помине. Послал эти фотографии на Землю. Думаю, они кое-кого убедили, но, видимо, все же не тех, кого надо бы. Не забудьте, что сейчас многие политические карьеры связаны с делом мира. Поэтому человек, который мог бы признать в собственной неправоте и занять верную позицию, будет испытывать колебание по поводу того, стоит ли тянуть за собой всю партию.

О, я уверен, что общественное мнение в нашу пользу. Это началось еще тогда, когда мы только готовились к экспедиции. Вскоре после того на Строне, где мы пополняли свои арсеналы, я встретил нескольких человек, только что приехавших с Земли. Они сказали, что идея дать отпор але-

ронам находит все больше сторонников. Но это было четыре месяца назад.

Хейм вынул трубку изо рта, остановился и продолжал более спокойно:

— Я догадываюсь, какой очередной аргумент выдвинула фракция примирения. Да-да, вероятно, сказали они, возможно, новоевропейцы и в самом деле еще живы. Так разве их спасение не является сейчас самым важным? Посредством войны мы этого не добьемся. Алероны смогут уничтожить их, когда им только заблагорассудится. Нам придется отдать Новую Европу в обмен на жизнь находящихся там людей. Вероятно, подобные речи звучали в Парламенте и сегодня вечером.

Иррибарн уронил голову на грудь и что-то пробормотал по-французски. Потом вдруг резко сказал:

— Но они все равно погибнут. Неужели это непонятно? У нас осталось всего несколько недель.

— Что? — взревел Хейм. Его сердце тяжело ухнуло. — Неужели враг собирается выжечь вас?

«Сделать это не составляет никакого труда, — подумал он в ужасе. — Взорвать в ясный день на орбите спутника тысячу или около того мегатонн — и большая часть континента утонет в огне. Мэдилон...»

— Нет-нет, — ответил колонист. — Ресурсы планеты нужны им самим для укрепления системы. Континентальная огненная буря или радиоактивное заражение слишком дорого обошлись бы им самим. А вот витамин С — другое дело.

Постепенно картина прояснилась. Ни на секунду не сомневаясь в том, что Земля поспешит им на помощь, жители расположенного на побережье Пайз д'Эспо бежали в глубь материка, в леса и горы Оут-Гаранс. Эта фактически не исследованная дикая местность была столь богата дичью и съедобными растениями, сколь богата ими была Северная Америка до появления там белого человека. Имея в своем распоряжении современную технику и не испытывая неудобств перенаселения, люди быстро обогатились. Вряд ли нашелся бы там человек, не имеющий охотничьего, рыбацкого и туристского снаряжения, равно как и флайера, способного летать на любые расстояния. Используя легкий камуфляж и соблюдая осторожность, люди без особого труда прятали от алеронов разбросанные повсюду домики и лет-

ние коттеджи, и, конечно, обнаружить все пятьдесят тысяч стросний было просто невозможно. Изредка, когда враги все же натыкались на какие-то жилища, его обитатели могли укрыться в палатках, в пещере или под навесом.

Портативные аккумуляторы, в равной степени способные использовать солнечный свет, ветер или текущую воду, тоже относились к числу похожего на дорожное снаряжение. Стандартные миниатюрные передатчики поддерживали сеть коммуникаций. Подслушивание мало что давало противнику. Алероны располагали переводчиками с французского, но в силу своей собственной окостеневшей культуры, лишенной каких бы то ни было диалектов, не учли, что земляне станут переговариваться, к примеру, на наречии басков или каком-нибудь другом. Наиболее смелые из числа землян периодически делали набеги на врага, остальные просто прятались.

В силу того, что Новая Европа имеет небольшой наклон оси, в ее умеренной зоне преобладает мягкая и дождливая зима, даже на сравнительно больших высотах. Одним словом, люди, казалось бы, могли держаться бесконечно.

Однако они все же были не на Земле. Жизнь возникла и развивалась здесь сама по себе в течение двух или трех миллиардов лет. Сходные условия привели к сходной химии. Человек мог получить из местного организма почти все необходимое. Однако сходство — это все же не идентичность. Кое-что на Новой Европе отсутствовало, особенно это касалось витамина С. Беглецы захватили с собой запас пилюль. Теперь этот запас подходил к концу. Алероны удерживали в своих руках фермерские земли, где росли земные растения, и города, где находились необходимые биохимические предприятия.

Цинга убивает медленно, начиная свою разрушительную работу с десен, и перебирается затем на мышцы, пищеварительные органы, кровь и кости. Чаще всего жертва умирает от какой-нибудь другой болезни, которой она уже не в силах сопротивляться. Так или иначе, но человек умирает.

— И они знают об этом, — проскрежетал Иррибарн. — Эти дьяволы, они знают, в чем наша слабость. Им остается только ждать. — Он поднял кулак. — Неужели Земля забыла?

— Нет, — ответил Хейм. — Кому-то обязательно должно прийти в голову. Но Земля в такой растерянности...

— Летим туда, — сказал Иррибарн. — Я сам, все мои люди — свидетели. Неужели же мы не сможем пристыдить их и заставить действовать?

— Не знаю, — уныло отозвался Хейм. — Конечно, можно попробовать. Но... может быть, я шизофреник... но мне все чудятся эти бесконечные споры. «Ничего, кроме переговоров, не может нас спасти. Но алероны не вступят в переговоры, пока мы не сделаем стимулирующих уступок».

— Я слишком уверен в том, что, окажись «Лис» в Солнечной системе, ему уже не позволят снова покинуть ее. Закон, видите ли, предусматривает наличие ядерного оружия только на судах армии Мирного Контроля, и это распространяется также на пусковые установки. А у нас есть и то, и другое. Формально сейчас мы владеем этим на законных правах, однако все будет иначе, когда мы окажемся в пространстве, принадлежащем Федерации.

— Но разве нельзя временно демонтировать боевое оборудование?

— На это ушли бы недели. Оно составляет единое целое с кораблем. Да и вообще, какая разница? Говорю вам — ваше появление на Земле могло бы стоить нам войны. А это побудило бы алеронов начать переговоры и подготовку к новой агрессии. — Хейм снова подумал о Мэдилон. — Во всяком случае, так мне кажется. Быть может, я ошибаюсь.

— Нет, — мрачно сказал Иррибарн. — Вы правы.

— Возможно, это и впрямь единственный выход. Сдаться.

— Должно быть еще что-то! Я не такой фанатик, чтобы настаивать, зная, что женщинам и детям грозит смерть. Но риск умереть против шанса сохранить наши дома — да, это то, на что все мы сознательно пошли, когда организовывали отряды маки.

Хейм сел, выбил трубку и стал вертеть ее в руках, устремив неподвижный взгляд на модель своего первого корабля. Чувства его несобъяснимым образом вдруг начали меняться. С него словно свалилась какая-то тяжесть, вызывая внутреннее движение сквозь мрак к далекому и слабому, но придающему силы проблеску.

— Послушайте, — сказал он. — Давайте попытаемся продумать все до конца. «Лис» препятствует выходу Земли из состояния войны, отказываясь прекратить свои рейды. До тех пор, пока мы здесь и сражаемся, люди на Земле, думающие точно так же, как мы, могут заявить, что алеронов

учат уму-разуму безо всякого ущерба для налогоплательщиков. И — да-да — они могут ударить в барабаны пропаганды, представить нас в виде легендарных героев и расшевелить укоренившееся чувство стадности. Они не имеют политического влияния, способного заставить Правительство отдать босвому флоту приказ к выступлению, но в их силах воспрепятствовать тому, чтобы нас отозвали назад. Я пришел к такому выводу на основе тех простых фактов, что флот по-прежнему не двигается с места, а нас не отзывают назад.

Разумеется, подобная ситуация весьма неустойчива. Я уверен, что она так удерживается до сих пор потому, что Франция связала Парламент по рукам и ногам, предоставив ему решать вопрос, действительно ли Земля, согласно закону, находится в состоянии войны с алеронами. Выход из тупика должен быть найден в ближайшее время. Мы хотим склонить равновесие в свою сторону.

Один из методов достижения данной цели — следовать добру и сделать достоянием гласности тот факт, что вы и другие новосвропейцы живы — допустим, это стало известно, — а также дать всем ясно понять, что вы не собираетесь сдаваться. Сделать это можно... дайте подумать... да. У нас есть «Мироэт». Стоит его немного подлатать — и он сможет одолеть расстояние до Земли. Или же можно попытаться захватить еще один корабль. Однако мы сами останемся здесь. А на Землю пошлем не мужчин, а сотню женщин и детей. — Хейм с треском хлопнул по колену. — Вот какой довод будет самым лучшим!

У Иррибарна глаза чуть не вылезли из орбит.

— Вы что, рехнулись? Как вы собираетесь сесть на Новую Европу?

— Космическая планетарная защита еще не приведена в готовность.

— Не... нет, у них есть несколько детекторных спутников и боевые корабли на орбите и...

— О, все это дело случая, — возразил Хейм. Чувство опасности сейчас у него просто отсутствовало. Все сомнения подавило нарастающее возбуждение. — «Лиса» мы оставим в космосе, и большинство ваших людей тоже. Если попытка окажется неудачной, «Лис» сможет захватить другую добычу, и ваши люди полетят на Землю во вновь конфискованном корабле. Но мне кажется, у меня есть шанс посадить

«Мироэт» и снова подняться; чтобы точно рассчитать все, надо будет поработать с компьютерами, но я думаю, все это вполне осуществимо. Если же нет — что ж, надеюсь, вы не откажетесь принять меня в партизаны.

— Конечно.— Иррибарн глубоко затаился.— Разрешите задать вам вопрос: была бы эта идея для вас столь привлекательна, не обещая она вам шанса на встречу с Мэди-лон?

Хейм чуть не поперхнулся.

— Пардон,— проблеял Иррибарн.— Я не хотел вас обидеть. Всего лишь старая дружба, как вы сказали. Верность — неплохое качество в людях.

Он протянул руку и встал.

— Идемте,— сказал он все еще довольно взволнованно.— До завтра мы больше ничего не сможем сделать. Давайте вернемся в кают-компанию.

Глава 3

«Лис» спускался — с потушенными огнями, с заглушенными двигателями, с минимумом включенного оборудования, необходимого для поддержания жизни на корабле,— спускался на обратную сторону луны Диана. Она не охранялась, а диаметр в 1275 километров служил надежным укрытием. Однако опасность все равно была. Отошедшее от «Лиса» грузовое судно могло быть замечено каким-нибудь случайным алеронским кораблем, особенно в такие моменты, когда оно сбрасывало ускорение, чтобы совершить посадку. Очутившись на неровной, лишенной атмосферы поверхности Дианы, экипаж грузовика спрятал судно в кратере потухшего вулкана, надел космические скафандры и вышел наружу. Их путешествие на полушарие Дианы, обращенное к планете, могло бы стать сюжетом для небольшой эпической поэмы, но сейчас достаточно будет сказать, что люди выполнили свою задачу и вернулись назад. Люди погрузились в корабль и стали ждать.

Вскоре после этого гигантский метеорит или карликовый астероид врезался в Новую Европу, оставив после себя пылающий след в ночном небе и рухнув в океан Дю Жестин в нескольких сотнях километров от побережья Гаранс. Небольшая приливная волна ударила в Байи-де-Псшур, вы-

швырнула корабли на сушу в Бон-Шанс, промчалась по Буше-дю-Карсак и все еще была заметна — грохочущая линия с гребешками из белой пены, лоснящаяся черными цветами под звездами, она проникла в глубль материка до самого притока реки Борде. Атмосфера словно бы взбесилась во всех детекторах алеронов.

Постепенно суматоха улеглась. Поднятые по тревоге флайеры вернулись на свои места. Вновь воцарилось ночное спокойствие.

Однако люди на борту «Мироэт» не дремали.

Когда пять тысяч тонн, к которым был прицеплен корабль, вошли в атмосферу, он освободился от «привязи» и постепенно отстал. Но не на слишком большое расстояние. Необходимо было погасить громадную скорость, и работу двигателя при этом, несомненно засекли бы. Но, используя метеорит в качестве экрана, можно было замаскироваться.

Радары не смогли бы засечь ионы, ибо они, ударившись о поверхность и отразившись от нее, исчезли в следе от падающего метеорита. Оптические и инфракрасные детекторы как бы ослепли в космической буре, вызванной метеоритом. Точно нацеленные и настроенные детекторы, возможно, все-таки зарегистрировали что-либо, не имевшее местного естественного происхождения. Но кто стал бы искать корабль посреди такого бешенства? Автопилот для пробных операций никогда не предусматривался — его просто не существовало. Все зависело сейчас от одного только Гуннара Хейма. Малейшее отклонение от узкой щели частичного вакуума — и он перестал бы существовать быстрее, чем успел об этом узнать. В своих действиях он руководствовался только датчиками температуры обшивки корабля и своей интуицией. Кроме того, он располагал еще расчетами компьютера, показывающими место и скорость корабля, — все эти данные постоянно мелькали на экране дисплея. Хейм словно бы слился с кораблем в единое целое; его руки мелькали над компьютером с такой скоростью, что слились в одно расплывчатое пятно. Он не замечал ни накатывающей волнами жары, ни ударов и завываний, вызываемых турбулентностью, — ничего, кроме бури где-то глубоко внутри себя.

Его космос сузился до размеров огненной полоски, а его сознание — до единственной мысли: удержать эту неуклюжую машину в кильватере снижающейся глыбы. Однажды,

целую вечность назад, ему уже приходилось вести свою космическую яхту по опасной, как тогда казалось, тропе на остров Вознесения. Но тогда это был вопрос умелого пилотирования легкого и отзывчивого судна. Сегодня Хейм был роботом, выполнявшим команды кружившихся в вихре электронов.

Нет, он представлял нечто большее. Обработка данных, проходивших сквозь тончайшие детекторы чувств, принятие на этом основании верного решения, воля делали возможной всю операцию как таковую. Но все это делалось на бессознательном уровне, на уровне инстинкта. Для осмысления просто не было времени.

Все произошло в считанные минуты. Впрочем, живая материя не выдержала бы подобного напряжения более длительное время. Метеорит, чью скорость лишь слегка замедлила воздушная стена, в которую он нырнул, ушел от корабля и врезался в море с такой силой, что всплеска воды не было — водная масса как бы раскололась. «Мироэт» в это время все еще был в нескольких километрах от поверхности планеты, замедлив свою скорость до того уровня, который еще мог выдержать металл. На ленте появилось слово «стоп», и Хейм хлопнул по выключателю. Рев двигателя прекратился и перешел в урчание, а потом наступила тишина.

Капитан проверил приборы.

— Все в порядке, — сказал он. Собственный голос показался ему каким-то чужим, и он мало-помалу начал приходить в себя, словно накануне сбежал от своей души и теперь она его догнала.

— Мы находимся ниже линии горизонта Бон-Шанс. Направление — на юго-запад. Как раз та траектория, на которую мы пытались выйти.

— Фу-у! — облегченно выдохнул Вадаж. Волосы облепили его продолговатое лицо с высокими скулами. Одежда промокла насквозь.

— Капитанский мостик — машинному отделению, — вызвал Хейм. — Докладывайте.

— Все в порядке, сэр, — раздался голос Диего Гонсалеса, третьего инженера на «Лисе». — Во всяком случае, настолько, насколько это вообще возможно. Правда, приборы напряжения показывают некоторую деформацию в двух листах носовой обшивки. Впрочем, ничего страшного. Может быть, пока включить охлаждение?

— Еще спрашивает, словно ему нравится эта печка, — проворчал Джин Иррибарн. Жар исходил от каждой переборки.

— Давай вперед, — решил Хейм. — Если кто-то окажется достаточно близко, чтобы заметить аномалию, все равно будет уже слишком поздно.

Он не отрывал взгляда от пульта, но при этом ткнул большим пальцем в сторону Вадажа.

— Показания радара?

— Чисто, — ответил венгр. — Похоже, что мы тут одни.

Удача для тех, кто был на борту. Для благополучной посадки больше и не требовалось, а в случае неудачи Хейм не хотел терять жизни людей, необходимых «Лисе».

Гонсалес, например, был хорошим помощником в своем отделении, но Утхг-а-к, тхакв и О'Хара могли обойтись и без него. Вадаж являлся примером не только умелого стюарда, но как певец еще играл большую роль в поднятии духа у людей. Тем не менее его тоже нельзя было считать незаменимым на «Лисе». Чтобы направлять «Мирост», было достаточно одного колониста, и Иррибарн вызвался выполнить это опасное и почетное задание. Остальные должны были вернуться на Землю и рассказать там обо всем, в случае если план не удастся. Что же касается самого Хейма...

— Вам нельзя, — протестовал Пенойер, когда обсуждались кандидатуры для десанта.

— Неужели? — усмехнулся Хейм.

— Но ведь вы же шкипер!

— Ты можешь справиться с этой работой ничуть не хуже меня, Дэйв.

Пенойер покачал головой.

— Нет. Я все больше и больше убеждаюсь в этом. И дело даже не в том, что вся эта экспедиция была вашей идеей и вашим детищем. И не в том, как вы осуществляли все это, я имею в виду — как тактик, хотя со времени лорда Нельсона вряд ли кому-либо еще удавалось подобное. Но, черт побери, Гуннар, без вас мы перестанем быть сплоченным коллективом.

— Я чересчур прост, чтобы изображать из себя простака, — растягивая слова, произнес Хейм. — То, что ты сказал, возможно, и соответствует истине, особенно первая часть. У нас разношерстная команда, набранная по всей Земле, и каждый человек — это личность, обладающая оп-

ределенными достоинствами. Кроме того, еще эти предрассудки против наков. Мне пришлось несколько раз воспользоваться своей властью, чтобы пресечь это, помнишь? Однако теперь, после такого долгого совместного похода, когда столько пережито вместе, мы — настоящий экипаж. То, что называется «к о р а б л ь», черт побери. Б.И. столько раз проявлял себя молодцом, что среди нас не осталось ни одного, кто не свернул бы шею всякому, сказавшему про него что-нибудь плохое. А что касается тактики, Дэйв, то половина трюков, которые мы провернули, — это твоя идея. Ты и без меня справился бы как надо.

— Ну... но... но почему именно вы, сэр? Почему вы должны отправляться вниз? Любой из нас, имеющий свидетельство пилота, мог бы сделать это и благодарил бы судьбу за такой случай. Ваше решение кажется мне чертовски бессмысленным.

— Говорю тебе, смысл есть, — ответил Хейм. — Конiec дискуссии.

Когда он начинал говорить подобным тоном, никто уже больше не решался спорить. Однако внутренние Хейм вовсе не был столь суров.

Мэдилон...

Нет, нет, это нелепица. Быть может, правду говорят, что нельзя позабыть первую любовь.

Но приходят новые увлечения, и пока Конни была жива, Хейм редко вспоминал о Новой Европе. Кстати говоря, и воссоединение с Джоселин Лори на Строне тоже почти целиком ушло из его воспоминаний. Пока.

Нет сомнения, что его так заклонило на Мэдилон из-за... он сам не был вполне уверен, из-за чего. Быть может, это была просто глупая царапина, оставшаяся после ушедшей юности. Теперь она была уже женщиной средних лет, удачно вышла замуж и прибавила в весе, судя по тому, что рассказал о ней брат ее мужа. Разумеется, Хейму хотелось снова увидеться с нею и добродушно посмеяться над прежними глупостями. И все, что от него требовалось, это проинструктировать пилота «Мироэт», с тем чтобы он непременно захватил Иррибарнов в числе прочих эвакуированных.

«Б.И. пробулькала бы, что этого недостаточно, — подумал Хейм. — Здравый смысл имеет весьма ограниченное приме-

нение. Это нечто иное. Могло бы случиться много непредвиденных вещей. Я лично хочу быть в гуще событий».

Новый звук заполнил корпус — пронзительный звук рассказываемого воздуха, постепенно понижающийся до какого-то пустого гула по мере того, как «Мироэт» снижался; скорость была снижена до скорости звука и еще меньше. Хейм выглянул в передний иллюминатор. Внизу широко простирался океан — фосфоресцирующие волны от горизонта до горизонта. Вдали неясно вырисовывалась какая-то тень, и Вадаж сказал, что, судя по показаниям радара, это остров. Стало быть, они уже добрались до Айла-де-Ревез, находящегося в конце полуострова Нотр-Дам. Хейм хотел, чтобы между кораблем и детекторными приборами, возможно, установленными на урановой шахте дальше к северу, находился архипелаг. Тогда можно будет снова включить гравитроны. Для этого пришлось бы попотеть. Алеронская баржа не была предназначена для аэродинамических маневров. Хейм приподнял нос корабля, включив тягу на минимум.

Гораздо предпочтительнее было бы сесть в океан Де Ораж и двинуться на запад над Пайз д'Эспо, пересекая незаселенные территории Терра-Саваж, с тем чтобы добраться до центральных гор континента. Но хотя метеоритов в космосе хоть отбавляй, их метеорит должен был удовлетворять многим требованиям. Он должен был быть большим, и все же не настолько, чтобы потребовалось много энергозатрат для перевода его на нужную орбиту, где к нему должен был подцепиться корабль; кроме того, он должен был двигаться после освобождения по вполне естественной траектории и упасть в один из океанов. В поисках такого метеорита можно было рыскать по системе Авроры вечно, так что пришлось удовлетвориться первым попавшимся подходящим «камушком». Тем временем полным ходом шла реконструкция «Мироэт»: свет, температурный режим, воздушные системы — все подгонялось под людей. Была отремонтирована система Маха, во внутренних помещениях стирали ползучие растения и еще менее понятные символы алеронов, аппаратура контроля заменялась на ту, что была привычна для землян. Капитанский мостик выглядел как после набега доисторических варваров.

Корабль падал все медленнее и ниже до тех пор, пока океан словно бы поднялся, лизнув его бока. Вадаж, неуклю-

же обращаясь с приборами — обучали его этому наспех, — пристально исследовал небо. Рот его был полуоткрыт, словно он был готов в любую минуту произнести слово «огонь» для Иррибарна, занявшего пост у одной из орудийных башен. Но обшарил он только ночь, нсторопливые ветры да странные созвездия.

Невозможно было бы проделать подобный путь незамеченными над населенными районами. Но территория Новой Европы составляет семьдесят два процента территории поверхности Земли; это целый мир. Сюр д'Ивонн был едва ли не единственным аванпостом на одном из континентов, в то время как на другом такой заставой был Пайз д'Эспо, и этот город был уничтожен. Алероны оккупировали Гаранс, где находились шахты и машины, — безбрежное пространство. Поэтому им приходилось полагаться на разбросанные там и сям детекторные станции, совершающие регулярные облеты флайеры, а также на все еще не законченную спутниковую систему. Поскольку их прилет остался незамеченным, Хейм получал преимущество в игре.

И тем не менее... осторожность и еще раз осторожность.

Когда архипелаг остался позади и корабль начал зарываться носом в воду, Хейм снова включил двигатель. Словно темный летучий кит, «Мироэт» перевернулся и неуклюже поплыл на запад. Мимо проплыл остров. Хейм разглядел прибой, набегающий на берег, затененный деревьями, и представил себе, что слышит его шум листьев и даже аромат полутропического леса. Видение было туманным, каким-то нерсальным — поистине, остров мечты.

«Человеческой мечты, — гневно подумал Хейм, — и больше ничьей».

Когда корабль пересекал море Драконов, все почувствовали себя как бы голыми на таком открытом обширном пространстве. Теперь направление изменилось: они двигались на северо-запад. Показалась Диана, почти в полной фазе. Этот спутник Новой Европы был меньше, чем Луна, видимая с Земли, — его угловой диаметр составлял двадцать две минуты, — и менее яркий, но все же похожий на рыжевато-коричневый с голубыми отметинами рог изобилия, распластавший над морем металлические крылья.

Потом показался материк — горы, леса и в отдалении — снежные вершины. Хейм взглянул на приборы, определяя высоту.

— Пожалуй, тебе стоит подежурить у радио, Джинн, — сказал он. — Не хотелось бы, чтобы они, заметив нас, разбежались и попрятались или, того хуже, напали. Напомни еще раз название того места, куда мы направляемся.

— Лак-о-Нуагес, — ответил Иррибарн.

Хейм принялся изучать карту.

— Да, я вижу — это здесь. Большое высокогорное озеро. Не слишком ли это нарушает конспирацию — постоянный штаб?

— Укрытие здесь довольно надежное, в основном благодаря большой территории, постоянному туману и обилию его; если будет нападение, есть возможность укрыться в окрестных зарослях острова, — ответил Иррибарн.

В интеркоме раздались звуки его шагов, когда он вышел из оружейной башни, направляясь в радиорубку, а вслед за этим — торопливый говор на языке басков.

Земля внизу становилась все более неровной. Сбегавшие со снежных вершин реки, перескакивая через уступы и пенясь, устремлялись в глубокие долины и, серебрясь, исчезали среди лесов. Потревоженная птичья стая поднялась ввысь, когда над ней проплыл корабль, — не меньше миллиона пар крыльев заслонили небо. Вадаж ошарашенно присвистнул и что-то пробормотал по-венгерски.

— Раньше меня удивляло, сколько времени люди могут прятаться, да что там — просто оставаться живыми, — в кустах. Однако эти существа, превышающие их численностью более чем в три раза, способны дать им возможность этого.

— Да, — хмыкнул Хейм. — Если бы не одно обстоятельство.

В поле зрения появилось озеро — широкая светлая полоса среди темнеющих деревьев, окруженная вдали горами, где ледники блестели в свете луны. Иррибарн передавал по радио инструкции. Хейм нашел указанное место, как раз напротив северного берега, и посадил корабль. Вода сомкнулась над ними, скрывая от посторонних глаз. Хейм услышал, как слегка скрипнули шпангоуты, ощутил, как мягкое сопротивление прошло сквозь остоу корабля и сквозь него самого, выключил двигатели, и «Мирот» лег на дно, удобно устроившись в иле.

Выключив внутреннее поле тяготения, Хейм обнаружил, что палуба заняла наклонное положение.

Сердце его ушло в пятки, но он только сказал:

— Давайте выбираться на берег.

Даже при 0,7 Же попытка добраться до шлюза аварийного выхода, не упав при этом, была бы смехотворной.

Когда все четверо были готовы к выходу, завязав узлом одежду и повесив ее на шею, Хейм задраил внутреннюю дверь и открыл наружную. Вода, холодная, как лед, хлынула внутрь. Хейм оттолкнулся по направлению к поверхности и поплыл как можно быстрее к берегу. Лунный свет блестел на ружьях людей, стоявших там в ожидании их.

Глава 4

Палатка была довольно большая. А деревья, окружающие ее, — еще выше. Их красновато-коричневые стволы завершались словно бы фонтаном из веток, листья которых образовали сплошной свод, закрывавший павильон и отбрасывавший на него холодноватые тени вперемежку с солнечными бликами. Листва здесь имела тот зеленовато-золотистый оттенок, который был характерен для местной растительности и благодаря которому земля Гаранс и получила свое название. Но на ветру она шелестела точно так же, как и земная. При очередном порыве ветра, когда в зеленом шатре образовывались прорехи, Хейму удавалось увидеть лежавшее внизу озеро. Оно как-то тревожно блестело — вся его поверхность, насколько хватало глаз. То тут, то там виднелись покрытые лесом острова, и, не считая их, единственной сушей, видимой в этом направлении, была сьерра, увенчанная белой короной. Кажущиеся издали голубыми снежные вершины создавали своеобразный узор на фоне темно-синего неба.

С восхода Авроры прошло еще не так много времени. Восточные горы по-прежнему были в тени, а западные лишь слегка окрасились в нежный оранжевый цвет. В таком состоянии они должны были пробыть еще некоторое время: для завершения оборота Новой Европе требуется более семидесяти пяти часов. Здешнее солнце не особенно отличалось от земного: такое же яркое, причем цвет более близок к оранжевому, чем к желтому. Как-то на рассвете Хейм обнаружил Вадажа, покрытого росой, наблюдавшего за игрой света в тумане, клубившемся над озером. Венгр не в состоянии был вымолвить ни единого слова.

Это время было уже в прошлом, как и тот час, когда полковник Роберт де Виньи, в прошлом начальник планетарной полиции, а теперь некоронованный король маки, вернулся в штаб. (Впрочем, вместо короны у него был берет.) Вернулся он не с налета, а из экспедиции, предпринятой с целью найти несколько техников и организовать их переброску в «Сторожку Равиньяк», где главный гидроэлектрический генератор требовал ремонта. (Из такой вот незаметной, скромной работы и складывалось великое дело выживания новоевропейцев.) В прошлом было уже первое ликование по поводу воссоединения с Иррибарном, который считался пропавшим без вести, с Вадажем, отсутствующим в течение года, с Хеймом, который бывал здесь целую вечность назад.

Де Виньи сказал что-то по-французски и сел за свой стол. Вадаж нашел стул, сел, низко пригнувшись, и устался на собственные ботинки.

— Скажи ему, Джин, — наконец пробормотал он. — Мой французский совсем выветрился за столь долгое отсутствие.

Де Виньи сжался, словно в ожидании удара. Он был сед и не слишком высок, но спина у него была прямая, как струна, а лицо могло бы принадлежать жителю Трои.

— Продолжайте, — сказал он по-французски совершенно бесцветным голосом.

Баски с нетерпением ждали.

— Рассказывайте, — снова предложил де Виньи, но Иррибарн, казалось, не знал, с чего начать, — накопилось столько разных новостей.

Когда он закончил свой рассказ, полковник по-прежнему хранил внешнее спокойствие. Только одна рука тихонько барабанила по столу.

— Итак, — сказал он совершенно спокойно, — Земля предала нас.

— Не вся Земля! — воскликнул Вадаж.

— Не вся, это верно — ведь вы же здесь. — Маска постепенно исчезла с лица де Виньи, обнаружив мускулы, натянутые у челюстей и рта, да две глубокие складки по обе стороны от седых щетинистых усов и пульсирующую жилку на шее. — И, насколько я понимаю, вы здорово рискуете. В чем состоит ваш план, капитан Хейм?

Теперь найти слова было гораздо проще. Тем не менее

Хейм все-таки говорил по-английски, которым де Виньи владел в достаточной мере.

— Как я уже объяснял лейтенанту Иррибарну, Землю необходимо убедить в двух вещах. Во-первых, что ваши люди живы, а во-вторых, что вы не согласитесь ни на какое примирение, если это будет сделано нечестно и будет стоить вам ваших домов. Что ж, те из ваших людей, которые сейчас находятся в космосе, на борту моего корабля, могли бы стать решающим доказательством первого пункта. Однако людям свойственно прихвастнуть и преувеличить, когда разговор пойдет о предполагаемой борьбе, в которой они могли бы участвовать, поэтому, объяви они о своем решении, о котором сказано в пункте два, их заявление просто-напросто могли бы оставить без внимания.

— И правильно бы сделали,— заметил де Виньи.— История знает немало примеров того, когда нации, объявившие, что будут сражаться до последнего человека, не выполняли свои клятвы. Тем более вопрос никогда не ставился так, чтобы сражаться до последней женщины или до последнего ребенка. Если Земля в ближайшее время не придет нам на помощь, я, вне всякого сомнения, попытаюсь спасти людей, заключив с алеронами любую сделку, какую они только пожелают.

— Я как раз подхожу к этому,— сказал Хейм.— Если мы сумеем отправить на Землю часть ваших женщин и детей, для среднего землянина это прояснит все дело как нельзя лучше. Они станут могущественной поддержкой той фракции, которая стремится к победе. Есть три способа воздействия на умы: банальная старая слезная мольба; живое доказательство того, что сопротивление алеронам вовсе не обязательно влечет за собой тотальное бедствие; и... женщина, заявляющая, что ее народ не желает сдаваться, обладает гораздо большей способностью к убеждению, чем мужчина. Баланс мнений на Земле, на мой взгляд, весьма деликатен. Возможно, одного только их появления будет достаточно, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону.

— Возможно, вы оперируете гипотезами, месье капитан. Я же вынужден иметь дело с печальной действительностью, которая состоит в том, что все мы будем больны.

— Ну, а если они сообщат, что вам ничего не грозит, что тогда?

Де Виньи сжал кулаки.

— Что вы предлагаете?

— Достать для вас необходимые витамины. Послушайте, разве это не правда, что алероны испытывают немало затруднений в работе с вашими механизмами? И неужели вы не усугубили все это своими руками?

— Да. Но это вряд ли имеет значение.

— Ошибаетесь. Это имеет немалое значение, поскольку они разрываются сейчас на части, чтобы поскорее закончить космические укрепления, а я вообще выбил их из графика так, что они, надеюсь, еще не скоро очухаются. Мне кажется, если бы вы предложили оставить их в покое, а может быть, даже послали к ним несколько техников, они пошли бы на обмен. Дали бы вам нужные пилюли. Разумеется, вам бы пришлось прежде убедиться в том, что это капсулы именно с витамином С, но это, должно быть, нетрудно будет сделать.

— Что? — вскипел Иррибарн. — Пойти на сделку с врагом?

— На войне это случается не так уж редко. — Де Виньи поскреб подбородок. — Честно говоря, именно такие условия я и собираюсь поставить, в случае если мы дойдем до полного отчаяния. Они поймут, что мы старасмся выиграть время в надежде на помощь с Земли. Но если они не в курсе того, что эта помощь в конце концов все же может прийти... Да. Почему бы им не использовать наиболее легкий способ избавиться от наших нападений? Они посчитают, что разобратся с нами можно будет и попозже... Разумеется, они могут потребовать безоговорочной капитуляции, настаивая на том, чтобы мы спустились в долины, где бы нас окружили и согнали в какой-нибудь загон.

— Если они этого потребуют, — сказал Хейм, — я думаю, мы могли бы попробовать захватить запасы, хранящиеся в пакгаузах, или даже промышленное оборудование. В совместной операции ваших бойцов и моего корабля. Или, если это вам кажется совсем уж невероятным... — он проглотил горечь, — мы можем выложить такой козырь, как мое обещание возвратиться домой.

— Глаз за глаз, — вздохнул де Виньи. — Это, разумеется, их бы устроило. Но давайте сначала попробуем сделать первое предложение, за которое не пришлось бы платить столь дорогой выкуп. Сделаем вид, что мы не имеем

с вами никакой связи, а ваш корабль будем пока держать в резерве.

— О, кроме того, мы ведь должны еще отправить отсюда эвакуируемых, а для этого необходима внезапность.

Де Виньи пристально посмотрел на Хейма.

— Признаться, меня весьма удивляет ваша озабоченность судьбой сотни либо двух сотен женщин и детей. Лично я придаю им меньшее значение. Наше продолжительное пребывание здесь, как свободных людей, пожалуй, быстрее заставило бы Землю предпринять какие-то шаги. Однако... Двести спасенных есть все же двести спасенных, поэтому поступайте как знаете. Но как вы намереваетесь вывести эту неуклюжую посудину, перегруженную людьми, за Мах-предел?

— «Лис» сделает сопроводительный рейс, стоит лишь дать ему сигнал.

— Что? Так, значит, он так близко и его до сих пор не заметили? Что за чертовщина? И как вы устраиваете с ними лазерный контакт, если радары алеронов не могут его обнаружить?

— Мой инженер как раз сейчас объясняет вашим техникам всю эту систему, а мы давайте пока вернемся к тактическим вопросам. Отвлечение на технические вопросы заняло бы слишком много времени. Один хорошо вооруженный корабль, атакующий внезапно, способен создать такой бедлам, что чертям будет тошно. Как только «Мироэт» окажется в космосе, «Лис» будет сопровождать его до тех пор, пока он не выйдет на рубеж Мах-ускорения. Согласно всей имеющейся у нас информации, выдаваемой приборами, захваченной в числе прочей документации, радиоперехватам, а также одним парнем, который — дай ему срок — способен разобраться в любом языке, так вот, согласно этой информации, большая часть вражеского флота сейчас занята охотой на «Лиса» в системе Авроры и за ее пределами. Поэтому мы должны успеть уйти из опасной зоны прежде, чем они узнают, куда подтянуть силы, которые смогут противостоять «Лису».

Полковник нахмурился.

— На мой взгляд, вы жонглируете слишком многими неизвестными.

— На мой тоже, — сухо сказал Хейм. — Но один способ прояснить некоторые из них очевиден. Позвольте мне от-

правиться вместе с вашей делегацией к алеронам. Они примут меня за одного из ваших колонистов. Но я их знаю достаточно хорошо. Да это и не удивительно — столько лет мы с ними деремся. К тому же, как у любого профессионального астронавта, глаз у меня наметанный, чего они, конечно, ожидать не будут. Андре тоже должен пойти. Как поэт, он очень быстро схватывает суть психологии инопланетян. Между нами говоря, мы могли бы помочь вам не только совершить сделку на более выгодных условиях, но и доставить назад немало полезной информации, на основе которой можно будет в дальнейшем строить наши специфические планы.

— М-м-м... Ну что ж... — С минуту де Виньи напряженно думал, потом вдруг сказал: — Так и быть. Время дорого, так что не будем терять его. Итак, насколько я понял, график нашей деятельности выглядит следующим образом. Мы немедленно начинаем подготовку к эвакуации. В течение нескольких дней люди, выбранные для этой цели, будут доставлены сюда по одному или по двое. Мы должны также собрать необходимый запас провианта, причем сделать это необходимо незаметно. Но мои люди смогут доставлять груз из леса к одной из ваших шлюзовых камер под водой, так что сверху ничего видно не будет.

Тем временем я устанавливаю радиокontakt с алеронами и прошу у них согласия на переговоры. Они, без сомнения, согласятся, тем более что их новый шеф по операциям военного флота, согласно донесениям, кажется весьма любезным малым. Беру на себя смелость утверждать, что они примут наших представителей уже завтра.

Если мы сможем достичь соглашения, предложив прекращение партизанской войны и, возможно, оказание технической помощи в обмен на витамины, — хорошо. Начнется реальное воплощение этого договора или нет — делегация возвращается назад.

— Потом ваш корабль атакует, с тем чтобы дать возможность транспорту благополучно взлететь. И если нас снабдят капсулами, вы продолжаете свою игру в космосе так долго, как это возможно. Если же нет и если нам удастся похитить их, я вновь вызову их по радио и предложу ваш выход из игры в обмен на нужные нам витамины. На это-то они согласятся, как пить дать. В результате, большой или

малой ценой, мы выиграем время, в течение которого — будем надеяться — Земля придет нам на помощь. Так?

Хейм кивнул и вытащил трубку.

— Идея именно такова, — сказал он.

Де Виньи расширил ноздри.

— Табак? Мы о нем уже почти забыли.

Хейм усмехнулся и бросил кисет на стол. Де Виньи позвонил в маленький колокольчик. У входа возник адъютант — рука поднята в приветствии.

— Найди мне трубку, — сказал он. — И, если капитан не возражает, можешь захватить одну для себя.

— Будет исполнено, мой полковник! — Адъютант исчез.

— Ну что же. — Де Виньи слегка расслабился. — Униженно благодарить не в моих правилах. Что Новая Европа может сделать для вас?

Хейм заметил полунасмешливый, полусочувственный взгляд Вадажа, покраснел и ответил, запинаясь:

— У меня есть на этой планете давний друг, который сейчас состоит в родстве с Джинном Иррибарном. Это жена его брата. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы она и ее семья были в числе эвакуированных.

— Пьер не захочет улетать, если другие мужчины останутся, — мягко заметил баск. — Но они, безусловно, придут сюда, если вы хотите, — продолжал де Виньи. Он вновь позвонил, вызвав другого адъютанта. — Лейтенант, почему бы вам не отправиться вместе с майором Леграном в моем флайере? Его аппаратура позволяет связаться с любым уголком Оут-Гаранса. Если вы сообщите оператору, где находятся ваш брат и его семья...

Когда с этим было покончено, он сказал, обращаясь к Хейму и Вадажу:

— Сегодня у меня дел будет хоть отбавляй, это ясно как день. Однако давайте отдохнем до ленча. Нам есть что рассказать друг другу.

Сказано — сделано.

К тому времени, когда наконец пришла пора расставаться, Хейм и Вадаж уже были с полковником добрыми друзьями.

Уже совсем стемнело. Хотя в лагере вокруг озера было немало людей, их укрытия, разбросанные в разных местах и тщательно замаскированные, невозможно было заметить постороннему глазу. Вся деятельность тоже осуществлялась

очень скрытно... Время от времени мимо пролетал флайер, терявшийся между стволами деревьев под пологом листвы. В нескольких местах были установлены небольшие радары на случай маловероятного появления алеронского судна. Инженеры не смогли доставить на корабль грузовой тубус до наступления ночи, разве что над озером повиснет туман, что случалось здесь нередко, и послужит надежным прикрытием. В ожидании подходящего момента, чтобы сократить время, люди рассказывали друг другу анекдоты, играли в карты, занимались мелкими хозяйственными делами. Всем хотелось поговорить с землянами, но те вскоре устали повторять одно и то же. Кроме того, с полудня начала сказываться и физическая усталость. Они были на ногах уже добрых восемнадцать часов.

Вадаж зевнул.

— Пошли в свою палатку,— предложил он.— У этой планеты очень неудобный период вращения. Приходится проводить во сне треть дневного времени и бодрствовать две трети ночного.

— Что ж,— отозвался Хейм.— Иначе она была бы непригодна для освоения.

— Как? Это еще почему?

— А ты не знаешь? Ну, слушай. Масса Новой Европы составляет лишь половину массы Земли и получает около восьми процентов радиации. Воздух исчез бы отсюда давным-давно, если бы не то обстоятельство, что утрата воздуха происходит главным образом вследствие магнитного взаимодействия с солнечным ветром. Даже звезда класса Д-5, такая, как Аврора, выбрасывает в пространство весьма немалое количество энергии. Но медленное вращение означает слабое магнитное поле.

— Стало быть, за это мы должны благодарить Провидение,— задумавшись, сказал венгр.

— Хм! — фыркнул Хейм.— Тогда мы должны винить Провидение в том, что Венера удерживает слишком много атмосферы. Это простой вопрос физики. Чем меньше планета и чем ближе она к своему солнцу, тем меньше разница углового механического момента между внутренним и внешним секторами пылевого облака, из которого она образовалась. И, как следствие, тем медленнее вращение.

Вадаж хлопнул его по плечу.

— Завидую я твоим философским способностям, мой

друг. Господь милостив. Но нас подстерегает смертельная опасность: превратиться в педантов. Давай-ка все же вернемся к себе в палатку. Там у меня есть бутылка бренди и...

Они уже подходили к палатке, пересекая луг, усыпанный огромными цветами,— и казалось, что он из золотой травы, когда из-за деревьев выступил Джин Иррибарн.

— А,— воскликнул он,— вот вы где! А я вас искал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Хейм.

Лейтенант сиял.

— Ваши друзья здесь.— Он повернулся и позвал: — Э-эй!

Они вышли на открытое место — все шестеро. Кровь прилила к сердцу Хейма и отхлынула вновь. Облитые солнечным светом сумерки вихрем закружились вокруг него.

Она робко приблизилась к нему. Походную одежду, выцветшую и бесформенную, сегодня сменило платье, захваченное в числе прочего в лес и каким-то чудом сохранившееся. Легкое и белое, оно трепетало на ветру вокруг ее длинноногой стройной фигурки. Аврора обесцветила ее аккуратно заплетенные каштановые волосы, сделав их светлее кожи. Они мягко блестели, и одна прядка, выбившаяся над высоким лбом, мягко шевелилась на ветру, как живая. На Хейма смотрели глаза цвета фиалки.

— Мэдилон! — хрипло проговорил он.

— Гуннар! — Красивая женщина взяла его за обе руки.— Мы так давно не виделись. Здравствуй.

Она говорила по-французски, но Хейм понимал ее.

— Я...— У него перехватило дыхание. Он расправил плечи.— Я был поражен,— с трудом выговорил он, выдавливая из себя слова.— Твоя дочь так похожа на тебя.

— Прошу прощения? — Женщина не уловила смысла фразы, произнесенной на английском языке, от которого давно отвыкла.

Ее муж, копия Джина, но только в более старшем и мощном исполнении, перевел, пожимая руку Хейму. Мэдилон рассмеялась и что-то сказала дочери по-французски, из чего Гуннар понял лишь последние слова:

— ...мой старый добрый друг Гуннар Хейм.

— Очень рада, месье,— сказала Даниэль Иррибарн.

Ее было едва слышно сквозь шум ветра, шелестевшего листвою и заставлявшего свет и тень исполнять замысловатый танец. Пальцы девушки, маленькие и холодные, быстро выскользнули из руки Хейма.

Он несколько рассеянно ответил на приветствия подростков — Джеквеса, Сесиль и Айвза. Мэдилон много говорила — в основном дружеские банальности, — а братья Иррибарны выполняли роль переводчиков. Все это время Хейм молчал. Не попрощавшись и пообещав организовать настоящую встречу после сна, Мэдилон улыбнулась ему.

Хейм и Вадаж долго смотрели им вслед, прежде чем пройти к себе. Когда их проглотил лес, менестрель принялся насвистывать.

— Так, значит, это и есть образ твоей бывшей возлюбленной, та девушка? — спросил он.

— Более или менее, — ответил Хейм, вряд ли осознавая, что отвечает не себе, а кому-то другому. — Мне кажется, есть отличия. Память иногда проделывает с нами подобные шутки.

— Тем не менее и дураку было бы понятно, что ты имел в виду, когда... прости меня, Гуннар, но позволь, я дам тебе совет: будь осторожен. Слишком много лет между вами, и очень легко о них запнуться.

— Боже правый! — злобно взорвался Хейм. — За кого ты меня принимаешь! Я просто был ошарашен, ничего больше.

— Ну, если ты так уверен... Видишь ли, мне не хотелось бы...

— Заткнись. Лучше найди свое бренди.

И Хейм устремился вперед семимильными шагами.

Глава 5

День незаметно клонился к вечеру. Но жизнь по-прежнему бурлила в лагере на берегу озера, напоминая о том, что время военное. На закате Хейм обнаружил, что они с Даниэль сидят на мысу вдвоем.

Теперь у него не было прежней уверенности. Вслед за первой встречей состоялся «пир», настолько праздничный, насколько это было возможно, под навесом, сооруженным по соседству с флайером Иррибана. Шампанское, которое Хейм предусмотрительно захватил на борт «Мироэт», лилось рекой, растопив натянутость и неловкость первой встречи. Растянувшись на траве, все слушали, а многие и подпевали гитаре Вадажа. Но Хейм и Мэдилон держались

несколько в стороне, пытаясь завести разговор, а ее старшая дочь молча сидела рядом.

О прошлом говорить особенно было нечего. Хейм о нем не жалел, да и Мэдилон, как ему показалось, тоже. Встретившись сейчас, они увидели, насколько далеко разошлись их пути; теперь лишь взгляд, улыбка, короткая усмешка могли преодолеть разделявшее их расстояние.

«Она в высшей степени достойный человек,— думал Хейм,— но она не Конни и даже не Джоселин. А я, если на то пошло, не Пьер».

Поэтому они ограничились лишь тем, что рассказали друг другу о том, как жили все это время. Ее жизнь была вполне тихой и спокойной, пока не пришли алероны. Пьер, инженер по профессии, занимался строительством плотин и электростанций, а она воспитывала детей. Потом настала очередь Хейма рассказать о себе, и незаметно для себя он начал приукрашивать факты своей биографии самым старательным образом. Получилось это естественно и непринужденно.

То и дело он ловил себя на том, что украдкой смотрит на Даниэль.

Наконец в голове Хейма началась путаница, когда он вспоминал все происшедшее,— компания начала понемногу распадаться. Лично он не хотел спать, хотя вино шумело в голове, а тело требовало разминки. Он сказал что-то насчет того, чтобы пройтись. Пригласил ли он девушку пойти с ним, или же она сама напросилась, или Мэдилон, рассмеявшись особым грудным смехом, отослала их вместе, пошутив насчет того, что ему нужен гид? Говорили все, но отчасти из-за своего слабого французского, отчасти из-за шума в ушах он не помнил точно, что именно кто говорил. Единственно, что он помнил точно, это что Мэдилон слегка толкнула их в сторону, где лес был особенно густым,— сго одной рукой, ее — другой.

Некоторое время до них еще доносилась песня Вадажа, но когда они вышли на берег озера, вокруг раздавался только плеск волны, шелест листьев и похожес на флейту пенис какой-то птицы. Аврора садилась за западный горизонт на фоне огненно-золотистого скопления облаков. Длинные светлые тени протянулись от солнца к нему и к ней, словно расплавленные мосты над водой. Но на востоке уже клубился туман, наступавший неторопливо, как и закат,— топазо-

вая стена, верхушка которой вздымалась знаменами цвета одуванчиков в небо, все еще по-дневному светлая. Кожу слегка холодил ветерок.

Хейм заметил, что девушка обхватила себя руками.

— Вам холодно, мадемуазель? — спросил он по-французски, ужасно страшаясь мысли, что им придется вернуться. Даниэль улыбнулась прежде, чем он успел снять с себя пиджак, — вероятно, ее рассмешило его произношение. Хейм накинул пиджак ей на плечи. При этом его рука слегка коснулась ее шеи, он почувствовал, как напряглись ее мышцы, и поспешил отдернуть руку.

— Спасибо. — Ее голос был слишком тонок для английского или норвежского; а потому родной язык в ее произношении звучал как песня. — Но как же вы сами?

— Ничего. Все в порядке. (Проклятье! Имеет ли слово «в порядке» то значение, которое он хотел выразить?) Я... — Он мучительно подыскивал слова. — Слишком стар и... как это?.. Слишком стар и слишком волосат, чтобы чувствовать холод.

— Вы не старый, месье, — серьезно сказала она.

— Ха! — Он сунул руки в карман брюк. — А вам сколько лет? Девятнадцать? У меня есть дочь, которая... которую... она... у меня есть дочь всего на несколько лет моложе вас.

— Что ж... — Она взяла себя за подбородок. Хейм подумал, как изящна линия, переходящая в нежный рот с чуть припухшими губами, и как задорно вздернут ее курносый нос, на котором кое-где проступают веснушки. — Я знаю, что вы ровесник моей матери. Но вы выглядите моложе, а то, что вы сделали, было бы под силу далеко не каждому.

— Благодарю, благодарю. Пустяки.

— Мама была так взволнована, когда услышала о вас, — продолжала Даниэль. — Мне кажется, папа даже слегка ударился в ревность. Но теперь он полюбил вас.

— Твой отец — хороший человек.

Убогость собственного словарного запаса приводила Хейма в бешенство. «Что это за разговор, когда ты не можешь произнести ни одной фразы, выходящей за рамки школьной программы для первого класса?»

— Могу я вам задать один вопрос, месье?

— Задавай какой угодно.

Непокорная прядка выбилась из ее прически.

— Я слышала, что мы — те, которые отправятся на Землю, — делаем это для того, чтобы просить помощи. Вы действительно считаете, что наша просьба будет иметь такое большое значение?

— Ну, э... видишь ли, нам необходимо было прилететь сюда. То есть мы теперь установили связь между вашими людьми и моими в космосе. А заодно мы сможем захватить отсюда часть людей.

Между бровями Даниэль на мгновение появилась озабоченная морщинка.

— Но я слышала разговор о том, насколько сложно было посадить такой большой корабль незаметно. Разве не лучше было бы воспользоваться каким-нибудь кораблем поменьше?

— Вы очень умны, мадемуазель, но...

Прежде чем он смог сконструировать прикрытие, она прикоснулась к его руке (как легко!) и сказала:

— Вы прилетели, рискуя жизнью, ради мамы. Разве не так?

— М-м-м... ну конечно, я думал о ней. Мы — старые друзья.

Даниэль улыбнулась.

— Старые возлюбленные, как я слышала. Не все еще рыцари перевелись на свете, капитан. Сегодня я сидела возле вас, вместо того чтобы петь вместе с другими, потому что вы так красиво смотрелись.

Сердце его подпрыгнуло, но затем он понял, что «вы» означало местоимение второго лица множественного числа. Он от всей души надеялся, что свет закатного солнца сделал незаметным краску, покрывавшую его лицо.

— Мадемуазель, — сказал он, — ваша мать и я — друзья. Только друзья.

— О, конечно. Я понимаю. И все же это было так мило с вашей стороны — все, что вы для нас сделали. — Над его головой зажглась вечерняя звезда. — А теперь вы отвезете нас на Землю. Я мечтала об этом путешествии с самого детства.

Появилась явно благоприятная возможность сказать, что скорее Земля должна была бы просить ее о чем-то, а не наоборот. Но Хейм лишь неповоротливой глыбой возвышался над ней, пытаясь найти способ выразить это как-нибудь поизящнее. Даниэль вздохнула и отвернулась.

— Ваши люди, они тоже рыцари, — сказала она. — У них

не было даже такой причины, как ваша, чтобы сражаться на Новой Европе. Кроме, может быть, месье Вадажа.

— Нет, у Вадажа здесь никого нет, — ответил Хейм. — Он трубадур.

— Он так чудесно поет, — пробормотала Даниэль. — Я слушала с удовольствием. Он венгр?

— По рождению. Сейчас у него нет дома.

«Андре, ты славный парень, но что-то мы говорим о тебе чересчур уж много», — подумал Хейм, а вслух продолжал:

— Когда вы прибудете на Землю, ты и твоя семья, пользуйтесь моим домом. Я приеду, когда смогу, и возьму вас в свой корабль.

Даниэль захлопала в ладоши.

— О, чудесно! — весело щебетала она. — Ваша дочь и я, мы станем хорошими подругами. А потом путешествие на босвом корабле... Какие победные песни мы будем распевать, возвращаясь домой!

— Ну... так... Возвращаемся в лагерь? Скоро стемнеет.

В подобных обстоятельствах лучше всего проявить себя настолько квалифицированным джентльменом, насколько это возможно.

Даниэль закуталась в пиджак.

— Да, если хотите.

Хейм не был уверен, что она сказала с неохотой. Но поскольку она сразу же пошла, он не стал больше ничего говорить, и по дороге они обменялись лишь несколькими фразами.

Пикник и в самом деле подходил к концу. Хейм и Даниэль вернулись как раз в тот момент, когда все уже желали друг другу доброй ночи. Когда девушка возвращала ему пиджак, Хейм отважился легонько сжать ей руку. Вадаж галантно поцеловал эту руку, напомнив придворного кавалера времен какого-нибудь Людовика.

Когда они возвращались к себе в голубых сумерках, наполненных шелестом листвы, менестрель сказал:

— Ах, ты все же счастливчик!

— О чем ты? — огрызнулся Хейм.

— Покорить такую очаровательную девушку! О чем же еще.

— Ради Бога! — прорычал Хейм. — Нам просто хотелось немного размять ноги. Я пока еще не дошел до того, чтобы выкрадывать младенцев из колыбели.

— Не такой уж она младенец... Ты сам-то веришь в то, что говоришь, Гуннар? Нет, постой, не стирай меня в порошок. Во всяком случае, не очень мелко. Я просто хочу сказать, что мадемуазель Иррибарн очень мила. Ты не будешь возражать, если я навешу ее?

— Какого черта я должен возражать? — огрызнулся обозленный Хейм. — Но запомни: она — дочь моего друга, а эти колониальные французы сохранили среднесексовые представления о нравственности и приличиях. Ты меня понял?

— Безусловно. Можно к этому больше не возвращаться.

Весь остаток пути Вадаж весело насвистывал, а забравшись в свой спальный мешок, тотчас безмятежно захрапел. Хейм же еще долго мучился, перед тем как заснуть.

Может быть, именно поэтому проснулся он поздно и обнаружил, что в палатке никого больше нет. Вероятно, Диего помогал саперам де Виньи, а Андре куда-то ушел.

Для партизан было нецелесообразно устанавливать постоянные часы приема пищи, и, судя по походной плитке, светившейся тусклым светом, завтрак был уже приготовлен. Хейм сварил себе кофе, разогрел кусок дичи и отрезал ломоть хлеба, испеченного в традициях старой, истинно французской кухни и не годившегося для нежных желудков. Потом он умылся, сбрил щетину с лица, накинул кое-какую одежду и вышел наружу.

«Очевидно, для меня нет пока никаких сообщений, — подумал Хейм. — А если поступят, то мне передадут. Что-то тревожно на душе. Не искупаться ли?»

Он взял полотенце и пошел к озеру.

Диана была уже высоко. Свет, проникавший сквозь листву, превращался в колеблющийся сумбур черного и белого, среди которого одиноко качался луч его фонаря. Воздух нагрелся, и туман рассеялся. Хейм слышал типичные для местного леса звуки, посвистывание, чириканье, кваканье, хлопанье, — и все же они чем-то отличались от земных. Когда он вышел на берег, озеро показалось ему сверкающим собо-льим мехом, каждая «воронка» которого — маленькая волна — переливалась в лунном свете. Седые снежные вершины величаво возносились к бесчисленным звездным россыпям. Хейм вспомнил, как однажды на Строне он пытался разглядеть Аврору; теперь это не составляло труда, поскольку в здешнем небе она пылала огромной яркой звездой. Его

триумф приблизительно тогда, когда Даниэль еще только родилась...

Хейм разделся, оставил фонарь зажженным, чтобы не искать потом одежду, и зашел в воду. Она была холодная, но Хейму понадобилось меньшее, чем обычно, волевое усилие, чтобы заставить себя целиком погрузиться в воду, когда она дошла ему до пояса. Некоторое время он просто плескался, согреваясь, потом поплыл длинными спокойными взмахами. Лунный свет рябил на поверхности дорожки, оставшейся позади него на воде. Легкий теплый ветерок скользил по его коже, как пальцы девушки.

«Кажется, дела идут на лад, — подумал Хейм со все нарастающим удовлетворением. — У нас действительно есть неплохой шанс спасти эту планету. И если взамен, в числе прочего, я должен буду прервать свою пиратскую карьеру — что ж, зато я вернусь на Землю».

Звучала ли эта мелодия внутри него или какая-то птица запела в своем гнезде?

Нет. Птицы не играют на двенадцати струнах. Хейм улыбнулся и поплыл вперед, стараясь двигаться как можно более бесшумно. Для надпочечников Андре будет очень полезно, если сзади его схватит холодная влажная рука, а чей-то голос завопит: «Бу-у-у».

Песня становилась все слышнее. На сей раз менестрель пел на немецком языке о прекрасной Розелин.

Когда песня закончилась, Хейм увидел сидевшего на бревне Вадажа, темный силуэт которого вырисовывался на фоне неба. Он был не один.

Ясно различимый в ночной тишине, прозвучал голос девушки, вторившей певцу по-французски.

Вадаж рассмеялся, и они заговорили. Из всего диалога Хейм уловил, что речь шла о Гете, о красоте природы, о песнях...

Даниэль зябко повела плечами, и Вадаж, подняв с земли плащ, набросил его на них обоих, снова прошептав что-то по-французски, на что девушка, словно бы колеблясь, ответила:

— Да, но мои родители...

— Пф-ф! — фыркнул Вадаж и опять что-то затараторил.

Даниэль весело хихикнула.

— ...песню о любви, — разобрал Хейм последние слова Вадажа, прежде чем тот мягко тронул струны, и чарующие

звук музыки слились с окружающим миром, превратились в неотъемлемую часть ночи, леса и воды. Голос певца вплелся в этот чудесный венок, делая его еще прекраснее. Даниэль вздохнула и еще теснее прижалась к своему спутнику.

Хейм поплыл назад.

«Нет,— повторял он себе снова и снова.— Нет, нельзя винить Андре в предательстве. Он ведь спрашивал моего разрешения».

Однако непонятная обида, сдавившая его горло, не проходила. Хейм больше не старался двигаться без шума, а рассекал воду с силой настоящего парохода.

«Он молод. А я гожусь ей в отцы. Но я упустил свой шанс. Я думал, все вернулось назад. Нет. Я был смешон. О, Конни, Конни! Богом клянусь! В ярости Хейм начал думать на языке своего детства.— Если он что-нибудь сделает... Я еще не слишком стар, чтобы свернуть шею такому вот шустряку, однако какое мне до этого всего дело, черт побери!»

Он с шумом устремился из воды на берег и едва не содрал с себя кожу, яростно растираясь полотенцем. Натянув одежду, он, спотыкаясь, пошел через лес. В палатке еще осталась бутылка, не совсем пустая.

Возле палатки его ждал какой-то человек. Хейм узнал одного из адъютантов де Виньи.

— Итак?

Офицер быстрым взмахом руки отдал честь.

— У меня есть для вас сообщение: месье полковник установил контакт с врагом. Они ждут делегацию в Бон-Шанс, как только наступит рассвет.

— Хорошо, доброй ночи.

— Но, месье...

— Я знаю, нам нужно посоветоваться. Что ж, я приду, когда смогу. Времени у нас достаточно. Впереди целая ночь.

Хейм прошмыгнул мимо адъютанта в палатку и опустился на кровать, прикрыв полог, закрывающий вход.

Глава 6

Внизу, широкая и плодородная, простиралась долина реки Карсак. Можно было разглядеть фермы со службами, деревни, иногда — фабрику, окруженную садами. Но нигде

ни одного человека. Земля была безлюдна, стада бродили сами по себе, поля заросли сорняками. Среди них струилась река, металлически поблескивая в лучах раннего солнца.

Выглянув из окна флайера, Хейм увидел эскорт — четыре алеронских военных аппарата. Затеяливый, выполненный яркими веселыми красками рисунок на них не смягчал их очертаний, напоминавших барракуду.

На безоружных новоевропейцев была нацелена по меньшей мере дюжина орудий.

«Из делегатов мы за полсекунды можем превратиться в пленников», — подумал Хейм, доставая трубку.

— Пардон. — Подполковник Чарльз Наварра, возглавлявший группу парламентаров из восьми человек, слегка похлопал его по плечу. — Лучше спрячьте это, месье. У нас в отряде маки давно не видели табака.

— Проклятье! Вы правы. Извините. — Хейм поднялся и сунул трубку в «бардачок».

— Они, кстати, не дураки, — Наварра придиричиво оглядел великана. — Может быть, с вами еще что-нибудь не так, капитан Альфонс Лафайет?

— Нет. Все остальное в порядке, — ответил Хейм по-английски. — Но давайте приземлимся последними. Вполне очевидно, что моя форма подобрана наспех, но для партизана это естественно. Я не похож на типичного колониста, но они, возможно, этого не заметят, а если и заметят, то это их не удивит.

— Что вы имеете в виду? — спросил другой офицер.

— Разве вы не знаете? — ответил Хейм. — У алеронов со временем вырабатывается стандартизованный тип индивидуума. С их точки зрения, все люди настолько разные, что отличия в размерах и цвете не имеют никакого значения. Кроме того, они не настолько хорошо знают французский, чтобы заметить мой акцент, тем более что я постараюсь в основном держать язык за зубами. Последнее, думаю, нетрудно будет сделать, поскольку я принимаю участие в данной экспедиции лишь в надежде добыть некоторые разведывательные данные.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Наварра. — Но будьте при этом крайне осторожны.

Он наклонился к Вадажу, сидевшему сзади.

— И вы тоже, лейтенант Гастон Жерар.

— Напротив, — возразил менестрель. — Мне нужно как

можно больше болтать и придуриваться и, возможно, привести их в некоторое раздражение. По-другому невозможно исследовать внутренний мир инопланетян. Однако вы не бойтесь. Все это продумано. Я всего лишь младший офицер, не заслуживающий особого внимания, а следовательно, и особого обращения со мной.— Он испытующе улыбнулся, глядя на Хейма.— Ты ведь можешь поручиться, что роль никчемного всегда прескрасно мне удастся, а, Гуннар?

Хейм что-то проворчал в ответ. Боль и удивление скользнули по лицу венгра. Когда его друг в первый раз обошелся с ним очень холодно, Вадаж приписал это приступу меланхолии. Теперь, когда он убедился, что неприянь Хейма не прошла, у него не было возможности спросить у своего капитана в этой тесной, заполненной шумом кабине, что случилось.

Хейм почти в точности прочел эти мысли Вадажа. Вздохнув, он вернулся на свое сиденье впереди.

«Я глупец и эгоист, и вообще я сукин сын,— думал он.— Но я не могу забыть Даниэль, этот восход с каплями росы, словно бриллиантами, на ее волосах, и тот взгляд, который она подарила ему, когда мы прощались. Разве не я больше достоин такого взгляда?»

Он был рад прервать эти размышления, почувствовав, что флайсер пошел на снижение.

Через увеличительное стекло иллюминатора, прежде чем оно опустилось ниже линии горизонта, Хейм увидел, что Бон-Шанс несколько вырос за двадцать лет. Но все же это по-прежнему был небольшой городишко, примостившийся на материковом плече, вдающемся в море: городишко с окрашенными в мягкие цвета оштукатуренными стенами и красными черепичными крышами, домами, с доками, забитыми разными судами, и с вездесущими деревьями. Привезенные с Земли орех и тополь росли вперемежку с золотистыми «бельфлер» и «грацис». Гавань качалась и ослепительно сверкала, предместья полыхали множеством цветов, окружая город со всех сторон,— совсем как в те времена, когда он гулял здесь рука об руку с Мэдилон.

Только... дороги были засыпаны опавшими листьями, дома глядели пустыми глазницами окон, в гавани гнили брошенные лодки, покрывались ржавчиной стоящие без дела машины, обычно сидевшие на башнях грачи вымерли или улетели, и вместо них в небе кружили на тонких

крыльях «фукетты», высматривая добычу. Последним детищем людей, продолжавшим жить, был космопорт, находившийся в двадцати километрах в глубине материка.

Однако по его бетонным дорожкам двигались не люди и не их транспортные средства. Космические корабли, прибывшие сюда с грузом, были построены не земными инженерами. Фабрики, которые они обслуживали, представляли собой вытянутые наподобие сфероида купола без окон, естественно элегантные, несмотря на то, что это были всего лишь наспех собранные стандартные строения. Конвейеры, грузовые платформы, лифты были сделаны людьми, но пульты управления этими механизмами были перестроены к умам, по-иному воспринимающим числа. Поле окружали казармы, сотни строений, простиравшихся вплоть до самых гор; сверху они выглядели как бронзовые цветки с раскрытыми лепестками. Среди них высились ракеты, которые были готовы к внезапному рывку, словно акулы перед нападением. На открытых площадках теснились вспомогательные суда. Среди них был вооруженный корабль, чье рыло торчало на уровне кафедрального креста.

«Должно быть, он относится к линейному крейсеру планетарной обороны,— решил Хейм.— И если он один такой, значит, другие боевые корабли отсутствуют, неся патрульную службу. Возможно, это стоит запомнить».

— Не представляю, каким образом вы сможете использовать эту информацию,— сказал Наварра.— Единственное такое судно обеспечивает полное превосходство в космосе и в воздухе, когда ему противостоят одни флайеры. А наши флайеры даже не военные.

— Тем не менее всегда полезно знать, что именно тебя ожидает. Кстати, вы уверены, что вся их сила сосредоточена здесь?

— Да, абсолютно уверен. В этом районе находится большинство нашего промышленного оборудования. Гарнизоны есть везде, на многих вахтах и заводах, равно как и посты наблюдения. Но наши разведчики сообщили, что их можно не принимать в расчет.

— Значит... на основании того, что алероны терпеть не могут толкучки, можно приблизительно определить общую цифру; давайте подумаем; я бы сказал, что она составляет около пятидесяти тысяч. Безусловно, число военных не превышает пятой части этого количества. Больше для защиты

им просто не нужно. Квалифицированные рабочие, те, кого мы без труда назвали бы инженерами, менеджерами и т.д.,— способны сражаться, но не обучены этому. Однако представители низшего класса алеронского общества, составляющие его большинство,— воинственны по своей природе, это воспитывалось у них поколениями. Следовательно, причиной для беспокойства нам следует считать всего десять тысяч алеронов. Сколько у вас боеприпасов и боеспособных людей?

— Мы без труда могли бы набрать сотню тысяч, однако их уничтожат в тот самый момент, когда они выйдут из леса.

— Я знаю. От винтовки мало проку, когда ей противостоят образцы космического и воздушного оружия,— невольно улыбнулся Хейм.

Флайер коснулся бетонной полосы в означенном месте и остановился. Его эскорт остался в воздухе. Наварра поднялся.

— Пошли,— коротко сказал он и направился к двери.

Снаружи их ожидало двадцать алеронов класса воинов, стоявших в ряд по обе стороны от выхода,— поджарые, широкогрудые, волосы, ниспадающие из-под конических шлемов, заплетены в тугие косы, лица скорее некрасивые, но очень выразительные и совершенно бесстрастные. Длинные солнечные лучи, казалось, добела раскалили их чешуйчатые одежды. Они не вытащили из-за поясов своих кривых сабель и не наставили ружей на делегатов. Они стояли как вкопанные, как неживые статуи. Их офицер выступил вперед, опустил хвост и поклонился, слегка коснувшись кончиками пальцев земли, что являлось знаком уважения. Он был выше, чем остальные, и все-таки ниже среднего роста человека.

— Добро пожаловать,— пропел он на отличном французском.— Не желаете ли отдохнуть или освежиться?

— Нет, благодарю,— сказал Наварра медленно, чтобы офицер понял его диалект. В сравнении со струившейся, подобно флюиду, ласкавшей слух речью алерона его голос напоминал жесткую и шероховатую наждачную бумагу.— Мы готовы немедленно приступить к переговорам.

— Тем не менее прежде вам все же следует осмотреть свои апартаменты. Мы приготовили лучшее, что могли, неподалеку от резиденции высоких властителей Сада Войны.

Офицер издал прямо-таки соловьиную трель, отдавая какой-то приказ. Появилось несколько рабочих низшего класса. Они не соответствовали традиционному образу алерона, сложившемуся в сознании людей. Их одетые в черное тела были слишком массивны, черты лица чересчур грубы, волосы слишком коротки, мех почти совсем не блестел, и в них не было и частицы того врожденного неосознанного высокомерия, которое отличало высшие слои их общества. Однако в них не было и раболепия, и они были вовсе не глупы. Миллион лет истории, единственной реальной переменной в которой было, подобно ледниковому, сползание ко все более и более унифицированному обществу, привели к тому, что они приспособились к этому предназначению. Если офицера можно было сравнить с пантерой, а его солдат — со сторожевыми собаками, то рабочие были огромными горячими скакунами.

Играя отведенную роль помощника, Вадаж показал алеронам багаж делегации. Когда тщательная проверка была закончена, офицер что-то просвистел, воины окружили парламентаров и повели их через поле. Шли они вовсе не маршевым шагом, однако все их движения были синхронными, словно они были частью одного и того же организма. Лучи Авроры били в контактные линзы, защищавшие глаза алеронов от яркого света, и превращали их в рубины.

И все это время Хейм не переставал исподтишка стрелять глазами по сторонам. Других воинов почти нигде не было видно — во всяком случае, их было немного. Должно быть, некоторые заняты делами, выполняя те таинственные ритуалы, какими были для алеронов ниже пятого класса власти: общение, разговоры, спортивные игры и молитва. Остальные, вероятно, на дежурстве возле ракет или в воздушном патрулировании.

Кругом сновали рабочие и контролеры, разгружая транспортники, перенося металл из павильона в павильон и электрооборудование с завода в другое место, где оно устанавливалось на какое-нибудь орбитальное оружие. Их машины жужжали, лязгали, грохотали. Тем не менее, на взгляд, а вернее — на слух человека, тишина стояла ужасная. Ни криков, ни разговоров, ни шуток, ни ругательств, только время от времени — мелодичная команда, негромкое звучание записанной на пленку оркестровой музыки и мягкий топот тысячи ног.

Вадажа было не узнать, он оскалил зубы в какой-то непонятной усмешке и пробормотал по-французски Наварре что-то насчет патологической серьезности алеронов.

Хейм не мог поручиться наверняка, но ему показалось, что офицер бросил на Вадажа недоумсвующий взгляд.

— Помолчите! — ответил Наварра.

«Однако Вадаж, вероятно, прав,— подумал Хейм.— Юмор — это результат определенного внутреннего искажения. А для того великого единства, каким является душа алерона, это кажется невозможным, немыслимым в прямом смысле этого слова.

Кроме... Да, делегаты, посланные на Землю, особенно адмирал Синби, проявляли некоторые признаки холодного остроумия. Но они принадлежали высшему классу власти. Это предполагало отличие от остальных особей их вида, которое...»

Хейм отвлекся от этих размышлений и вновь вернулся к функции наблюдателя.

Наконец они остановились возле сооружения в нескольких сотнях метров от края поля. Внешне оно ничем не отличалось от других таких же зданий с множеством изгибов, стоявших вокруг. Однако внутри все явно недавно было убрано, стены покрыты пластиком, а на полу виднелись следы в тех местах, где прежде находились цветочные клумбы. Мебель, душевая, светильники земного типа, позаимствованные из брошенных новоевропейцами домов, были расставлены с геометрической точностью, которая — как, безусловно, считали алероны — импонировала людям.

— Сюда вам будут приносить пищу и питье,— пропел офицер,— если вам захочется куда-нибудь пойти, часовой, стоящий у дверей, проводит вас.

— Я не вижу коммуникатора,— сказал Наварра.

— Его здесь нет, дабы вы не вли секретных разговоров с обитателями леса. Ваши охранники будут передавать ваши сообщения в пределах лагеря. Теперь мы должны открыть ваши емкости для вещей и осмотреть вашу одежду.

Трудно было определить, выражал или нет этот голос оскорбление, но Хейму показалось, что нет. Офицер просто констатировал факт.

— Очень хорошо,— сплюнул Наварра.— Мы подчинимся против своей воли, и это вам еще зачтется в числе прочего после того, как Земля одержит над вами победу.

Алерон даже не потрудился ответить. Тем не менее обыск был до странного небрежным.

Никакой контрабанды обнаружить не удалось, поскольку оной не было вообще. Многие колонисты удивились, когда офицер сказал:

— Если вам будет угодно, мы сейчас же отправимся на поиски Властителей Интеллекта.

Основываясь на опыте своих прежних встреч с алеронами, Хейм не был расположен к этому. Их высшие люди всегда проявляли большую гибкость, чем их земные партнеры. Имея за своими плечами столь негибкую цивилизацию, они могли себе это позволить.

— А... кто они такие? — спросил Наварра, проявляя признаки колебания и не зная, на что решиться.

— Они — и м б и а к планетарной и космической защиты, имсущие в своем подчинении главного инженера-оператора. Кроме того, им доверены хранилища информации и советов, — ответил офицер. — Вас это устраивает? И соответствует ли этому ваше собственное официальное положение?

— Я представляю здесь констебулярное, высшее правительство Новой Европы, — сказал Наварра. — А эти люди — мои эксперты, — совершенно бесстрастно произнес он. — Но любое соглашение между нашими двумя сторонами, если оно будет достигнуто, должно быть ратифицировано нашими вышестоящими представительствами.

И вновь на женственном лице, не уместном на этом звероподобном теле, мелькнуло выражение, которое можно было принять за растерянность.

— Так вы идете? — прозвучал мелодичный вопрос.

— А почему бы и нет? — сказал Наварра. — Прошу вас, господа, возьмите с собой свои бумаги. — Щелкнув каблуками, он направился к выходу.

Хейм и Вадаж подошли к двери одновременно. Менестрель поклонился.

— Только после вас, мой дорогой Альфонс, — сказал он. Хейм поколебался, не желая вступать в игру. Но делать было нечего — этикет необходимо соблюдать. Поэтому, склонив голову в ответном поклоне, он сказал:

— После в а с, мой дорогой Гастон.

Их пререкания продолжались в течение нескольких секунд.

— Это какой-то ритуал? — спросил офицер.

— Один из наиболее древних. — Вадаж выскользнул наружу бок о бок с ним.

— Никогда прежде не замечал у вашей расы такой традиции, — произнес офицер.

— Ну что ж, если позволите, я расскажу... — Вадаж пустился в пространные объяснения.

— Свое дело он делает как надо, — нехотя вынужден был признать Хейм.

Чтобы отделаться от мыслей о Вадаже, он стал смотреть прямо перед собой на здание, к которому они приближались. В отличие от остальных, оно поднималось вверх одной высокой кривой, на вершине которой виднелся символ, похожий на древнекитайскую идеограмму. Стены были бронзовые, но не гладкие, а изборозжденные множеством микроскопических канавок, от чего все здание словно бы шевелилось, изумительно переливаясь всеми цветами радуги. Теперь Хейм понял, что музыка, которую они слышали на поле космопорта, передавалась отсюда в диапазоне, неизвестном людям.

Часовых не было видно. Своих подчиненных алероны могли не опасаться. Стена расступилась, пропуская подошедших, и вновь сомкнулась за ними.

Декомпрессионной кабины здесь не было. Должно быть, хозяевам было удобнее самим приспособливаться к тяжелой влажной атмосфере этой планеты, возможно, они это делали с помощью допингов. Холл постепенно уходил вверх, еле освещенный тусклым светом с параболидаального потолка. Пол устилал ковер из живого пушистого и мягкого мха, стены были сплошь покрыты фосфоресцирующими лианами и цветами, медленно качавшимися в такт музыке и насквозь пропитавшими воздух своим ароматом. Люди собрались в одну плотную группу, словно так им было спокойнее. Среди призрачного молчания и призрачных теней они проследовали в зал заседаний, сопровождаемые своими охранниками.

Зал, в который они вошли, вздымался ввысь гигантскими сводами, терявшимися в темноте, и среди этой темноты по-зимнему холодно и резко сверкали искусственные звезды. Интерьер представлял собой зыбкий, колышавшийся лабиринт из шпалер, кустарников и цветов. Свет исходил лишь из фонтана посередине, малиновые воды которого поднимались вверх на пять метров из чаши, вырезанной в

форме открытого рта, затем снова падали вниз и наполняли каждый уголок этих джунглей своим громким плеском. Когда Хейм обходил вокруг фонтана, ему показалось, будто в темноте над головой прошумели крылья.

Лорды-завоеватели уже ждали, опираясь на хвосты и когтистые лапы. В общей сложности их было полдюжины. Никаких знаков отличия или звания на них не было, но свет блестел на их одежде из металлической сетки, на глянцево-волосах и серебристом седом меху. Ангельские лица были абсолютно спокойны, изумрудные глаза полны изумления.

Офицер преклонил перед ними колена, а воины опустили ружья. Было пропето несколько слов. Затем охранники отступили в темноту, и люди остались с лордами-завоевателями.

Один из властителей алеронов вдруг выгнул спину и зашипел, однако почти мгновенно справился с собой. Он сделал несколько мелких шажков вперед, так, чтобы его лицо хорошо было видно, и рассмеялся низким теплым смехом.

— Итак, капитан Гуннар Хейм, — промурлыкал он по-английски. — Странно, как это судьба сводит нас вместе. Вы еще не забыли Синби рю Тарена?

Глава 7

Вокруг Хейма вся Вселенная закружилась с такой скоростью, что он едва отдавал себе отчет в происходящем. Красноватая мгла наполнилась трелями — это алероны переговаривались между собой. Один из них ошестинился и выкрикнул какой-то приказ охране. Синби отменил этот приказ повелительным жестом. Сквозь шум в ушах и бешеный стук сердца Хейм слышал, как адмирал пробормотал:

— Вас следовало бы немедленно уничтожить, но этого не будет. Правда, мы не можем вас освободить, и теперь вы — почтённые военнопленные.

За этим последовали почести, и наконец людей отвели назад, в их апартаменты. Но Хейм остался.

Синби удалил всех военных предводителей и охранников, кроме четверых. К тому времени пот, покрывавший кожу Хейма, испарился, сердце колотилось уже не так сильно, и первый приступ всепоглощающего отчаяния про-

шел, уступив место суровой настороженности. Он молча ждал, сложив руки на груди.

Лорд алеронов, крадучись, приблизился к фонтану, на фоне которого его силуэт выделялся, словно на фоне пламени. Некоторое время он играл цветущей лианой. Единственными звуками вокруг были звуки музыки, падающей воды и невидимых парящих в вышине крыльев. Наконец Синби произнес нараспев, мягко и не глядя на человека:

— Я прибыл сюда для того, чтобы охотиться на вас, охотника. Я лелеял надежду, что мы встретимся в космосе и выразим свою любовь друг к другу посредством наших орудий. Что привело вас на эту скучную землю?

— Вы и в самом деле полагаете, что я отвечу? — проскрежетал Хейм.

— У наших с вами наций есть много общего. Сожалею, что я вынужден нарушить данное мною слово и взять вас в плен. Хотя ваше присутствие говорит о том, что эти переговоры фикция.

— Отнюдь. Просто случилось так, что я смог принять в них участие. И вы не имеете права удерживать здесь хотя бы новоевропейцев.

— Давайте не будем торговаться. И вы, и я выше этого. Если я освобожу остальных, они пошлют сообщение на ваш корабль. И не исключено, что он нападет. А у нас здесь нет ничего, кроме моего крейсера «Юбалхо». Не имея сведений о том, что случилось с вами — его душой, «Лис» будет выжидать, а я тем временем выиграю время для того, чтобы вызвать сюда свою эскадру.

Хейм с шумом выпустил сквозь зубы воздух. Синби круто обернулся. Глаза его впились в человека, словно пронзающие лучи лазера.

— О чем это вы подумали?

— Ни о чем! — рявкнул в ответ Хейм.

Однако в голове у него с молниеносной скоростью пронеслось:

«Он считает, что я посадил «Лис». Что ж, это вполне естественно. Не догадываясь о нашем трюке с метеоритом, он должен прийти к выводу, что только очень маленькое или очень быстрое судно могло проскользнуть мимо его охраны. А с какой стати мне было прилетать сюда на тендере? «Лис» мог бы произвести на поверхности чудовищные раз-

рушения, мог бы уничтожить ракетами эту базу и обстрелять его флагман из позиции лягушки, сидящей в болоте.

Не знаю, какую пользу можно извлечь из этой дезинформации, но извлечь нужно. Держи ухо остро, парень. Сейчас у тебя нет ничего, кроме твоих старых ржавых мозгов».

Синби некоторое время изучающе смотрел на Хейма.

— Я не отваживаюсь слишком долго ждать, прежде чем начать действовать, — пропел он. — А мои корабли далеко.

Хейм заставил себя сделать язвительное замечание:

— Практический предел лазерного луча составляет около двадцати миллионов километров. При этом погрешность в вычислении позиции корабля чересчур велика, не говоря уже об остальном. И нет никакой возможности зацепиться за ускоряющее судно до тех пор, пока оно не окажется так близко, что вы сможете пустить в ход обыкновенный передатчик. Координаты корабля меняются слишком быстро, к тому же всегда может случиться нечто непредвиденное, например, хитрый трюк с метеоритом. Так сколько у вас соединений на известных орбитах в радиусе двадцати миллионов километров?

— Не надо меня оскорблять, — спокойно ответил Синби. Он величаво прошествовал к стене, раздвинул живой занавес из цветов и нажал на кнопку инфотрива. Машина защелкала и вытолкнула перфокарту. Адмирал склонился над символами.

— Крейсер «Айнисент» и улан «Савайдж» находятся в пределах досягаемости; остальные, не имея сведений, будут продолжать следовать своим курсом до тех пор, пока не вернутся один за другим в режим торможения и не обнаружат лишь пепел сражения.

— А каковы моменты тех двоих? — осведомился Хейм. Он сказал это в основном для того, чтобы не дать окрашенному в кровавый цвет безмолвию вновь воцариться. Оно раздражало его — правда, не настолько, чтобы ему хотелось забивать свой мозг какими-то цифрами, — но тут Синби пропел по-английски все орбитальные данные и точные координаты обоих кораблей.

— Итак, я посылаю своих собратьев вызвать их сюда, — продолжал алерон. — При наибольшем ускорении, продолжительном и отрицательном, «Савайдж» совершает орбитальный облет вокруг Новой Европы за восемнадцать часов,

а «Айнисент» — за двадцать три часа. Я не думаю, чтобы экипаж «Лиса» так скоро начал беспокоиться за вас. Когда все три корабля будут в воздухе, мы обобщем всю эту планету. Стоит вашему кораблю едва шевельнуться — и он немедленно будет уничтожен. Но если даже он затаится, все равно мы найдем его логово, расставив повсюду детекторы.

В голосе Синби не было и намёка на угрозу. Он стал еще мягче, когда алерон сказал:

— Я говорю вам все это, лишь питая слабую надежду, что вы добровольно выдадите «Лиса». Этот корабль был слишком отважен, чтобы теперь погибнуть вот так, на суше, а не среди звезд.

Хейм крепко сжал зубы и покачал головой.

— Что я могу предложить вам в обмен на добровольную капитуляцию? — печально спросил Синби. — Разве что вы согласитесь принять мою любовь и расположение?

— Какого черта! — воскликнул Хейм.

— Мы так одиноки — и вы, и я, — пропел Синби. В первый раз за все время в его голосе послышалась насмешка, когда он резко дернул хвостом в сторону воинов, стоявших с застывшими, ничего не выражавшими лицами, полускрытые густыми сумерками.

— Вы думаете, у меня с ними много общего? — Синби скользнул ближе. Светотени причудливо переплелись на сверкающих локонах и волнующе прекрасном лице. Большие глаза алерона остановились на человеке.

— Стара наша планета Алерон, — пропел он, — стара, стара, долговечны красные карликовые звезды, и поздно появляется жизнь в такой ничтожной радиации. Однажды мы появились, наша раса, на планете, где моря испарились, реки превратились в слабые ручейки среди пустыни, где не хватало воздуха, воды, металла, жизни — прошли неисчислимые поколения, а мы все влачили жалкое существование, медленно, очень медленно выбираясь из первобытной дикости. Ах, не скоро появилась у нас первая машина. Того, что вам удалось сделать за несколько веков, мы добились в течение десятков тысячелетий, и когда это было достигнуто, миллион лет тому назад, выжить сумело лишь одно общество, поглотившее все остальные, и машинная мощь дала ему возможность связать нас узами, разорвать которые невозможно. Странники отправились к звездам, Интеллектуалы сделали величайшие открытия, но все это вызвало лишь

едва заметную рябь на поверхности цивилизации, корни которой уходят в вечность. Земля живет для непрерывно сменяющихся целей. Алероны — для сохранения постоянства. Понимаешь ли ты это, Гуннар Хейм? Чувствуешь ли, насколько далеки вы от нас?

— Я... вы... имеете в виду...

Пальцы Синби коснулись запястья Хейма, словно легкое дыхание. Он почувствовал, как встали дыбом волоски на коже, и непроизвольно начал искать, за что бы ухватиться: мир вокруг внезапно покачнулся и поплыл перед глазами.

— Вообще-то... э... такие предположения высказывались. Точнее говоря, некоторые люди считают, что все ваши действия по отношению к нам — это просто реакция на то, что мы угрожали вашей стабильности. Но в этом нет никакого смысла. Мы могли бы достичь компромисса, если единственное, чего вы хотите — это чтобы вас оставили в покое. Вы же пытаетесь выдворить нас из космоса.

— Мы должны это сделать. Здравый смысл, благоразумие, логика, — что это, по-вашему, такое, если не орудия единого наиболее древнего инстинкта? Если расы, менее могущественные, чем наша, изменяются, то это значит для нас не больше, чем простое размножение насекомых. Но вы, вы появились за какие-то десять или двадцать тысяч лет — почти мгновенно. Вы вышли из пещер с босвыми каменными топорами в руках, но они в мгновение ока превратились в оружие, способное сотрясать планеты. Вы облетели близлежащие звезды, и теперь ваши мечты распространились уже на всю Галактику, на весь космос. Этого мы терпеть не можем! Инстинкт подсказывает, что нам грозит гибель, если мы допустим, чтобы наша планета превратилась в жалкий клочок, окруженный чужими владениями, беззащитный и отданный на милость покорителей Галактики. А сами вы разве стали бы, разве смогли бы доверять расе, которая обрела могущество благодаря тому, что питалась и питается живыми существами, тоже имеющими мозг? Алероны больше не в состоянии доверять расе, алчные стремления которой не знают пределов. Вас следует отбросить назад, к вашим планетам, а может быть даже, к вашим пещерам или вашей первобытной грязи.

Хейм стряхнул мягкую руку Синби со своего запястья, сжал кулаки и прорычал:

— И вы еще говорите о какой-то дружбе между нами?

Синби твердо взглянул ему прямо в глаза, но в голосе его твердости не было.

— До сих пор, говоря «мы», я имел в виду всех алеронов. Но это, безусловно, не так. Поскольку, когда впервые возникло ясное понимание вашей угрозы, стало также ясно, что алеронам, у которых веками воспитывалась застойность сознания, превращавшая их в различные части единого механизма Конечного Общества, не устоять перед вами — теми, кто обладает гибким сознанием и не боится нового. Я принадлежу к тому классу, который был создан для того, чтобы мыслить и действовать как люди и в конечном итоге превзойти их.

Синби сцпил руки.

— Одиноки, одиноки!

Хейм смотрел на него, прекрасного и несчастного, и не находил слов.

Алерон вдруг спросил с необычной страстностью в голосе:

— Неужели вы не догадываетесь, насколько одиноким я должен себя чувствовать, я, чей образ мышления, как ничей другой, похож на человеческий, за исключением тех немногих, которые были созданы подобно мне? Знаете ли вы, каким счастьем для меня было побывать на Земле, встретиться там с умами, для которых тоже не существует горизонтов, погрузиться в ваши книги и музыку, в такое живое искусство изображения? Бесплодны мы, Властители Интеллекта Сада Войны; мы не в силах произвести потомков, которые могли бы потревожить покой Алерона; тем не менее нам были даны силы жизни, чтобы наша воля и ярость достигли тех же вершин, что и ваши, и чтобы при нашей встрече эти силы помогли нам выстоять в испытаниях, которые знали те, кто выстоял при Фермопилах. Но... когда вы захватили меня, Гуннар Хейм, в тот раз, когда выкупили за меня свою дочь... потом я понял, что это было тоже испытанием.

Хейм сделал шаг назад. Дерзкая мысль пронзила его мозг и отозвалась жаркой вспышкой в каждом нервном окончании.

Синби рассмеялся. Хейму казалось, что в этом смехе прозвучало торжество.

— Не буду вас пугать, капитан. Я всего лишь хочу предложить вам что-либо на ваш выбор.— Затем, очень мягко: — Дружба? Беседа? Совместное путешествие? Что боль-

ше вас устроит? Я не предлагаю вам предавать ваших людей. Мне достаточно лишь приказать — и ваши знания, ваши планы будут исторгнуты из вашего мозга, однако я никогда не пойду на это. Считайте, что вы — военнопленный и что никакого вреда не будет, если вы поделитесь своими сведениями с тем, кто взял вас в плен и кто мог бы стать вашим другом.

«Господи! — скакала мысль в голове у Хейма. Звуки доходили до него, словно через барьер огромного расстояния или лихорадки. — Дай мне немного времени, и... и я смог бы использовать его».

— Помните, — настойчиво продолжал Синби, — что власть моя на Алероне очень широка, в один прекрасный момент я могу наложить запрет на преследование расы, воспитавшей вас, и тем самым спасти ее от гибели.

«Нет! — чисто рефлекторно отозвалось в мозгу у Хейма. — Я не хочу! Я не могу!»

Синби протянул ему руку.

— Пожмите эту руку, как сделали однажды, — умоляюще произнес он. — Поклянитесь, что не попытаетесь бежать или предупредить своих собратьев. Тогда я не стану представлять к вам охрану и вы сможете свободно, как я сам, ходить по нашему лагерю и осматривать корабли.

— Нет! — взревел Хейм.

Синби отпрыгнул назад. Зубы его блеснули.

— Невелико же ваше уважение ко мне, — прошипел он.

— Я не могу дать вам честное слово, — сказал Хейм, а про себя подумал: «В любом случае нельзя давать ему прикидываться простачком. Может быть, еще есть какой-то шанс. Лучше погибнуть, пытаясь вырваться, чем...»

Какая-то мысль как молния вдруг сверкнула у него в голове и исчезла прежде, чем он успел понять, что же это было. Его сознание развернулось и бросилось в погоню, отчего кожа стала покрываться потом, а сердце бешено заколотилось в груди.

Тем не менее, несмотря на то, что мускулы напряглись, а комната воспринималась как в ночном кошмаре, Хейм сухо сказал:

— Какой от этого будет толк? Я же знаю, что вы не дурак. За мной все равно стали бы присматривать — разве не так?

Если человека это могло бы рассердить, то Синби, напротив, смягчился и усмехнулся с довольным видом.

— Это правда. По крайней мере, до тех пор, пока не будет обезоружен «Лис». А вот впоследствии, когда мы лучше узнаем друг друга...

Хейм наконец поймал ускользнувшую мысль, и, когда осознал ее, это было равносильно удару. Взвешивать шансы было некогда. Вероятнее всего, они были абсолютно безнадежны и ему предстояло погибнуть.

«Но надо хотя бы попробовать,— подумал он.— Немедленного заключения под стражу, кажется, не предвидится; если будет ясно видно, что это не сработает, тогда я и пытаться не буду».

Облизнув сухим языком пересохшие губы, он откашлялся и сказал:

— Все равно никогда и ни при каких обстоятельствах я не смог бы дать вам честное слово, Синби. Ваше мышление все же отличается от человеческого, иначе вы бы поняли, почему.

Глаза алерона заволоклись мембранами. Золотистая голова поникла.

— Но в вашей истории повсеместно встречаются примеры взаимного уважения и восхищения между противниками,— прозвучал музыкальный протест.

— О, это да. Послушайте, я рад пожать вам руку.

К удивлению самого Хейма, то, что он сказал, было правдой, и, когда четыре тонких пальца легли в его ладонь, он не сразу выпустил их.

— Но я не могу вам сдать даже на словах,— продолжал Хейм.— Мне кажется, этого не позволяют мне мои собственные инстинкты.

— Нет, но люди часто...

— Говорю вам, этого нельзя объяснить словами. Я не могу до конца прочувствовать то, что вы сказали насчет естественного страха алеронов перед людьми. Точно так же и вы не можете до конца понять, что я имею в виду. И все же вы дали мне некоторое грубое представление. Быть может, и я мог бы дать вам некоторое представление о том... в общем, о том, что должен чувствовать человек, если его народ потерял свой дом.

— Я слушаю.

— Но мне придется вам это показать. Символы и... У вас

ведь, у алеронов, отсутствует религия в том понимании, в котором она имеется у людей, не так ли? Это лишь один вопрос из множества. Если бы я мог показать вам несколько вещей, которые вы могли бы увидеть и потрогать, и я постарался бы объяснить, что они символизируют, может быть, тогда... Ну, так как? Съездим в Бон-Шанс?

Синби сделал шаг назад. В мгновение ока он стал ужасно похож на кота.

Хейм насмешливо посмотрел на него.

— О, стало быть, вы боитесь, что я попытаюсь проделать какой-то трюк? Разумеется, возьмите с собой охрану. Или лучше не стоит беспокоиться, если вы боитесь.— Он развернулся.— Пожалуй, я лучше вернусь к своим.

— Вы пытаетесь задеть мою гордость! — крикнул Синби.

— Еще чего! Я просто сказал: подите вы к черту, больше ничего. Вся беда в том, что вы даже не знаете, что сделали на этой планете. Вы неспособны держать в голове такую информацию.

— А р в а н! — Хейм не смог бы с уверенностью сказать, гнев или что-то другое преобладало в этом взрыве.

— Я принимаю ваш вызов. Мы отправимся немедленно. Внезапно слабость охватила Хейма.

«Вот так так! Стало быть, я и в самом деле начинаю разбираться в его психологии,— подумал он.— Андре и то не мог бы лучше справиться с этой задачей».

Почувствовав, что силы вновь вернулись к нему, Хейм сказал:

— Хорошо.— Однако внутренне он трепетал.— Просто я хочу, чтобы вы поняли как можно больше. Как вы сами недавно заместили, вы смогли бы оказать большое влияние на ход войны между Землей и Алероном, если таковая когда-нибудь случится и события примут неблагоприятный для нас оборот. Или если ваша сторона проиграет → а это может случиться, вы хорошо знаете: наш военный флот лучше вашего, если только у нас хватит мозгов использовать его как следует,— так вот, в этом случае мой голос тоже будет иметь какой-то вес в решении дальнейшей участи Алерона. Давайте возьмем с собой Вадажа. Я уверен, что вы его помните.

— А, да-да, мне всегда казалось, что он неуместен в та-

кой экспедиции, как ваша,— какая от него может быть польза? И зачем он вам сейчас?

— Да я вообще-то не мастак говорить. Возможно, ему скорее удастся объяснить вам все.

Про себя Хейм подумал:

«Он умеет говорить по-немецки, и я тоже немного знаю этот язык. Синби знает английский, французский, без сомнения, испанский,— но немецкий?»

Адмирал пожал плечами и отдал какой-то приказ. Один из воинов, подняв руку в салюте, повернулся и вышел, в то время как остальные последовали за Синби и Хеймом вниз по залу, в свете утреннего солнца, через поле к военному флайеру. По дороге Синби один раз остановился, Чтобы защитить глаза от красного солнца контактными линзами.

Вадаж и его охранники уже ждали их. Венгр казался маленьким, сгорбленным и совершенно павшим духом.

— Гуннар,— понуро спросил он,— что все это значит?

Хейм объяснил. На мгновение Вадаж был озадачен. Потом надежда загорелась в его глазах.

— Какова бы ни была твоя идея, Гуннар, я с тобой,— сказал он и придал лицу бесстрастное выражение.

Полдюжины воинов заняли места в задней части флайера. Синби сел за пульт управления.

— Посадите машину на площади,— предложил Хейм,— а оттуда мы прогуляемся пешком.

— Странные у вас привычки,— высоким голосом пропел Синби.— Мы считали, что провели полное исследование, и поняли, что вы с вашими слабостями и недалекостью у нас в руках, но тут появился «Лис». А теперь...

— Ваша проблема, сэр, состоит в том, что алероны любого конкретного класса, за исключением, разумеется, вашего, стереотипны,— сказал Вадаж.— А каждый человек — это сам себе закон.

Синби ничего ему не ответил. Флайер взлетел. Несколькими минутами позже он приземлился. Пассажиры вышли из машины.

Под огромным небом висела жуткая тишина. Опавшие листья покрывали тротуары, заполнили сухой фонтан, где по-прежнему стояла фигура Ламонтеня. Потрепанные непогодой рыночные палатки, опрокинутые столы и стулья уличных кафе, порванные маленькие зонтики, некогда та-

кие веселые. Только собор возвышался все так же твердо и непоколебимо. Синби двинулся к нему.

— Нет,— сказал Хейм,— давайте зайдем туда в последнюю очередь.

Он пошел по направлению к реке. Под ногами шуршали листья и мусор, шаги эхом отдавались в пустых домах.

— Разве вы не видите, что здесь все не так? — спросил он.— Здесь жили люди.

— Теперь они отсюда изгнаны,— ответил Синби.— Пустой город наводит ужас на меня, алерона. И все же, Гуннар Хейм, этот город подобен... бабочке-однодневке. Неужели вашу неумную ярость вызвало лишь то, что людям пришлось покинуть место, на котором они не прожили еще и столетия?

— Со временем город расстроился бы,— сказал Вадаж.

Лицо Синби исказилось так, что стало безобразным.

На тротуаре лежала небольшая кучка костей. Хейм указал на нее со словами:

— Это была чья-то домашняя собака. Она повсюду следовала за своими божествами и ждала их и однажды, не найдя нигде, умерла с голоду. Ваших рук дело.

— А вы питаетесь плотью,— отпарировал Синби.

В одном из домов тоскливо скрипела распахнутая дверь, качаясь на ветру, который дул от воды. Сквозь дверной проем можно было разглядеть большую часть внутренней обстановки, покрытой пылью и попорченной дождем. У порога валялись остатки тряпичной куклы. Хейм вдруг почувствовал, как к глазам подступили слезы.

Синби прикоснулся к его руке.

— Надеюсь, вы не станете предъявлять мне это как свидетельство нашей кровожадности,— сказал он.

Хейм продолжал идти вперед гигантскими шагами.

Вдали уже показалась набережная эспланада. За ее узорчатой оградой устремлялись к гавани воды Карсака, широкие и ворчливые. Солнечный свет так ослепительно сверкал на их поверхности, что казалось, будто звук медной трубы воплотился в нечто зримое и осязаемое.

«Пора»,— подумал Хейм. Кровь бешено застучала в его висках.

— Один из наших поэтов так сказал о том, что я имею в виду,— проговорил он медленно и продолжал по-немец-

ки: — Когда мы выйдем на берег реки и увидим справа от себя мост, тогда прыгаем вниз и плывем к нему.

Он не отважился взглянуть на Вадажа, чтобы увидеть, как тот прореагировал на его слова. Как во сне, услышал он вопрос Синби, в голосе которого звучало некоторое смущение:

— Что означают эти слова?

Вадаж ответил абсолютно бесстрастно:

— Человек, достойный звания человека, никогда не теряет веры в себя, если только в нем не умерла человечность.

«Молодец», — мысленно похвалил его Хейм. Но в основном все его внимание было сейчас сосредоточено на ружьях, нацеленных в него.

Они пошли по набережной в западном направлении.

— И все же я не совсем понял, — прозвучала трель Синби, — алероны тоже не лишены чувства гордости и достоинства. Так в чем же разница?

Хейм почувствовал, что больше медлить нельзя. Момент, казалось, был довольно подходящий — во всяком случае, если попытка будет неудачной, все завершится вечной тьмой и концом страха.

Он остановился и облокотился на ограду.

— Разница, — сказал он, — объясняется в другом изречении того же поэта. — И проговорил по-немецки: — Я сейчас столкну этого типа в воду. После того прыгнем оба вниз.

Затем добавил алерону, переходя вновь на язык, понятный алерону:

— Это... э.. это трудно перевести. Но взгляните вниз, туда.

Вадаж присоединился к ним. Губы его тронула едва заметная улыбка, но он мрачно объявил:

— Стихотворение основано на высказывании из Гераклита: нельзя войти в одну и ту же реку дважды.

— Об этом я читал. — Синби пожал плечами. — Столь ужасные мысли встречались довольно редко.

— Видите? — Хейм положил на плечо алерона руку и легонько подтолкнул его вперед, так что Синби теперь тоже стоял, перегнувшись через ограду. Тесная поверхность приковала к себе его взгляд, словно загипнотизировала. — Вот там один из основных человеческих символов, — сказал Хейм. — Река, связанная с морем, сможет затопить огром-

ные площади суши, если эту реку запрудить. Движение, сила, судьба, само время.

— На Алероне нам это неизвестно, — прошептал Синби. — В нашем мире есть только одни голые скалы.

Хейм сомкнул пальцы на его шее, а другой рукой оперся об ограду. Одно движение плечом — и, опрокинувшись через ограду, они вместе упали в реку.

Глава 8

Тяжелые ботинки тащили его вниз. Отпустив алерона, Хейм перекувырнулся и вцепился ногтями в их застёжки. Свет из зеленого стал коричневым, а затем и вовсе исчез. Вода — холодная и тяжелая сила — переворачивала его снова и снова. Долой один... теперь второй... Отчаянно отталкиваясь руками и ногами, он устремился вверх. Легкие, казалось, готовы были разорваться. Преодолевая сопротивление воды, Хейм понемногу выпустил воздух через рот. Сознание начало затуманиваться.

«Ну, — подумал он, — теперь либо дыхание, либо огненный луч».

Слегка высунув лицо из воды таким образом, чтобы только успеть набрать в легкие воздуха, Хейм краем глаза увидел набережную и снова ушел под воду.

Еще трижды повторял он этот маневр, прежде чем решить, что теперь он отплыл уже достаточно далеко, чтобы можно было рискнуть и посмотреть, где Вадаж. Стряхнув воду с волос и протерев глаза, Хейм поплыл австралийским кролем. Над одетыми в подкрашенный бстон берегами реки высились деревья, сквозь золотисто-зеленую листву которых просвечивали солнечные лучи. Иногда в поле зрения появлялись коньки крыш, но в основном над кронами деревьев сияло лишь бесконечное синее небо.

Вскоре неподалеку вынырнула из воды голова Вадажа. Хейм помахал ему рукой и поплыл дальше, пока не очутился под мостом. Это было все же хоть какое-то укрытие от преследователей. Ухватившись за опору, Хейм придал телу вертикальное положение. Через несколько секунд к нему присоединился и менестрель. Он тяжело дышал.

— Черт побери, Гуннар, ты несешься так, словно за тобой гонится сам дьявол!

— А разве нет? Хотя для нас большой плюс то, что але-роны здесь не слишком-то хорошо видят. Контактные линзы спасают их глаза от слепящей яркости, но Аврора испускает гораздо меньше лучей, близких к инфракрасным, чем Эйф, а именно к этим лучам они наиболее чувствительны.

Хейм обнаружил, что подобные рассуждения на ученые темы действуют на него успокаивающе, поскольку превращают его из преследуемого животного в военного теоретика (тактика).

— Тем не менее нам все же лучше держаться внизу как можно дольше. И к тому же порознь. Знаешь где старый Кви-де-Коквилагес? Он все еще на месте. Встретимся под ним. Будем ждать в течение часа. Если за это время один из нас не появится, другой должен считать, что его напарник погорел.

Поскольку Вадаж выглядел более усталым, чем он сам, Хейм поплыл первым. Он двигался не спеша, в основном отдаваясь на волю течения, и добрался до устья реки в довольно хорошей форме — настолько хорошей, что сумел даже почувствовать удивление, еще раз мысленно пережив свой побег. Потом он намеренно выкинул из головы все эти мысли и под прикрытием дока просто наслаждался игрой солнечных бликов на поверхности воды, зрелищем наклоненных мачт, ласковым прикосновением прохладных струй, шершавой поверхности пала, за который он держался, характерным плеском маленьких волн о борта судов и разнообразием окраски их корпусов. Приподнятое настроение уже начало было меняться, вытесняемое тревогой (проклятье, надо было сказать Андре обо всем, что я знал), когда венгр наконец появился.

— А они не станут нас искать прежде всего именно здесь? — спросил Вадаж.

— Сомневаюсь, — ответил Хейм. — Не забудь, что они — жители сухой планеты. Поэтому идея использовать воду для чего-либо, кроме питья, не может возникнуть у них так же естественно, как, допустим, у накссов, которые из нее фактически не вылезают. Обрати внимание — они здесь ничего не тронули, хотя каботажный транспорт был бы весьма неплохим подспорьем для их воздушных грузовиков. Первое, что мы должны сделать, — это как можно скорее выбраться на берег и найти какую-нибудь лодку в рабочем состоянии.

— Ну, уж тут тебе выбирать. Я-то ведь — прирожденный сухопутный житель.

— Что ж, зато я никогда не преуспевал в верховой езде, так что по части славы мы равны.

Хейм рискнул взобраться на причал, чтобы осмотреться. Он выбрал крепкое на вид прогулочное судно — способный двигаться под водой гидроfoil — и трусцой двинулся к нему. Погрузившись под воду, оно будет недоступно любому из приборов, имеющихся у алеронов.

— А внутрь мы сможем попасть? — спросил из воды местрель.

— Да, он не заперт. Яхтсмены доверяют друг другу.

Хейм отвязал швартовы, подтянул гидроfoil к понтону и, протянув руку, помог Вадажу взобраться на палубу. Они быстро спустились в кабину и задраили глезайт.

— А теперь займись радио, пока я проверю двигатель.

Год бездействия нанес судну не особенно большой урон. Более того — солнце зарядило его аккумуляторы до максимума. Правда, днище его порядком обросло, но это можно было пержить. Возбуждение охватило Хейма.

— Вообще-то моя идея заключалась в том, чтобы попытаться найти коммуникатор в городе, передать сообщение в лагерь и потом где-нибудь спрятаться в надежде, что нас не станут искать и мы не умрем с голоду, — сказал он. — Но теперь, черт побери, мы сможем вернуться назад на собственном транспорте. По крайней мере, врагу будет сложно перехватить наше сообщение и послать в его источник самонаводящуюся ракету, если мы будем в море. Так что посхали.

Мотор запыхтел. Судно скользнуло прочь от суши. Вадаж озабоченно выглядывал из купола.

— Не понимаю, почему они не гонятся за нами как бешеные? — беспокожно пробормотал он.

— Я ведь тебе уже говорил, как все получилось. Просто они еще не догадались, что мы выберем этот путь. Кроме того, у них там сейчас, наверное, суматоха, как в публичном доме по утрам в понедельник, после того, что я сотворил с Синби.

Тем не менее Хейм был рад оставить позади препятствия и погрузился в воду. Опустившись на максимально допустимое погружение, он задал автопилоту курс на юго-восток и принялся стягивать свою мокрую одежду.

Вадаж смотрел на него с благоговением.

— Гуннар, — сказал он голосом, в котором слышались слезы, — я напишу об этом балладу, и даже если она не очень удастся, ее все-таки будут петь и через тысячу лет. Потому что твое имя будет жить очень долго.

— О, чепуха, Андре. Не заставляй мои уши краснеть.

— Нет, я просто говорю то, что есть. Однако неужели ты все это заранее продумал?

Хейм включил обогреватель, чтобы обсушиться. Воды океана, со всех сторон окружавшие судно, — темно-зеленые, населенные множеством рыб причудливой формы, которые то и дело мелькали поблизости, — эти воды должны были рассеять инфракрасное излучение. Хейма охватило непреодолимое желание вернуться домой, словно он опять стал мальчишкой, проводящим все свободное время на морях Геи. На некоторое время это чувство вытеснило все остальные. Хрупкость и незавершенность его триумфа станет видна ему позже. Сейчас же он упивался им.

— Ничего я не придумал, — признался Хейм. — Идея возникла как бы сама собой, Синби до ужаса хотелось... чтобы мы стали друзьями или что-то в этом роде. Я уговорил его посетить Бон-Шанс, надеясь, что там, может быть, подвернется какой-нибудь случай, который можно будет использовать для побега. Мне пришло в голову, что, вероятно, никто из его банды не умеет плавать, поэтому набережная казалась самым подходящим местом, чтобы попытаться. Я попросил взять тебя с собой, потому что мы могли бы воспользоваться немецким у них под носом. Еще я исходил из того, что если нас двое, то и шанс, что кто-нибудь удерет, увеличивается вдвое.

С Вадажа всю почтительность как рукой сняло, лишь только он услышал про немецкий, и на его лице появилась ехидная ухмылка.

— Да уж, такого ужасающего «Цвангдойч» я в жизни не слышивал. Лингвистом тебе не быть.

Эти слова больно задели самолюбие Хейма.

— Да уж, — сухо сказал он. Стараясь хотя бы ненадолго продлить миг своей искренней радости, он продолжал: — Мы были там, когда я подумал, что, если бы мне удалось столкнуть Синби в воду, охранники бросились бы следом — спасти его, так что некому было бы стрелять в нас с берега.

Если ты не умеешь плавать, то это довольно веселенькая работенка — спасать еще одного такого же неумеющего.

— Так ты думаешь, он утонул?

— Ну, надеяться никому не воспрещается, — сказал Хейм с меньшей долей равнодушия в голосе, чем ему хотелось бы. — Меня бы не удивило, если бы они потеряли по меньшей мере пару воинов, выживая Синби из воды. А его самого мы видели, пожалуй, не в последний раз. Даже если он и в самом деле утонул, то они, вероятно, смогут доставить его в камеру оживления прежде, чем начнет разлагаться его мозг. В любом случае — до тех пор, пока он не вернется в строй, врагу будет нелегко разобраться во всей этой путанице. И дело даже не в том, что без него они не смогут наладить организацию. Но в течение некоторого времени им просто не удастся найти верное направление в своей деятельности, во всяком случае в той, которая касается нас. Это время мы используем для того, чтобы забраться подальше в море и вызвать на связь де Виньи.

— Ну... да, разумеется, они смогут выслать нам на помощь флайсер. — Вадаж откинулся назад с улыбкой кота, сидящего на клетке с канарейкой. — Прекрасная Даниэль увидит меня еще раньше, чем она того ожидает. Но не слишком ли смело с моей стороны говорить, что она этого ожидает?

Гнев волной поднялся в Хейме.

— Чтоб тебя укусила бешеная собака, безмозглый тупица, — прорычал он. — Здесь тебе не пикник. Наше счастье, если нам удастся предотвратить катастрофу.

— Что... что... — Вадаж вздрогнул и побледнел. — Гуннар, что такого я сказал...

— Слушай меня! — Хейм стукнул кулаком по ручке кресла, в котором сидел. — Наша дилетантская попытка шпионажа подорвалась, и весь задуманный план пропал. Разве ты забыл, что наша миссия заключалась в том, чтобы договориться об условиях, которые спасли бы наших людей от авитаминоза? Теперь это исключено. Может быть, что-то можно будет предпринять позднее, но в ближайшее время наша задача — остаться в живых. Наш план эвакуации беженцев — теперь тоже исключается. Синби пришел к выводу, что сам «Лис» находится на планете. Он вызвал крейсер и улана на помощь своему флагману. Кто-нибудь из этих троих может заметить «Мироэт» на подъеме и разнести его в

куски. Оставлять корабль в укромном месте тоже нельзя. Они сейчас повсюду разошлют воздушные патрули с мощными детекторами. Так что прекрасное убежище, которое предоставил нам де Виньи в Лак-о-Нуачес, тоже отпадает. И если уж на то пошло, при настоящем положении вещей, когда три вражеских корабля находятся в непосредственной близости, самому «Лису» тоже угрожает смертельная опасность.

Эх ты, жизнерадостный эгоистичный болван! Неужели ты думал, что я играл со смертью лишь ради того, чтобы мы могли удрать? На что бы мы тогда вообщегодились? Главное — предупредить наших!

Все еще ворча, он повернулся к инерционной навигаторской панели. Нет, они были еще не далеко. Но, может быть, все же стоит всплыть и — будь что будет — передать партизанам и экипажу «Мироэт» все, что ему известно в данный момент?

Судно пульсировало, словно живое. Обогреватель урчал, обдавая людей волнами тепла. В кабине пахло нефтью. За иллюминатором ничего не было видно.

— Эти корабли будут здесь в течение земного дня, — сказал Хейм. — «Лису» лучше отойти подальше в космос, а людям поглубже в лес.

— Гуннар... — начал было Вадаж.

— О, помолчи!

Менестрель вспыхнул и, повысив голос, сказал:

— Нет, я не знаю, что я такого сделал, чтобы ты меня оскорблять, и если у тебя не хватает даже любезности, чтобы сообщить мне об этом, то это твое дело. Однако я должен кое-что сказать тебе, капитан. Мы не сможем установить контакт с «Лисом» вовремя.

— Что? — резко обернулся Хейм и уставился на венгра.

— Может, ты подумаешь сам? Большая лазерная установка Диего находится возле озера. Но утро давно уже наступило, Диана почти в полной фазе. И она легла на курс Оут-Гаранс несколько часов назад. Теперь следующий ее восход будет, я думаю, не раньше, чем через тридцать часов.

— Сатана... и... хельведе, — проговорил, задыхаясь, Хейм, в минуты сильного волнения всегда пересходивший на свой родной язык. Силы покинули его. Во всем теле вдруг возникла боль, и он понял, что начал стареть.

Через некоторое время, в течение которого Хейм просто сидел, устремив в одну точку неподвижный взгляд, Вадаж робко проговорил:

— Ты не такой человек, чтобы раскисать от этого. Если ты считаешь, что это столь важно, что ж, возможно, нам удастся поднять вверх «Мироэт». Его коммуникатор достанет до луны. Вражеские спутники засекут «Мироэт», а поблизости находится крейсер. Но ты сам говорил, что этот корабль потерян для нас в любом случае, так что он может сдаться. Для того чтобы сделать это, нам понадобятся всего лишь три-четыре человека. Я буду одним из них.

Хейм вскочил с молниеносной быстротой, стукнувшись головой о купол. Он посмотрел вверх и увидел над собой круг солнечного света, ослепительно сверкающий на поверхности оксана.

— Здорово стукнулся? — спросил Вадаж.

— Клянусь небом... и присподней... и всем, что посередине.— Хейм протянул руку.— Андрес, я вел себя хуже всякой скотины. Просто возомнил себя таким подростком средних лет. Простишь ли ты меня?

Вадаж ответил крепким рукопожатием. В его глазах мелькнуло понимание.

— О, так вот в чем дело,— пробормотал он.— Молодая леди... Гуннар, она для меня ничего не значит. Просто человек, в обществе которого приятно находиться. Я думал, и ты чувствуешь то же самое.

— Сомневаюсь,— проворчал Хейм.— Но это не имеет значения, у нас сейчас цель покрупнее. Послушай, я случайно узнал координаты орбит и стартовые позиции этих кораблей. Синби не видел причины, почему бы не сообщить их мне, когда я его попросил; мне кажется, я подсознательно следовал старому военному принципу: собирать каждый клочок информации, какой только будет возможно, независимо от того, есть или нет у тебя надежды когда-нибудь этой информацией воспользоваться. Ну, мне еще известно, какого они класса, а стало быть, известны их потенциальные возможности. Исходя из этого, мы запросто вычислим их траектории. Положение цели можно будет определить в любой момент — с точностью, достаточной для ведения боя, но недостаточной для того, чтобы их наземные базы не смогли передать им любое предупреждение. Значит, одно

преимущество, хоть и небольшое, у нас все же есть. Что еще?

Он принялся ходить — два шага до конца кабины, два обратно, ударяя кулаком в раскрытую ладонь. На скулах у него выступили желваки. Вадаж скромно держался в стороне. На губах его снова появилась свойственная котам усмешка. Гуннар Хейм в подобном состоянии составлял для него привычное зрелище.

— Слушай! — Капитан начал говорить, и по ходу дела как бы сам собой вырисовывался стройный план. — «Мироэт» — большой транспортник. Поэтому у него мощные двигатели. Будучи пустым, он, несмотря на свои габариты и неуклюжесть, может двигаться со скоростью управляемого снаряда, выпущенного чертями из преисподней. Мимо трех кораблей, патрулирующих на орбите, ему не проскочить, но в данный момент там находится всего лишь один из трех, а именно личный флагман Синби «Юбалхо». Его орбита мне известна, но вероятность того, что он будет на вполне достаточном расстоянии в момент взлета «Мироэт», весьма велика. Разумеется, он может броситься в погоню и подойти так близко, что «Мироэт» не сможет увернуться от ракеты, но он знает, что, где бы я ни был, «Лис» всегда находится где-то неподалеку, и флагману надо в первую очередь защищать свою базу от «Лиса» до тех пор, пока не прибудет подкрепление, поэтому он не станет стрелять. Или, если расстояние будет достаточно велико, он примет транспортник за наш крейсер и не станет рисковать.

Итак... при надежном пилотировании «Мироэт» имеет отличный шанс удрать под самым носом у алеронов. И сможет послать восточку «Лису». Но потом... что потом?.. Если «Лис» просто возьмет нас на борт, мы окажемся на том же самом месте, с которого начали. Нет, мы в худшем положении, чем алероны, потому что новосвропсйцы и так давно уже находятся в очень подавленном моральном состоянии, а теряя связь с нами, они вообще запросто могут прекратить и окончить борьбу. Так, постой... дай подумать... Да! — взревел Хейм. — Почему бы и нет? Чем быстрее мы будем двигаться, тем лучше. Немедленно вызывай штаб на озере. Ты знаешь язык басков или какой-нибудь другой, которого не знает алерон, но понимают люди де Виньи?

— Боюсь, что нет. И радиопередача, такая, которую

должны провести мы, без сомнения, будет перехвачена. Могу использовать «Люшебем», если только это что-то даст.

— Может, и даст, хотя теперь они уже, наверное, его освоили... Хм. Нам надо придумать нечто двусмысленное для врагов, но понятное своим. Алеронам вовсе не обязательно знать, что это именно мы и что мы передаем из подлодки. Пусть они считают, что это маки во флайере. А свои могут опознать нас по ссылкам на некоторые происшествия в лагере.

Мы скажем де Виньи, чтобы он немедленно отдал приказ о максимально возможном облегчении веса транспортного. От этого вреда не будет, поскольку алероны все равно знают, что у нас есть корабль на планете. Данное сообщение укрепит их в мысли, что он должен находиться в Оут-Гаранс, они так и так начали бы искать прежде всего там. — Хейм потрогал себя за подбородок. — Теперь... К сожалению, я ничего не могу больше передать, не выдавая себя. Придется доставить главные сведения лично. Стало быть, мы погрузимся сразу после того, как ты закончишь передачу, и направимся к месту встречи, где нас должен будет подобрать флайер. Но как обозначить это место, чтобы не обнаружить там врага с духовым оркестром и с ключами от города?

— Хм-хм. Дай-ка я взгляну на карту. — Вадаж вытащил из «бардачка» бумажный свиток и развернул его. — Наш радиус не слишком велик, если мы хотим, чтобы встреча состоялась поскорее. Эрго... да. Я скажу им... столько-то и столько-то от места... — Он покраснел, указав на Флервилль, находящийся в глубине материка вниз по Кот-Нотр-Дам, — где Даниэль Иррибарн сказала Андре Вадажу, что здесь есть один грот, который они должны осмотреть. Это было незадолго до заката. Мы... э... сидели на развилке сучка высокого дерева и...

Хейм снова почувствовал укол в сердце, но не стал обращать на это внимание и рассмеялся:

— Прекрасно. Давай проверим по компьютеру, где мы находимся в данный момент.

Вадаж нахмурился.

— Мы рискуем, действуя в такой спешке, — сказал он. — Прежде всего не следует забывать, что мы всплываем, или, по крайней мере, поднимаемся до уровня поверхности воды и передаем сильный сигнал так близко от вражеской базы.

— Это не займет много времени. Мы успеем снова погрузиться прежде, чем они вышлют флайер. Я допускаю возможность, что в данную конкретную минуту над нами как раз пролетает таковой, но всерьезнесс всего, нет.

— И все же остается еще проблема, как добраться до лагеря. Ведь чтобы встретить нас, новоевропейцам придется проделать долгий путь над огромным пустынным пространством, и это в дневное время, по краю Драконова Гнезда. И то же самое обратный путь.

— Я знаю,— сказал Хейм, не отрывая взгляда от лежавшей у него на коленях карты.— Если бы у нас было больше времени, это можно было бы сделать с меньшим риском. Но сейчас мы вынуждены рисковать, иначе будет слишком поздно для чего бы то ни было. Мы застряли на этой орбите, Андре, так что теперь все равно, как близко к солнцу нам придется скользить.

Глава 9

— Капитанский мостик — боевым постам. Доложить готовность.

— Двигатель в порядке,— отозвался Диего Гонсалес.

— Радио и главный радар в порядке,— сказал Вадаж.

— Орудийная башня один в порядке и жаждет взяться за дело,— произнес Джин Иррибарн.

Колонисты с остальных боевых постов присоединились к предыдущим докладам, и все это слилось в одном хищном хоре.

«Полегче, парни,— подумал Хейм.— Если нам придется испробовать эти хлопушки в поединке с настоящим, действующим боевым кораблем, мы пропали».

— Приготовиться к подъему! — скомандовал Хейм. Неуклюже двигаясь в своем скафандре, он положил руки на пульт.

Озеро кипело. Волны захлестнули берега. Среди деревьев пронесся вздох, и из воды поднялся «Мирозт». На мгновение его громадное тело заслонило собой солнце, потихоньку подползавшее к луне, испуганные животные бросились по своим тропам в чащобу. Затем, плавно набирая скорость, корабль устремился в небо. Расколотый воздух долго еще грохотал. Даниэль и Мэдилон Иррибарн зажали уши рука-

ми. Когда очертания корабля исчезли из вида, они прижались друг к другу.

— Радар, докладывайте! — рявкнул Хейм сквозь гул и вибрацию.

— Пусто, — сказал Вадаж.

Корабль поднимался все выше и выше. Оставшийся внизу мир стал крохотным, изогнулся в дугу, облака накрыли его курчавой шапкой, а океаны окрасились в синий цвет. Небо потемнело, блеснули звезды.

— Сигнал по общей волне, — раздался голос Вадажа. — Должно быть, нас заметили на «Юбалхо». Отвечать?

— Черт побери, нет, — ответил Хейм. — Все, что мне надо, — это его позиция и вектор.

В пустом корпусе «Мироэт» звук словно бы попадал в ловушку, отовсюду отдаваясь гулким эхом, так что от кормы и до правого борта прокатывался грохот. Хейм ощущал непрерывный звон и пульсацию в голове. Стекло его шлема дребезжало.

— Не могу его найти, — сообщил Вадаж. — Должно быть, он далеко.

«Но он нашел нас, — подумал Хейм. — Что ж, у него там детекторные операторы-профессионалы экстра-класса. А мне пришлось обойтись тем, что нашлось в лагере. Для набора специально обученных людей не было времени.

Должно быть, он так далеко, что ему пришлось бы некоторое время нас преследовать, набрав при этом скорость, неадекватную для его ракет. И он решит, что его долг — оставаться на месте. Если я ошибаюсь в первом или во втором, значит, мы подняли свой последний бокал».

Хейм ощутил во рту вкус крови, горячей и солоноватой, и лишь тогда до него дошло, что он прикусил язык.

Все дальше и дальше. Новая Европа становилась все меньше среди теснящихся солнц. Мало-помалу в поле зрения возникла и выросла Диана.

— Капитан — радиорубке. Забудьте обо всем на свете. Наведите лазер и подключите меня к линии.

Хейм потянулся за лежащими на полках приборами и навигационными таблицами.

— К тому времени, когда вы как следует разогреетесь, я подготовлю для вас все цифры.

«Если нас прежде не сотрут в порошок, — добавил он про себя, — пожалуйста... только бы мне успеть. Большого я не

прошу. Пожалуйста... «Лиса» нужно предупредить во что бы то ни стало». — Он размотал ленту с вереницей цифр.

Вадаж в своей каморке, окруженный со всех сторон приборами, смотревшими на него, словно глаза троллей, торопливо нажимал клавиши. Он не был специалистом в этом деле, но компьютер космосистемы заранее запрограммировали для него; все, что ему теперь оставалось, — это вводить данные и нажимать повелительный «сейчас». Одна из башен открылась в безвоздушное пространство. Из нее показалась скелестообразная голова передатчика, словно для того, чтобы взглянуть на Вселенную. Плотный пучок радиоволн устремился к Диане.

Здесь могли возникнуть различные неточности. Диана двигалась по орбите примерно в 200 000 км с другой стороны Новой Европы, а «Мироэт» еще расширял эту пропасть в результате того, что его скорость неуклонно возрастала. Но компьютеру и контролируемому им двигателю такое было не впервой. Дисперсия волнового луча была достаточной для того, чтобы охватить весьма широкий сектор ко времени достижения ими района, в котором находилась цель. Кроме того, этот луч обладал достаточной суммарной энергией, чтобы его амплитуда к тому времени все еще была выше уровня шумовой.

Маленький заброшенный метеоритный камень, по виду обыкновенный камень среди тысячи таких же камней, а на деле где-то на склоне кратера застыл сейчас в ожидании прибор, установленный людьми с катера. Но вот сигнал поступил. Прибор — обычный микроволновый ретранслятор, такой, каких полно на каждом космическом корабле, работающий на солнечной энергии, — усилил принятый сигнал и передал его в виде другого волнового луча следующему такому же объекту, расположенному высоко на зазубренном горном пике. Тот, в свою очередь, передал его следующему, и так далее — по цепочке, охватившей весь неровный пустынный лунный диск. В цепочке было не так уж много звеньев. Горизонт на уровне человеческого роста равен на Диане приблизительно трем километрам, а с горной вершины гораздо больше, и последний транслятор достаточно было установить на самом краю того полушария, которое никогда не бывает обращено к Новой Европе.

Оттуда луч снова устремился ввысь; преодолев около 29 000 км от центра Дианы, он уткнулся в «Лиса».

Главной проблемой при выборе места для засады перед прорывом на Новую Европу был вопрос: сможет ли космический корабль остаться незамеченным вблизи такой враждебной планеты, с которой пространство постоянно контролировали детекторы и вокруг которой несли боевое дежурство корабли? Если бы ему пришлось перейти в режим свободного полета, все системы работали бы в минимальном режиме и эмиссия нейтрино была бы заметна только на очень небольшом расстоянии. Но глаза оптических, инфракрасных и радарных установок наверняка засекли бы его. Разве что между ними и планетой всегда находилась бы луна... Нет. Он не мог отважиться на то, чтобы опуститься и сидеть там на виду каждого, кто случайно окажется на достаточно близком расстоянии, когда на оборотной стороне луны наступит день.

В любой системе, где имеются два тела, существуют три точки Лагранжа, в которых гравитация спутника сочетается с гравитацией планеты таким образом, что помещенный в данную точку большой объект все время будет оставаться на одном месте — на прямой, проходящей через оба космических тела. Правда, бывает, что иногда этот объект смещается со своего места, но «иногда» в биологическом времени — весьма нечастое явление. «Лис» спрятался в наиболее удаленной точке Лагранжа и начал двигаться по орбите, надежно укрытой лунным диском, не прилагая для этого никаких усилий.

Подобный маневр никогда прежде не практиковался. Но если уж на то пошло, никому прежде не требовалось иметь под рукой босвой корабль так, чтобы об этом не знал противник, занявший территорию, которую ему не положено было занимать. Хейм подумал, что когда-нибудь это станет классическим примером из учебника, если ему суждено остаться в живых и похвастаться своим опытом.

— «Мироэт» — «Лису», — произнес он. — «Мироэт» — «Лису». Слушайте и запишите. Запишите. Капитан Хейм — исполняющему обязанности капитана Пенонеру. Приготовиться к выполнению приказа.

Ответа не последовало и не могло последовать, кроме ответа для Лак-о-Нуагес. Система, простая и сооруженная на скорую руку, была задумана в расчете на то, что он сможет вызвать оттуда своих людей. Если бы там что-то случилось, он узнал бы об этом лишь тогда, когда было бы

уже слишком поздно. И сейчас он говорил в темноту и неизвестность.

— В силу непредвиденных обстоятельств мы были вынуждены взлететь без пассажиров. Погони за нами пока вроде нет. Но мы располагаем чрезвычайно важными разведанными, на основе которых нами составлен новый план.

Первое: мы знаем, что на орбите вокруг Новой Европы находится всего лишь один линейный корабль. Остальные, кроме еще двух других, рассеяны за пределами досягаемости радиосигнала, и до их возвращения должно пройти немало времени. Судном, осуществляющим патрульную службу, является вражеский флагман «Юбалхо», крейсер. Я не знаю точно, какого он класса — посмотрите, может быть, найдете его в наших справочниках, — но, безусловно, он по меньшей мере несколько превосходит «Лиса».

Второе: врагу стало известно, что мы были на планете, и он вызвал на подмогу два судна, находившиеся в пределах радиосигнала. В настоящее время они движутся к планете. Первое должно уже начать переход в режим торможения. Это улан «Савайдж». Второе — крейсер «Айнисент». Проверьте их тоже по справочникам. Но мне кажется, это обычные алеронские корабли соответствующего класса. Баллистические данные приблизительно таковы...

Он перечислил цифры.

— Теперь третье: вероятно, враг принимает «Мироэт» за «Лиса». Он заметил нас, но с такого расстояния, на котором точное опознание должно быть затруднительным или невозможным, к тому же мы захватили его врасплох. Так что я думаю, они полагают, будто «Лис» удирает, пока для этого есть благоприятные условия. Но они не могут связаться с другими кораблями, пока те не приблизятся к планете, а Синби, безусловно, хочет иметь их под рукой.

Исходя из этого, мы имеем шанс взять их по одному. Теперь слушайте. На улана не обращайте внимания. «Мироэт» в состоянии справиться с ним сам. Или, даже если меня постигнет неудача, это судно не представляет для вас особой угрозы. Более того, ядерные взрывы в космосе были бы замечены и заставили бы врага насторожиться, оставаясь на месте, «Лис», и разработайте план перехвата «Айнисента». Он вашего появления не ожидает. Относительная скорость будет высокой. Если вы сумеете не упустить своего шанса, то у вас будет отличная возможность угостить его

ракетой и отразить все ответные удары, если, конечно, у них будет время таковые нанести.

После этого идите на подмогу к «Мироэту». Моя расчетная позиция и орбита на данный момент приблизительно таковы.— Снова вереница цифр.— Если «Мироэт» окажется уничтоженным, действуйте дальше по своему усмотрению. Но не забудьте при этом, что Новая Европа будет охраняться только одним кораблем.

Хейм набрал в легкие побольше воздуха. Он был горячим и наэлектризованным.

— Повторю все с начала,— сказал он. В конце третьего повтора он добавил: — Основная ретрансляционная точка, кажется, уходит за горизонт Дианы. Я вынужден объявить конец передачи. Гуннар Хейм — Дэйву Пенoyerу и экипажу «Лиса». Счастливой охоты! Отбой!

Затем он откинулся в своем кресле, взглянул на звезды в направлении солнца и вспомнил о доме.

«Мироэт» мало-помалу набирал скорость. Совсем незаметно, хотя по интеркому было произнесено немало отрывистых команд, подошел момент реверсирования, чтобы начать торможение. Необходимо было тщательно выверить свой вектор перед встречей с «Савайджем».

Хейм направился в салон, чтобы перекусить. Там он нашел Вадажа в компании маленького рыжеволосого колониста, с такой жадностью прихлебывавшего из своей чашки, словно он только что вернулся из марсианской пустыни.

— А, капитан,— радушно приветствовал его последний.— Я целую вечность не пил настоящего кофе. Гран мерси!

— Возможно, вскоре у вас не будет особого повода для того, чтобы меня благодарить,— сказал Хейм.

Вадаж по-петушиному склонил набок голову.

— Не надо быть таким мрачным, Гун... сэр,— укоряюще сказал он.— Остальные абсолютно уверены в успехе.

— Видимо, я немного устал.— Хейм тяжело опустился на алеронское сиденье.

— Ничего, я тебя верну в нормальное состояние. Рюмочку «Гранд Данаис» или сандвич, а?

Не получив отрицательного ответа, Вадаж тотчас вскочил и отправился за едой. Когда он вернулся, за спиной у него висела гитара. Он уселся на стол, болтая ногами, и, ударив по струнам, запел:

Жил-был в Иерусалиме один богач:
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Сразу нахлынули воспоминания, и улыбка тронула губы Хейма; незаметно для себя он начал отбивать ритм, и вскоре его голос присоединился к голосам двух других.

«Все в порядке! Кто сказал, что мы не сможем справиться с ними?»

Возвращаясь на мостик, он чувствовал себя помолодевшим, и походка его была легкой, как у юноши.

Время пролетело незаметно, и вот уже звучит сигнал боевой тревоги. И в иллюминаторах появляется «Савайдж».

Руки, построившие этот корабль, не были человеческими руками. Но данная машина была предназначена для тех же самых целей и действовала по тем же законам физики, что и земные эсминцы. Маленький, изящный, пятнистый, как леопард (такая окраска была сделана для камуфляжа и термального контроля), и, как леопард, опасный и красивый, корабль этот настолько был похож на его старого «Звездного Лиса», что у Хейма на мгновение застыла рука.

«Честно ли убивать его таким способом?»

Вполне разумная военная хитрость. Да. Он нажал кнопку интеркома.

— Капитанский мостик — радиорубке. Давайте сигнал бедствия.

«Мироэт» заговорил не человеческим и не алеронским языком, а завывающими радиосигналами, которые, как давно было известно Военно-Космической разведке, предписывались алеронским уставом. Разумеется, капитан улана (был ли это его первый приказ?) велел попытаться установить связь. Ответа не последовало. Ловушка захлопнулась. Относительная скорость была невелика, но «Савайдж» весьма быстро вырос на глазах у Хейма.

Алерон, которого ни о чем не предупредили, не имел повода сомневаться в том, что перед ним одно из их судов. Транспортник приближался к лимиту Маха. Курс его был направлен точно к Эйфу, но то же самое распространялось на все алеронские корабли, с тем чтобы земной пират не смог вычислить их координаты. С кораблем что-то случилось. Должно быть, у него вышли из строя системы коммуникации. И офицер связи, видимо, наспех залатал передатчик, чтобы он смог хотя бы передать сигнал SOS. Неполладки явно были не в двигателях, поскольку они работали вполне

нормально. Тогда в чем же дело? Может быть, в установках противорадиационной защиты? Или в воздушных рециркуляторах? Во внутреннем поле тяготения? Многое было возможно. Ведь жизнь — очень хрупкая вещь, особенно здесь, где ей не положено было быть.

Или... поскольку возможность сего случайной встречи с военным кораблем посреди этой астрономической безбрежности была бесконечно мала... может быть, он должен доставить какое-то срочное сообщение? Что-то такое, что в силу некоторой причины нельзя было передать обычным путем? На «Савайдж» легла длинная холодная тень «Мироэта».

— Загерметизировать скафандры! — приказал Хейм. — Готовность номер один. — Опустив стекло собственного шлема, он все внимание сосредоточил на пилотировании. Краем сознания он тем не менее не упускал из вида двух угрожающих возможностей. Наиболее опасной из них, хотя и наименее вероятной, было то, что капитан вражеского судна заподозрит что-нибудь неладное и откроет огонь. Вторым, наихудшим вариантом, было бы, если бы «Савайдж» продолжил свой путь на подмогу Синби. «Мироэт» не смог бы развить такое же ускорение, как улан.

На мгновение у Хейма вдруг возникло какое-то странное чувство безысходности.

Радар... векторы... импульс... «Савайдж» развернулся и приступил к маневрированию для сближения.

Хейм выключил двигатели почти полностью, так что теперь они издавали только негромкий шепот. Корабли располагались уже почти параллельно друг другу, причем улану приходилось расходовать огромное количество энергии на торможение, в то время как транспортник находился почти в режиме свободного падения. Теперь они были неподвижны относительно друг друга, и разделял их лишь километр вакуума. Затем улан с бесконечной осторожностью начал приближаться к более крупному судну.

Хейм рванул вниз рычаг аварийного ускорения. Со всей силой, на какую он был способен, «Мироэт» рванулся навстречу своей судьбе.

У алерона уже не было времени ни выстрелить, ни увернуться. Корабли столкнулись. Страшный удар ревом прокатился по листам обшивки и корпусу, распорол металл,

швырнул алеронов, не пристегнувшихся ремнями, на пол, на переборки с такой силой, что кости затрещали.

Броня космического корабля, даже космического военного судна, не слишком толста. Она может противостоять ударам микрометеоритов. Камни большего размера корабль может засечь и уклониться, но они редки. Однако ничто не может защитить от ядерного оружия, если уж оно попадает в цель. «Мироэт» не обладал высокой скоростью, но масса его была огромна. И «Савайдж» был пробит насквозь. «Мироэт» тоже получил несколько пробоин в корпусе. Вырываясь наружу белым облачком, воздух быстро терялся среди бесконечности световых лет. Поврежденные корпуса сцепились, словно олени своими рогами. Аврора ослепительно освещала их внутренности. Бесчувственные звезды холодно взирали на все это из своей дали.

— Приготовиться к отражению атаки экипажа!

Хейм не был уверен, что его команда была передана остальным через коммуникатор его шлема. Скорее всего, нет. Все схемы были разрушены. Из поврежденного энергогенератора вышла наружу фьюжн-реакция. На корабле царилась тьма, невесомость и безвоздушность. Но это не имело значения. Его люди знали, что делать. Хейм на ощупь отстегнул ремни и также на ощупь начал пробираться к кормовой оружейной башне, которую заранее выбрал для себя.

Большинство из команды алеронов, должно быть, погибли. Возможно, некоторые и выжили — те, что были в скафандрах или в герметических отсеках. Если они сумеют найти уцелевшее оружие и привести его в действие, они будут стрелять. Если нет — пойдут врукопашную. Непривычные к военным действиям новоевропейцы могут отступить под натиском врага.

Панель лазера, возле которого занял позицию Хейм, имела свою собственную подсветку. Рычажки, рычаги, индикаторы мерцали, словно огни сигнального костра. Хейм осмотрел цилиндр, просвечивавший сквозь поврежденный глазок, и понял, что лазер исправен. Система продолжала вращаться, металась сумасшедшие тени. Он подавил легкий приступ тошноты, вызванный центробежными силами, выбросил из головы насмешливое торжество холодных созвездий и начал высматривать врага. Несмотря на страшное напряжение, мелькнула мысль, что он стал основоположником нового тактического приема в межзвездных войнах —

тарана. Вообще-то он не был таким уж новым. Его история уходила в глубь веков, к тем временам, когда люди впервые дерзнули оторваться от земли. И тут же сознание нарисовало впечатляющую картинку: Олаф Тригтвасен на залитой кровью палубе «Длинной Змеи».

Нет. К черту. У него сейчас одна задача: остаться в живых до того момента, когда их подберет «Лис». А это должно произойти довольно скоро.

Раздался орудийный залп. Хейм увидел лишь, как луч отразился от стальной поверхности, и, скосив глаза, подождал, пока пройдет ослепление.

«Кто-то из наших. Я надеюсь», — подумал он.

Мощная вибрация потрясла корпус корабля и тело Хейма. Взрыв? Он не был в этом уверен. У алеронов могло бы хватить фантазии и фанатизма, чтобы уничтожить «Мирот» вместе со своим кораблем, подорвав ядерную боеголовку. Вероятность была мала, поскольку им потребовались бы специальные инструменты, а найти их в такой каше было очень трудно. Но...

Что ж, умение ждать — одно из главных на войне.

Через балку перелезла одетая в скафандр фигура. На фоне звезд черный неземной силуэт казался каким-то нереальным, и только светлый ободок на шлеме, отбрасывавший блики, говорил о том, что это не мистика.

«Ну вот, стало быть, по крайней мере один остался в живых и теперь храбро пытается...» — подумал Хейм, прицелился и открыл огонь. На месте растерзанного тела взметнулся пар, который затем быстро исчез в пространстве.

— Мне чертовски не хотелось это делать, — пробормотал Хейм, словно бы обращаясь к погибшему. — Но ты ведь мог бы притащить с собой какую-нибудь гадость, так-то вот.

Этот выстрел выдал его позицию. Вокруг него заплесал золотой луч, нащупывая цель. Хейм, скорчившись, укрылся за щитом. Невыносимая, слепящая полоса расплосовала металл буквально в нескольких сантиметрах от него. За первой последовало еще несколько таких молний, затем вражеский луч угас.

— Молодчина! — Хейм перевел дух. — Молодчина, кто бы ты ни был.

Сражение длилось недолго. Без сомнения, алероны, если кто-то из них еще остался в живых, решили затаиться и

ждать, что будет дальше. И все-таки необходимо было оставаться настороже.

В состоянии свободного полета, подобном сновидению, мышцы не уставали от неподвижности. Хейм позволил течению своих мыслей самостоятельно выбрать русло. Земля, Конни, Джоселин... Новая Европа, Даниэль... В жизни мужчины, как правило, не так уж много вещей, имеющих для него особое значение. Но те несколько значили очень много.

Прошло несколько часов.

Напряжение стало понемногу спадать, когда к месту сражения приблизился тонкий и изящный «Лис». Нельзя сказать, чтобы Хейм при виде его не почувствовал никакой радости (он появился — значит, он выиграл битву), но что-то внутри уже перегорело за эти часы ожидания, к тому же предстояла очень сложная стыковка. Хейму пришлось прокладывать себе путь к выходу сквозь тьму и развалины, потом посылать сигнал с помощью встроенного в шлем радио, чтобы тендер подвели на достаточное для прыжка расстояние, и когда это было сделано, он перешел в него и выпил немножко спиртного, чтобы нейтрализовать эффект воздействия радиации, которую он получил. Ну а потом — на борт крейсера...

Радостные восклицания и дружеские хлопки по спине, медвежий объятия и толкучка вокруг — это все воспринималось Хеймом из-за страшной усталости как нечто нереальное. Даже собственная победа не казалась уже настолько важной. Больше всего радовал его тот факт, что добрая дюжина алеронов осталась в живых и сдалась.

— Ну как, справились с «Айнисентом»? — спросил он Пенейера.

— О да, конечно. Обычный фокус-покус! Один магический пасс — и эта кастрюля превратилась в облако изотопов. Что дальше, сэр?

— Ну... — Хейм потер глаза, в которые словно бы насыпали песок. — Твой барраж должны были заметить с Новой Европы. Теперь, когда с «Айнисентом» покончено, враг должен понять, чья взяла. Возможно, он догадался, что следующий на очереди — «Савайдж», и теперь идет на его перехват. Но, скорее всего, он остался поблизости от базы. И даже если это не так, все равно он обязательно

туда вернулся бы. Как думаешь, сможем мы задать перцу этому «Юбалхо»?

— Смотря как повезет, сэр; судя по имеющимся у нас данным, этот корабль более зубастый, чем наш. Хотя мы имеем преимущество в скорости и маневре. С помощью компьютера я составил несколько тактических моделей, которые дают нам почти сто процентов удачи. Но стоит ли рисковать? — сказал, нахмурившись, Пенoyer.

— Я думаю так, — сказал Хейм. — Если мы влипнем, что ж, будем считать, что наша сторона потеряет от этого не слишком много. С другой стороны, если мы выиграем, то Новая Европа — наша.

— Сэр?

— Без сомнения. Другой защиты, стоящей упоминания, у алеронов нет. Их наземные ракеты мы просто нейтрализуем из космоса. Потом мы обеспечим колонистам помощь с воздуха. Кстати, они уже готовят поход на побережье. Тебе известно не хуже, чем мне, что ни один флайер сроду не имел ни малейшего шанса на посидинку с космическим кораблем, имеющим ядерное оружие. Если алероны не сдадутся, мы просто вышибем их из воздушного пространства, а потом займемся их наземными войсками. Но мне кажется, они капитулируют. Они ведь не дураки. И... тогда уже у нас будут заложники.

— Но... остальная часть их флота...

— Угу. Но по прошествии нескольких недель или месяцев они станут возвращаться по одному. «Лис» вполне может преподнести им приятный сюрприз пыльным мешком из-за угла. Кроме того, все это время новосвропейцы будут работать не покладая рук, чтобы поскорее закончить систему космической обороны планеты. Вполне очевидно, что там осталось сделать не так уж много. Как только работа будет завершена, планета станет практически неприступной, что бы ни случилось с нами.

Ко всему прочему, довольно скоро к Новой Европе должен подойти очередной транспорт — разумеется, ничего не подозревающий. Мы его оприходуем и отправим на Землю часть новоевропейцев, как было запланировано с самого начала. Когда Земля узнает, что они не только живы и не только далеки от поражения и капитуляции, но еще и успешно выдерживают космическую осаду и ведут колоссальную работу по укреплению космической обороны... ну, если

уж и тогда Земля не пошевелится, я отрекусь от человеческой расы.

Хейм выпрямился.

— Я не претендую на роль какого-то дурацкого героя, — подытожил он. — Главным образом мне хочется вернуться домой, к своему старому кальяну и стоптанным шлепанцам. Ну, как, на твой взгляд, стоит попытаться использовать такой шанс?

Пенойсер раздул ноздри.

— Клянусь... клянусь Юпитером, — запинаясь, произнес он, — конечно, сэр.

— Очень хорошо, возьми курс на планету и позови меня, если что-нибудь случится.

Пошатываясь, Хейм прошел в свою каюту, повалился на койку и уснул как убитый.

Разбудил его Вадаж, который тряс его за плечо и вопил в самое ухо:

— Гуннар! Установлен контакт... с «Юбалхо»... встреча произойдет не позднее чем через полчаса.

Сон как рукой сняло, сняло все — усталость, страх, сомнения, даже злость. Шагая на мостик, Хейм чувствовал в себе такой прилив сил, какого не испытывал с тех пор, как умерла Конни. В иллюминаторах сияли звезды, такие огромные и яркие в кристальной темноте, что казалось: протяни руку — и дотронешься до них. Корабль тихо урчал и пульсировал, как живой. Люди стояли наготове возле орудий. Хейм почти физически ощущал единство с ним и с кораблем. Едва он успел занять свое командирское кресло, как из динамика зазвенел голос Синби:

— Капитан «Звездного Лиса», я вновь приветствую вас? Тяжелым был наш поединок. Ну, а как теперь — готовы ли вы его продолжить?

— Да, — ответил Хейм. — Мы идем к финишу и надеемся быть там первыми. Попытайтесь нас опередить.

Ответом был смех, подобный смеху Люцифера, который еще не повержен.

— Ну-ну, я благодарю тебя, брат мой. Пусть свершится то, что принесет с собой поток времени, плыть по течению которого — достаточно ужасная вещь... Я благодарю тебя за этот день.

— Ну что ж, я тоже говорю тебе спасибо, — сказал

Хейм, а сам задумался с некоторым удивлением: — А ведь спасибо означает: «спаси Бог».

— Мой капитан, — пропел Синби, — всего тебе доброго.

Радиопередатчик умолк. Молча, с погашенными огнями два корабля двинулись к месту встречи.

Глава 10

Когда-то давным-давно на Новую Европу явился человек из Нормандии и построил себе дом на морских утесах. От того места поверхность понижалась постепенно широкими уступами с золотистыми деревьями, с зарослями трав и диких цветов, волнуемых ветром, а потом вдруг резко падала вниз крутым склоном: страна гор, подпирающих плечами небо, которое звенело голосами птиц, эхом глубоких лощин, плеском воды в озерах и водопадах, а на востоке расстилалась безбрежная соленая синева, прерываемая лишь линией горизонта. В те времена материалом для строительных работ ему могла служить только местная древесина и камень; он выбрал их за красоту. Коньки на крыше дома, который он соорудил, составляли как бы единое целое с окружающим горным ландшафтом. Внутри дома были просторные комнаты, обшитые резными деревянными панелями, большие камин, а стропила были подняты так высоко, что зачастую терялись в тенях под потолком. Из широких окон открывался вид на землю, с которой дом составлял единое целое. На славу удалась постройка этому человеку — как всем, кто считает себя всего лишь маленьким звеном в цепочке поколений. Скоро из деревушки Бон-Шанс превратилась в огромный город, протянувшийся на сотню километров к югу. Колонистов больше тянуло к долинам, чем к возвышенностям. Хотя при наличии воздушного транспорта добраться до этого места не составляло никакого труда, наследники человека ушли туда, где было богатство и люди. Дом долго стоял заброшенным, диким. Но не особенно страдал от этого. Сильный и терпеливый, он ждал, и наконец пришло время, когда его терпение было вознаграждено по заслугам.

Контр-адмирал Моше Петерс, командующий бласт-кораблем «Юпитер», принадлежащим к флоту Глубокого Космоса Всемирной Земной Федерации, опустил позаимство-

ванный на время флайер на посадочную площадку и вышел наружу. Свежий ветер раскачивал ветви деревьев в близлежащем саду, в небе бежали белые облака, а между ними просвечивали лучи солнца и, падая вниз, танцевали на волнующейся поверхности моря. Он шел медленно — человек небольшого роста, с военной выправкой, в форме, с орденскими планками на груди — и часто останавливался, чтобы полюбоваться открывающимся видом или каким-нибудь цветком.

Из дома, приветствуя его, вышел Гуннар Хейм, тоже в форме. Но у него она была иной: серый китель с красным кантом вдоль брюк, с геральдическими лилиями на воротнике. Нависнув над гостем, подобно готической колонне, он приветливо улыбнулся, и маленькая рука утонула в его огромной лапище.

— Привет, Моше, рад снова видеть тебя! Сколько лет, сколько зим!

— Хелло,— ответил Петерс.

Уязвленный такой холодностью, Хейм выпустил руку гостя и озадаченно спросил:

— Э... что-нибудь не так?

— Со мной все в порядке, благодарю. Чудесный у тебя дом.

— Ну, с ним еще придется повозиться — столько лет в запустении... Но мне он тоже нравится. Хочешь, мы вначале осмотрим сад?

— Пожалуй.

Несколько мгновений Хейм стоял молча, потом вздохнул и сказал:

— Ладно, Моше. Видно, ты принял мое приглашение к обеду не ради того, чтобы просто поболтать со своим старым приятелем по Академии. Если у тебя есть какие-нибудь вопросы, может быть, лучше обсудить их сразу? Довольно скоро сюда придет еще кое-кто.

Петерс пристально взглянул на него карими глазами, тающими в себе боль, и сказал:

— Да, чем раньше мы покончим с этим, тем лучше.

Они стали прогуливаться по зеленой траве лужайки.

— Постарайся взглянуть на вещи с моей стороны,— сказал он.— Благодаря тебе Земля начала действовать. Мы нанесли алеронам решительное поражение в пограничной зоне, и теперь они просят мира. Прекрасно. Я гордился тем,

что знаю тебя. Я нажал на все кнопки, на какие только можно, чтобы добиться назначения на командование кораблем, официально посылаемым Землей с целью узнать, как идут дела на Новой Европе, какую помощь может оказать Земля в ее реконструкции, какой мемориал следует соорудить в память о погибших с обеих сторон — ибо победы достались недешево, Гуннар.

— И что, с твоими людьми недостаточно хорошо обошлись? — спросил Хейм.

— Да, вот именно.— Петерс сделал резкий жест рукой, словно срубая кому-то голову.— Все члены экипажа, получавшие краткосрочный отпуск с корабля, едва добирались до грузового катера, так щедро помли и кормили их. Но... я давал разрешение на эти отпуска с величайшей неохотой — лишь потому, что мне не хотелось делать плохую ситуацию еще хуже. В конце концов... когда мы подлетели к этой планете, опоясанной защитными установками, которые не собираются демонтировать, нашему кораблю, кораблю Всемирного флота, указали, на какое расстояние он может подойти... Как ты думаешь, какие мысли могли возникнуть у человека, не один год прослужившего в Военном флоте?

Хейм закусил губу.

— Да. Этот приказ вашему кораблю был ошибкой. Я выступил в совете против этого, но голосование решило иначе. Могу поклясться, что ни у кого и в мыслях не было нанести вам оскорбление. Просто большинство считает, что мы должны продемонстрировать свой суверенитет с самого начала. После того, как данный прецедент будет воспринят как надо, мы успокоимся.

— Но почему?

Ярость окончательно ушла, не оставив Петерсу ничего, кроме боли и изумления.

— Эта фантастическая Декларация независимости... Какие виды вооруженных сил имеются в вашем распоряжении? Ваш флот не может насчитывать больше боевых единиц, чем твой старый капер да, может быть, еще несколько трофейных кораблей. Ну, плюс еще полиция. Какую силу могут противопоставить нам полмиллиона людей?

— Уж не угрожаешь ли ты нам, Моше? — мягко спросил Хейм.

— Что? — взвизгнул Петерс и остановился, хватая ртом воздух.— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, Земля собирается завоевать нас по примеру алеронов? Вам, конечно, это удалось бы. Пришлось бы потратить немало кораблей и денег, но в конечном счете это удалось бы.

— Нет... нет... Вы что — все здесь за время оккупации превратились в шизофреников?

Хейм покачал головой.

— Напротив, мы полагаемся на добрую волю и здравый смысл Земли. Мы ожидали, что вы будете протестовать, но в то же время мы знаем, что вы не станете применять силу. Тем более теперь, когда и ваша и наша планеты совместно пролили столько крови.

— Но... послушай. Если вы хотите получить национальный статус — что ж, это касается главным образом французского правительства. Но, судя по твоим словам, получается, что вы вообще покидаете Федерацию!

— Именно так, — подтвердил Хейм. — По крайней мере, юридически. Мы надеемся установить взаимоотношения с Землей в целом и всегда будем находиться в родстве, если можно так выразиться, с Францией. Фактически Президент считает, что Франция будет только «за» и отпустит нас с миром.

— М-м... Я боюсь, что он прав, — как-то угрюмо сказал Петерс. Он снова принялся ходить, двигаясь механически. — Франция все еще весьма холодно относится к Федерации. Она не станет выходить из нее сама, но будет рада, если вы сделаете это за нее, если к тому же ее интересы не пострадают.

— Она больше не станет точить зуб на Федерацию, — предсказал Хейм.

— Да, в свое время ты вырвался на свободу с той же целью.

Хейм пожал плечами.

— В определенной мере это, несомненно, так. Конференция в Шато-Сент-Джеквес была не что иное, как одна чудовищная эмоциональная сцена, поверь мне. Плебисцит выявил подавляющее большинство в пользу независимости. Но причиной того была не только обида новоевропейцев на то, что Земля не пришла им на помощь в трудную минуту. Корни основных причин уходят в будущее.

— Де Виньи тоже пытался убедить меня в этом, — фыркнул Петерс.

— Что ж, давай теперь я попробую; только боюсь, мой язык не столь элегантен. Что такое Федерация? Нечто святое или просто орудие для достижения цели? На ваш взгляд, как раз последнее, причем служить своей цели здесь она не может.

— Гуннар, Гуннар, неужели ты напрочь забыл всю историю? Известно ли тебе, что означал бы распад Федерации?

— Войну, — кивнул Хейм. — Но Федерация пока еще не собирается умирать. Несмотря на все свои недостатки, она имеет столь неоспоримые заслуги перед Землей, что отказ от нее невозможен — по крайней мере, в ближайшем будущем. А Земля — это всего лишь одна планета. Ее можно облететь по орбите за девятнадцать минут. Нации живут в тесноте, словно сельди в бочке. Они вынуждены объединяться, чтобы не перебить друг друга. — Взгляд Хейма устремился куда-то вдаль. — Здесь у нас места побольше.

— Но...

— Вселенная слишком велика для каких бы то ни было шаблонов. Ни один человек не в состоянии постигнуть или контролировать ее, не говоря уж о правительстве. За доказательствами не надо далеко ходить. Нам пришлось пойти на обман, пришлось терзать и запугивать Федерацию, чтобы заставить ее сделать то, что — мы ясно видели это собственными глазами — было необходимо сделать. Потому что она этой необходимости не видела. Не в состоянии была увидеть. Если человек собирается освоить всю Галактику, ему необходима свобода и выбор своих собственных путей — тех, которые, как подсказывает ему его опыт, наиболее соответствуют обстоятельствам. И разве раса при этом не осознаст своего потенциала? И разве есть иной путь, кроме как пробовать все и повсюду?

Хейм хлопнул Петерса по спине.

— Я знаю. Ты опасаясь, что в будущем могут возникнуть межзвездные войны, если планеты станут суверенными. Не беспокойся. Это же абсурд. За что будут бороться цельные, независимые в экономическом отношении, изолированные миры?

— Одна межзвездная война только что закончилась, — напомнил Петерс.

— Угу. Что или кто ее вызвал? Некто, не желавший человеческой расе развиваться так, как ей хочется. Моше, вместо того, чтобы остановиться в развитии, вместо того,

чтобы превращаться в какое-то ничтожество и мелюзгу только из-за страха утратить контроль, давай выберем тактику, которая приведет к совершенно противоположным результатам. Давай выясним, сколько обществ — человеческих и нечеловеческих — могло бы обойтись без нацеленного на них полицейского ружья. Мне кажется, здесь вряд ли может быть какой-то предел.

— Ну... — Петерс покачал головой. — Может быть. Я надеюсь, что ты прав. Потому что связал нас по рукам и ногам, чтоб тебе пусто было. — Адмирал говорил без всякой злобы. Помолчав минуту, он добавил: — Должен признаться, у меня немного отлегло от сердца, когда Президент Де Виньи принес официальные извинения за то, что наш корабль держали на приличной дистанции.

— Я ведь тоже извинился от себя лично, — низким голосом сказал Хейм.

— Хорошо! — Петерс протянул руку и коротко рассмеялся. — Принято и забыто, проклятый ты старый скандинав. Хейм тоже облегченно улыбнулся.

— Отлично! — воскликнул он. — Пошли в дом и займемся подготовкой к пьянке. Боже, сколько нас ждет всевозможных историй и анекдотов!

Они вошли в гостиную и сели. Появилась служанка, сделала реверанс и встала, ожидая.

— Чем тебя угощать? — спросил Хейм. — Кос-какие деликатесы у нас здесь пока еще в дефиците, и, разумеется, не хватает автоматов, так что приходится держать большой штат прислуги. Но что касается винных запасов, то в этом французам, как всегда, нет равных.

— Пожалуй, я бы выпил бренди с содовой, — сказал Петерс.

— Я тоже. Здесь, на Новой Европе, мы и впрямь отвыкли от виски. Э... С Земли скоро придут караваны с грузами?

Петерс кивнул.

— Некоторые уже в пути. Парламент будет вне себя, когда я доложу о сделанном вами, и неизбежно возникнут разговоры об эмбарго, но ты ведь знаешь — это ни к чему не приведет. Если мы не станем начинать военных действий, чтобы удержать вас против вашей воли, будет бессмысленно враждовать с вами путем мелких досаждений.

— Что еще раз подтверждает сказанное мной. — Хейм

по-французски отдал служанке распоряжения относительно напитков.

— Пожалуйста, только не надо больше разговаривать на эту тему. Я ведь уже сказал, что принимаю это как свершившийся факт.— Петерс наклонился вперед.— Но могу я задать тебе один вопрос, Гуннар? Я понимаю причины, заставившие Новую Европу сделать то, что она сделала. Но ты лично... Ты мог бы вернуться домой, стать всемирно известным героем и миллиардером со своими трофейными богатствами. Вместо этого ты принял здешнее гражданство... нет, ради Бога, они чудесные люди, но это не твой народ!

— Темерь мой,— спокойно ответил Хейм.

Вытащив трубку, он набил ее. Его речь продолжалась словно сама по себе:

— Как это обычно и бывает, мотивы здесь самые разные. Мне необходимо было оставаться здесь до конца войны. Сражаться пришлось много, а потом кто-то должен был налаживать космическую орбиту. И... видишь ли... на Земле я был одинок. А здесь я нашел общую цель с людьми — с людьми в лучшем смысле этого слова. И в придачу — целый мир, просторный, открывающий бесконечные перспективы. В один прекрасный день, когда я почувствовал тоску по дому, на меня вдруг словно нашло озарение — а почему, собственно, я тоскую по Конни? Но ее ведь уже нет на Земле и никогда больше не будет. Тогда зачем мне туда возвращаться? Чтобы покрываться плесенью среди своих долларов? Если моя дочь захочет сюда приехать, я буду рад. Не захочет — ее дело.

Итак, теперь я — министр космоса и военного флота Новой Европы. У нас не хватает рабочих рук, опыта, оборудования, буквально всего. Можешь назвать что угодно — и почти наверняка окажется, что нам этого не хватает. Но я вижу, как мы постепенно растем, день ото дня. И в этом есть доля моего труда.

Он разжег трубку и выпустил клуб дыма.

— Я вовсе не собираюсь занимать место в правительстве дольше, чем это будет необходимо,— продолжал он.— Я хочу начать серию экспериментов с океаническими культурами, и провести исследования других планет и астероидов этой системы, и основать свой торговый флот, и... черт побери, я просто не в состоянии перечислить все свои планы.

Я не могу терять время, прежде чем снова стану лицом, не состоящим на государственной службе.

— Однако ты все же его теряешь,— заметил Петерс.

Хейм посмотрел в окно на море, солнце и небо.

— Что ж,— сказал он,— это стоит того, чтобы принести некоторую жертву. Здесь затронуто больше, чем один только этот мир. Мы закладываем основу...— он сделал паузу в поисках подходящего слова,— основу адмиралтейства. Или, иными словами, космического министерства. Которым будет управлять человек и которое будет охватывать всю Вселенную.

Вошла служанка с подносом. Хейм был рад этому — не только потому, что мог освежиться, но и потому, что это давало возможность сменить тему. Он был не из тех, кто любит поговорить на серьезные темы. Человек делал то, что должен был делать, и этого было достаточно.

Девушка наклонила голову.

— К вам еще гости, месье,— сказала она по-французски.

— Хорошо,— отозвался Хейм.— Должно быть, это Андре Вадаж с женой. Тебе они понравятся. Именно благодаря ему мы и вылезли из всей этой каши. Теперь он имеет возможность полностью ублажить свою любовь к простору, доставшуюся ему в наследство вместе с генами цыгана, на ранчо в долине реки Борде площадью десять тысяч гектаров, при этом он по-прежнему остается певцом, равных которому нет во всей Солнечной системе.

— Я буду очень рад познакомиться,— сказал Петерс, проводив вышедшую служанку оценивающим взглядом.— Ты знаешь, Гуннар,— пробормотал он,— мне кажется, я нашел весьма вескую причину, объясняющую твое решение остаться здесь. Количество красивых девушек на Новой Европе просто ошеломляющее, и все они, по-моему, смотрят на тебя как на идола.

На глаза Хейма набежало мимолетное облачко.

— Боюсь, они здесь несколько иные, чем на Земле. О, ну что ж.— Он поднял свой бокал.

— Скэл.

— Шалом.

Хейм и его гости встали, когда в гостиную вошла чета Вадаж.

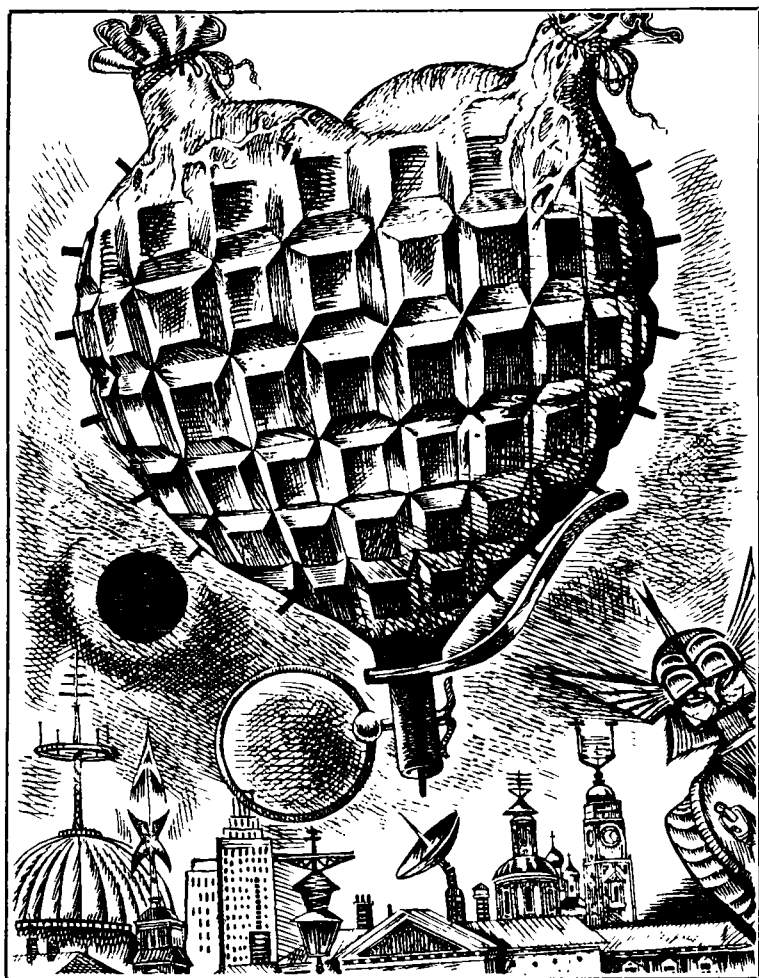
— Добрый день,— сказал Хейм, дружески пожав руку

своему другу и поцеловав руку Даниэль. Теперь он уже научился делать это только уважительно.

«Удивительно,— думал он, глядя на молодую женщину,— как быстро заживает нанесенная ею рана. Жизнь — это, к сожалению, далеко не волшебная сказка, и в ней рыцарь, победивший дракона, не всегда получает в награду принцессу. Ну и что из того? Разве нашелся бы человек, пожелавший жить в мире, менее богатом и разнообразном, чем настоящий? Ты распоряжался собой, как кораблем — с дисциплинированностью, благоразумием и мужеством, и в конце концов нашел свою гавань». К тому времени, когда он, выполняя данное ей обещание, станет крестным отцом ее первенца, тогда его чувства к ней, вероятно, ничем уже не будут отличаться от чувств дяди по отношению к своей племяннице.

— Нет,— вдруг понял он, ощутив, как сердце внезапно забилося быстрее,— это произойдет даже еще раньше. Война кончилась. Он мог послать за Лизой. И почти не сомневался, что вместе с ней или без нее к нему прилетит Джоселин.

Планета, с которой не возвращаются

«...мудрость выше силы, однако бедная человеческая мудрость презирается, ее словно не слышат. Слова мудреца громче крика того, кто правит неразумными. Мудрость сильнее оружия войны, но один грешник может уничтожить множество добрых поступков».

Экклезиаст

Глава первая

Где-то щелкали реле, что-то бормотал про себя робот. Тревожные сигналы, постепенно накаляясь, достигли высшего предела, и наконец сирена начала свой идиотский гул.

— Все отсюда!

Три техника оставили свои занятия и в поисках точки опоры уцепились за ближайшую стенку. Контрольная панель стала красным ковром. Лишенные веса тела техников поплыли через заполненный воем воздух к двери.

— Убирайтесь и вы!

Они выскользнули раньше, чем Кемаль Гуммус-Луджилъ закончил свои слова. Он плюнул им вслед, ухватился за кольцо в стене и подтянулся к панели.

— Радиация, радиация, радиация,— завывала сирена. Радиация, достаточно сильная, чтобы пробить защиту, ионизировать воздух в машинном отделении и заставить контрольные приборы сходить с ума. И действие ее усиливалось. Гуммус-Луджилъ был достаточно близок к измерительным приборам, чтобы прочесть их показания. Интенсивность излучения нарастала, но он все же мог оставаться здесь с полчаса без особой опасности для себя.

Почему они обрekli его командовать слабоумными трусами, которые так боятся гамма-лучей, что, проходя мимо конвектора, бросали на него опасливые взгляды?!

Вытянув вперед руки, он дотянулся до выключателя и щелкнул им. Где-то сработали автоматические защитные

линии, и ядерный огонь в конвекторе превратился в маленькое солнце. Теперь, черт побери, человек может справиться с ним!

Ожили другие реле. Вступили в действие замедлители, перекрывая доступ горючему. Генераторы начали создавать угнетающее поле, которое должно было остановить реакцию.

Но не остановило!..

В течение нескольких секунд Гуммус-Луджилль осознал этот факт. Вокруг сама атмосфера была полна смертельной опасности: она не видна на глаз, но легкие уже начинают светиться. Постепенно интенсивность излучения стала спадать, ядерная реакция боролась с угнетающим полем, и Кемаль мог наконец попытаться выяснить, где же неисправность. Он двинулся вдоль огромной панели к приборам автоматического обеспечения безопасности, под мышками стало мокро.

Экипаж испытывал новый усовершенствованный конвектор — ничего больше. Что-то могло случиться с той или иной его частью, но сложный комплекс блокировки, саморегулирующийся, защищенный от неосторожного обращения, способный вмешаться во всех мыслимых случаях, должен был найти и устранить неисправность.

Сирена начала реветь еще громче.

Гуммус-Луджилль почувствовал, как все его тело становится мокрым. Доступ горючего прекратился, однако реакция не остановилась. Угнетающие поля не действуют! За обшивкой пылает адский огонь. Потребуется час, чтобы он прекратился, и все, кто находится на борту корабля, к тому времени будут мертвы.

Некоторое время он висел на панели, испытывая чувство бесконечного падения — действовала невесомость, — слышавшая гул сирен и созерцавшая отвратительный красный свет. Если они оставят корабль на орбите, он будет горячим много дней, и конвектор совершенно разрушится. Он должен справиться с этим сейчас же!

За ним закрылись защитные перегородки, и вентиляционная система прекратила свое постоянное жужжание. Робомониторы корабля не позволили отравленному воздуху распространиться по всему кораблю. Они во всяком случае еще функционируют... Но о нем они позаботиться не могут: радиация продолжает проникать в его тело.

Он сжал зубы и принялся за работу. Аварийное ручное

управление все еще казалось исправным. Он проговорил в ларингофон:

— Гуммус-Луджиль — капитанскому мостику. Я собираюсь выстрелить эту проклятую штуку. Это означает, что наружный корпус будет горячим несколько часов. Есть кто-нибудь снаружи?

— Нет. — Голос контролера звучал испуганно. — Мы все стоим у люков спасательного катера. Не считаете ли вы, что нам следует покинуть корабль и оставить его гореть?

— И уничтожить механизм стоимостью в миддиард долларов? Нет, спасибо! Стойте там, где стоите, все будет в порядке.

Даже в этот момент инженер презрительно фыркнул. Он начал поворачивать главное выстреливающее колесо, прижав ноги к полу и пытаясь удержать свое тело от вращения.

Вспомогательные аварийные механизмы были механическими или гидравлическими, и теперь, когда вся электроника вышла из подчинения, следовало поблагодарить их создателей. Гуммус-Луджиль нахмурился. Открылась серия люков. Неистовство раскаленных добела газов выплеснулось наружу в пространство, во тьме блеснуло пламя, и снова ничего не было видно.

Постепенно красный свет сменился желтым, сирена приглушила свой рев. Спадавал уровень радиации в машинном отделении. Гуммус-Луджиль решил, что он не получил опасной дозы радиации, хотя доктора, вероятно, отстранят его от работы на несколько месяцев.

Через особый аварийный выход он прошел к своей каюте, сбросил одежду и отдал ее роботу. Затем в специальном помещении прошел дезактивацию. Прошло не менее получаса, пока счетчик Гейгера не сообщил, что можно появиться в обществе других людей. Робот подал ему дезактивированную одежду, и он направился на капитанский мостик.

Контролер слегка отшатнулся, увидев его.

— Да, ладно, ладно, — с сарказмом проговорил Гуммус-Луджиль. — Я знаю, что слегка радиоактивен. Выходит, мне нужно взять колокольчик, звонить в него и кричать: «Нечист!» А сейчас я хотел бы сделать вызов на Землю.

— А... о, да, да! Конечно. — Контролер подплыл к панели коммуникатора. — Так куда?

— Дирекция института Лагранжа.

— Что... Что неисправно? Вы знаете?

— Да. Это не может быть случайностью. Если бы я не оказался единственным человеком на борту среди созданий с мозгом устриц, корабль был бы покинут, а конвектор разрушен.

— Вы хотите сказать...

Гуммус-Луджилль поднял палец и одну за другой написал буквы: С, А, Б, О, Т, А, Ж — «саботаж».

— Я хочу отыскать этого ублюдка и повесить его на его же собственных кишках.

Глава вторая

Джон Лоренцен смотрел в окно отеля, когда пришел вызов. Он находился на пятьдесят восьмом этаже, и скоростной спуск вызывал в нем ощущение легкого головокружения. Не следовало строить на Земле такие высокие здания.

Под ним, над ним, вокруг него, подобно джунглям, простирался город, перебрасываясь гибкими мостиками с одной стройной башни на другую; он сверкал, горел, уходил за край горизонта. Белая, золотая, красная, синяя иллюминация не была сплошной: тут и там темные пятна обозначали парки с фонтанами огня или сверкающей воды среди ночи, но сами огни протянулись на много километров. Кито никогда не спал.

Приближалась полночь, время, когда должно стартовать множество ракет. Лоренцен хотел посмотреть на это зрелище: оно было знаменито по всей Солнечной системе. Он заплатил двойную цену за комнату, выходящую окном к стене космопорта, и испытывал некоторые угрызения совести — ведь платить по счету будет институт Лагранжа. Тем не менее он сделал это. Детство на заброшенной ферме на Аляске, долгие годы зубрежки в колледже — бедный студент, живущий на стипендию филантропического общества, затем два года в Лунной обсерватории... Он никогда не видел ничего подобного. Он не жаловался, но его жизни явно не доставало эффектных зрелищ, и теперь, собираясь углубиться в черноту космоса за пределы Солнечной системы, он хотел вначале полюбоваться полуночными огнями космопорта Кито. Возможно, другого шанса сделать это у него не будет.

Мягко загудел фон. Лоренцен вздрогнул, стыдясь своей

нервозности. Ему нечего было опасаться. Кажется, его не собираются кусать. Однако ладони его стали мокрыми.

Он нажал кнопку.

— Алло!

На экране появилось лицо. Оно было явно незнакомо ему — гладкое, полное, курносое, волосы серые, а тело кажется приземистым, крепким. Голос высокий, но не неприятный, говорит на североамериканском диалекте английского.

— Доктор Лоренцен?

— Да, кто... С кем имею честь?

В Лунаполисе все знали друг друга, поездки в Лейпорт и Гайдад-Либре были редкими. Лоренцен никак не мог привыкнуть к этому столпотворению незнакомых людей. Не мог привыкнуть и к земной гравитации, и к изменявшейся погоде, и к разреженному холодному воздуху Эквадора. Он почувствовал раздражение.

— Эвери. Эдвард Эвери. Я на правительственной службе, но одновременно состою в институте Лагранжа — нечто вроде посредника, связующего элемента между ними. Я принимаю участие в экспедиции как психолог. Надеюсь, я не поднял вас с постели?

— Нет, совсем нет. Я привык к ночной работе. Вы сейчас на Земле?

— Да, и даже в Кито.— Эвери улыбнулся.— Не можем ли мы встретиться?

— Я... ну, что ж... сейчас?

— Можно и сейчас, если вы не заняты. Может, немного выпьем и поговорим. Я же в любом случае должен с вами увидеться, пока в городе.

— Ну... хорошо, сэр.

Лоренцен встал. После медленного темпа жизни на Луне он никак не мог привыкнуть к этой земной суматохе. Он хотел бы, чтобы все следовали его, Лоренцена, темпу движения, но знал, что никогда этого не будет.

— Отлично. Благодарю вас.

Эвери дал ему адрес и отключился.

Высокий гул слышался в комнате. Ракеты! Лоренцен заторопился к окну и увидел защитную стену космопорта на фоне взлетных огней. Одна, две, три, дюжина металлических копий поднимались вверх в пламени и громе, а Луна холодным щитом повисла над городом. Да, на это стоило посмотреть.

Он заказал аэротакси и надел плащ. Через минуту появился коптер, повис над его балконом и выбросил лесенку. Он вышел, чувствуя ночную прохладу, сел в такси и набрал нужный адрес.

— Два доллара пятьдесят центов, пожалуйста.

Механический голос почему-то заставил его смутиться: он едва не извинился, просовывая десятидолларовую банкноту через прорезь. Автопилот вернул ему сдачу, и аэротакси взмыло в небо.

Оно опустилось на крышу другого отеля — очевидно, Эвери не жил постоянно в Кито. Лоренцен спустился на указанный этаж. Перед дверью он назвал себя, она открылась. В передней отдал плащ роботу и был встречен самим хозяином.

Психолог был небольшого роста, и Лоренцен глядел на него сверху вниз, когда они пожимали друг другу руки. Он подумал, что Эвери, наверное, вдвое старше его. Эвери в свою очередь рассматривал гостя: высокий, тощий молодой человек, не знающий, куда девать руки, с коротко подстриженными каштановыми волосами, серыми глазами, грубоватыми, невзрачными чертами лица, покрытого ровным лунным загаром.

— Очень рад видеть вас, доктор Лоренцен. — Эвери выглядел виновато и понизил свой голос до шепота. — К сожалению, я не могу предложить вам сейчас выпить. Здесь другой участник экспедиции, он пришел по делу... Марсианин, понимаете...

— А... — Лоренцен вовремя остановился. Он не знал, нравится ли ему иметь в качестве коллеги по экспедиции марсианина, но сейчас было уже поздно.

Они вошли в гостиную. Человек, сидевший там, не поднялся им навстречу. Он тоже был высоким и стройным, жесткость его лица подчеркивал строгий черный костюм Поучианской секты; все его лицо состояло из углов, особенно выделялись нос и подбородок; коротко остриженные черные волосы.

— Джоаб Торнтон — Джон Лоренцен, прошу садиться. — И Эвери опустился в кресло.

Торнтон сидел, выпрямившись, на краю кресла, которое принимало форму сидящего в нем.

— Доктор Торнтон — физик, радиация и оптика в университете Нового Сиона, — объяснил Эвери. — Доктор Ло-

ренцен из обсерватории в Лунаполисе. Вы оба, джентльмены, отправляетесь с нами в составе экспедиции Лагранжа. Теперь вы знакомы.— И попытался улыбнуться.

— Торнтон... Не мог ли я когда-то слышать ваше имя в связи с фотографированием в X-лучах?— спросил Лоренцен.— Мы используем ваши результаты при изучении жесткого излучения звезд. Очень ценные результаты.

— Благодарю вас,— тонкие губы марсианина изогнулись в подобии улыбки.— Но хвалить нужно не меня, а Господа. На это нечего было ответить.

— Прошу меня извинить,— он повернулся к Эвери.— Я хочу покончить с одним делом. Мне сказали, что в состав участников экспедиции включен некий инженер Роберт Янг. Я просмотрел список участников экспедиции и обнаружил, что его религия, если это можно так называть,— новое христианство.

— Гм... да.— Эвери опустил глаза.— Да, я знаю, что ваша секта в натянутых отношениях с этой религией, но...

— В натянутых отношениях!— Жилка пульсировала на шее Торнтона.— Новые христиане заставили нас эмигрировать на Марс, когда находились у власти. Это они исказили нашу религиозную доктрину, пока все реформисты не стали презираемы повсеместно. Это они вовлекли нас в войну с Венерой. («Не совсем так,— подумал Лоренцен,— частично эта война была следствием борьбы за власть, частично же ее организовали земные психократы, которые хотели заставить своих хозяев биться не на живот, а на смерть».) Это они по-прежнему клеветают на нас по всей Солнечной системе. Это их фанатики заставляют меня ходить с оружием здесь, на Земле.— Он сглотнул и сжал кулаки. Когда он снова заговорил, его голос звучал спокойно: — Я — терпимый человек. Только Господь знает истину. Вы можете привлечь в экспедицию католиков, магометан, иудеев, неверующих, себастьянцев, не знаю еще кого. Но если я приму участие в экспедиции, я выдвигаю условие. Мы должны будем вместе работать и, может быть, отдавать жизнь друг за друга. Я не смогу выполнить это по отношению к новому христианину. Если Янг участвует в экспедиции, я не участвую... Это все.

— Ну, ну...— Эвери провел рукой по волосам беспомощным жестом.— Я сожалею, что так получилось...

— Эти идиоты в правительстве, которые подбирали состав экспедиции, должны были подумать об этом с самого начала.

— Вы не считаете...

— Нет, не считаю. У вас есть два дня, в течение которых вы должны будете сообщить мне, что Янг не принимает участия, иначе я отправлю свой багаж обратно на Марс.

Торнтон встал.

— Я сожалею, что мне приходится быть столь резким,— закончил он,— но это необходимо. Поговорите обо мне с дирекцией. А сейчас я лучше пойду.— Он пожал Лоренцену руку.— Рад знакомству с вами, сэр. Надеюсь, что в следующий раз мы встретимся в более подходящих условиях. Я хотел бы обсудить с вами проблему исследования X-лучей.

Когда он вышел, Эвери шумно вздохнул.

— Как насчет выпивки? Я в ней очень нуждаюсь. Что за несчастье!

— С разумной точки зрения,— осторожно сказал Лоренцен,— он прав. Если эти двое окажутся вместе на корабле, может произойти убийство.

— Конечно.— Эвери достал микрофон из ручки кресла и сделал заказ. Затем повернулся к гостю.— Не понимаю, как могла произойти подобная ошибка. Но это меня не удивляет. Кажется, над всем проектом тяготеет какое-то проклятие. Все идет не так, как нужно. Мы уже на год отстаем от намеченного графика, и стоимость проекта превысила первоначальную вдвое.

Появился столик на колесах с двумя порциями виски с содовой и остановился перед ними. Эвери схватил стакан и жадно отпил.

— Янгу придется остаться,— сказал он.— Он всего лишь инженер, таких сколько угодно. А мы нуждаемся в физике ранга Торнтона.

— Странно,— сказал Лоренцен,— что человек с таким умом — один из лучших математиков, как вы знаете,— может быть сектантом.

— Ничего странного,— Эвери угрюмо отхлебнул виски.— Человеческий мозг — удивительная штука. Он может одновременно верить в дюжину взаимоисключающих вещей. Мало кто из людей вообще умеет мыслить. Те, кто умеет, делают это лишь поверхностным слоем мозга. Остальное — условные рефлексy и рационализация тысяч подсознательных страхов, ненависти и желаний. Мы в конце концов постигнем науку о человеке — подлинную науку, и мы в конце концов научимся учить детей. Но на это нуж-

но очень и очень много времени. Слишком много безумного в человеческой истории и во всем устройстве человеческого общества.

— Ну...— Лоренцен недовольно повернулся,— я не согласен с вами, сэр. Но... перейдем к делу. Вы хотели видеть меня.

— Только для выпивки и разговора,— сказал Эвери.— Я обязан хорошо знать членов экипажа. Но на это тоже нужно время.

— Когда я согласился участвовать в экспедиции, вы получили мои психотесты,— сказал Лоренцен и покраснел.— Разве этого недостаточно?

— Нет. Тесты — это лишь собрание отдельных черт. Я же должен знать вас как человеческое существо, Джон. Я вовсе не любопытствую. Я хотел бы, чтобы мы стали друзьями.

— Ладно,— Лоренцен сделал большой глоток.— Начи-
найте.

— Никаких вопросов. Это не обследование, всего лишь беседа.— Эвери вновь вздохнул.— Боже, как бы я хотел очутиться в космосе! Вы не представляете себе, каким неудачным было это дело с самого начала. Если бы наш друг Торнтон знал все детали, он бы определенно ршил, что божья воля не пускает людей на Троас. Возможно, он был бы прав. Иногда я поражаюсь...

— Первая экспедиция не вернулась?

— Это не была экспедиция Лагранжа. Это была особая астрономическая экспедиция, исследовавшая созвездие Геркулеса. Изучая звезды Лагранжа, они обнаружили систему Троас-Илиум и провели из космоса кое-какие наблюдения, в частности сфотографировали планету, но они не опускались на нее. Первая настоящая экспедиция Лагранжа не вернулась.

Наступило молчание. За широким окном комнаты город сверкал во тьме разноцветными огнями.

— И мы,— продолжил Лоренцен,— вторая экспедиция.

— Да. И с самого начала все шло плохо. Я расскажу вам. Вначале институт затратил три года на сбор средств. Потом последовали невероятные перемещения в администрации института. Затем началось строительство корабля — купить сразу его не удалось, и строили его по частям во многих местах. И все время были помехи и задержки... Эта деталь непригодна, эту можно улучшить. Время строительства затяги-

валось, стоимость все возрастала. Наконец — это тайна, но вы должны знать, — был случай саботажа. Главный конвектор вышел из повиновения при первом испытании. Только один человек, сохранивший хладнокровие, спас его от полного уничтожения. После этого штрафы и задержки истощили средства института, пришлось сделать еще один перерыв для сбора средств. Это было нелегко: безразличие общественного мнения к замыслу росло с каждой неудачей.

Теперь все готово. Есть, конечно, кое-какие неполадки: сегодняшняя ночная беседа — маленький образчик этого, но в целом все готово. — Эвери покачал головой. — К счастью, директор института, и капитан Гамильтон, и еще кое-кто оказались достаточно упорными. Обычные люди отступили бы еще много лет назад.

— Много лет... да, ведь со времени исчезновения первой экспедиции прошло семь лет, не так ли? — спросил Лоренцен.

— Да, и пять лет с начала подготовки этой.

— Кто... кто же оказался саботажником?

— Никто не знает. Может быть, какая-нибудь из фанатичных групп со своими собственными разрушительными мотивами. Теперь их так много развелось, вы знаете. Или, может быть... но нет, это слишком фантастично. Я готов скорее поверить, что второй экспедиции института Лагранжа просто не везет, и я хотел бы, чтобы эта полоса невезения прошла.

— А первая экспедиция? — мягко спросил Лоренцен.

— Не знаю. Да и кто знает? Это как раз один из тех вопросов, на которые мы должны ответить.

Некоторое время они сидели молча. Невысказанный обмен мыслями проходил между ними.

Похоже, что кто-то не хочет, чтобы экспедиция на Тросас состоялась. Но кто? Почему? И как?

Мы, возможно, найдем ответ, но нам хотелось бы вернуться с ними, а первая экспедиция, оснащенная не хуже, с не менее сильным экипажем, не вернулась.

Глава третья

«Межзвездные расстояния перестали быть непреодолимыми препятствиями после открытия искривленного пространства. Теперь требуется не намного больше времени,

чтобы преодолеть расстояние в 100 000 световых лет, чем для путешествия в один световой год. Естественно, после посещения ближайших звезд исследователи с Земли устремились к самым интересным объектам Галактики, хотя многие из них были очень далеко, и игнорировали миллионы более близких, но обычных звезд. За двадцать два года, прошедших после второй экспедиции к Альфа Центавра, космические корабли опускались на сотни звезд. И если надежда открыть землеподобную планету, пригодную для колонизации, постепенно ослабевала, ученые Земли были вознаграждены обильными сведениями о строении других звезд.

Первая экспедиция к созвездию Геркулеса была чисто астрономической, ее участники интересовались только астрофизикой созвездия — тесной группой из миллионов звезд с окружающим их пространством, сравнительно чистым от пыли и газа. Но, облетая двойную звезду Лагранжа, наблюдатели открыли планету и исследовали ее. Она оказалась двойной планетой, причем больший элемент системы был подобен Земле. В соответствии со своей троянской позицией он был назван Троас, а меньший компонент — Илиумом... Из-за отсутствия средств на посадку, экспедиция ограничилась наблюдением из космоса...»

Лоренцен со вздохом опустил текст. Он давно знал это. Спектрографические данные об атмосфере говорили, что на планете, вероятно, была растительность, содержащая хлорофилл. Расчеты массы и поверхностного притяжения, измерения температуры показывали и подтверждали то, что показывала карта: мир в объятиях льда, но экваториальные районы, хотя и прохладные, с климатом, насыщенным снегом и бурями, но знающим и расцвет лета. Мир, где, возможно, люди смогут ходить без скафандров, где они смогут пустить корни, построить дома. Семь миллиардов человек, битком набивших Солнечную систему, требовали нового пространства для жизни. В течение своей жизни Лоренцен был свидетелем того, как эта мечта умирала.

Можно было, конечно, это предвидеть, но никто в это не верил, пока корабли один за другим не возвращались домой, покрытые межзвездной пылью, с изуродованными бортами, с одним и тем же сообщением. В нашей Галактике были миллиарды планет, но не было ни одной, где бы человек мог пустить корни.

Земная жизнь — это тонкое равновесие химических,

физических и экономических факторов, большинство из которых возникло вследствие геологических и эволюционных случайностей, и вероятность найти мир, где человек мог бы жить в естественной среде, меньше, чем можно себе представить. Во-первых, нужно найти кислородную атмосферу, нужный уровень радиации и температуры, и тяготение, не слишком маленькое, чтобы удержать атмосферу, и не слишком большое, чтобы не раздавить человеческое тело. Одно это отсеивает большинство планет, остается не более одного процента. Во-вторых, вступают в действие биологические факторы. Нужна растительность, съедобная для людей, трава, которую могли бы есть домашние животные; а трава не может расти без огромного количества других форм жизни, большинство из которых являются микроскопическими: захватывающие кислород бактерии, сапрофиты, гнилостные бактерии,— и их нельзя просто переместить в новый мир, поскольку они, в свою очередь, зависят от других жизненных форм. Надо предоставить им аналогичный фон, на котором они смогли бы существовать. Миллионы лет эволюции воспроизводили местную жизнь, которая была либо несъедобной, либо чистым ядом для земных организмов.

Марс, Венера, спутники Юпитера были колонизированы, но это потребовало огромных расходов и происходило из-за особых целей — шахты, на которых работали преступники, бегство от двухсотлетней войны и тирании. Но система защитных куполов и резервуаров для выращивания пищи никогда не сможет прокормить много людей, как бы вы ни старались. Теперь, когда перед человечеством открылись звезды, никто не хотел жить на планете-аде. В денежных терминах — ибо всякая экспедиция требовала денег: за такие планеты не платят.

Несколько планет можно было колонизировать. Но там оказались болезни, к которым у человека не было иммунитета, а это означало, что погибнет не менее девяноста процентов всей колонии, прежде чем будут найдены нужные сыворотки и вакцины. (Умиравший экипаж «Магеллана», возвращающийся с Сириуса, успел передать свой трагический рапорт, прежде чем направить свой корабль к Солнцу.) Или на планете были туземцы со своей собственной технологией, не намного ниже нашей. Они сопротивлялись вторжению, а логика межзвездного завоевателя отвратительна. Сопоставление стоимости отправки колонистов и их устрой-

ства (жизнь, материальные ресурсы, кровь, пот и слезы) с ожидаемыми выгодами (несколько миллионов человек получат землю, со временем они смогут торговать с Солнечной системой) было неутешительным. Завоевание было теоретически возможно, но война истощила бы человечество, большая часть которого все еще страдала от голода.

Хотели: землеподобную планету, пригодную для жизни, не населенную, не имеющую болезней, достаточно богатую, чтобы содержать колонистов без помощи Земли.

Получили: ничего.

Лоренцен вспомнил и волну возбуждения, поднявшуюся вслед за возвращением экспедиции из созвездия Геркулеса. Он тогда был еще мальчиком, это было за год до того, как он отправился в политехническую школу в Рио, но он и в зимнюю аляскинскую ночь всматривался в холодное высокомерие звезд.

Позже был оснащен «Да Гама» и исчез в космических просторах. Прошло два года, и люди вздохнули от умирающей надежды.

Убиты туземцами или микробами, проглочены внезапно расступившейся поверхностью, заморожены внезапным штормом с ледяного севера? Кто знает? Кто сможет угадать? Теперь мало кто говорит о Новой Земле; не публикуются больше, как прежде, утонченные трактаты о новом старте человечества, все больше и больше людей стало обращать свои взгляды на Землю, понимая, что это — их единственный дом и единственная надежда на все времена.

«Одна ласточка не делает погоды...» Статистически неадекватная выборка... Статистически несомненно, что где-то должно быть... Но фонды на исследования сокращались на каждой сессии парламента. Все больше огромных межзвездных кораблей повисало во тьме около Земли, в то время как их капитаны разыскивали средства.

Но когда институт Лагранжа захотел приобрести на свои средства один из таких кораблей, он не смог этого сделать: всегда находились различные причины. «Сожалею, но мы хотим сохранить его: как только найдем средства, мы попытаемся осуществить свой собственный план...», «Сожалею, но корабль уже сдан напрокат: через два месяца он отправляется с ксенобиологической экспедицией на Тау Кита...», «Сожалею, но мы предполагаем занять его межпланетным

фрахтом...», «Сожалею, но...» И «Генри Хадсон» должен был быть построен с первого винтика.

Египтяне плавали до Понта и легко могли двигаться дальше; с небольшим усовершенствованием их корабли могли бы достигнуть Индии. Древние греки построили игрушечную паровую турбину, но вокруг было слишком много дешевой рабочей силы, чтобы строить турбину всерьез. Римляне печатали карты, но не переносили этого на книги. Арабы создали алгебру, но применили ее к теологии. Человечество никогда серьезно не интересовало то, в чем он по-настоящему не нуждался. Общество должно ощутить реальную потребность в чем-то, тогда это будет сделано.

Стремление к межзвездным путешествиям умирало.

Глава четвертая

Солнце осталось позади в двух миллиардах километров и превратилось в яркую звезду, когда они перешли в искривленное пространство. Машины взвыли, вырабатывая мощность, необходимую для производства омегаэффекта. Раздалось пронзительное жужжание: корабль и его экипаж поднимались по энергетическим уровням; атомы перестраивались по недираковским матрицам. Затем наступила тишина, спокойствие, на экранах была абсолютная чернота.

Это было как бесконечное падение через ничто. Корабль не ускорялся, не вращался, ибо не было ничего, относительно чего можно было заметить его движение: в искривленном пространстве корабль был иррелевантен нашей четырехмерной Вселенной. Вес вернулся, как только внутренняя оболочка корабля стала вращаться под внешней, но Лоренцен по-прежнему чувствовал себя больным: он с трудом выносил состояние невесомости. Теперь ничего не оставалось, как спокойно ждать в течение месяца или около того, пока они не доберутся до звезды Лагранжа.

Дни проходили, разделенные на часы и не отмеченные никакими изменениями. Все они теперь только ждали, зажатые в пустоте без времени и пространства. Пятьдесят человек, космонавты и ученые, разъедаемые пустотой проходящих часов и задающих себе вопрос: что ждет их на выходе из искривленного пространства?

На пятый день Лоренцен и Тауцо Хидаки направились в

главную кают-компанию. Маньчжурец был химиком-органиком: маленький, хрупкий, вежливый человек в свободном костюме, робкий и отлично знающий свое дело. Лоренцен подумал, что ведь Хидаки воздвиг между собой и остальными барьер из испытательных пробирок и анализаторов, но ему нравился азиат. Я делаю то же самое. Я иду рядом с людьми, но в глубине души я боюсь их.

— ...но почему нельзя сказать, что путешествие на Лагранж занимает месяц? Ведь мы именно столько времени провели на борту корабля? И именно столько времени пройдет для наблюдения на Лагранже или в Солнечной системе с момента нашего вхождения в искривленное пространство до момента выхода из него.

— Не совсем, — отозвался Лоренцен. — Математика утверждает, что бессмысленно сопоставлять время в обычном и искривленном пространстве. Оно не аналогично времени в классической относительности мира. В уравнениях омега-эффекта время имеет совершенно различные значения; их абсолютная величина одинакова, но содержание различно. Дело в том, что в искривленном пространстве, как бы далеко мы ни направлялись, пройдет одно и то же время, так как кривизна пространства имеет бесконечно огромный радиус. Мы фактически не используем термин «скорость» в этом мире. — Он пожал плечами. — Я не претендую на исчерпывающее понимание всей теории. Едва ли найдется десять человек, которые понимают ее.

— Это ваше первое межзвездное путешествие, Джон?

— Да, я никогда раньше не бывал дальше Луны.

— А я никогда не покидал Землю. Я знаю, что капитан Гамильтон и группа инженеров на борту единственные, у кого есть опыт межзвездных полетов. — Хидаки выглядел испуганным. — Очень много странного в этом путешествии. Я никогда не слышал о столь пестром экипаже.

— Я... Я... нет, — Лоренцен подумал, что ничего не знает об этом. Правда, на корабле уже происходили стычки, которые Эвери не особенно успешно предотвращал. — Но, думаю, институт знал, что делал. Ведь так много осталось сумасшедших мнений со времен войны и Перерыва. Политические фанатики, расистские фанатики, религиозные фанатики... — его голос стих.

— Я надеюсь, вы поддерживаете правительство Солнечной системы?

— Конечно. Мне могут не нравиться многие его действия, но оно умеет находить компромисс между многими элементами и оно демократично. Без него мы не выжили бы. Оно единственное, что удерживает нас от возвращения к анархии и тирании.

— Вы правы, — сказал Хидаки. — Война чудовищна, мой народ знает это... — В его глазах была чернота отчаяния.

Лоренцен задал себе вопрос: о чем он думает: об империи Монгку, уничтоженной Марсом, или мысли его идут еще дальше в прошлое к любимым утраченным островам Японии и к Четвертой мировой войне, которая пустила эти острова на дно океана.

Они вошли в кают-компанию и остановились, чтобы посмотреть, кто там находится. Это была большая низкая комната, ее мебель и мягкое освещение составляли контраст с безликой металлической резкостью остальных помещений корабля. Впрочем, кают-компания выглядела голой. У института не было ни времени, ни денег, чтобы украсить ее получше. «Им бы следовало найти средства, — подумал Лоренцен. — Нервы человека становятся тонкими между звездами, люди нуждаются в картинах, в камине, полном пылающих поленьев. Они нуждаются в доме».

Эвери и Гуммус-Луджиль, корабельные фанатики шахмат, нависли над доской. Мигель Фернандес, геолог-уругваец, маленький, молодой, смуглый, красивый человек, дергал струны гитары. Рядом с ним сидел Джоаб Торнтон, читая свою Библию. Нет, на этот раз это был Мильтон, и на аскетическом лице марсианина было любопытное отсутствие эмоций. Лоренцен, на досуге занимавшийся скульптурой, подумал, что у Торнтонна очень интересное лицо — из сплошных углов и морщин и что у него есть желание вылепить его портрет.

Гуммус-Луджиль поднял голову и увидел вновь вошедших. Это был темнокожий человек с широким лицом и курносым носом, в вороте расстегнутой рубашки видна была волосатая грудь.

— Хэлло! — приветливо сказал он.

— Хэлло! — ответил Лоренцен. Ему нравился турок. Гуммус-Луджиль прошел тяжелый жизненный путь. Это было заметно по нему: он был груб, догматичен и не видел пользы в литературе, но мозг его работал хорошо. Они с Лоренценом в течение нескольких совместных вахт обсуж-

дали политику, аналитическую философию и шансы команды академии выиграть первенство по метеорному поло в этом году.

— Кто выигрывает?

— Боюсь, что этот недоносок...

Эвери передвинул своего слона.

— Гарде королеве, — сказал он почти извиняющимся тоном.

— Что? А, да, да... посмотрим... — Гуммус-Луджиль нахмурился. — Кажется, это будет стоить мне коня. Ладно. — Он сделал ход.

Эвери не тронул коня, а взял ладьей пешку.

— Мат в... пять ходов, — сказал он. — Будете сопротивляться?

— Что? — Гуммус-Луджиль лихорадочно изучал доску. Пальцы Фернандеса извлекли довольно громкий аккорд.

— Видите... вот так... и так... а затем так...

— Черт побери, прекратите этот грохот! — выпалил Гуммус-Луджиль. — Как я могу при этом сосредоточиться?

Фернандес вспыхнул.

— У меня столько же прав...

Гуммус-Луджиль оскалил зубы.

— Если бы вы играли, было бы еще ничего, — насмешливо сказал он. — Но вы тянете кота за хвост, соня.

— Эй, Кемаль, полегче, — Эвери выглядел встревоженным.

Ко всеобщему удивлению Торнтон принял сторону инженера.

— Здесь должно быть место мира и спокойствия, — отрезал он. — Почему бы вам не поиграть в спальне, сеньор Фернандес?

— Там пришедшие с вахты, они спят, — ответил уругваец. Он встал, сжимая кулаки. — И если вы думаете, что можете диктовать другим...

Лоренцен отступил, чувствуя беспомощное замешательство, которое у него всегда вызывали споры. Он пытался сказать что-то, но язык, казалось, распух у него во рту.

Именно этот момент выбрал для появления Фридрих фон Остен. Он стоял у дальнего от них входа, слегка покачиваясь. Было хорошо известно, что он сумел протащить на борт ящик виски. Он не был алкоголиком, но на борту не было женщин, и не мог же он все время чистить свои любими-

мые ружья. Солдат-наемник из руин Европы, даже если он окончил Солнечную академию, хорошо проявил себя в Патруле и был назначен главным оружейником экспедиции, не имеет других интересов.

— Что происходит?— спросил он.

— Не ваше чертовое дело!— ответил Гуммус-Луджиль. Им часто приходилось работать вместе, но они не выносили друг друга. Это естественно для двух одинаково высокомерных людей.

— Тогда я делать это свой чертовое дело,— фон Остен сделал шаг вперед, расправив широкие плечи. Его желтая борода встала дыбом, широкое, покрытое рубцами лицо покраснело.— Вы опять смеетесь над Мигель?

— Я могу и сам позаботиться о себе,— довольно спокойно сказал Фернандес.— И вы и этот пуританский святоша можете не вмешиваться.

Торнтон прикусил губу.

— Я еще поговорю с вами о святошах,— сказал он, тоже вставая.

Фернандес дико смотрел на него. Все знали, что его семья с материнской стороны была вырезана во время Себастьянского восстания столетие назад. Эвери предупредил всех, чтобы об этом не упоминали.

— Джоаб,— правительственный чиновник устремился к марсианину, размахивая руками.— Полегче, джентльмены, прошу вас.

— Если бы все идиоты с разжиженными алкоголем мозгами занимались только своим делом...— начал Гуммус-Луджиль.

— Разве это не ваш чертов дело?— закричал фон Остен.— Мы есть пузамен вместе, а вас надо отдать на один день в Патруль с его дисциплина...

«Он говорит правду, но неподходящими словами и в неподходящий момент,— подумал Лоренцен.— Он совершенно прав, но от этого не становится более переносимым».

— Послушайте...— он было открыл рот, но заикание, которое всегда наступало у него в моменты возбуждения, помешало продолжить.

Гуммус-Луджиль сделал короткий шаг к нему.

— Если вы выйдете со мной на минутку, мы поговорим об этом,— сказал он.

— Джентльмены!— вопил Эвери.

— Это кто джентльмены, они?— спросил Торнтон.

— И ты тоже можешь выйти!— взревел фон Остен по-немецки, поворачиваясь к нему.

— Никто не смеет оскорблять меня!— прокричал Фернандес. Его маленькое жилистое тело приготовилось к нападению.

— Убирайся с дороги, засоня!— сказал на это Гуммус-Луджиль.

Фернандес издал звук, похожий на рыдание и прыгнул к нему. Турок удивленно отшатнулся. Когда кулак задел его щеку, он ударил тоже, и Фернандес отлетел назад.

Фон Остен взревел и бросился на Гуммус-Луджилю.

— Дайте руку,— прохрипел Эвери.— Помогите разнять их.

Он тащил за собой Торнтон. Марсианин схватил фон Остена за руку. Немец ударил его по ноге. Торнтон сжал губы, чтобы сдержать крик боли, и все пытался схватить своего противника. Гуммус-Луджиль стоял на месте, тяжело дыша.

— Что здесь происходит?

Все обернулись на этот голос. В дверях стоял капитан Гамильтон.

Это был высокий человек, крепкого телосложения, с тяжелыми чертами лица, с густыми седыми волосами над удлиненным лицом. Он был одет в голубой мундир Патрульного отряда, резервистом которого являлся. Одежда сидела на нем с математической точностью и правильностью. Его обычно тихий голос стал непривычно резким, а серые глаза, как холодным железом, пронзали всех присутствующих.

— Мне показалось, что я слышу звуки ссоры.

Все отодвинулись друг от друга, угрюмо поглядывая на него, но избегая встретиться с ним взглядом.

Он долго сидел неподвижно, глядя на них с нескрываемым презрением. Но в глубине души он спрашивал себя, насколько это выражение капитана отражает его действительное мнение о них. Гамильтон был сторонником строгой дисциплины и педантом, он прошел специальную психическую подготовку, чтобы справляться со всеми страхами и комплексами, связанными с его ролью. Но он не превратился в машину. В Канаде у него были дети и внуки, он увлекался садоводством. Он вовсе не внушал антипатии, когда...

— У вас у всех есть университетские степени.— Теперь капитан говорил совершенно спокойно.— Вы образованные

люди, ученые и технические специалисты. Мне говорили, что вы представляете вершину интеллекта Солнечной системы. Если это действительно так, то да поможет вам Бог!

Ответа не последовало.

— Я полагаю, вы знаете, что наша экспедиция опасна... — продолжал Гамильтон. — Я знаю также, что вам говорили о судьбе первой экспедиции на Троас. Она не вернулась. Мне кажется, на нас лежит определенная ответственность: мы должны действовать как сплоченный отряд, чтобы выжить и победить то, что погубило первую экспедицию. Похоже, что вы этой ответственности не ощущаете. — Он нахмурился. — По-видимому, вы, ученые, также думаете, что я — всего лишь пилот. Я — только извозчик, который должен доставить вас на Троас и привести обратно? Если вы так считаете, советую вам вновь прочесть Устав экспедиции — надеюсь, вы уместе читать. Я отвечаю за безопасность всего корабля, включая ваши жизни. Да поможет мне Бог! Это означает, что я здесь хозяин. С того момента, как вы на Земле вошли в люк и до вашего выхода из него снова на Земле, я здесь единственный хозяин.

Я не дам и плювка за того, кто забудет об этом или попытается послушаться меня. Достаточно уже того, что здесь произошла ссора, а ее не должно быть. Вы все проведете сутки в тюремном помещении — без пищи. Может, это научит вас лучшим манерам.

— Но я не... — прошептал Хидаки.

— Вот именно, — отрезал Гамильтон. — И я хочу, чтобы каждый человек на борту считал предотвращение таких конфликтов своим долгом. Если ваши жизни, жизни ваших товарищей для вас ничего не значат, может быть, вас научат ваши пустые желудки!

— Но я пытался! — закричал Эвери.

— И не сумели. Вы будете подвергнуты аресту за некомпетентность, мистер Эвери. Это ваша обязанность — устранять конфликты. А теперь — марш!

Они повиновались. Никто не сказал ни слова.

Немного позже Хидаки во тьме тюремного помещения прошептал:

— Это плохо. Что он о себе думает? Что он всемогущий Бог?

Лоренцен пожал плечами — он уже успокоился:

— Он — капитан.

— Но если он будет продолжать в том же духе, все его возненавидят.

— Я думаю, он хорошо взвешивает свои поступки. Может быть, он этого и добивается.

Позже, лежа во тьме на жесткой узкой койке, Лоренцен размышлял, почему же все идет так плохо. Эвери разговаривал со всеми, консультировался, старался, чтобы страх и ненависть одного не обернулись против остальных. Но это ему не удалось. Некомпетентность! Может, это и есть проклятие, которое тяготест над экспедицией Лагранжа?

Глава пятая

Небо было невероятным.

Двойная звезда в центре огромного скопления была двойным костром. Лагранж-один казался таким же ярким, как Солнце, хотя на самом деле был вполовину менее ярким. Его сине-желтый диск окружал сверхъестественный орел короны и зодиакального света. Когда этот свет проходил через фильтры, становились видны огромные протуберанцы. Лагранж-два — вдвое меньше Солнца по угловому диаметру, но равный ему по яркости — был насыщенного оранжево-красного цвета, как кусок раскаленного угля, виисящий в небе. Когда свет обеих звезд проникал через иллюминаторы в затемненные каюты, лица людей принимали неземную окраску, они казались изменившимися.

Звезды были такими яркими, что некоторые из них можно было увидеть и через дымку света двойной звезды Лагранжа. С противоположной, затемненной стороны корабля небо было черным бархатом, усеянным звездами — огромными, немигающими бриллиантами, горячими и горящими. Их скопление сверкало так ярко, как никогда не бывает на земном небе. Было грустно думать, что их свет, видимый сейчас на Земле, покинул эти звезды, когда люди жили еще в пещерах; свет, который сейчас исходит от них, будет виден на Земле в немыслимом будущем, когда там, возможно, не будет ни одного человека.

«Хадсон» кружил над Троасом в 4000 километрах над поверхностью планеты. Спутник Троаса — Илиум, выглядел вчетверо больше Луны, наблюдаемой с Земли; диск его мерцал от тонкой атмосферы, и резкие пятна мертвых мо-

рей испещряли его поверхность. Маленький и старый мир, там нет места для колонистов, но он будет богатым источником минералов для людей на Троассе.

Эта планета огромным шаром висела в иллюминаторе, заполняя около половины небосвода. Видна была атмосфера вокруг нее, облака и бури, день и ночь. Ледяные шапки, покрывающие треть ее поверхности, ослепительно сверкали; оксаны голубого цвета, на которых непрекращающиеся ветры поднимали миллионы увенчанных пеной волн, фокусировали свет одного из солнц в слепящие точки. Видны были острова и один большой материк, его южный и северный концы были покрыты льдом, лед простирался на запад и на восток, вокруг всей планеты. Зеленая полоса по экватору по мере приближения к полюсам темнела и становилась коричневой. На ней, как серебряные нити, вились реки и блестели озера. Высокий горный хребет — смесь яркого света и теней — проходил через весь континент.

Полдюжины людей в корабельной обсерватории висели в невесомости и молчали. Мигающий свет двух солнц отражался в металле их инструментов. Предполагалось, что они будут сопоставлять результаты своих наблюдений, но никто не хотел говорить — наблюдаемая картина внушала им благоговейный трепет.

— Ну! — произнес наконец Гамильтон. — Что вы обнаружили?

— В сущности... — Лоренцен сглотнул. Пилюли от космической болезни несколько помогли ему, но он все еще чувствовал слабость. Он мечтал о возвращении веса, о свежем воздухе. — В сущности, мы только еще раз подтвердили наблюдения астрономической экспедиции к Геркулесу. Масса планеты, расстояние до нее, атмосфера, температура — да, зелень внизу, несомненно, имеет в спектре поглощения полосу хлорофилла.

— А признаки жизни?

— О, да, но лишь немного. Видны не только растения, но и животные, довольно большие стада. Я получил хорошие фотографии. — Лоренцен покачал головой. — Однако ни следа «Да Гама». Мы наблюдаем уже в течение двух планетарных дней и, несомненно, заметили бы их посадочные шлюпки или остатки покинутого лагеря, но ничего нет.

— Может, они приземлились на Сестре, а тут попали в

беду?— Кристофер Умфандума, биолог-африканец, жестом указал на безжизненное лицо Илиума.

— Нет,— ответил Гамильтон.— Правила подобных экспедиций требуют, чтобы корабль приземлялся вначале на той планете, которая является целью экспедиции. Если по каким-либо причинам они вынуждены были покинуть планету, то оставляют условный знак, хорошо видимый из космоса. Мы, конечно, и Сестру проверим, но я убежден, что катастрофа произошла на Троасе. Сестра слишком типична, она похожа на Марс: в таком месте ничего не может случиться с хорошо подготовленными космонавтами.

— А другие планеты этой системы?— спросил Хидаки.

— Нет, их здесь вообще нет. Всего лишь небольшая группа астероидов в другой троасской позиции. Теория образования планет и условия стабильности их постоянных орбит исключают появление здесь планет. Вы, очевидно, знаете, что и Старший не имеет подлинной троасской стабильности. Планета двойной звезды вообще не может ее иметь: пропорция масс компонентов двойной звезды слишком мала для этого. Квазистабильность орбиты Старшего объясняется лишь влиянием массы Сестры. Правда, на шкале человеческой истории эта разница незаметна. Нет, здесь не может быть другой планеты.

— Но, возможно,— очень мягко возразил Эвери,— экспедиция покинула Троас в нормальном состоянии и пропала на пути домой?

Гамильтон фыркнул.

— Ничего не может случиться с кораблем в искривленном пространстве. Нет, внизу,— его глубоко посаженные глаза взглянули на планету,— внизу, на Старшем, с ними что-то произошло. Но почему нет ни следа? И «Да Гама» по-прежнему должен находиться на орбите. А на поверхности были бы видны посадочные шлюпки. Неужели они утонули в океане?

— Но почему?— спросил Эвери.— Кто мог сделать это?

— Здесь нет и следа разумной жизни, как я уже говорил,— устало сказал Лоренцен.— На таком расстоянии наши телескопы разглядели бы все: от города до соломенной хижины.

— Может, они не строят хижин,— сказал Эвери. Его лицо было задумчиво.

— Замолчите, — приказал Гамильтон. — У вас вообще нет дела здесь. Это картографическое помещение.

Хидаки вздрогнул:

— Как там внизу холодно!

— Не совсем, — сказал Фернандес. — Вокруг экватора климат подобен земному в районе, допустим, Норвегии или штата Мэн. И вы можете заметить, что деревья и трава простираются до самых болот у основания ледников. Ледниковые периоды никогда не были такими безжизненными, как считают многие: в плейстоцене Земля была полна животной жизни. Именно из-за ухудшения охоты после ледникового периода человечество вынуждено было перейти к земледелию, оседлости и стало цивилизованным. Эти ледники, несомненно, отступают: я отчетливо вижу на фотографиях морены. Когда мы приземлимся и тщательно изучим обстановку, вы будете поражены, как быстро Старший развивает свои тропические районы. Эта область на экваторе насчитывает, вероятно, несколько сотен лет. С точки зрения геологии — ничто. — Он щелкнул пальцами и улыбнулся.

— Если мы сядем... — сказал Гамильтон задумчиво. — Когда вы получите карты всей поверхности, Лоренцен?

— Гм... Через неделю, возможно. Но разве мы будем так долго ждать?

— Будем. Мне нужна общая карта плансты в масштабе один к миллиону и достаточное количество карт отдельных районов экваториальной зоны, где мы думаем приземлиться — допустим градусов по пять по обе стороны от экватора, — в масштабе один к десяти тысячам. Напечатайте по пятьдесят копий каждой карты. Начальный меридиан проведите через северный полюс: можете послать вниз робофлайер для определения полюса.

Лоренцен тяжело вздохнул. Он, конечно, будет пользоваться картографической машиной, но все равно работа предстояла невеселая.

— Я возьму шлюпку и несколько человек и отправлюсь посмотреть на Сестру поближе, — продолжал Гамильтон. — Не то, чтобы я надеялся там что-то обнаружить, но... — Внезапно он улыбнулся. — Вы можете дать названия выдающимся особенностям там, внизу, как вам понравится, но не будьте похожи на того чилийского картографа из экспедиции на Эпсилон Эридана-3! Его карты стали официальными, использовались более десяти лет, и только тогда обнару-

жилось, что на арауканском языке данные им названия звучат как непристойности.

Он похлопал астронома по плечу и выплыл из комнаты. «Неплохая шутка,— подумал Лоренцен.— Он лучший психолог, чем Эвери, хотя Эд тоже не увальсень. Просто ему не везет».

Он решил придерживаться классической номенклатуры Геркулесовой экспедиции: гора Олимп, гора Ида, большая река внизу — Скамандр, конечно, эти названия не будут окончательными. Когда придут колонисты, то это будет Старый Бэлди, Кончинжан Гуа, Новая Шева...

Если придут колонисты...

— Давайте... гм... давайте несколько определимся,— громко и неловко сказал он.— Кто из вас что-нибудь знает о картографии?

— Я,— неожиданно отозвался Эвери.— Я помогу вам, если хотите.

— Где вы научились этому?— спросил Фернандес.

— Это часть моего образования. Прикладная психодинамика включает картографирование личности, так что мы обязаны знать соотношение масштабов и некартезианские координаты. Я не хуже вас справляюсь и с картографической машиной.

Лоренцен заморгал. Потом кивнул. Он был далек от современной науки о человеческом поведении, но несколько раз заглядывал в работы по психологии: там было больше параметрических символов, чем в астрономических трудах.

Он уцепился рукой за ступеньку приставной лестницы. Эвери говорил ему, что космическая болезнь имеет психологические причины. Ему станет лучше, если он займет свой мозг работой. Он посмотрел на холодный сияющий диск планеты.

— Насколько точна ваша наука?— спросил он.— Популярные статьи дают неясное представление.

— Что ж... — Эвери почесал подбородок. Он висел в воздухе, скрестив ноги, похожий на маленького Будду.— Что ж, мы не требуем точности физических наук,— сказал он наконец.— Можно даже сказать, что мы ее никогда и не достигнем: тут нечто вроде принципа неопределенности, связанного со взаимоотношениями между наблюдателем и наблюдаемой системой. Но достигнуто все же многое.

— Например?— спросил Умфандума.— Я знаю о до-

стижениях неврологии, это моя специальность. Но вот на-счет человека, как человека, а не как биофизического механизма?

— Важность и количество знаний зависят от их применения, — сказал Эвери. — Перед Третьей мировой войной психологи использовали теорию игр в военных разработках, а позже большие компьютеры сделали возможным расчет с теоретических позиций таких сложных явлений, как бизнес; это, в свою очередь, привело к более глубокому пониманию экономики. Оказалось, что теория коммуникаций применима к поведению человека: ведь человек — это животное, управляемое символами. Эта аксиома была использована в теории. Постепенно создали математическую и параматематическую системы, каждый элемент которых соответствует наблюдаемым элементам поведения человека, его возможностям, желаниям и так далее. На основе этой теории разрабатываются теоремы. Конечно, подтверждение этих теорем по-прежнему трудное дело: не так-то просто поставить чистый эксперимент над живым человеком. Но все же наши наблюдения подтверждают эти теоремы. Появилась возможность предсказывать не только поведение отдельного лица, но и целых групп, а также больших экономических явлений — например, экономических циклов, — и предсказывать с большой точностью.

— А разве диктаторы не знали все это? — спросил Лоренцен. — У них, несомненно, были квалифицированные мастера пропаганды. Меня больше интересует современное развитие пропаганды.

— Большая часть психологии современна, — фыркнул Эвери. — Очень мало из достижений прошлого имеет научную ценность. Возьмем, к примеру, историю моей родины — Северной Америки. Пропагандисты капитала и труда, создатели рекламы работали на таком примитивном уровне, на основе такой примитивной теории, что часто производили эффект, обратный желаемому. Они были частью массового психологического аппарата, вызывавшего панику и ведшего к военному поражению. Диктаторы, сменившие их, были ослеплены своей собственной идеологией и никогда не осмеливались выйти за пределы ее догм. Самозванные освободители были заинтересованы лишь в том, чтобы самим захватить власть: не их пропаганда влекла к ним людей, а тирания диктаторов, и вскоре они стали также непопуляр-

ны. Воснные руководители времси Перерыва использовали психомилитаристический анализ, это верно, но единственно серьезная работа была проведена в Бразилии... Позднее, в теократический период, исследования в этой области продвинулись вперед из-за угрозы со стороны империи Монгку; тогда был впервые проведен политико-математический анализ. Но лишь после победы Венеры, установления временного мира на Земле и изгнания теократов из Америки, исследования в этой области двинулись вперед. Затем были окончательно сформулированы положения психодинамики и использованы для прекращения Марсо-Венерианской войны и объединения Солнечной системы, причем большая часть работы была проделана миролюбивыми профессорами, интересующимися только своей наукой; они по-прежнему выполняют большую часть новых исследований.

— Фью! — засмеялся Умфандума.

— Незавершенная наука? Я думал... — проговорил Лоренцен.

— О, да, работы все еще продолжаютс, все время. Но уже достигнуты значительные результаты. Контроль экономических циклов, например, наиболее эффективное размещение городов, стабилизация валюты, постепенное продвижение человечества от варварства к первой подлинно зрелой цивилизации, в которой каждый душевно нормален. — Что-то сверкнуло на его полном лице и в бесцветных глазах. — Это тяжелейшая работа, она займет столетия, будет множество неизбежных ошибок, помех, неудач, но тем не менее впервые в истории у нас будут не только благие намерения, но и реальные средства их осуществления.

— Надеюсь, вы правы, — пробормотал Лоренцен. Про себя он продолжил: «Вы можете избрать руководство из психократов, так же как и из инженеров; мне не нравится руководство элиты в любом виде — история человечества знала их немало. Все-таки, при всех своих недостатках, парламентарное правительство остается единственно возможным выходом. Психократы при нем должны быть лишь советниками. Но когда советники пытаются стать руководителями...»

Он вздохнул и оттолкнулся от стены.

— Идите сюда, — сказал он. — Начнем работу.

Глава шестая

Лоренцен знал, что к незнакомой планете нужно приближаться осторожно, но это знание было лишь поверхностным, впервые он принимал участие в таком контакте и испытывал легкое головокружение.

Когда карты были готовы, приземлились четыре шлюпки с экипажем в сорок человек — остальные находились на борту «Хадсона» на орбите. Фернандес на пути вниз покрылся потом: именно он выбирал посадочную площадку, и будет его вина, если корабль опустится в болото или в район землетрясений. Но ничего не произошло.

Именно в этом и заключалось беспокойство — ничего не происходило. Они приземлились в нескольких километрах от Скамандра на широкой зеленой равнине, покрытой группами деревьев, края долины скрывались в отдалении в голубой дымке. Когда прекратилась работа двигателей, наступило молчание; трава, которая загорелась при посадке, перестала гореть; люди через иллюминаторы напряженно всматривались в залитый солнечным светом мир снаружи.

Химики и биологи были очень заняты. Им нужно было проделать множество тщательных анализов — воздуха, почвы, образцов растений, доставленных роботами. Торнтон замерил радиацию и сообщил, что она безопасна. Наружу выставили клетку с макаками-резус, оставив их на неделю. В течение этой недели никто не выходил из шлюпок. Выходившие роботы при возвращении тщательно стерилизовались во входных тамбурах. Остальным членам команды делать было нечего.

Лоренцен погрузился в чтение микрокниг, но даже Шекспир, Йенсен и «Песня о людях Юпитера» казались ему скучными. Остальные бродили без цели, перебрасываясь словами друг с другом, зевали, спали и просыпались на следующий день с затуманенной головой. Открытых стычек на этой шлюпке не было, так как здесь находился Гамильтон; но капитан яростно кричал, и довольно часто, через телеэкраны на экипажи других шлюпок.

Фернандес потерял терпение. Он заявил Гамильтону:

— Неужели вы боитесь заболеть?

— Боюсь, — подтвердил капитан. — Если эволюция на этой планете близка к земной, а похоже, так оно и есть, то здесь, несомненно, найдутся один-два микроба, способных жить в наших организмах. А я хочу вернуться домой на

своих ногах. И я хочу быть уверенным, что мы не занесем с собой этих микробов через люки.

Хидаки и его группа доложили о результатах исследований растений: они очень напоминали земные, хотя росли гуще и стволы их были значительно прочнее. Некоторые из них были ядовитыми из-за большого содержания тяжелых металлов, но большинство было вполне съедобно. Человек мог бы прожить, питаясь только дикой растительностью. Конечно, требовались дальнейшие исследования, чтобы определить, какие растения следует употреблять в пищу.

Большим событием была первая проба пищи с Троаса. Вкус был неопишем. Лоренцен подумал, насколько бесценен земной язык в передаче вкусовых и обонятельных ощущений — тут был привкус имбиря, корицы, чеснока. Он улыбнулся и сказал:

— Возможно, душа Эскофье вовсе не в раю — может быть, он получил специальное разрешение летать по Галактике и проверять, что можно съесть.

Торнтон нахмурился, а Лоренцен вспыхнул, но как он может извиниться за шутку? Он ничего не сказал, но всякий раз, вспоминая этот инцидент, морщился.

Гамильтон разрешил есть эту пищу только половине людей и весь следующий день наблюдал за ними.

Снова и снова появлялись животные, большинство из них маленькие. Стремительными точками мелькали они по краю выжженного пространства в густой траве. Однажды показалось стадо четвероногих, похожих на пони: у них была чешуйчатая серо-зеленая шкура, длинные волосатые ноги и безухая голова рептилии. Умфандума бранился от нетерпения, что не может взглянуть на них.

— Если рептилии развились на этой планете, — сказал он, — то очень вероятно, что здесь вообще нет млекопитающих.

— Рептилии в ледниковый период? — скептически спросил Фернандес. — Не такие большие, мой друг.

— О, строго говоря, не рептилии, но все же ближе к этому типу, чем земные млекопитающие. Здесь есть теплые и холодные сезоны, и у них, должно быть, теплая кровь и хорошо развитое сердце. Но способ размножения у них, определенно, не плацентарный.

— Это еще одно доказательство отсутствия здесь разум-

ной жизни,— сказал Лоренцен.— Эта планета кажется открытой и ждущей людей.

— Да... ждущей.— Эвери сказал это с внезапной печалью.— Ждущей шахт, городов, дорог, ждущей, пока холмы будут выровнены и равнины наполнены людьми. Ждущей наших собак, коров, свиней, которые уничтожат бесконечное многообразие местной жизни. Ждущей пыли, шума и толчеи.

— Вы не любите человечество, Эд?— спросил Гуммус-Луджиль саркастически.— Я думал, ваша работа запрещает вам это.

— Я люблю человечество в соответствующем для него месте... на Земле,— сказал Эвери.— Ну, ладно.— Он пожал плечами и улыбнулся.— Не обращайтесь внимания.

— У нас достаточно своей работы,— сказал Гамильтон.— Не наше дело беспокоиться о последствиях.

— Многие думали так в истории,— ответил психолог.— Солдаты, инквизиторы, ученые, создавшие атомную бомбу. Ладно...— он отвернулся и вздохнул.

Лоренцен задумался. Он помнил зеленый шум аляскинских лесов, дикую красоту лунных пиков. Мало осталось в Солнечной системе мест, где человек может побыть в одиночестве. Жаль, что и Троас...

Через неделю принесли обезьян. Умфандума внимательно осмотрел их, а потом убил и вскрыл. Анализы он проводил с помощью Хидаки.

— Все в норме,— доложил он.— Я обнаружил в крови несколько типов местных бактерий, но они совершенно безвредны и не взаимодействуют с организмом; по всей вероятности, они не могут в химических условиях земного тела размножаться. У нас не будет от них даже легкой лихорадки.

Гамильтон кивнул седой головой.

— Хорошо,— сказал он наконец.— Я считаю, что можно выходить.

Он вышел первым. Последовала короткая церемония поднятия флага Солнечной системы. Лоренцен вместе с остальными стоял с обнаженной головой, ветер развеивал его волосы под чужим небом. Он думал о том, что на фоне этого ландшафта, такого пустынного, вся эта церемония была святотатством.

В течение нескольких дней все были заняты устройством лагеря, люди и роботы работали много и напряженно, почти

круглосуточно. Здесь всегда было светло: зеленый и красный свет от огромных компонентов двойного солнца, свет от огромного щита Сестры, нависавшей над ними и окруженной ярким блеском звезд. Работа замедлялась из-за частых вспышек, хотя было странно, что люди, оказавшиеся настолько изолированными от своей родины, родной планеты, могут продолжать ссориться. Но они продолжали. Сеть непрочных построек возникала вокруг стоявших рядом шлюпок; начал работать главный генератор — появилось электричество; обнаружили источник воды, одели его в трубы, поставили стерилизатор — и появилась свежая вода; кольцо детекторов, сигналов тревоги и пулеметов окружило лагерь. Были поставлены постройки, служившие спальнями, кают-компаниями, лазаретом, лабораториями и механическими мастерскими... металлические полуцилиндрические здания совершенно не соответствовали окружающей местности.

После этого Лоренцен почувствовал себя пятым колесом в телеге. Астроному больше нечего было делать. Он установил телескоп, но из-за двух солнц и яркого спутника было всегда слишком светло для эффективных наблюдений. В суматохе и спешке лагеря он начал тосковать по дому.

Однажды он вместе с несколькими членами экипажа на их единственном вертолете отправился к Скамандру, чтобы поближе познакомиться с ней и собрать образцы. Река была необычной: медленно движущаяся полоса коричневого цвета; с одного покрытого тростником берега не было видно другого. Рыбы, насекомые и растения не интересовали Лоренцена. Как дилетант в зоологии, он больше интересовался животными: парафилонами, астимаксами и тетраптериусами (так называли их зоологи). Охотиться было легко: ни одно из животных, по-видимому, раньше не встречало людей, их было легко подстрелить, когда они с любопытством приближались к лагерю. У всех оружие было на поясе, и, хотя здесь были и хищники — по ночам слышался их рев, — в общем бояться было нечего.

Высоких деревьев не было, низкие кустарники группами усеивали равнину. Они были невероятно прочны, топор тупился об их стволы и лишь плазменный резак мог уничтожить их. Биологи на основе дендрохронологии определили, что возраст кустарников равняется нескольким столетиям. Пользы для людей от них не было. Человеку придется ввозить свои саженцы, чтобы получить пригодные деревья.

Но список съедобных растений и животных рос очень быстро. Человек мог оказаться здесь голым и одиноким, и если бы он уже знал, как высекать огонь из кремня, он прожил бы вполне комфортно.

Но что же тогда произошло с людьми первой экспедиции «Да Гама»?

В их исчезновении нельзя было обвинить природу Троаса: она не была враждебной, во многих районах Земли человек был в меньшей безопасности, чем здесь. Сейчас, в теплом сезоне, дни были теплыми, а дожди — умеренно прохладными. Конечно, зимой будет здесь и снег, но при наличии огня и теплой одежды погибнуть от холода невозможно. Низкое содержание двуокиси углерода в воздухе означало некоторое изменение условий дыхания, но к этому легко было привыкнуть, оно почти не ощущалось. Освещение было странным — иногда зеленоватым, иногда красноватым, иногда смесью этих двух цветов с многочисленными оттенками и с двойными тенями, но оно не могло быть неприятным и, конечно же, не могло служить причиной сумасшествия. Здесь были ядовитые растения, у нескольких человек появилась неприятная сыпь, когда они попробовали одно из них, но даже самый тупой человек научился бы быстро избегать их. Местность была тихой и спокойной, слышен был лишь свист ветра и шелест дождя, иногда гром, иногда отдаленные крики животных и шуршание крыльев в небе, но все это было облегчением после лязга и грохота цивилизации.

Лоренсен боролся со своими инструментами, измеряя период обращения планеты и главнейших небесных тел. Остальное время он проводил, пытаясь помогать другим, разговаривал со свободными, играл в разные игры или просто сидел и читал. Это была не его вина — безделье, но все же он чувствовал себя виноватым. Может, посоветоваться с Эвери?

Прошло двенадцать тридцатишестичасовых дней Троаса. И тогда появились чужаки...

Глава седьмая

Телескоп покачивался, передвигаемый часовым механизмом. В его поле зрения внезапно попали какие-то фигуры. Сработало фотореле, и контур обратной связи направил телескоп на приближающиеся объекты. Когда они подошли

ближе, начал действовать сигнал тревоги — сирена заревела в спокойном воздухе.

Фридрих фон Остен прыгнул с койки, на которой дремал. «Либер гот!» Он схватил оружие, высвободил большой пистолет и выбежал из постройки. Другие люди высовывали головы, оторвавшись от работы, и торопились занять свои посты у огневых точек.

Фон Остен добежал до командного пункта и, балансируя на краю траншеи, поднес к глазам полсвой бинокль. Их было... да... восемь. Они неловко шли к лагерю. Они были слишком далеко, чтобы можно было разглядеть подробности, но солнце отражалось в металле.

Он взял микрофон интеркома и хрипло проговорил:

— Всем занять свои позиции. Капитан Гамильтон здесь?

— Я слушаю. Я на корме шлюпки номер один. Они похожи на... разумных... не так ли?

— Да. Похожи.

— Отлично. Оставайтесь на месте и держите их под прицелом, но стреляйте только тогда, когда я скажу. Это приказ. Что бы ни случилось, стреляйте только по моему приказу.

— Даже если они начнут стрелять в нас?

— Да.

Сирена завывала снова. Сигнальные устройства! Общая тревога!

Лоренцен бросился к отведенному для него месту. Лагерь был охвачен смятением. Слышались крики, топот ног, пыль кружилась в воздухе и оседала на стволах оружия. Вертолет взлетел в воздух, чтобы охватить происходящее с высоты птичьего полета. «Или же с высоты полета тетраптериуса», — подумал Лоренцен. — Здесь нет птиц. Это не наш мир».

Он вошел в убежище. Здесь столпилось несколько человек, неопытных в военном деле, собранных главным образом для того, чтобы не мешать. Круглое красное лицо Эвери оказалось перед ним; лучи Лагранжа-один, проходя сквозь окно, делали его нечеловеческим.

— Туземцы? — спросил он.

— Да... похоже, — Лоренцен прикусил губу. — Их с полдюжины, идут пешком. Какого дьявола мы испугались?

Из затемненного угла выплыло ледяное лицо Торнтона.

— Нам нельзя допустить неосторожности, — сказал

он,— и дать им шанс. Мы не знаем, какими силами располагают эти существа. Поэтому будьте мудры, как змеи...

— ...и кротки, как голуби,— закончил за него Эвери.— Но таковы ли мы?— Он покачал головой.— Человек все еще ребенок. И ваша реакция... детская. Страх перед неизвестным. Со всей энергией, которой мы владеем... Мы боимся. Это неправильно.

— «Да Гама» не вернулся,— сухо напомнил Торнтон.

— Не думаю... туземцы, не знающие даже городов, не могут быть ответственны за это,— сказал Эвери.

— Но кто-то ответствен,— сказал Лоренцен. Ему стало холодно.— У них может оказаться оружие, например, бактериологическое...

— Это детский страх, еще раз говорю вам,— голос Эвери дрожал.— Мы все когда-нибудь умрем. Надо встретить их открыто и...

— И поговорить с ними, так?— улыбнулся Торнтон.— Как ваш лагранжский, Эвери?

Наступило молчание. Снаружи шум голосов тоже затих, лагерь ждал.

Лоренцен взглянул на свой хронометр. Он отсчитывал минуты: одну, две, три... время ужасно замедлилось. В кабине было жарко, душно и пыльно. Он чувствовал, как пот стекает струйками по его телу.

Так прошел час. Затем послышался условный сигнал sireны: «Все в порядке... выходите... но сохраняйте осторожность...»

Лоренцен выскочил из убежища. Он оказался рядом с тем местом, где стояли чужаки.

Полукруг людей с оружием в руках ждал приближающихся чужаков. Впереди всех, выпрямившись, неподвижно стоял Гамильтон и смотрел на пришедших лишенным выражения взглядом. Они — тоже смотрели на него, и прочесть выражение на их лицах было невозможно.

Лоренцен окинул их беглым взглядом, потом принялся изучать детали. Он видел раньше фильмы о внеземных существах, но эти были не такими чуждыми, как многие из обнаруженных ранее, но все же было потрясением увидеть их непосредственно перед собой. Он впервые по-настоящему осознал, что человек не уникален, что он не является чем-то особым в бесконечном разнообразии живых существ.

Они стояли на задних конечностях — ногах, передние

казались непропорционально маленькими. Тяжелый, как у кенгуру, хвост уравнивал тело и, вероятно, служил мощным оружием ближнего боя. Руки были тонкими, гуманоидными, на руках — по четыре пальца, один из них противопоставлен остальным, каждый палец имел четыре сустава и заканчивался острым синим ногтем, или когтем. Головы круглые, уши кисточкой, плоские черные носы, заостренные подбородки, усы над широкими ртами и черными губами и длинные золотистые глаза. Они казались млекопитающими — тело их было покрыто ровной серой шерстью, приобретающей более темный цвет и как бы образующей маску вокруг глаз. Пол, вероятно, мужской, хотя Лоренцен не был в этом уверен: они были одеты одинаково. На них были свободные блузы и мешковатые брюки, по-видимому, сотканные из растительного волокна. На ногах — нечто вроде мокасин. На всех — кожаные пояса, поддерживающие разнообразные сумки, нож или топор и что-то похожее на рог с порохом; на спинах — небольшие ранцы, в руках предметы с круглыми стволами — похожие на гладкоствольные ружья, заряжающиеся с дула.

В первый момент все они были похожи друг на друга, затем Лоренцен стал находить индивидуальные особенности и обнаружил, что они различны, как и люди.

Один из них заговорил — какое-то гортанное мяуканье, при этом можно было разглядеть длинные синие собачьи зубы, но, как и у человека, они не были специализированы для одного вида пищи.

Гамильтон обернулся.

— Они не похожи на военный отряд, — сказал он. Его голос и низкое гудение ветра были единственными звуками, нарушавшими тишину. — Эвери, вы лингвист. Можете понять что-нибудь в их речи?

— Нет... еще... — Лицо у психолога было покрыто потом, голос дрожал. Лоренцен удивился, почему он так возбужден. — Они произносят отдельные слова.

— Черт возьми, — сказал Гуммус-Луджиль. — Я даже этого не слышу. Для меня все звучит одинаково.

Заговорил другой чужак. Напрягаясь, Лоренцен уловил паузы между фонетическими группами. Он изучал в колледже курс сравнительной лингвистики, но сейчас мало что помнил из него.

— Они действуют, как... не знаю как, — сказал Гамиль-

тон.— Но ясно, что мы для них не великие боги, спустившиеся с неба.

— Этого нельзя было и ожидать.— Эвери покачал головой.— Если они достигли такого уровня развития, что владеют ручным пороховым оружием, их общество должно быть достаточно сложно устроено. Их мушкеты лучше, чем те, что были у европейцев во времена Ньютона.

— Но откуда они взялись?— воскликнул Фернандес.— Здесь нет городов, нет дорог, нет даже деревень. Я сомневаюсь, есть ли на всей планете хотя бы один дом.

Гамильтон пожал плечами.

— Я надеюсь выяснить это.— Голос его стал резким.— Эвери, вы изучаете их язык. Фон Остен возглавляет охрану лагеря; распределите своих людей так, чтобы за каждым из этих созданий наблюдал один из наших. Но никаких грубых действий, пока они не сделают что-нибудь явно подозрительно. Не удерживайте их, если они захотят уйти. Остальные занимаются своими делами, но сохраняют готовность. Никто не выходит за пределы лагеря, не предупредив меня.

«Это разумно, думаю,— подумал про себя капитан.— Незнакомцы не выглядят враждебными, но кто может быть уверен...»

Толпа медленно разбредалась. Чужаки послушно следовали за Эвери. Лоренцен услышал, как Фернандес проворчал:

— И все-таки туземцы! И достаточно высокоразвитые.

— Да.— Это голос Гуммус-Луджиля.— Похоже, что из колонизации ничего не выйдет. И это будет смертельным ударом по стремлению людей к звездам.

Лоренцен заторопился вслед за Эвери.

— Могут ли я помочь вам, Эд?— просил он.— Вы знаете, я свободен.

— Вы не лингвист, Джон,— ответил психолог.— Боюсь, что вы мне только мешаете.

Несмотря на довольно прямой отказ, Лоренцен настаивал:

— Вы нуждаетесь в помощи. Кто-то должен делать записи и...

Эвери задумался.

— Ладно,— сказал он наконец.— Надо начинать.

Глава восьмая

Чужакам отвели одну из спален, и они с готовностью согласились. Людей оттуда разместили по другим спальням. Туземцам показали лагерь и шлюпки, но невозможно было понять, что они думают об этом. Люди заместили, что, когда туземцы спали, один из них всегда караулил. Они не смешивались с людьми и использовали свою посуду для приготовления пищи. Они уже несколько раз находили время для напряженной работы с Эвери и Лоренцем.

По-видимому, они называли себя рорванами — так примерно человеческое горло произносило это слово. У них были и индивидуальные имена: Силиш, Янвусарран, Аласву... Указывая на предметы и демонстрируя действия, люди начали составлять элементарный словарь и перечень фонем: это был гибкий язык, в нем было свыше пятидесяти фонем. Большую роль в нем играла интонация, но по своим записям и наблюдениям Эвери решил, что этот язык не аналогичен китайскому.

— Я уверен, что слова в нем изменяются, — заявил он, — но не могу уловить сути их грамматики. Возможно, разная интонация связана с изменением слов... — он грустно вздохнул.

— Но почему бы не научить их английскому или испанскому? — спросил Лоренц.

— Не хочу занимать их такой трудной работой. Возможно, это группа странников, и она случайно наткнулась на нас. В любой момент они могут уйти. Не забудьте, они могут быть кем угодно: от официальных послов до бродяг или бандитов или кем-нибудь еще, чему в земном языке нет названия. Мы ничего не знаем ни о структуре их общества, ни о них лично. — Он провел рукой по своим редким волосам. Потом взглянул на записи. — Черт возьми, для меня их язык по-прежнему не имеет смысла.

— Разрешите мне посмотреть ваши записи, — попросил Лоренц. — Я немного разбираюсь в лингвистическом анализе.

— Не сейчас, Джон. Я хочу еще перепечатать их. Я готовлю для вас копию.

На следующий день Лоренца попросили отправиться на вертолете с экспедицией для сбора образцов. У него не было повода для отказа, поэтому изучение языка пришлось

отложить. Когда он вернулся, Эвери с кривой усмешкой протянул ему пачку листов.

— Держите,— сказал он.— Вчера, когда вас не было в лагере, я добыл еще немного информации, но она привела меня к еще большему затруднению. Большая часть ее противоречит тому, что, как мне казалось, я знаю.

Лоренцен провел над копией записей много часов и в конце концов вынужден был признать свое поражение. Названия для большинства самых важных предметов варьировались без каких-либо видимых причин. Например, Сестре соответствовали слова: Орту и Оманий, Валакеш, Арбву-Джангиз, Зелуй и свистящий шум, неизвестный ни в одном земном языке. К тому же казалось, что в других предложениях все эти слова приобретают совсем другое значение. Это не были синонимы. Каким-то неясным образом слово зависело от всего контекста. К тому же в разговоре не удавалось идентифицировать отдельные предложения.

Лоренцен с разочарованием должен был отказаться от дальнейших поисков. Эвери упрямо продолжал работать, засиживаясь допоздна, чтобы обдумать полученные за день материалы. И он единственный, кто не считал эту работу напрасной.

— Какого дьявола мы сидим здесь?— спрашивал Гуммус-Луджиль.— Тут есть туземцы. Они настолько цивилизованы, что колонизация невозможна. Почему бы нам не отправиться домой, не выпить как следует и забыть об этом грязном месте?

— Нам, видимо, следует завершить исследования,— мягко сказал Лоренцен.

Гуммус-Луджиль вытащил большую старую трубку и принялся раскуривать ее. Его тонкие черты исказила насмешка.

— Исследуйте мой зад! Вы знаете так же хорошо, как и я, что это практическая экспедиция. Нам лучше потратить время на поиски другой подходящей планеты.

Лоренцен вздохнул.

— Не знаю, найдем ли мы ее. Финансировать эту экспедицию было весьма трудно. У парламента всегда найдется достаточно дел, на которые стоит потратить общественные фонды, не предаваясь несбыточным мечтам. Придется рассчитывать только на пожертвования тех, кто хотел бы улететь с Земли на другую планету.

— А вы хотели бы?— спросил турок.

— О... да. Вероятно, да. Но я никогда и не думал покидать Солнечную систему навсегда.— С внезапным озарением он спросил: — А для вас это много значит, Кемаль?

Инженер кивнул.

— Да, я уже в том возрасте, когда хочется оседлой жизни, хочется создать семью. Но что может человек делать в Системе? Работать на кого-нибудь другого всю жизнь? Я хочу сам себе быть хозяином. Я думал... К черту!— Он замолчал и пустым взглядом уставился на равнину.

— Остается еще надежда,— сказал Лоренцен.— Возможно, эти туземцы живут под землей или где-нибудь еще. Может быть, они не станут возражать, если мы колонизируем поверхность. В этом случае они даже выиграют — торгуют и тому подобное.

— Возможно,— огонек сверкнул в глазах Гуммус-Луджиля. Но затем они вновь погасли.— Но что-то произошло с первой экспедицией. Я подозреваю, что туземцы убили их и уничтожили следы...

— Сомневаюсь,— сказал Лоренцен, хотя в глубине души ощутил поднимающийся страх.— Как они могли добраться до корабля на орбите? Как мог персонал быть настолько неосторожным, чтобы допустить это? Нет, я по-прежнему думаю, что с ними что-то случилось в космосе. Случайный метеор или...

— Подобные вещи больше не случаются с кораблями.

— Могут случиться, если произойдет несколько невероятных совпадений. Или... послушайте, вы говорили, что была попытка саботажа на «Хадсоне»?

— Да. Подождите, вы имеете в виду...

— Я ничего не имею в виду, Кемаль. Но дома есть группы настроенных против самой идеи колонизации. Секта ресурреакционистов считает, что это не соответствует воле Господа. Все фанатики, все эти монархисты, коллегалисты, евангелисты понимают, что их крайне незначительные шансы захватить власть совсем исчезнут, если люди двинутся из Системы. Там есть группа Хилтона с его псевдонаучными идеями о внеземных болезнях, вторжениях и мутациях колонистов во что-то отличное от людей и враждебное им, вы понимаете?

— Бомба, спрятанная в «Да Гаме»?— Гуммус-Луджилль потер подбородок.— Это было бы не слишком трудно сделать: их корабль не строился с самого начала, как наш... И конечно

трудно себе представить, как можно было проникнуть к нашему конвектору... Все наши рабочие были тщательно проверены правительством... Но могло быть, могло быть...

— В этом случае...— В Лоренцене нарастало возбуждение.— В этом случае нам нечего бояться.

— Зато этим ублюдкам нужно бояться меня!— Рука турка потянулась к ружью.

Прошел еще один день. Встало сине-зеленое солнце, рассеялся туман, выпала роса, с металлическим блеском упав на травы. А через шесть часов встало красное солнце и начался день. Плыли тонкие красные и зеленые облака. Двойные тени повторяли их цвета. Растительность мерцала множеством оттенков, когда ее шевелил ветер. Первый солнечный закат был не столь эффектен, так как Лагранж-два был все еще высоко в небе, но конец дня был жутким. Парадоксально: становилось прохладно, даже холодно, когда светило только меньшее солнце, но его красный диск казался устьем огромной печи. Второй солнечный закат был, как обычно, великолепным взрывом малинового, оранжевого и красного. Затем наступила ночь со сверкающим великолепием звезд. Взошла Сестра. Один край ее диска был красным, а другой — синезеленым, центр был затемнен и освещался лишь отраженным светом Троаса. На горизонте Сестра казалась невероятно огромной, заполняющей полнеба; взойдя, она по-прежнему оставалась такой же огромной, поэтому человек, привыкший к Луне, не мог избавиться от ощущения, что она падает на него. Ее свет был похож на серебряное сверкание инея. Ночь была длинной, тихой и чуждой человеку.

Ночь захватила Лоренцена. Он бродил в холодной тишине, думая о чем-то, и чувствовал, как изменяются небо и земля вокруг него. Возможно, в конце концов ему захочется вернуться сюда. Новая планета будет широко открыта для любого человека, и он сможет создать свою собственную обсерваторию на космической станции, постарается проверить свои собственные идеи, глядя на свою землю и понимая, что она принадлежит ему и его детям.

«А туземцы?»— подумал он и настроение снова ухудшилось.

Прошел еще один день, и еще один.

Лоренцен сидел за столом с книгой в руках, когда услышал, что его зовут. Он поднял голову: лагерный громкоговоритель голосом Гамильтона произнес:

— ...явиться в помещение капитана.

Лоренцен встал, недоумевая, и отправился в штаб.

Гамильтон сидел за столом в одном из строений. Рядом с ним стоял Эвери, он выглядел взволнованным. Торнтон, Фернандес, Гуммус-Луджиль и фон Остен тоже были здесь. Все ждали.

— Все здесь, — спокойно сказал капитан. — Докладывайте, мистер Эвери.

Психолог прочистил горло.

— Я немного продвинулся вперед в рорванском языке, — сказал он. Он говорил так тихо, что трудно было слышать слова. — Не очень много: я по-прежнему не представляю себе их грамматику, а также не могу выделить элементарные языковые единицы. Но мы уже можем говорить о простых вещах. Сегодня они сказали, что хотят уйти домой. Я не совсем уверен в причине этого, но думаю, что они хотят рассказать о своих открытиях.

— Они уйдут все? — спросил Торнтон.

— Да. Я предложил отвезти их по воздуху, но они отказались. Почему — не знаю. Я уверен, что они поняли меня. Я им показал на вертолет и объяснил жестами. Но, возможно, они не доверяют нам. Они настаивают на том, чтобы идти пешком.

— Где их дом? — спросил Лоренцен.

— Где-то на западе, в горах. Это все, что я смог выяснить. На расстоянии четырех недель пути.

— Ну? — спросил фон Остен. — Что же нам делать?

— Рорванцы очень не хотели, чтобы мы следили за ними с воздуха, — медленно сказал Эвери. — Не знаю, почему, но возможно, какое-то табу. Вероятнее всего, они боятся, что мы будем бросать им на головы бомбы. Вспомните, что они также плохо знают нас, как и мы их. Если мы попытаемся следить за ними, я думаю, что они спрячутся в горах, и мы никогда не сумеем восстановить с ними контакт. Однако, — он наклонился вперед, — мне кажется, что у них нет возражений, если мы будем сопровождать их пешком.

— Сопровождать прямо в ловушку? — фон Остен покачал головой так, что его светлые волосы взлетели в воздух.

— Не кажитесь большим ослом, чем вы есть, — сказал Гуммус-Луджиль. — Они не могут не понять, что оставшаяся часть отомстит им.

— Неужели? — фон Остен вспыхнул и ударил себя в

грудь для убедительности.— Но как остальная часть отряда узнает об этом, узнает, где мы?

— По радио, конечно,— нетерпеливо сказал Гамильтон.— Вы возьмете с собой портативную рацию...

— Но если туземцы узнают, что у нас есть радио?

— Хорошее соображение,— согласился капитан.— Похоже, что они никогда не слышали об этом явлении. И мне кажется, что им никто не говорил об этом...

Он постучал пальцами по столу и продолжал:

— Мистер Эвери хочет отправиться с ними, и я согласен, что мы должны послать несколько человек. Возможно, что наш единственный шанс установить контакт с местным населением или правительством, чем бы оно ни было. Надо ближе познакомиться и с их технологией и со всем остальным. Они, возможно, не будут возражать против колонизации. Мы этого не знаем, и наша обязанность — узнать.

Вы, джентльмены, сейчас в лагере не нужны, ваша основная работа выполнена, и поэтому логически вы и должны составить отряд контакта. Вы будете поддерживать с лагерем постоянную радиосвязь, и, конечно, на всем пути производить наблюдения. Не хочу скрывать от вас возможных опасных ситуаций. Вас могут подстерегать болезни, ядовитые существа или что-нибудь еще. Но в целом, я думаю, особых опасностей не будет. Дело это чисто добровольное и никакого позора не будет, если кто-нибудь откажется. Итак, все согласны отправиться в путь?

Лоренцен не был уверен, что он этого хочет. Он вынужден был признаться себе, что слегка боится и, пожалуй, хотел бы остаться в лагере. Но, черт возьми, все остальные согласились.

— Конечно,— сказал и он.

Позднее ему пришло в голову, что и все остальные боялись оказаться единственным испугавшимся. Забавное существо — человек.

Глава девятая

Первые три-четыре дня были мучительными для них. Затем они привыкли и стали ежедневно проходить по сорок километров без особого напряжения. Путешествие было однообразным: до самого горизонта расстилались прерии. Дождь их не останавливал. Люди двигались в водонепрони-

цаемых костюмах, а рорванцы, казалось, и не замечали его. Встречалось множество широких рек, но все они были мелкими, их можно было перейти вброд, к тому же они давали возможность пополнить дорожные фляги. Туземцы из длинноствольных ружей на расстоянии в один-два километра убивали достаточно дичи, а в те дни, когда не попадались животные, вокруг было много диких растений, стебли, листья и корни которых были вполне съедобны. Гуммус-Луджилъ, несший рацию, ежевечерне связывался с лагерем (передача шла на Морзе, чтобы туземцы не поняли, что такое радио). Гамильтон установил треугольником три радиостанции, которые пеленговали их передачи, и таким образом всегда знал, где находится отряд. Его собственные сообщения не содержали ничего особенного, только дальнейшие уточнения того, что они уже знали.

Рорванцы для определения направления пути использовали компасы и карты, конечно, отличавшиеся от земных, но понять их было можно. Карты были начертаны от руки, хотя это не означало, что туземцы не знают печати; линии на карте были тонкими, как будто проведенные китайской тушью. Они были исполнены в Меркаторовой проекции с характерной решеткой линий, а начальный меридиан проходил через южный магнитный полюс. Похоже, что туземцы знали истинную форму своей планеты.

Лоренцен постепенно научился различать характерные особенности каждого из туземцев. Аласву говорил быстро, был порывист и разговорчив; Силиш — медлителен и тяжеловесен; Янвусарран имел вспыльчивый характер; Джугау казался наиболее интеллигентным, он проводил много часов с Эвери. Лоренцен старался принимать участие в уроках языка, но без особого успеха; они уже вышли за пределы элементарных сведений, хотя Эвери утверждал, что он по-прежнему говорит с трудом.

— Вы должны научить меня тому, что сами знаете, Эд, — просил астроном. — Представьте себе, что с вами что-нибудь случилось... Что будем делать мы все?

— Вы передадите сигнал, прилетит вертолет и заберет вас, — ответил Эвери.

— Но, черт возьми, мне интересно!

— Ладно, ладно. Я составлю для вас словарь, но убежден — вам это не очень нужно.

Действительно, не очень. Что с того, что он знает, как

назвать траву, дерево, звезду, ходить, бегать, стрелять. Что делать дальше с этими словами? Эвери просиживал вечера у костра, часами разговаривая с Джугау. Красно-коричневый свет озарял его лицо и отражался в нечеловеческих глазах туземца, их голоса поднимались и опускались в мяуканьи, громыхании и свисте, их руки двигались, жестикулируя, — и все это не имело для Лоренцена никакого смысла.

Фернандес взял с собой свою гитару и по вечерам наигрывал на ней. Аласву изготовил небольшую четырехструнную арфу с резонирующими стенками, производившими дрожащий звук, и присоединился к Фернандесу. Вместе они производили комичное впечатление: Аласву, наигрывающий «кукарачу», и Фернандес, пытающийся подражать рорванским мелодиям. У Гуммус-Луджиля были с собой шахматы, через некоторое время Силиш уловил суть игры, и они стали устраивать матчи. Это было мирное дружеское путешествие.

Но Лоренцена угнетала бесцельность их действий. Иногда ему хотелось никогда больше не оказываться на борту «Хадсона», хотелось вернуться назад, на Луну, чтобы заниматься своими инструментами и фотографическими пластинами. Конечно, они открыли новую расу, новую цивилизацию, но какое дело до всего этого человеку? Они не спасутся, улетев к звездам.

— Нам не нужны ксенографические наблюдения, — говорил он Торнтону. — Нам нужна планета.

Марсианин поднял бровь.

— Вы действительно думали, что эмиграция может разрешить проблему народонаселения? — спросил он. — Таким путем нельзя переселить больше нескольких миллионов человек. Допустим сто миллионов за пятьдесят лет, если организовать челночные перевозки, и не забудьте, на все это потребуются много денег. Новые рождения быстро заполняют вакуум.

— Я знаю, — сказал Лоренцен. — Я слышал об этом раньше. Я имею в виду другое — кое-что психологическое. Простое знание, что здесь передний край, что тут человек, прижавшись спиной к стене, может начать свой путь сначала, что любой человек из народа будет сам себе хозяин, — в этом огромное отличие от тяжелого социального угнетения, оно изменяет полностью взаимоотношения людей.

— Я удивлен. Не забудьте, что самые жестокие человеческие войны в истории последовали после открытия Америки и вторично — после заселения планет Солнечной системы.

— Но теперь будет не так. Человечество, уверен, устало от войн. Оно нуждается в чем-то новом, более значительном.

— Оно нуждается в Боге, — сказал Торнтон с пуританской страстью. — Последние два столетия показали, как Бог наказывает забывших его людей. Они не спасутся, улетев к звездам.

Лоренцен покраснел.

— Не понимаю, почему вы всегда смущаетесь, когда я говорю о религии? — сказал Торнтон. — Я бы хотел обсудить этот вопрос на разумной основе, как остальные предметы.

— Мы никогда не придем к согласию, — ответил Лоренцен. — Напрасная трата времени.

— Вы хотите сказать, что не будете слушать. Что ж, — Торнтон пожал плечами, — я не очень верю в эту колонизацию, но любопытно было бы посмотреть, что из этого выйдет.

— Я думаю... я думаю, что бы ни случилось, ваш марсианский дом будет избавлен от последствий этого, — проговорил Лоренцен.

— Нет. Не обязательно. Господь может наказать и нас. Но мы выживем. Мы — живучий народ.

Лоренцен вынужден был признать его правоту. Соглашались вы с сектантами или нет, невозможно отрицать, что они боролись за свою мечту, как герои. Они колонизировали огромную бесплодную изношенную планету и заставили ее расцвести; их поющие псалмы батальоны сокрушили империю Монгу и победили Венеру. Верующие, как бы их ни называли: христиане, смонисты, мусульмане или представители любой другой веры, — потрясавшие историю, обладали особым ценным качеством. Но разумный человек не мог понять их веры. Если он понимал ее, он уже переставал быть разумным.

Он посмотрел на мешковатые фигуры рорванцев. Какие мечты скрываются в этих нечеловеческих черепах? Смогли бы они раболепствовать и убивать, обманывать и убивать?

Спасая свою планету?

Глава десятая

Мигель Фернандес родился в Латинской Америке, в области, известной под названием Уругвай. Семья его была древней и богатой, и он был одним из тех немногих, кто никогда не голодал. У него были книги, музыка, театры,

лодки, лошади; он играл в поло за свой континент в мировых первенствах и переплыл на яхте Атлантику. Он же проделал большую стратиграфическую работу на Луне и Венере, смеялся со множеством друзей, любил множество женщин и ушел к звездам с песней.

Он умер на Троасе.

Это произошло с жестокой быстротой. Через две недели открытые прерии кончились, начался медленный подъем к тусклым голубым очертаниям гор, возвышавшихся на горизонте. Это была земля высоких голубых трав, больших групп деревьев, холодных рек с быстрым течением. Здесь всегда дул ветер, а в небе было видно множество летающих животных. Продвижение вперед замедлилось, так как рорванцы кружили, отыскивая пологие склоны, но, тем не менее, в день проходили около тридцати километров. Эвери сказал, что спрашивал, сколько им еще придется идти, но не понял ответа.

Отряд растянулся цепочкой среди разбросанных валунов. Вокруг все было полно жизни: тетраптериусы размахивали всеми четырьмя крыльями, маленькие зверьки убегали в испуге, останавливались и смотрели на путешественников немигающими глазами стада рогатых рептилий. Лоренцен шел впереди рядом с Аласву, пытаясь пополнить свой рорванский словарь. Он указывал на разные предметы, прося назвать их. И вдруг увидел маленькое разноцветное животное на склоне, что-то вроде большой ящерицы, и указал на него.

— Воланзу, — сказал рорванец. Благодаря практике, Лоренцен научился различать отдельные фразы; раньше все они для него звучали одинаково.

— Нет, — астроному казалось странным, что Эвери все еще не знал слов «да» и «нет». Может быть, язык рорванцев не содержал этих понятий. Однако «нет» он сказал по-английски. — Я знаю это слово, оно обозначает камень. А я имею в виду эту ящерицу. — Он подошел ближе к животному и указал на него вновь. Двойное солнце ярко отражалось в его переливчатой чешуе.

Аласву колебался.

— Шинарран, — сказал он наконец, взглядевшись получше. Лоренцен занес это слово в блокнот и пошел дальше.

Через минуту он услышал крик Фернандеса.

Он обернулся. Геолог упал, ящерица вцепилась ему в ногу.

— Что за черт!

Он побежал обратно, вскарабкался на скалу и успел увидеть, как Торнтон схватил ящерицу за шею, бросил на землю и раздавил ее голову сапогом.

Все столпились вокруг Фернандеса. Он смотрел на них полными боли глазами.

— Холодно, — произнес он по-испански.

Торнтон разрезал штанину, и они увидели след укуса и пурпурный цвет вокруг него.

— Яд! Быстрее аптечку первой помощи! — выкрикнул марсианин.

— Вот. — Эвери мягко отстранил Торнтон и склонился над Фернандесом. Как психолог, он был знаком с медициной. Его нож сверкнул, разрезая кожу.

Фернандес дышал с трудом.

— Я не могу дышать... Божья мать... Я не могу дышать...

Эвери хотел прижаться ртом к ране, но затем выпрямился.

— Нет смысла высасывать, уже добралось до груди. — Голос его был тусклым.

Рорванцы беспомощно толпились вокруг, глядя так, как будто хотели что-нибудь сделать, но не знали что. Глаза Фернандеса закатились, он перестал дышать.

— Парализовало органы дыхания... Искусственное дыхание... — Гуммус-Луджилль взял руки уругвайца в свои огромные лапы.

— Нет. — Эвери пощупал пульс. — Бесполезно. Сердце остановилось.

Лоренцен стоял очень тихо. Он никогда раньше не видел умирающих. В этой картине не было ничего величественного. Фернандес лежал, нелепо свернувшись, лицо его посинело, маленькая струйка слюны все еще стекала у него из рта. Ветер прорвался между людьми и взъерошил ему волосы. Смерть — непривлекательное зрелище.

— Вызываю лагерь. — Гуммус-Луджилль схватился за рацию. — Ради бога, вызываю лагерь. У них есть средства оживления.

— Не для этого яда, — сказал Эвери. — Он пахнет, как синильная кислота. А скорость действия! Он у него во всей крови.

Они долго стояли молча.

Гуммус-Луджилъ вызвал Гамильтона и доложил о случившемся. Капитан застонал.

— Бедный маленький дьявол! Нет, бесполезно везти его в лагерь.

Ответ капитана пришел в виде точек и тире. Рорванцы смотрели, выражение их лиц было непонятно. Может, они считали это каким-то ритуалом — люди разговаривают со своим богом.

— Спросите его, что нам делать,— сказал Эвери.— Скажите, что рорванцы собираются продолжать путь, и я хочу идти вместе с ними.

Пришел ответ:

— Похороните геолога и поставьте опознавательный знак. Не думаю, чтобы в этих обстоятельствах следовало считаться с его религией. Кто-нибудь из вас хочет вернуться в лагерь? Вертолет готов... Нет? Тогда идите дальше и ради любви всех людей будьте осторожнее.

Потребовалось немало времени, чтобы выкопать могилу теми инструментами, которые были у них с собой. Рорванцы помогали, а потом нанесли груды обломков, чтобы обозначить могильный холм. Эвери взглянул на Торнтон.

— Не скажите ли вы несколько слов?— очень мягко спросил он.

— Если хотите,— ответил марсианин.— Он был не моей веры, вы знаете, а здесь нет никого с его религией. Поэтому я просто скажу, что он был хорошим человеком.

Было ли это лицемерием, размышлял Лоренцен. Торнтон, для которого Фернандес был папистом; проклинавший его за шумливость Гуммус-Луджилъ; фон Остен, называвший его собакой; Эвери, для которого Фернандес был лишним поводом для беспокойства; он сам, никогда не сближавшийся с этим человеком; даже рорванцы — они все стояли вокруг могилы. Они больше ничего не могли сделать для мертвого под этими скалами; хотели ли они сделать больше, когда он жил?

Когда они кончили, было уже слишком поздно пускаться в путь. Собрав сухих веток и траву для костра, все поужинали в молчании.

Джугау и Эвери начали свои лингвистические занятия; фон Остен угрюмо свернулся и уснул; Торнтон читал Библию в тусклом свете костра; остальные рорванцы шепотом переговаривались друг с другом. Костер громко стрелял. За осве-

щенным кругом виднелась залитая лунным светом земля, ветер свистел в ветвях деревьев. Тут и там в темноте раздавались крики животных. Это была не земная ночь — люди никогда не знали такой ночи, не знали такого холодного неба с двойным полукругом—созвездием, не слышали таких звуков. Далеко до дома. Долго придется блуждать душе Мигеля Фернандеса, пока она доберется до зеленых долин Земли.

Лоренцен почти бессознательно бормотал слова древней песни и смотрел на смутно вырисовывающийся, красноватый от костра могильный холм. Тень и свет колебались на нем и, казалось, человек, лежащий под ним, слишком любил жизнь, чтобы успокоиться.

Подошел Гуммус-Луджилъ и тяжело опустился рядом с ним.

— Одного нет,— пробормотал он. Колеблющийся свет озарил резкие черты его лица.— Сколько еще погибнет?

— Гамильтон откровенно опасался таких вещей,— сказал Лоренцен.— Не землетрясений, не чудовищ, не большеголовых спрутов, а змей, микробов и ядовитых растений. Он был прав.

— Существо с цианидом в пасти, что за метаболизм у него может быть? У него не может быть такой крови, как у нас.— Инженер вздрогнул.— Холодная ночь.

— Это можно преодолеть,— сказал Лоренцен.— Если больше опасаться нечего, тогда еще неплохо.

— О, конечно, конечно. Я бывал в переделках и похуже. Тут эта проклятая внезапность. Вы ведь тоже едва не дотронулись до нее. Я видел.

— Да...— Лоренцен почувствовал озноб при этой мысли. Только сейчас до него дошло: Аласву не предупредил его.

Он заставил себя успокоиться и последовательно обдумать все происходящее. Рорванец Аласву не оттащил его от ядовитой ящерицы.

Он посмотрел на маленькую группу туземцев у костра. Они сидели в тени, только глаза сверкали во тьме. О чем они думали? Что они готовили для пришельцев со звезд?

Он хотел сказать Эвери... нет, пока не нужно. Возможно, это случайность. Может быть, эти ящерицы редки, может, эта группа рорванцев никогда не видела их раньше? Аласву сам был в нескольких сантиметрах от нее. Туземцы не могут быть так глупы, чтобы надеяться обставить убийство всех людей как несчастный случай!

Но «Да Гама» ведь так и не вернулся назад.

Он с сомнением пожал плечами. Он устал, возбужден, его подозрения ребяческие, и он знал, что Эвери так их и воспримет. Если же он расскажет фон Остену, немец захочет расстрелять рорванцев на месте. Гуммус-Луджиль и Торнтон... Нет, не сейчас, вначале он должен убедиться, прежде чем выставять себя на посмеище.

Он посмотрел в темноту на запад. Они шли туда, в горы, в каньоны и ущелья, где на узких скользких тропах могло случиться всякое. И они не могут повернуть назад, хотя не имеют ни малейшего представления о том, что их ожидает.

Глава одиннадцатая

Местность круто поднималась, пока они не начали пробираться через путаницу скалистых холмов, среди огромных зарослей кустарников, через журчащие реки, и холодная вода кусала их ноги, словно зубами. Трудно было идти за рорванцами: их легкие фигуры быстро передвигались по неровной местности. У Лоренцена пересыхало в горле, когда он, тяжело дыша, торопился за ними.

Однажды вечером, через неделю после того, как умер Фернандес, Гамильтон спросил по радио:

— Что за дьявольщина с вашими проводниками? Вы вновь свернули севернее. Почему они не ведут вас прямо?

Гуммус-Луджиль удивился, но передал вопрос Эвери.

— Спросите одного из этих волосатых уродов. Я уже болен от ходьбы.

— Я уже спрашивал, — сказал психолог. — Я разве вам не говорил? Но ответ относится к совершенно непонятным, неперсводимым фразам. У меня создалось впечатление, что впереди опасная территория, и мы должны ее обогнуть...

Гуммус-Луджиль передал ответ Гамильтону, который закончил разговор знаками, соответствующими ворчанию. Турок вздохнул:

— Мы почти ничего не можем предпринять.

Торнтон засмеялся.

— Возможно, они хотят сделать нас кривоногими и тем самым беспомощными, — предположил он.

Фон Остен схватился за оружие.

— Они ведут нас прямо в...

— Спокойнее.— Эвери протянул руку.— Я боюсь, что мы ничего не сможем сделать. Они ведут нас.

Лоренцен нахмурился. Это звучало не совсем правильно. Положение все больше и больше казалось ему сомнительным.

Он извлек карту территории, сделанную с помощью аэрофотосъемки, и долгое время изучал ее. Насколько можно видеть, в той территории, которую они избегали, не было ничего враждебного и необычного. Конечно, там могли быть враждебные племена или еще что-нибудь, но...

На каждый вопрос, который он мог бы задать, был ответ. Но все эти ответы были слишком конкретны для данного случая, они не давали последовательной картины. Хорошо, ядовитая ящерица была незнакома рорванцам, это совершенно очевидно. Но почему она была незнакома им? Любое опасное животное имеет дьявольски широкую зону распространения слухов о нем — не могли же рорванцы прийти настолько издалека, чтобы эта территория была им неизвестна... Да, туземный язык может быть исключительно трудным, но, черт возьми!— общество, владеющее технологией, которая, казалось, была у рорванцев, должна была располагать доступными терминами и понятиями. Когда западная наука проникла на восток, китайцы говорили с ней на французском или английском: их собственный язык был для этого неподходящим. Но язык рорванцев казался похожим по структуре на индоевропейские языки, и у Эвери не должно было возникнуть тех трудностей, о которых он все время говорил.

Тем не менее он подолгу говорит с Джугау по вечерам. Он утверждает, что это уроки языка, но...

Допустим, что это так.

Лоренцен сидел тихо, чтобы позволить этой мысли проникнуть в сознание. Он хотел было отвергнуть ее, ему нравился Эвери, и на этой Новой Земле было так мало того, чему можно было доверять, а если они еще перестанут доверять друг другу... Нет, вероятно, он становится параноиком.

Однако оставался «Да Гама», огромный, повисший в пространстве вопросительный знак.

Он лежал в своем спальном мешке, чувствуя жесткость земли под собой, слушая шум ветра и журчание реки, крик какого-то незнакомого животного. Тело его устало, но в мозгу вертелось несколько вопросов, так что он никак не мог уснуть.

Что случилось с первой экспедицией? Кто пытался сабо-

тировать вторую? Почему произошло так много помех и задержек, прежде чем она смогла стартовать? Почему Эвери не сумел скомплектовать однородный экипаж? Такие разные, как они, люди (почему?) не могли составлять экипаж космического корабля, это слишком явная ошибка для психолога. Почему рорванцы единственные млекопитающие, встретившиеся им здесь до сих пор? Почему не видно никаких следов их деятельности с воздуха? Почему у них такой недоступный для понимания язык? Если нет, почему Эвери лжет? Почему рорванцы не сумели распознать опасность, которая им должна быть так же хорошо известна, как нам кобра на Земле? Их метаболизм сходен с человеческим, поэтому и для них ящерицы представляют угрозу. Почему они вдвое удлиннили путь к себе домой? Почему, почему, почему?

На каждый вопрос можно было найти ответ, либо прямо данный Эвери, либо полученный как правдоподобная гипотеза. Но все вместе, они нарушали принцип «бритвы Оккама»: каждое объяснение отвергало остальные, вызывало новую гипотезу, противоречащую остальным. Было что-то объединяющее в этих фактах? Или все это лишь случайное стечение обстоятельств?

Силиш караулил, он ходил вокруг затухающего костра. Он мелькал бесшумной тенью, только отблеск света в глазах и на его мушкете выдавал его. Вновь и вновь поглядывал он на спящих — о чем он думал? Что планировал? Он мог охотиться, петь и играть в шахматы с людьми, но они были более чужды ему, чем бактерии в его крови. Был ли способен он ощутить родство с людьми, или он был из тех чудовищ, что проглотили первый корабль и готовились уничтожить людей из второго?

Эвери не мог лгать. Он был правдивым и дружески настроенным человеком. Психолог должен быть более умным, но, возможно, он просто никогда не имел дела с гуманоидами из других миров. Может, рорванцы обманули его для каких-то своих целей? Или подкупили? Но чем можно было его подкупить?

Лоренцен заворочался, пытаясь уснуть. Сон не шел к нему. Слишком многое нужно было обдумать. Слишком многого опасаться.

Наконец пришло решение. Он не может никому рассказать о своих подозрениях, пока еще не может, — в их отряде нельзя уединиться с кем-нибудь. И нельзя говорить: воз-

можно, рорванцы немного усвоили английский. В конце концов у него же не было доказательств, только подозрения. Спокойно, спокойно.

Но у него есть начало рорванского словаря. Предположим, что он, никому не говоря, попытается узнать его больше. Он может сделать математический анализ записей — до сих пор он его не делал, ограничиваясь лишь запоминанием слов. Но если вы уверены, что изучаемый вами язык в основном флективный и его структура ненамного отличается по строению от индоевропейских языков, то, внимательно вслушиваясь в разговор, вы можете узнавать знакомые слова и определить систему склонения и спряжения, а новые слова будут ясны по контексту. Будет нелегко, на это потребуется время, но это можно сделать. Многие слова можно будет узнавать, просто спрашивая, если вопросы не вызовут подозрений.

Наконец он задремал.

Глава двенадцатая

— Я вам говорю, это убийство! — громко выкрикнул фон Остен и топнул ногой. Скала гулко ответила ему.

Вокруг скалы круто вздымались вверх, их острые белые вершины резко вырисовывались на фоне голубого неба, их нижние склоны обрывались во тьму ущелий, где стремительно неслись горные реки. Местность за последние несколько дней сильно повысилась, огромная каменная глыба гор ушла от равнины до моря. Просыпаясь по утрам, путешественники обнаруживали тонкий слой снега на обнаженной земле, их дыхание белым паром вырывалось из ноздрей. Охота была скудной, и уже несколько дней у них почти не было еды. Продвижение вперед замедлилось из-за бесконечных подъемов и спусков по скалам, острым, как лезвие ножа. Договорились встать лагерем на несколько дней, чтобы заготовить достаточно пищи для последнего участка пути.

Торнтон взвесил ружье в руке и спокойно встретил гневный взгляд немца.

— Рорванцы не могли знать, что ящерица обязательно встретится нам на пути, — сказал он.

— Нет, но у них всегда есть шанс расправиться с одним из нас. — Фон Остен расправил плечи под тесноватым для

него комбинезоном. — Тут слишком много незнакомого нам, и мы не можем всегда держаться рядом. Что-то неправильное в этих туземцах, мы должны перебить их всех, а из одного извлечь правду.

— Мы не знаем их трудного языка, — сухо сказал Торнтон.

— Языка, ха! Они не хотят, чтобы мы его знали. Не может быть такого сложного языка, как у них. Они просто не хотят отвечать на вопрос, они просто говорят этому слабому Эвери «не понимаю» или же какую-нибудь ерунду, а он считает это новой единицей их языка. Нет, они заговорят понятно, если только мы заставим их сделать это.

Фон Остен наклонился и стукнул в костлявую грудь Торнтона.

— А куда они нас ведут? Я смотрел на карту. Гораздо быстрее и легче было свернуть на юг и идти на север вдоль берега. Я думаю, что весь этот разговор об опасной территории, которую мы обязаны обойти, — вздор и обман.

Торнтон пожал плечами.

— Откровенно говоря, я подозреваю то же самое. Но почему вы обратились именно ко мне?

— Вам единственному я могу доверять... Эвери — глуп, Лоренцен — слишком слаб, а Гуммус-Луджилль откажется мне помочь только потому, что это моя идея. Только мы с вами можем что-нибудь сделать.

— Гм... — Торнтон потер подбородок: небритая борода неприятно покалывала. — Может быть, я смог бы вам помочь, но я не хочу вмешиваться. Вполне вероятно, что рорванцы намерены убить нас. Это самый легкий путь отвратить людей от их планеты. Если «Хадсон» также не вернется, третьей экспедиции, по всей вероятности, не будет. Наверное, на это и рассчитывают туземцы, но не забудьте, что им нужно уничтожить и основной лагерь, а там из-за нашего исчезновения вдвойне встревожатся. А как исчезнет космический корабль? Как они добрались до «Да Гама»? Ведь он до сих пор должен был находиться на орбите, даже если им удалось уничтожить всех высадившихся из него людей...

Фон Остен нахмурился.

— Я думаю, у них есть оружие, которое они нам не показывают. Может, у них есть космические корабли?

— Но почему их воины вооружены длинноствольными ружьями? Не будьте дураком.

Обожженное солнцем лицо немца покраснело. Помолчав, он спокойно сказал:

— Пожалуйста, следите за своими выражениями. Я хочу действовать вместе с вами, но если вы будете так... Не думали ли вы, что эти мушкеты могут быть частью игры? Если мы будем думать, что у них нет ничего лучше, то и не будем их опасаться.

Торнтон свистнул.

— Во имя великого Иеговы!.. — он вдруг повернулся. — Идемте, мы ведь должны охотиться.

— Но моя идея?

— Я хочу подумать о ней. Я дам вам знать об этом.

Они принялись осторожно подниматься по крутому склону в гору. Вновь и вновь останавливались и осматривали горные склоны в бинокль. Сухой снег скользил по острым скалам, но нигде не было и признака жизни. Торнтон чувствовал сильный голод и сдерживал тревожное чувство. Сейчас не приходилось жаловаться на отсутствие аппетита.

Если рорванцы не так примитивны, как стараются казаться, это открывает возможности для самых дурных предположений. Если они близки к межпланетному уровню технологии, они способны были обнаружить «Хадсон» при его приближении; к тому же на своей экваториальной орбите он неоднократно пересекал диски Сестры и солнц, даже в маленький телескоп было легко заметить его. Если даже рорванцы находятся на уровне порохового оружия, у них могут быть телескопы. Но если технология у них развитая, они могут жить под землей, синтезируя пищу. Этот обычай мог возникнуть у них в период атомных войн. Они могут уничтожить и лагерь, и корабль несколькими ракетами дальнего действия... Но почему они не сделали этого до сих пор? Может быть, вначале хотят узнать как можно больше. В таком случае прикинуться примитивными туземцами — лучший способ избежать подозрений.

Торнтон покачал головой. Даже это не объясняло всего, оставалось по-прежнему много вопросов, не имеющих ответов. Но вполне возможно, что фон Остен прав. Что в таком случае делать? Выстрел из атомного ружья уничтожит всех рорванцев в лагере. Может, одного оставить и выпытать у него все. Диктаторы научили человечество, как добывать сведения у существа, способного испытывать боль. Сообщение по радио, быстрое возвращение в лагерь, эвакуация все-

го персонала на «Хадсон» и уход в глубокий космос, а что дальше? Троас по-прежнему останется загадкой. Он не сможет увидеть, как Солнечный Патруль осуществляет карательную операцию, однако она произойдет. От нее нельзя отказаться, иначе в один прекрасный день рорванцы обрушатся с неба на Землю.

Эвери будет взывать к небесам, заявляя, что это совершенно неспровоцированное убийство; он, несомненно, обвинит их в уголовном преступлении, когда они вернутся в Систему. Лоренцен, хотя и неохотно, поддержит его. Гуммус-Луджилль займет неопределенную позицию... А как Гамильтон? Капитан может заковать их и оставить в качестве наказания здесь: никакие чувства не останавливали его при выполнении долга, как он его понимал.

У меня тоже есть долг. Как тяжел путь, о Господи!

Может, лучше не останавливаться перед мятежом и уничтожить всех, кто не поддержит его. А это, несомненно, будет означать суд по возвращении в Систему, и тюрьму, и психическое изменение структуры мозга... Жена и дети Торнтон будут плакать одни в своем доме на Марсе и с еще большей гордостью держаться перед соседями.

Но рорванцы не люди. Наши священники сомневаются, есть ли у чужаков душа; в любом случае они язычники...

Торнтон знал, какую мучительную борьбу с самим собой придется выдержать до того, как он примет решение. Но он знал, что решение обязательно будет.

— Там! Смотрите туда!

Он поднял полевой бинокль. Высоко над ними, перегнувшись через край обрыва, на них смотрела рогатая голова — добыча!

Два выстрела раздались одновременно. Раздался крик боли, и животное исчезло. Торнтон бросился бежать, отчаянно перепрыгивая через камни и балансируя на краю обрыва. Ледяной воздух обжигал легкие, но он должен был схватить животное прежде, чем оно упадет.

Верхний край обрыва нависал над ним. Он карабкался, цепляясь за скалы. Фон Остен шумно дышал рядом, выискивая точки опоры. Наконец они достигли вершины.

И провалились!

Это произошло мгновенно. Торнтон не понял, что случилось, он лишь ощутил падение, что-то острое резануло его

по спине и рассекло кожу, он услышал свист воздуха и скрежет камней, затем грохот и тьма.

Он медленно приходил в себя, долгое время ощущая лишь боль. Потом зрение прояснилось, он сел, поддерживая голову, которая, казалось, разламывалась на части.

— Фон Остен,— простонал он.

Немец был уже на ногах и выглядел встревоженно.

— Вы в порядке?— спросил он. Тон его был небрежным, он уже осмотрел марсианина, когда тот был без сознания, и не нашел серьезных повреждений.

Торнтон ощупал себя. На спине была длинная царапина, голова болела, из носа шла кровь, на теле было множество синяков, но сколько — он не мог сосчитать.

— Да, я в порядке.

Фон Остен помог ему подняться.

— Проклятие витает над этой планетой,— сказал он.— Все здесь лишь убивает людей. Мне кажется, мы здесь в ловушке.

Торнтон осмотрелся. Склон, по которому они скатились, был склоном ямы около шести метров глубиной и четырех шириной. Животное, которое они подстрелили, находилось на противоположной стороне, а они, к несчастью, угодили в яму. Стены ее были почти отвесными, сглаженными за столетия ветрами, морозом и тающим снегом, а маленькое отверстие на дне ямы, очевидно, служило для отвода воды.

Он обошел яму, осматривая края ловушки. Фон Остен пострадавший меньше, предпринял несколько яростных попыток выкарабкаться, но в конце концов вынужден был от них отказаться. Без инструментов и оборудования ничего нельзя было сделать.

— Еще два очка в пользу рорванцев,— сказал он хрипло.

— Они не могут знать...

— Это они привели нас в этот опасный край. У них всегда есть шанс заманить нас в ловушку. Боже небесный!— Фон Остен погрозил небу кулаком.

— Не упоминайте имя Господа всус,— Торнтон опустился на колени и стал молиться. Он не просил помощи: жив он или умрет — все в воле Господа. Окончив молитву, он почувствовал себя спокойнее.

— Остальные будут искать нас, если мы не вернемся к вечеру,— сказал он.— И они приблизительно знают, куда мы пошли.

— Да, но эта чертова территория слишком велика, а мы на таком холоде долго не продержимся.— Фон Остен обхватил себя руками и вздрогнул.

— Мы можем стрелять время от времени; может, нам удастся вызвать снежный обвал. Однако пока стрелять не нужно, все равно в ближайшие часы нас искать не будут. А сейчас разорвите, пожалуйста, пакет первой помощи и перевяжите мне спину.

После этого оставалось только ждать.

Когда зашло голубое солнце, стало холоднее. Тени начали заполнять яму, воздух стал похож на густую жидкость. Внизу не было ветра, но люди слышали его тонкий холодный свист наверху, над ямой. Они пытались двигаться, чтобы согреться, но у них не было сил.

После захода второго солнца они прижались друг к другу в бездне тьмы под резким золотым светом звезд. Время от времени они начинали дремать и просыпались от холода. Они были почти без сознания, время тянулось медленно, и их всю ночь преследовали галлюцинации. Однажды Торнтону послышалось, что кто-то зовет его, он мгновенно проснулся. Голос звучал глухо где-то внизу, он обвинял марсианина в грехах, и Торнтон знал, что это не те, кто их разыскивает.

Долгая ночь кончилась. Когда первые лучи солнца озарили узкий кусок неба над их головами, они очень удивились тому, что еще живы.

Вновь и вновь они брали в окоченевшие руки ружья и стреляли в воздух. Эхо отдавалось вокруг, и Торнтон с усилием припоминал топографию окружающей местности. Трудно было об этом думать, но он понял, что окружающие скалы не дадут звуку распространяться далеко. Их никогда не найдут, их кости будут лежать здесь, пока двойная звезда не превратится в пепел.

Взошло первое солнце. Они не видели его, однако оно растопило ночной иней, и дюжина холодных ручейков побежала в яму. Фон Остен оттирал отмороженный палец, стараясь вернуть его к жизни. Торнтон хотел помолиться, но слова молитвы не шли на ум. Как будто Бог покинул его.

Солнечный свет озарял всю яму, когда появились рорванцы. Торнтон увидел, что они смотрят через край ямы. Вначале он их не узнал: его мозг был затуманен, затем понял и с усилием очнулся от забытья.

Фон Остен выкрикнул проклятие и схватился за ружье.

— Собаки! Ублюдки!

Торнтон вовремя выбил у него ружье из рук.

— Идиот! Они пришли спасти нас.

— Неужели? Они пришли посмотреть, как мы умираем.

— И чего вы добьетесь, стреляя в них? Отдайте мне ружье, вы, дьявол! — Они вяло боролись. Трое рорванцев, стоя на краю ямы, смотрели на них. Вестер раздувал их мех, но лица-маски были совершенно бесстрастными. Они молчали.

Торнтон отобрал у немца ружье и посмотрел наверх. Чужаков уже не было видно. Словно холодная рука сжала его сердце. Так просто, так легко. Если рорванцы хотят всех перебить, они их уже убили. Они просто скажут всем, что не нашли и следа пропавших.

Так легко, так просто... Торнтону показалось, что его мысли путаются.

— Боже великий, — прошептал он сквозь зубы, — уничтожь их! Смети их с лица земли!

А что-то в глубине его души безумно хохотало и кричало, что Бог устал от людей, что это новые избранные люди, они изгонят грешное человечество прямо в ад.

Он чувствовал в себе смерть, он был обречен замерзнуть и умереть здесь, в тридцати тысячах световых лет от дома, и Бог отвернул свое лицо от Джоаба Торнтона. Он наклонил голову, чувствуя слезы на глазах.

— Да будет воля твоя.

Вновь появились рорванцы с веревкой. Они обернули вокруг одного из них веревку и начали спускать в яму. Что-бы спасти землян...

Глава тринадцатая

Тропа заканчивалась крутым спуском, скалы обрывались к сверкающему далеко внизу морю. Это напоминало Лоренцену часть калифорнийского побережья — суровая красота гор, травы, кусты и низкие темнолистные деревья вдоль их склонов, широкий белый берег далеко внизу. Но эти горы были выше и круче. Он вспомнил слова Фернандеса о том, что ледниковый период на Троасе наступил вслед за недавним периодом тектонической деятельности. Огромный спутник, вероятно, делает процесс диастрофизма более

быстрым, чем на Земле. Лоренцен подумал о маленьком геологе и его могиле. Он потерял милого Мигеля.

Хорошо, что были спасены Торнтон и фон Остен. Он вспомнил долгий разговор, который был у него с марсианином после этого события. Торнтон рассказывал ему о своих планах короткими отрывистыми предложениями, побуждаемый внутренней необходимостью убедить себя. Он признал, что был неправ. Ибо, если рорванцы замыслили убийство, то почему они спасли их? Лоренцен никому не говорил об этом разговоре, но добавил этот вопрос к своему списку.

Фон Остен по-прежнему враждебно относился к чужакам, но, очевидно, старался не показывать этого. Торнтон, потрясенный происшедшим, ударился в другую крайность — он теперь доверял рорванцам не меньше Эвери. Марсианин размышлял над теологической проблемой: имеют ли рорванцы душу? Он чувствовал, что имеют, но как это доказать? Гуммус-Луджилль бодро и святотатственно ругал бесконечное путешествие. Лоренцен чувствовал себя очень одиноким в эти дни.

Он делал успехи в языке. Он уже мог следить за разговорами Эвери и Джугау и убедился, что это были вовсе не уроки. А психолог, неопределенно улыбаясь, отвечал на его вопросы с ловкостью, которая заставила Джона Лоренцена заикаться и говорить бессвязно. Да, конечно, он уже хорошо овладел языком, и рорванец рассказывал ему разные интересные подробности о своей расе. Нет, он не хотел терять время и учить Лоренцена тому, что знает сам; позже, Джон, позже, когда мы будем посвободнее.

Лоренцен был бы рад сбросить с себя эту тяжесть. Прекрати, поверь Эвери на слово, перестань размышлять, успокойся и бояться. В свое время будет дан ответ на все вопросы.

Он сжимал зубы и заставлял себя идти дальше в своих исследованиях. Ему не приходило в голову, что он сильно изменился. Раньше он не был таким упрямым и агрессивным. В том, что не касалось его исследований, он подобно многим людям, склонен был позволять другим думать и решать за себя; больше он никогда таким не будет.

Спуск вниз, к морю, был изнурительным и занял несколько дней. Спустившись к ровной береговой линии, они почувствовали себя так, словно у них начались каникулы.

По словам Эвери, Джугау утверждал, что до цели их путешествия осталось всего несколько дней пути.

В этом месте береговая линия равнины с трудом оправдывала свое название: она сужалась до километровой полосы, покрытой травой и деревьями, а дальше начиналось подножие гор, высокие скалы. Берег был похож на калифорнийский: широкая полоса прекрасного песка, собранного в пологие дюны и омываемого соленой водой. Но на Земле никогда не бывает такого яростного прибоя, не бывает и такого мощного прилива, который дважды в день заливает весь берег. Никакой добычи здесь не попадалось, и отряд питался травами и кореньями.

Лоренцен чувствовал, как в нем растет напряжение по мере того, как позади оставались километры пути. Еще несколько дней — и тогда ответ? Или новые вопросы?

Смерть пришла к ним прежде, чем они закончили путешествие.

В первый же день, когда они подошли к месту, где скалы обрывались прямо в море, их застиг прилив. Скалы и обветренные валуны лежали, наполовину погрузившись в песок и образуя высокую стену на их пути. За стеной берег изгибался длинной и узкой петлей, образуя залив, ограниченный утесом десятиметровой высоты. Вода в заливе была пробита зубьями скал, разрывающих его поверхность; устье залива в километре от берега было белым от яростных волн, разбивающихся о линию рифов.

Лоренцен остановился наверху скалы, неуверенно глядя вперед, на узкую полоску песка.

— В прилив этот песок заливадается водой, — сказал он. — А прилив приближается.

— Не очень быстро, — сказал Гуммус-Луджилль осторожно. — Нам понадобится не более получаса, чтобы перейти этот залив, мы даже не замочим ног. Пошли!

Он спрыгнул вниз на песок. Лоренцен пожал плечами и последовал за ним. Рорванцы шли впереди, двигаясь с грацией, которая уже стала привычной для взгляда людей.

Они были на полпути, прижимаясь к подножию скалистого берега, когда в залив ворвалось море.

Лоренцен увидел, как белый занавес внезапно вырос над рифами. Гул прибоя превратился в ревущую канонаду. Лоренцен отпрыгнул назад и побежал вдоль берега.

Волна приближалась с бешеной скоростью. Лоренцен за-

кричал, когда ее ледяные зубы сомкнулись вокруг его колен. Вторая волна шла за первой в зеленой и белой ярости, брызжа пеной ему в лицо, — море захватило его по горло. Он упал, вода сомкнулась над его головой. Он встал и ему показалось, что кто-то ударом кулака сбил его с ног.

Барахтаясь в воде, он сопротивлялся, но не мог удержаться: его уносило отливом прибоя. Сапоги тянули его вниз. Вода проглотила и выплюнула его; гребень прибоя понес его к скалам.

Ухватившись за что-то во вспенившейся воде, он осмотрелся полуослепшими глазами. Впереди возвышался утес. Лоренцен старался удержаться на поверхности. Он услышал чей-то короткий предсмертный крик — и море вновь сомкнулось над ним.

Вверх... вниз... попытаться доплыть... но руки только скользили по мокрому камню. Его вновь подхватила волна и понесла назад, а потом вперед на скалу. Он сомкнул на ней руки и повис.

Вода шумела вокруг него и под ним, но он ничего не видел и не слышал, ничего не чувствовал, он был слепой, глухой, немой, полумертвый, только воля к жизни удерживала его здесь.

Потом все кончилось, вода с ревом отступила. Он почувствовал, что его тело лишь наполовину погружено в воду, и с большим трудом взобрался на утес. Пока он делал это, море вернулось, но он успел опередить его. Волна потянулась за ним, но он уже был наверху. Почти в истерике, он убежал от волны и упал на траву и здесь долго лежал неподвижно.

Постепенно к нему вернулись силы и сознание. Ветер бросал ему в лицо остропахнувшую пену, шум моря заглушал его голос. Но здесь были и остальные, они безмолвно стояли рядом и смотрели друг на друга с выражением ужаса.

Наконец они пересчитали уцелевших. Не хватало Гуммус-Луджиля, Аласву и Янвусаррана. Силиш застонал, и это прозвучало, как человеческое выражение горя. Лоренцен почувствовал себя больным.

— Надо осмотреть все вокруг, — Эвери говорил громко, но в гневном шуме моря слова воспринимались, как шепот. — Они, может быть... живы... где-нибудь...

Начинался отлив. Фон Остен вскарабкался на стену и

осмотрел залив. Две фигуры были видны на противоположной стороне. Они махали руками. Немец закричал:

— Гуммус-Луджилъ и другой живы! Они живы!

Силиш сузил глаза, пытаясь рассмотреть их в свете садящегося солнца и блеска воды.

— Янвусарран.— Голова его поникла.

— Что это было?— выдохнул Эвери.— Что обрушилось на нас?

— Это место — ловушка,— заикаясь, проговорил Лоренцен.— Конфигурация залива, крутой наклон дна... прилив наступает, как полчища ада... На Земле бывают подобные же штуки... Но здесь прилив гораздо выше. Если бы мы только знали!

— Это рорванцы!— губы фон Остена побелели.— Они знали! Они хотели погубить нас всех.

— Не будьте дураком,— ответил Лоренцен,— прилив погубил одного из них и чуть не погубил нас всех. Это был несчастный случай.

Фон Остен удивленно посмотрел на него, но замолчал.

Прилив быстро отступал. Они в сумерках пересекли залив и присоединились к Гуммус-Луджилю и Аласву. Рорванцы собрали плавник для костра, а турок передал сообщение о случившемся по своей чудом уцелевшей рации. Нигде не было ни следа Янвусаррана: вероятно, его унесло в море, а может, его тело плавало у рифов и поджидало рыб.

Рорванцы выстроились в ряд и опустили на колени. Руки они вытянули в сторону воды. Лоренцен слушал похоронное пение и был способен перевести большую часть текста. «Он ушел, он исчез, он больше не ходит, для него нет больше ветра и света, но его (память?) жива среди нас...» «Горе их неподдельно»,— подумал астроном.

Наступила тьма, лишь узкий круг света лежал вокруг костра. Большинство спало. Один дежурный рорванец ходил взад и вперед. Эвери и Джугау, как обычно, сидели и разговаривали. Лоренцен свернулся поблизости от них и притворился спящим. «Может быть, этой ночью,— подумал он,— отыщется ключ». Вначале он не очень хорошо понимал, о чем речь, но потом уловил нить. Его словарь был уже достаточно велик.

Он понимал!

Эвери говорил медленно и тяжело:

— Я (непонятно) не делать — думать остальных. Многие не (непонятно) смеются (?) над тем, что я говорю...

Хитрость заключалась в том, чтобы суметь перевести услышанное, устанавливая смысл незнакомых слов по контексту, а делать это нужно было быстро, чтобы не потерять нить разговора.

— Я надеюсь, что остальные не думают (или: не подозревают). Они не очень рады тому, что я сказал им.

Джугау угрюмо ответил:

— Быстро (непонятно) их ты, (непонятно) время (?) к Зурле мы пройдем тень (?) они.

С необыкновенной ясностью мозг Лоренцена переводил: «Ты должен быстро рассеять их подозрения, раньше чем мы придем к Зурле и они увидят тень (или: обман)».

— Не думаю, чтобы они подозревали. Почему? Кроме того, у меня есть власть (?), они будут слушаться меня. В худшем случае (?) им можно сделать то же, что и первой экспедиции (?), но, я надеюсь, что это не будет необходимо. Это не очень приятно делать.

Резкий взрыв фанатизма.

— Если понадобится, мы сделаем. Ставка тут (?) больше, чем несколько жизней.

Эвери вздохнул и потер глаза, как бесконечно уставший человек.

— Я знаю. Пути назад нет. Даже ты не понимаешь, как много поставлено на карту (?). — Он посмотрел на холодные звезды. — Возможно (?), все время и пространство. — В его голосе звучала боль. — Это слишком для одного человека.

— Ты должен!

— Иногда я боюсь...

— Я тоже. Но это важнее наших жизней.

Эвери несвесело рассмеялся.

— Я говорил тебе, Джугау, что ты даже не понимаешь, насколько...

— Возможно, — ответил тот холодно. — Но ты зависишь от меня (?), так же как мы зависим от тебя, может быть, больше. И ты должен будешь подчиниться мне в этом.

— Да, да, я буду.

Лоренцен не мог понять остальной части разговора, так как он перешел на такие отвлеченные темы, для которых у него не было достаточного запаса слов. Но он услышал достаточно! Он лежал в спальном мешке, и его начал бить озноб.

Глава четырнадцатая

Горный хребет неожиданно изогнулся внутрь, становясь ниже, а склоны его стали болсе пологими. Появились роскошные пастбища, деревья, луга и бегущие между холмами ручьи. Рорванцы ускорили движение.

Еще один представитель их расы, одетый и вооруженный, как и они, встретился им. Раздались свистящие крики узнавания; Джугау и Силиш подбежали к нему и стали со-вещаться. Затем рорванец кивнул и убежал.

— Он пошел передавать новость,— сказал Эвери, погов-орив с Джугау.— Вся деревня хочет встречать нас. Они очень дружелюбно настроены, эти рорванцы.

— Гм...— Гуммус-Луджилъ внимательно взглянул на него.— Кажется, вы все-таки неплохо овладели языком.

— Да. В последние несколько дней я нашел ключ и все стало на свои места. Очаровательная семантика у этого язы-ка. Я еще не до конца понимаю значение некоторых слов, но могу переводить обычный разговор.

— Да? В таком случае, кто эти парни с нами?

— Это делегация в другой город, возвращающаяся домой после... делового совещания по какому-то вопросу. Я не вполне понимаю это слово. Они натолкнулись на нас и до-вольно быстро поняли, кто мы такие. У них хорошо развиты познания в астрономии, примерно на уровне нашего восем-надцатого века, и Джугау быстро схватил все, что я расска-зал ему о подлинном устройстве Вселенной: ее размерах и тому подобнос.

Лоренцен не удержался от вопроса:

— Где же их обсерватории? Как они определили конеч-ную скорость света? Они же не могут использовать опыт Ремера в своей системе...

— Еще не знаю.— Эвери выглядел раздосадованным.— Не будьте таким догматиком, Джон. Разве их наука обяза-тельно должна развиваться тем же путем, что и наша?

Лоренцен замолчал. Нет смысла выдавать себя — о Бо-же, нет! Иначе он рискует получить нож в бок.

— Подземные города, как мы и предполагали,— продол-жал Эвери.— Этот обычай возник давно, несколько тысяч лет назад, когда климат на планете был гораздо холоднее, чем сейчас. Подземные жилища требуют меньше строитель-ных материалов, и их легче обогреть, но теперь это лишь традиция, как наше табу на наготу в общественных местах.

— И фермы у них под землей?— фон Остен нахмурился, пытаясь уяснить для себя этот вопрос.

— Нет,— они никогда не развивали сельское хозяйство: круглый год здесь очень много диких съедобных растений. Но у них есть стада животных, которых используют для еды. Они содержатся по соседству, но не в самом поселке. Я только не понял, почему? Джугау сказал мне, но я не могу найти ни в одном земном языке эквивалента этому слову.

Аласву прислушивался к их разговору, наклонив голову набок, словно понимал, о чем идет речь. «Несомненно, он понимал»,— подумал Лоренцен. В его желтых глазах был слабый радостный блеск.

— Неудивительно, что они оказались способными развить цивилизацию,— сказал Торнтон.— Талантливая раса... вероятно, без первородного греха... Вы не знаете, сколько их?

— Население многочисленное, не менее ста миллионов, хотя никто из нашего отряда не знает точного числа. Здесь всего лишь маленькая деревенька, куда мы направляемся. Но больших городов, похожих на наши, у них вообще нет. Они расселены более свободно.

Лоренцен взглянул на психолога. За недели путешествия Эвери похудел, загорел, но в его внешности по-прежнему не было ничего впечатляющего. Все такой же маленький круглый человек средних лет, вежливый, добродушный. Всякий сказал бы, что он скучный, но надежный, благожелательный и слегка застенчивый. И он принимал участие в каком-то грандиозном обмане! Какая-то цель делала его столь безжалостным, что для него ничего не значили ни судьба двух кораблей, ни будущее семи миллиардов человеческих существ. Лоренцен подошел поближе к массивному, внушающему спокойствие Гуммус-Луджилю и едва не рассказал все турку...

Одна из гор, возвышавшихся на востоке на горизонте, протянула свои отроги к самому морю. Когда отряд приблизился к одному из отрогов, показалось низкое укрепление, стоящее перед холмом. Окружающая земля была голой, вытоптанной тысячами ног. Деревья перед холмами были толстые, некоторые достигали трехметровой высоты и образовали рощу.

Из этой рощи показались рорванцы. Они двигались спокойно, говорили мало, не было того рокота, который присущ

земной возбужденной толпе. Их было около пятидесяти или шестидесяти, примерно поровну мужчин и женщин, как определил Лоренцен. Женщины были одеты в юбки и сандалии, их четыре груди выглядели не по-человечески, но ясно свидетельствовали, что их обладательницы были млекопитающими. Некоторые из мужчин держали мушкеты, остальные не были вооружены. Они окружили людей и в целом держались дружелюбно. Шелест разговоров слышался из толпы.

— Почему нет детей? — спросил Торнтон.

Эвери передал вопрос Джугау и, выслушав ответ, сказал:

— Все дети в специальных... яслях, думаю их можно так называть. Семейная организация здесь совершенно иная по устройству и функциям, нежели у нас.

Вместе с толпой они подошли ко входу в холм — большому искусственному туннелю десяти метров шириной и трех высотой. Лоренцен с трепетом заставил себя войти внутрь: увидит ли он снова свет дня?

Толстые колонны поддерживали потолок туннеля, уходившего в глубь холма со многими ответвлениями во все стороны. Воздух был прохладным и свежим: Лоренцен видел в стенах вентиляционные отверстия.

— Хорошие насосы... — прокомментировал Гуммус-Луджиль. — Они используют электричество. — Он кивнул на светящиеся трубки, укрепленные на потолке и стенах. — Их технология не может соответствовать уровню восемнадцатого века.

— Этого и следовало ожидать, — сказал Эвери. — Многие инженерные изобретения в нашей истории были сделаны совершенно случайно. Если бы ученые прошлого внимательно изучили трубку Крукса, у нас задолго до 1900 года были бы радио и радар.

В коридоре было тихо, слышался лишь шум воздуха в вентиляторах и топот ног. Коридор тянулся под уклон добрых полкилометра. Заглядывая в боковые туннели, Лоренцен решил, что они, очевидно, ведут в жилые помещения.

Главный ход заканчивался в большой кубической пещере. В ней было множество ходов, затянутых какой-то тканью, похожей на шерстяную.

— Подземный город, — с сухой улыбкой сказал Эвери.

— У них, кажется, не очень много художественного вку-

са,— сказал Лоренцен.— Все помещения мрачные, очень чистые, но без следа украшений.

Джугау что-то произнес, и Эвери перевел:

— Это новый поселок. У них не было времени обжиться здесь. Это скорее военный пост. Я думаю, что женщины у них сражаются наравне с мужчинами.

— Значит, они не все объединены?— спросил фон Остен.

— Нет, я понял, что на континенте существуют несколько разных наций. Сейчас у них мир, они объединяются, но еще совсем недавно тут была серия ужасных войн, и поэтому все нации еще сохранили армии.

Глаза немца сверкнули:

— Они снова могут начать.

— Сомневаюсь... даже если мы попытаемся помочь им в этом,— сказал Эвери.— Я думаю, что они не хуже нас знакомы с принципом «разделяй и властвуй».

Один из рорванцев жестом указал на два входа, что-то быстро говоря при этом.

— Мы почетные гости,— объяснил психолог.— Нас приглашают сюда и просят чувствовать себя как дома.

Внутри помещение имело все тот же скупой военный вид: за каждой дверью находились две комнаты и ванная, обставлены они были низкой каменной мебелью. Очевидно, камень здесь был более привычным материалом, чем дерево. Но тут была горячая и холодная вода, промывочная система, нечто вроде мыла. Кухня в деревне, очевидно, была общая.

Эвери ушел, разговаривая с Джугау и несколькими жителями деревни, которые казались местными предводителями. Фон Остен осмотрел помещения, где они находились, и вздохнул:

— Чтобы увидеть это, мы забрались так далеко.

— А мне нравится,— сказал Торнтон.— Их аппаратура, общий вид и план помещений, образ жизни — это интересно.

Немец нахмурился и сел.

— Для вас, может быть. Что касается меня, я пролетел тридцать тысяч световых лет и не вижу, что оправдало бы это путешествие. Нет даже доброй стычки в конце.

Гуммус-Луджиль вытащил трубку и начал раскуривать ее. Лицо его было печально.

— Да. Я согласен. Без разрешения рорванцев селиться на их планете... Все путешествие теряет смысл. Мы не мо-

жем высаживаться на планету, населенную сотней миллионов вооруженных туземцев с высокоразвитым военным искусством. Они устроят для нас настоящий ад, даже располагая своим собственным оружием, а я готов держать пари, что они вскоре усвоят и наше оружие.

— Их можно покорить!

— Но какой ценой! Сколько жизней придется отдать! И все для блага нескольких миллионов человек, которых мы сумеем перевезти сюда. Парламент никогда не даст на это согласие.

— Ну... рорванцев можно убедить...

Торнтон говорил это, сам не веря в свои слова. И никто не верил. Раса, способная построить электрический генератор, не будет столь глупа, чтобы позволить нескольким миллионам чужаков высадиться у себя дома. Последствия этого они легко могут предвидеть.

Эвери вернулся примерно через час. Он старался выглядеть бодро, но голос его звучал устало.

— Я говорил с местными вождями, они отправили сообщение правительству своей нации. У них есть несколько телеграфных линий, это новое для них изобретение. Нас просят подождать, пока они не смогут прислать к нам своих ученых.

— Каковы шансы, что они позволят людям жить здесь?— спросил Гуммус-Луджиль.

Эвери пожал плечами.

— Что я могу сказать? Это будет решаться официально, но вы знаете ответ так же хорошо, как и я.

— Да, думаю, что знаю.

Инженер отвернулся. Плечи его поникли.

Глава пятнадцатая

Остаток дня прошел в осмотре поселка. Тут было на что посмотреть. Гуммус-Луджиль особенно заинтересовался двигателями. Ему сообщили, что они получают энергию от электростанции в горах. Он осмотрел и маленькую, но прекрасно оборудованную химическую лабораторию. Фон Остен ознакомился с арсеналом, который включал несколько самодвижущихся пушек, стрелявших пороховыми зарядами, различные гранаты, мины и экспериментальный глайдер,

который, несомненно, будет действовать, когда его закончат. Торнтон перелистывал печатные книги, расспрашивал, конечно, при помощи Эвери, о состоянии рорванской физики. Оказалось, что она дошла до уравнений Максвелла и сейчас работала над идеей радио. Лоренцен старался показать, что ему интересно, и надеялся, что делает это успешно, но вновь и вновь один из чужаков бросал на него взгляд, который мог ничего не означать, а мог означать и смерть.

Вечером состоялся банкет. Весь поселок собрался в украшенном зале за столами с особо приготовленными кушаньями вперемежку с выступлениями музыкантов. Глава поселка произнес речь о «руках, скрещенных в космосе». И Эвери ответил в том же духе. Лоренцен изобразил скуку, какую испытывал бы, если бы не понимал ни слова. Внутри у него все звенело от напряжения. Весь день продолжался этот фарс. Рорванцы задавали Эвери вопросы о его нации, ее истории, науке, верованиях, намерениях — все, что, с точки зрения астронома, соответствовало бы их нормальному интересу к людям. Но к чему этот торжественный обмен вопросами и ответами, если предполагалось, что только Эвери понимает их? Делалось ли это для Лоренцена, предупредил ли их Эвери, что он может знать больше, чем показывает? И если так, то насколько он уверен в том, что Лоренцен понимает.

С каждой минутой он чувствовал себя все хуже. Что делать, что делать?! Лоренцен посмотрел вдоль длинного сверкающего стола. Вокруг сидели рорванцы в своих ярких варварских одеждах в противоположность тускло-коричневой запачканной одежде людей — ряд против ряда, лицо против лица, все лица улыбающиеся и абсолютно недоступные пониманию. Что скрывалось в этих золотых глазах? Сидел ли он за столом с подлинными хозяевами Вселенной? С богами, играющими в простых солдат и крестьян? А когда рорванцы улыбались, были видны длинные клыки.

Наконец этот вечерний кошмар кончился. Лоренцен был насквозь мокрым и не мог удержать дрожи в руках. Эвери взглянул на него, во взгляде была лишь симпатия, но что он думал на самом деле? Боже небесный, был ли он на самом деле человеком? Хирургическая операция, синтетическое тело — что скрывалось за круглой маской лица Эвери?

— Вы плохо выглядите, Джон, — проговорил психолог.

— Я... немного устал, — пробормотал Лоренцен. — Все

будет в порядке после хорошего ночного сна.— Он искусно зевнул.

— Да, конечно. День был слишком длинным.

Они пошли в сопровождении группы чужаков — почетный караул или настоящая охрана?— и шли так до их помещения. Им отвели два соседних помещения, и Эвери предложил, чтобы Лоренцен и Гуммус-Луджилль заняли одно, а остальные трое — другое помещение. Если они пробудут здесь несколько дней, это послужит тактическим способом избежать столкновений между турком и фон Остеном, но...

— Спокойной ночи, ребята... Увидимся утром...

Лоренцен откинул занавес, отгораживающий их помещение от главного прохода. Они были в пещере, освещаемой электричеством. Стояла глубокая тишина, которой никогда не бывает в земных городах с их нескончаемым движением. Гуммус-Луджилль с довольной улыбкой взял со стола бутылку.

— Их вино... хорошее, мне понадобится ночной горшок.

Одним ударом он выбил пробку.

— Дайте мне. Мне нужно выпить.— Лоренцен поднес бутылку к губам, но опомнился.— Нет!

— Что?— Гуммус-Луджилль удивленно смотрел на него.— Смелее, начинайте!

— Нет!— Лоренцен со стуком опустил бутылку.— В ней может быть наркотик.

— Что?— повторил инженер.— Вы себя хорошо чувствуете, Джон?

— Да.— Лоренцен услышал стук своих зубов и замолчал, сделав глубокий вдох.— Послушайте, Кемаль. Я надеялся, что мы останемся одни. Я хочу рассказать вам... кое-что.

Гуммус-Луджилль провел рукой по темным волосам. Лицо его застыло, но глаза оставались настороженными.

— Конечно. Давайте.

— Пока я говорю, вы лучше проверьте пистолет и ружье. Вы уверены, что они заряжены?

— Да. Но что...— Гуммус-Луджилль увидел, как Лоренцен отбрасывает занавес и выглядывает наружу. Все было пусто и тихо. Ничто не двигалось, не слышно ни звука, ни шороха, как будто весь поселок спит. Но где-то рядом бессонные умы, они думают, думают.

— Джон, я попрошу Эда взглянуть на вас.

— Я не болен.— Лоренцен положил руки на плечи турку и усадил его на кровать с силой, какой не подозревал в себе.— Черт возьми, все, что я хочу — это, чтобы вы выслушали меня. А когда выслушаете, сами решите, сошел ли я с ума, или мы в настоящей ловушке, той, куда угодил «Да Гама».

Лицо Гуммус-Луджиля стало суровым.

— Говорите,— уже спокойно сказал он.

— Вас ничего не удивляет в рорванцах? Нет ли в них чего-то странного на ваш взгляд?

— Ну... конечно, есть, но не можем же мы ожидать, что чужаки будут действовать так же, как...

— Конечно. Конечно, всегда находится ответ на каждый встающий перед нами вопрос.— Лоренцен расхаживал взад и вперед, сжимая и разжимая кулаки. Странно, но он совершенно перестал заикаться.— Но подумайте над этим вопросом вновь. Обдумайте все странности в целом.

Группа рорванцев, путешествующая по огромной пустой равнине, случайно находит нас. Вероятно ли это? Они — господствующая раса, разумная раса, они млекопитающие, единственные млекопитающие на планете. Любой биолог-эволюционист удивится этому факту. Они живут под землей и не имеют сельского хозяйства, используют поверхность для охоты и сбора растений. Традиция, моральный кодекс, говорим мы, но любой моральный кодекс должен иметь смысл, а этот не имеет.

Наши проводники не сумели распознать ядовитую ящерицу, которая, вероятно, широко распространена и представляет угрозу для них самих. Даже если они никогда лично не видели ее, они обязательно должны были слышать о ней, как американцы слышали о кобре. Дальше — еще хуже: они попали в ловушку прилива, потеряли одного из своих в шестидесяти километрах от собственного дома! Они ничего не знали об этом проклятом месте!

Я говорю вам, рорванцы — подделка, фальшивка. Они играют с нами. Они такие же туземцы на этой планете, как и мы.

Молчание. Молчание было таким продолжительным, что Лоренцен слышал отдаленное гудение двигателей. Его собственное сердце начало так сильно стучать, что заглушило все, кроме слов Гуммус-Луджиля:

— Иуды! Если вы правы...

— Говорите тише. Конечно, я прав. Только это объясняет все. Это объясняет также, почему нас так долго вели сюда. Они должны были построить все это! А когда придут их «ученые» и «представители рорванского правительства», то придут они с рорванского космического корабля!

Гуммус-Луджиль медленно и удивленно покачал головой.

— Никогда не подумал бы...

— Нет. Нас вели вперед, давали гладкие подходящие объяснения, когда мы удивлялись чему-нибудь. Вначале им помог этот языковой барьер. Мы, естественно, не задавали вопросов, и они не должны были отвечать прямо. Это вовсе не такой трудный язык. Я самостоятельно изучил его, как только решил, что это не трудно. Когда я только начал изучать его, мне давали множество неверных советов и сведений — вся эта ложь!.. Например, у них вовсе нет вариативных изменений наименований предметов, во всяком случае не больше, чем в английском или турецком. Как только я отбросил ложную информацию...

— Но зачем? Зачем они делают это? Что они надсются выиграть?

— Конечно, планету. Если мы дома сообщим, что здесь есть высокоцивилизованные туземцы, Земля утратит интерес к Троасу, и их люди смогут колонизировать планету. Вот тогда планета будет принадлежать им, и мы не сможем отобрать ее у них.

Гуммус-Луджиль встал. Лицо его было угрюмо. За несколько минут изменился его взгляд на события.

— Хорошо сделано, Джон! Черт меня возьми, если вы не правы. Но... вы думаете, они хотят убить нас?

— Нет. Они спасли Джоаба и Фридриха, вы помните это, когда легко могли оставить их умирать. Думаю, они не убьют нас, если только не заподозрят, что мы знаем правду. Наш отрицательный доклад дома ценнее, чем наше исчезновение.

— Что ж... — Гуммус-Луджиль улыбнулся, и белые зубы осветили его широкое смуглое лицо. — Тогда все просто. Мы играем с ними, пока не вернемся в лагерь, а потом поговорим...

— Но это не так просто, Кемаль! Эвери в сговоре с ними!

Глава шестнадцатая

На этот раз инженер не сказал ничего, но рука его сама потянулась к висящему у пояса пистолету.

— Эвери... старина Эвери... — произнес Лоренцен. Внутри у него нарастал болезненный смех. — Он подделывал эти лингвистические сведения. Он давал большинство ответов на наши вопросы. Он учил рорванцев и засиживался допоздна, говоря с ними... — И кратко пересказал подслушанный разговор.

— Вы считаете, что происшествие с «Да Гама»... связано с ними? — хриплым голосом спросил Гуммус-Луджиль.

— Все совпадает, не правда ли? Первая экспедиция исчезла. Вторая встретила при своей подготовке множество помех, вплоть до внезапной замены всего руководства института. Правительство помогло набрать добровольцев для этой экспедиции, и у нас получился очень плохо подобранный, постоянно конфликтующий, недеспособный экипаж, какой когда-либо поднимался на корабле в космос. Наш Эвери с самого начала был психологом экспедиции, но ничего не сделал, чтобы уладить эти конфликты. Эвери занимает официальный пост, он один из тех советников, на которых все больше и больше опирается парламент... И когда мы, несмотря ни на что, все-таки достигли планеты, появились рорванцы. А если мы захотим отправиться домой с положительным сообщением — что ж, ведь «Да Гама» исчез...

Пот блестел на их лицах, оба тяжело дышали, и Лоренцен вновь начал дрожать.

— Но правительство... — Гуммус-Луджиль почти просто-на-простое.

— Не официальное правительство. Парламент уподобился чашке с золотыми рыбками. Психократы, советники — незримая власть. Они имеют своих людей повсюду. Одного патрульного корабля, полностью укомплектованного их людьми, вполне достаточно, чтобы позаботиться о «Да Гаме». И для нас будет достаточно...

— Но почему? Во имя Господа, почему?..

— Не знаю. Может никогда и не узнаю. Но представьте себе более старую цивилизацию, чем наша, может быть, рорванцы и есть подлинныя хозяева Галактики, может быть, психократы на Земле лишь их оружие, а может, и те и другие лишь игрушки в руках обитателей какой-нибудь

другой планеты. Они не хотят, чтобы люди вышли в межзвездное пространство.

Оба молчали и думали о миллионах солнц, и о великой холодной тьме между ними...

— Хорошо, — сказал наконец Гуммус-Луджиль задумчиво. — Но что же нам делать теперь?

— Не знаю, — с отчаянием проговорил Лоренцен в ответ. — Может, стоит подождать, выиграть время, пока мы сможем поговорить с капитаном Гамильтоном. Но, с другой стороны, нам могут и не дать такой возможности.

— Да. Может случиться все, что угодно... Если кто-то или что-то узнает, что мы знаем... Или, возможно, рорванцы решат не рисковать, не оставлять все на потом и уничтожат нас и лагерь, пока Гамильтон ничего не подозревает. — Гуммус-Луджиль взглянул на передатчик, стоящий в углу. — Сомневаюсь, чтобы можно было вести передачу отсюда. Здесь в стенах слишком много металла и он будет экранировать. Нужно выйти наружу.

— Ладно. — Лоренцен взял в руки ружье. — Сейчас такос же подходящее время, как и всякое другое.

В лагере были установлены робомониторы, которые автоматически записывали все сообщения их передатчика и в случае необходимости поднимали тревогу.

Астроном вновь выглянул в главный коридор. Ничего не двигалось, тишина, гробовое молчание. Лишь гулкий стук сердца. Лоренцен задал себе вопрос, сумеют ли они выбраться из пещеры и вернуться незамеченными.

А если нет — все равно следовало рискнуть. Пот заливал его лицо, и он не мог унять нервную дрожь, но работу все равно нужно было сделать. С этим было связано больше, чем просто овладение Троасом. И Солнечная система, и все человечество должны знать, кто здесь подлинный хозяин, иначе никогда в оставшиеся дни не будет Лоренцен знать покоя.

Гуммус-Луджиль надел на плечо лямку приемо-передатчика, хмурясь. В одной руке он держал ружье, на поясе висел нож. Приготовления были закончены, пора было начинать.

Они вышли в коридор. Глаза их задержались на пологое, закрывающем вход в соседнее помещениис. Там был Эвери. Хорошо было застать Торнтона или фон Остена одних, но

они не рискуют разбудить человека или существо, называющее себя Эдвард Эвери.

Мимо длинного ряда дверей — их тихие шаги, казалось, отдавались грохотом — они шли к выходу в молчаливой пустоте туннеля.

Из бокового туннеля вышел рорванец. Он держал мушкет и преградил им дорогу. Желтые глаза его сверкали тревогой. Он спросил:

— Куда вы идете?

Лоренцен вовремя удержал себя от ответа — предполагалось, что он не знает языка. Он улыбнулся, развел руками и подошел ближе. Ружье рорванца задрожало. Если они были желанными гостями... Наконец он принял решение и оттолкнул их назад.

— Конечно, — горько прошептал Гуммус-Луджилль. — А завтра нам скажут, что это для нашего же блага, потому что тут много опасных хищников... Подойдите к нему, Джон. Не угрожайте, а попытайтесь спорить.

Лоренцен кивнул. Он приближался к рорванцу, пока мушкет почти не уперся ему в живот.

— Послушайте, — терпеливо сказал он, — мы всего лишь хотим прогуляться. Разве нельзя? Все, что нам нужно, это небольшая прогулка.

Охранник выкрикнул «нет!» и попытался оттолкнуть его.

Гуммус-Луджилль оказался рядом с Лоренцем. Он схватил мушкет рорванца и потянул его в сторону. Лоренцен тоже схватился за мушкет, вдвоем они вырвали его у рорванца. Турок выбросил вперед кулак. Последовал глухой удар, рорванец откинулся назад и упал. Гуммус-Луджилль оседлал его и схватил за горло.

— Все в порядке, — сказал он через мгновение. — Оторвите полосы от его одежды, нужно связать его и заткнуть кляп. Может быть, лучше было бы убить этого ублюдка... но...

Через минуту они вновь быстро шли по туннелю. Шума было мало, тревоги никто не поднял. Но в любой момент пещера могла ожить.

Наконец они достигли выхода из туннеля — сине-черная тьма и безжалостная яркость звезд созвездия Геркулеса. Они выбежали наружу, вокруг были деревья, над ними — небо, в отдалении послышался крик какого-то животного.

— Сюда, подальше от пещеры! Этот чертов часовой! Теперь ничего не поправишь и надо действовать.— Гуммус-Луджилль присел на корточки перед своим передатчиком. Пальцы его побежали по клеммам.— Должно прогреться. Что мы будем делать после?

— Не знаю. Попытаемся спрятаться где-нибудь.

Лоренцен старался успокоить дыхание. Ему казалось, что биение его сердца слышно далеко.

Панель передатчика осветилась, загорелся красный глазок. Гуммус-Луджилль надел наушники и сделал несколько пробных ударов ключом.

— Нет, еще не прогрелся.

И тут началась тревога, послышался высокий и скрежещущий звук, который пронзил Лоренцена, словно мечом. Он отскочил назад, поднял ружье и глотнул воздух.

— Боже, они нашли часового.

— Или где-то у них спрятан детектор, который и поднял тревогу, как только мы начали передачу...

Гуммус-Луджилль мрачно выругался. Во входе в туннель показались гибкие фигуры, черные на светлом фоне. Сквозь вой сирены пробился голос рорванца:

— Прекратите! Прекратите передачу по радио, или мы уничтожим вас!

Гуммус-Луджилль начал передачу.

Лоренцен побежал от него зигзагами между деревьев. Гибкие ветки хватали его за руки, за ноги, он споткнулся, выругался, так как больно ушиб локоть о невидимую ветвь. Бояться было некогда. И следовало отвлечь внимание врагов от передатчика. Гуммус-Луджилль должен прожить достаточно долго, чтобы передать сообщение на корабль. Лоренцен громко крикнул.

Грянули выстрелы дюжины мушкетов. Он услышал гневное жужжание пуль мимо ушей, несколько пуль ударило в ствол, за которым он прятался. Это был толстый ствол, на высоте полутора метров разделявшийся на две ветки. Он пристроил ружье в развилке и установил переключатель на автоматический огонь. Рорванцы бежали к нему.

Его автомат заговорил короткими очередями. Неопределенная масса бегущих теней рассыпалась. Он услышал крики боли, увидел, как падают враги, но в этот момент почувствовал сожаление. «Джугау, Аласву, Силиш, Меншуа, Сипарру — вы были хорошими друзьями...»

Рорванцы отступили от роши и от светлого пятна входа в пещеру. Они окружили рошу, но каждый раз очереди автомата останавливали их.

Заговорило что-то вроде пистолета-пулемета, посылая горячие белые трассы в темноту под деревьями. Итак, они пустили в ход свое настоящее оружие! Лоренцен отступил назад и стал ждать смерти.

Много новых врагов появилось будто из-под земли. Лоренцен стрелял, заставляя их отступать назад, но кое-кто прорвался через свинцовую завесу. Ружейное ложе жестко прижималось к его щеке. Он смутно ощущал влажную жесткую почву под ногами. Отблеск света на небе говорил о том, что на восточном горизонте восходит Сестра.

Вдруг что-то сверкнуло у входа в пещеру. Лоренцен увидел падающих и бегущих рорванцев. Две фигуры вырисовывались на светлом фоне — Торнтон и фон Остен: они услышали шум и выбежали на помощь.

Немец стал стрелять в направлении трасс пистолета-пулемета — и эти трассы исчезли. Фон Остен взревел и кинулся от входа из туннеля. Но он двигался недостаточно быстро. Лоренцен слышал металлический щелчок. Фон Остен повернулся на пятках и упал, как тряпичная кукла. Торнтон прижался к земле и пополз в тень.

Ночь была полна глаз и летящего металла. Рорванцы окружили рошу и непрерывно обстреливали ее.

— Джон! Где вы? — настойчивый шепот, как змея, пробиравшаяся под сучковатые ветви.

— Здесь, Кемаль.

Турок на животе подполз к дереву Лоренцена и встал с автоматом в руке. Первые бледные полосы лунного света пробились между деревьями и пятнами легли на его лицо. В его голосе не чувствовалось торжества, для этого не было времени. Он быстро пробормотал:

— Я передал сообщение. Не было времени на подробности, сказал только, что у нас стычка с туземцами и что они вовсе не настоящие туземцы. Что теперь?

— Теперь, — сказал Лоренцен, — осталось только продержаться, сколько сможем.

— Да. Я просил парней на базе, как только они получают сообщение, запеленговать нас и послать сюда несколько вооруженных шлюпок. Может, продержимся до тех пор?

Справа послышались выстрелы. Чья-то быстро бегущая фигура появилась в роще.

— Сюда! — крикнул Лоренцен. — Сюда, Джоаб!

Он и Гуммус-Луджиль упали на землю и отползли в сторону.

Марсианин, почти незаметный в своем черном костюме, подполз к ним. Он тяжело дышал, в лунном свете его лицо было совсем белым.

— Мы услышали шум... выбежали, увидели, что вас нет... Эвери говорил, что необходимо остаться... рорванцы пытались остановить нас, но мы прорвались... Мы решили, что на вас напали... Что случилось?

Лоренцен не ответил. Он полз впереди всех, направляясь к месту, где была наиболее густая тень. Здесь несколько деревьев образовывали круг — почти сплошная баррикада. Они проскользнули между стволами и ветками и направили свои автоматы в трех направлениях.

Рорванцы вновь предприняли наступление, и через какое-то мгновение все превратилось в огонь и гром, все кричало и ревело, золотые и сверкающие глаза появлялись из темноты и исчезали вновь. Было брошено несколько гранат, но все они разорвались, не долетев до баррикады. Автоматы людей гремели. Свистели пули рорванцев, начал работать второй пулемет — настоящая буря смерти.

Но атака захлебнулась, атакующие подались назад, исчезая во тьме. Несколько раненых чужаков отползли подальше, несколько мертвых лежало там, где их застигла смерть. Резкий запах дыма ощущался в холодном воздухе.

Тишина продолжалась, казалось, очень долго. Затем из темноты послышался человеческий голос:

— Согласны на переговоры?

И это был голос Эвери.

Глава семнадцатая

— Хорошо, — сказал Гуммус-Луджиль. — Идите один.

Луна поднялась выше; ее длинный косой луч осветил психолога, выступающего из-за дерева. Рорванцев не было видно и даже не слышно: они лежали, окружив рощу. После шума боя казалось, что огромная тишина опустилась на мир.

Эвери подошел к кругу деревьев и посмотрел на стволы автоматов.

— Можно мне войти?— мягко спросил он.

— М-м-м... да, думаю, можно,— проговорил Гуммус-Луджиль.

Психолог протиснулся между стволами. Глаза Лоренцена привыкли к темноте, он смутно видел лицо Эвери, видел выражение ужаса на его лице; тот же ужас дрожал в голосе психолога.

— Что вы хотите?— резко спросил астроном.

— Хочу знать, отчего вы все сошли с ума и зачем вы обрушились на своих хозяев — дружественных туземцев?

Гуммус-Луджиль горько рассмеялся. Торнтон пожал плечами и пробормотал:

— Они оказались не очень дружественными, когда убили фон Остена.

Лоренцен ответил:

— Они не туземцы, и вы знаете это не хуже меня. Вы должны знать! Или вы один из них, только замаскированный?

— О чем вы говорите?— закричал Эвери.— Вы сошли с ума!

— Кончайте,— устало проговорил Лоренцен. В нескольких холодных словах он рассказал о своих выводах.— И то, что произошло сейчас, подкрепило мои выводы,— закончил он.— Они обнаружили нашу передачу. У них есть пулеметы не хуже наших. Они пытались убить нас, чтобы мы не смогли передать сообщение на базу.

Торнтон свистнул и крепко сжал губы.

— Ладно,— кивнув, безо всякого выражения сказал Эвери.— Что вы передали в лагерь?

— То, что сказал вам...

— У вас на это было мало времени. Азбукой Морзе...

Лоренцен почувствовал восхищение мозгом, скрывавшимся за этим плоским лицом.

— Вы проиграли,— сказал он,— мы передали, что у нас столкновение с туземцами, и что рорванцы не туземцы. Но этого вполне достаточно, и Гамильтон сумеет сложить два и два, так же, как и я.

— Вы должны сказать об этом рорванцам.

— Если они убьют нас, то за нас отомстят шлюпки из лагеря.

Внезапно Эвери разъярился. Он сжал кулаки, стоя в центре их группы, и сплюнул на затененную землю.

— Вы глупцы! Вы слепые идиоты! Как вы не понимаете, что рорванцы правят Галактикой. Вы выступаете против Галактической империи!

— Сомневаюсь!— прошептал Гуммус-Луджилль.

— Вызовите лагерь вновь. Скажите, чтобы они оставались на месте. У них не будет ни одного шанса. Рорванская наука на десять тысяч лет опередила земную.— Голос Эвери стал спокойнее, но говорил он по-прежнему быстро.— Возможно, еще не поздно возместить ущерб. Если вы можете мне, поддержите рассказ, который удовлетворит Гамильтона, все еще можно будет уладить. Но Солнечная система никогда не должна узнать об истинном положении. Я объясню все позже, объясню только вам троим. А теперь действуйте, быстрее! Остановите шлюпки!

Он почти убедил их. Гуммус-Луджилль опустил ружье и полуобернулся к передатчику.

Тогда Лоренцен засмеялся.

— Отличная выдумка, Эд,— сказал он.— Да, чертовски отличная. Но она не пройдет, вы знаете.

— О чем вы говорите? Если эти шлюпки прилетят сюда, они будут уничтожены, рорванцы сметут весь лагерь, уничтожат корабль.

Мозг Лоренцена работал необыкновенно четко и хладнокровно. Быстро и твердо прозвучал его ответ:

— Если рорванцы могут это, почему они не уничтожили нас дезинтегрирующим лучом до этого? Почему не заглушили нашу радиопередачу? Хотелось бы знать, зачем им понадобилась эта хлопотливая и сложная маскировка? Нет, Эд, вы опять блефуете.— И добавил гневно: — А теперь, клянусь Господом, вы расскажите правду или убирайтесь отсюда!

Что-то сломалось в Эвери. Было неприятно смотреть на это: он съезжился, опустил глаза. Лоренцен был рад, что почти ничего не видно.

— Сейчас идет погрузка в шлюпки,— сказал Торнтон.— Им потребуется несколько минут, чтобы долететь сюда.

Сестра высоко поднялась над горами, ее чужое лицо превратилось в сине-зеленый полукруг, окаймленный тысячами морозных звезд. Легкий ветерок пронесся по роще и зашуршал листьями. Где-то в тени заговорили два рорван-

ца, глухо зазвучали нечеловеческие голоса, где-то далеко шумел морской прибой.

— Ну что ж, хорошо,— прошептал Эвери.

— Это ведь план вашей клики в правительстве, не так ли?— Лорсенцен безжалостно подавил слабое сопротивление психолога.— Ваши парни ответственны за исчезновение «Да Гама» и за все помехи на пути нашей экспедиции. Скажите, вас подкупили рорванцы?

— Нет, нет. Они случайно оказались здесь, когда прилетел «Хадсон».— Эвери говорил сейчас так тихо, что его с трудом было слышно.— Их дом находится, я думаю, в десяти тысячах светолет от Солнца. Это землеподобная планета, и их цивилизация находится в сфере технологии на том же уровне, что и наша. Они тоже ищут пригодные для колонизации планеты. Эта экспедиция нашла Троас и стала исследовать его, когда появились мы. Они обнаружили наш корабль, когда мы пересекали диск спутника.

Конечно, они встревожились. Они не знали, кто мы, чего хотим... ничего не знали. Они перевели свой собственный корабль на орбиту, перпендикулярную нашей и подальше от нее. Естественно, поскольку мы ничего подобного не ждали, то никто из нас не заметил их корабля. Они замаскировали свои посадочные шлюпки и свой лагерь и сделали это раньше, чем мы стали фотографировать поверхность планеты... Они следили из космоса, как мы высадились, устроили лагерь и стали работать. Нетрудно было догадаться, что у нас те же самые намерения, что и у них, но, конечно, они хотели быть уверены в этом и в то же время сообщить как можно меньше сведений о себе. Тогда они решили выдать себя за туземцев... Отряд, который привел нас сюда, был высажен в нескольких километрах от лагеря после того, как в корабельных мастерских они изготовили для отряда оружие и все остальное.

— Отличная идея,— пробормотал Торнтон.— Прекрасная стратегия. Естественно, мы показали примитивным туземцам больше, чем космонавтам с чужого корабля — возможным врагам и конкурентам.

— Тем временем,— будто не слыша его, продолжал Эвери,— остальные строили этот подземный поселок. Героический труд, даже с их техникой и атомной энергией. Они решили создать видимость цивилизованных туземцев... Вы правильно угадали, Джон. И я угадал это, изучив их язык

еще в лагере... Было несколько противоречий, я сопоставил их, для психолога этого достаточно... Я поставил Джугау перед очевидностью и сказал, что хочу им помочь. С этого времени я действовал вместе с рорванцами.

— Но почему?— взорвался Гуммус-Луджиль.— Почему, черт побери!

— Я не хотел, чтобы «Хадсон» разделил судьбу «Да Гама».

Наступило молчание.

— Смерть, вы хотите сказать?— спросил Торнтон.

— Нет, нет, позвольте объяснить.— И ровный усталый голос вновь зазвучал в тени.— Вы знаете правило о том, что возвращающийся корабль, люди с которого высаживались на чужую планету, обязан предварительно сделать доклад Патрульной Службе на одной из се баз: на Церере, Тритоне, Ганимеде или на Япете,— той базе, которая окажется ближе. Там, на базе, он должен пройти карантин перед возвращением на Землю. Мы знали, что «Да Гама» сделает доклад базе на Церере, и предположили, что он доложит о пригодности Троаса к колонизации. Мы позаботились, чтобы база на Церере была укомплектована нашими людьми. Когда корабль прилетел туда, экипаж перевели на другой корабль. Но никому не причинили вреда. Вы помните Новый Эдем — прекрасную планету в системе Тау Кита, где живут цивилизованные туземцы? Мы заключили с ними соглашение. Люди с «Да Гама» теперь там. Это не тюрьма, они вольны жить как хотят, мы даже доставили туда женщин. Но мы не хотим, чтобы они вернулись в Систему.

— У многих из них были семьи,— сказал Гуммус-Луджиль.

— Некоторые очень легко перенесли разлуку с ними. А семьи получили хорошую пенсию... Поэтому я не хотел, чтобы вы разделили их судьбу. И мне пришлось бы... А у меня тоже есть жена и дети. Я был избран большинством быть психологом этой экспедиции, и я был готов никогда не увидеть вновь наш народ. Но у меня появился шанс: если бы мы вернулись домой и доложили о неудаче, Троас был бы забыт.

— Отлично,— сказал Лоренцен.— Итак, психократы хотят удержать людей от колонизации. После того, как межзвездные сообщения оказались невыгодными экономически,

людей совсем решили отлучить от звезд. Теперь объясните нам, почему?

Эвери взглянул вверх. Его лицо было искажено мукой, но в голосе звучала слабая надежда.

— Это все к лучшему, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы действовали со мной вместе, провели Гамильтона и остальных, когда мы вернемся. Мы можем рассказать им о несчастном недоразумении, о мятеже, о чем-нибудь еще. Говорю вам, будущее нашей расы зависит от нас.

— Как?!

— Человек не готов к такому шагу, — спокойно сказал Эвери. — Наши знания опередили нашу мудрость, и мы оказались в аду, длившемся два столетия, из которого только-только выбрались. Психодинамисты в правительстве выступают против самой идеи межзвездных путешествий. Остановить сейчас их уже поздно, но мы надеялись, что человечество откажется от них под влиянием разочарования. Через тысячу лет человек будет готов к этому. Но пока нет. Он еще недостаточно вырос.

— Это ваша теория! — выпалил Торнтон. — Ваша глупая теория!

— Это история и уравнения, которые интерпретируют, объясняют и предсказывают историю. Наука наконец достигла такой ступени, когда человек может управлять своим будущим, своим обществом; война, бедность, голод, смута — все, что ранее происходило бесконтрольно, как природные катастрофы, может быть остановлено. Но вначале человек, вся человеческая раса должна созреть. Каждый индивидуум должен стать нравственно здоровым, умеющим критически мыслить, способным к воздержанию. Невозможно быстро изменить общество. Потребуется тысяча лет тонкого, медленного, искусного, тайного руководства — пропаганда, образование, открытое взаимодействие религии, экономики и технологии, чтобы добиться такого состояния культуры, какого мы хотим. Это будет не похоже ни на что предыдущее. Человек не должен быть слепым, жадным, напористым, безжалостным животным; у него должно быть самообладание, чувство собственного достоинства и удовлетворенность — должна быть мысль, все должны мыслить так же, как и дышать. Только тогда мы сможем выйти в Галактику.

— Долго же придется ждать, — пробормотал Гуммус-Луджилль.

— Это необходимо, говорю я вам! Или вы хотите, чтобы наша раса навсегда осталась звериной? Физически мы сильно развились, пришло для нас время развиваться умственно, душевно, если хотите. У нас... психократов... есть правильное представление о дороге, которой нужно идти, о медленной, управляемой эволюции общества. У нас достаточно данных, и мы уже создали начальные условия для строительства Утопии. Совсем немного — и в Англии будет основан университет, а еще через два столетия Европа вновь станет членом цивилизованного общества; экономическое равновесие постепенно проникнет в Азию, Индия становится ведущим членом Союза, созерцательная индийская философия должна смягчить агрессивных людей Запада... Мы планируем все это, говорю вам, не в деталях, но мы знаем, куда мы идем.

— Думаю, что я понял, — пробормотал Лоренцен. Ветер подхватил его слова, в лунном свете его глаза блеснули. — Межзвездные путешествия уничтожают все это.

— Да, да! — Эвери говорил теперь легко, его слова действовали на них, они звучали торжественно, как пророчество. — Предположим, люди установят, что Троас пригоден для колонизации. Рорванцы не смогут сопротивляться, у них нет нашего таланта к военной организации — именно поэтому они решили нас обмануть; если их обман не удастся, они подчинятся и отправятся на поиски другой планеты. Это изменит все положение человечества. Вся психологическая атмосфера станет совершенно иной.

Если несистематические поиски могут нам дать одну пригодную для человека планету за двадцать лет, то флот охотников будет отыскивать каждые четыре-пять лет гораздо больше территории, чем нам нужно. Люди осознают, что они все-таки могут эмигрировать. Организация общества изменится и будет направлена вовне, а не вовнутрь. И ничто не сможет остановить этот процесс.

Наши психодинамические данные потеряют всякую ценность, мы вновь окажемся в темноте. Подъем эмиграции произведет суматоху, которую мы не сможем контролировать; уже созданные нами социальные условия разрушатся, и мы не сможем создать их вновь. Колонисты будут формироваться главным образом из недовольных элементов, боль-

шинство из них будет недружелюбно относиться к правительству Системы — это вызовет множество беспорядков, много непредсказуемого, всем этим нельзя будет управлять! Человечество расселится так широко, что не будет поддаваться никакому контролю. Идея Объединенной Галактики — чепуха, нечего и думать об этом, здесь даже не сможет существовать торговля или регулярное сообщение. По своим путям начнут развиваться миллионы эксцентричных маленьких цивилизаций.

Вступят в действие абсолютно непредсказуемые факторы: чужие планеты, чужие цивилизации, новые знания о Вселенной, мутации...

И человек вновь станет жертвой случайностей. Наступит хаос и страдания, подъем и падение культур, войны и угнетение — отныне и до конца времен!!!

Он остановился, слова его повисли в молчании. Все четверо стояли неподвижно, прижимаясь друг к другу в окружении чужаков. Они словно ждали чего-то.

— Хорошо, — сказал наконец Эвери. — Вы получили мой ответ. Теперь я жду вашего. Поможете ли вы мне объяснить все это, согласитесь ли вы вернуться и молчать до конца жизни? Я прошу много, я знаю, но сможете ли вы смотреть в лицо будущему, которое вы предаете?

Глава восемнадцатая

Все смотрели друг на друга.

— Вы должны решать быстро, — сказал психолог. В его голосе было неожиданное спокойствие, он слабо улыбался. — Шлюпки будут здесь с минуты на минуту.

Гуммус-Луджиль ковырял землю носком сапога. Лицо его выражало страдание. Торнтон вздохнул. Лоренцен почувствовал в себе твердую решимость и заговорил:

— Эд, вы знаете, что все это правда?

— Я работал над этим всю жизнь, Джон.

— Это не ответ. Мне кажется, что сегодня ночью вы уже превысили свою долю семантически нагруженных слов. Я спрашиваю, насколько точны ваши заключения о том, что случится, если человечество останется в Солнечной системе... и если не останется.

— Это вероятностная неопределенность. Мы знаем,

как следует делать историю. Конечно, все может случиться. Например, Черная Звезда вторгнется в Солнечную систему, но...

— Но в то же время вы говорите, что, если человек выйдет к звездам, то его будущее непредсказуемо, и оно мрачно.

Гуммус-Луджилль и Торнтон одновременно подняли головы и взглянули на Лоренцена.

— Непредсказуемо в деталях,— сказал Эвери с раздражением.— Но в общем я могу предположить...

— Неужели можете? Сомневаюсь. Больше того, я не верю в это. Вселенная содержит в себе все возможности, физически она слишком велика, чтобы быть включенной в какую-либо человеческую теорию. И если где-то в Галактике дело пойдет плохо, то в другом месте оно пойдет лучше, чем вы можете себе представить.

— Я не говорю, что мы навсегда останемся на месте, Джон. Только вначале мы должны научиться сдержанности, доброте и достаточно сложному процессу мышления.

— Пока мы все не будем сделаны по единому образцу — вашему образцу! — резко проговорил Лоренцен.— Я утверждаю, что человек, скорчившись в своем маленьком убежище, чтобы думать чистые думы и созерцать свой пуп, больше не человек. Я утверждаю, что, несмотря на все наши ошибки и прегрешения, мы чертовски далеко ушли от животного, бегавшего в джунглях всего только двести поколений назад. Мне нравится человек таким, какой он есть, а не как представление о том, каким он должен быть. Никто не позволит подогнать целую расу под единый образец, у нас всегда были и будут отличия, всегда были, есть и будут бунтовщики и еретики. Они необходимы нам!

— Вы поддаетесь эмоциям, Джон,— сказал Эвери.

— Это увертка, Эд, которая скрывает тот факт, что все это вопрос эмоций. Это дело предпочтения и веры. Я лично считаю, что ни одна маленькая группа не имеет права навязывать свою волю кому-то другому. А именно это вы и делаете, вы, психократы. Но очень мягко, вежливо, конечно. Я думаю о том, как одиноко чувствуют себя жены и дети членов экипажа «Да Гама».

Лоренцен повернулся к остальным.

— Я голосую за то, чтобы рассказать всю правду, выйти к звездам и получить все последствия этого,— сказал он.— Хорошо ли, плохо ли, но я хочу увидеть, каковы эти по-

следствия, и думаю, что большинство людей согласятся со мной.

Глаза Эвери устремились на остальных двоих.

— Я... я с вами, Джон,— сказал Торнтон и пояснил: — Человек должен быть свободен.

— Мне нужна маленькая ферма,— сказал Гуммус-Луджиль.— И если мой праправнук не сможет иметь свою ферму, тогда вся раса может отправляться в ад или куда-нибудь похуже.

Эвери отвернулся от них, они увидели в его глазах слезы.

— Мне очень жаль, Эд,— прошептал Лоренцен.

Оставалось только рассказать все Гамильтону и остальному экипажу. «Хадсон» вернется домой: он не будет докладывать Патрулю, он отправится прямо на Землю и сообщит обо всем прямо по радио. Тогда будет поздно оказывать какое-либо противодействие. Падет правительство, будут назначены новые выборы, психократы лишатся власти. Лоренцен полагал, что некоторые из них позже вернутся: в своем роде они были хорошими людьми и еще потребуются человечеству в будущем. Но они уже не будут пресградой, когда люди вновь поднимут глаза к звездам.

— Я попрошу рорванцев убить вас,— сказал Эвери. Его голос дрожал.— Я не хочу этого, но вынужден. Вы угрожаете будущему человечества, может быть, будущему всей Вселенной. Надеюсь, вы довольны собой!

Он отпрыгнул от них назад, в лес. Лоренцен видел мелькающие тени: рорванцы отступили назад, к своим космическим шляпкам, как подумал Лоренцен. Может быть они возьмут с собой Эвери, спрячут его, пока не утихнет гнев людей.

Вдалеке Лоренцен услышал нарастающий грохот ракет Гамильтона.

Два человека и много чужаков — созданий, также способных мыслить и чувствовать,— погибли, и правительство Системы пошлет новые корабли, чтобы люди могли устремиться к звездам. Не был ли Эвери прав? Лоренцен смутно чувствовал, что никогда не узнает ответа на свой вопрос. Может быть, ответа на него и не существует.

Экран

I

На мгновение, когда он смотрел на мегалополис, что-то вроде ужаса охватило его. Что теперь делать?

Багровое солнце опускалось за Центр, черным силуэтом вырисовывавшийся на фоне неба, где изредка пролетали самолеты. Вся линия горизонта, казалось, состояла из силуэтов объединенных субгородов и башен. Однако Коскинен знал, что это только иллюзия. На самом деле огромные здания стояли друг от друга на большом расстоянии, а между ними находились низкоэтажные дома: магазины, квартиры для людей низшего класса. И все это соединялось между собой с помощью труб, которые сейчас сверкали в последних солнечных лучах. Однако внизу, на земле, была самая прозаическая сеть улиц, движущихся тротуаров, монорельсов. Там, внизу, в окнах уже вспыхнули огни — темнота там наступит раньше, — включались уличные фонари, зажглись фары автомобилей и трамваев. Здесь, на высоте сотни этажей, стояла тишина, и город внизу казался чем-то нерсальным. Как будто Коскинен видел какую-то чужую планету.

Он резко выключил стену обзора, и весь пейзаж перешел в беспорядочные переливы пастельных тонов. Коскинен не проигрывал те записи, которые предлагались ему в роскошно оформленном списке. И даже не стал слушать гавайскую гитару или музыку парижских кабаре, которые ему так понравились сегодня утром. Я хочу чего-то, что могу осязать физически, попробовать на вкус, понюхать, в конце концов.

Что же именно?

При отеле были свои бары, рестораны, бассейн, гимнастический зал, сад, театр — все, что можно было купить

или нанять на время. Он мог даже потребовать обслуживания по первому классу и уплатить за это на пять лет вперед. Кроме того, есть еще и сам город. А можно еще заказать стратокорабль и улететь в какой-нибудь западный город, нанять местный флайер или флиттер, улететь на окраину национального парка, провести ночь на берегу лесного озера. Или...

«Что?— спросил он себя.— Я могу заплатить за все, что хочу. Только мне не купить друзей. Уже целых двадцать чстыре часа я совершенно один! Я уже понял, как скучно платить за все!»

Он подошел к телефону.

— Звони,— сказал ему Дэйв Абрамс.— Централья Кондоминиум на Лонг-Айленд. Вот номер. У нас всегда найдется для тебя место. Да и Манхэттен рядом. Прекрасное место для развлечений. По крайней мере так было пять лет назад. А кроме того, я могу гарантировать самые вкусные в мире мамины булочки.

Коскинен опустил руку, не взяв трубку. Еще нельзя. Семье Абрамс тоже нужно время, чтобы узнать сына. Он за пять лет здорово изменился. Представители правительства, встречавшие команду в Годиар-Филл, отметили, что они стали спокойнее, как будто спокойствие Марса вошло в них, стало их частью. Нет, звонить он не будет. Он слишком горд для того, чтобы напрашиваться в гости. Это я, примите меня. Мне плохо одному. Ведь у меня нет друзей. И это после того, как он наговорил, что будет делать, как будет веселиться после возвращения на Землю.

Все его товарищи по экипажу имели преимущество перед ним. Они были старше, и у всех было место, куда они возвращались, где их ждали. На корабле даже было двое женатых. А у Пита Коскинена не было никого. Кошмары прошлой войны не затронули маленький городок в Северной Миннесоте, но сопутствующие эпидемии не пропустили его. И вот восьмилетнего выжившего ребенка, сироту, вырастили вместе с несколькими тысячами других. Было трудно. Не потому, что в школе к ним относились сурово. Нет, страна делала все, чтобы заменить сиротам родителей. Но страна нуждалась в большом количестве тренированных мозгов. Коскинен получил степень магистра в восемнадцать лет. В том же году Общество астронавтов приняло его предложение и включило в состав Девятой экспедиции на Марс.

Он был одним из тех, кто должен будет остаться на Марсе надолго и узнать побольше о марсианах. И Коскинен покинул Землю.

Он выпрямился. «Нечего жалеть себя,— подумал он.— Мне двадцать три года. У меня прекрасное здоровье, внушительный счет в банке».

— Нужно начинать с чего-то, парень,— сказал он вслух и пошел в ванную, чтобы посмотреть, как он выглядит. Красная блуза с высоким воротником, облегающие легкие голубые брюки, мягкие сапожки. Все это он купил сегодня в самом шикарном магазине. Он подумал, не сбрить ли ему свою светлую бородку, но затем решил, что его лицо без нее будет слишком детским — курносый нос, высокие скулы, голубые глаза. Тело его было мускулистым, сильным. Капитан Твен настаивал на ежедневных упражнениях, да и постоянно таскать на себе сто земных фунтов снаряжения — это тоже не прогулка на пикник. Коскинен удивился, как быстро он приспособился к земной силе тяжести. Пыльный, влажный воздух и температура позднего лета угнетали его больше, чем вес.

Через несколько дней, когда я сделаю официальное заявление, мое имя войдет в анналы истории. А пока нет ничего удивительного, что я на Земле никому не нужен. Нелзя же провести большую часть своей жизни в другом мире, так отличном от этого, что кажется сном, а по возвращении мгновенно стать таким же, как шесть миллиардов землян.

Раздался звонок.

В первое мгновение удивленный Коскинен не двинулся с места. «Кто?.. Кто-нибудь с корабля?— с надеждой подумал он.— Такой же одинокий, как я». Вспомнив про сканнер, включил его, но экран был пуст.

Испортился? Снова звонок. Коскинен нажал кнопку «Открыть».

Дверь открылась, и вошли два человека. Один из них нажал кнопку возле двери, и она закрылась. Другой рукой он щелкнул что-то в маленькой плоской коробочке. Сканнер вернулся к жизни, и на экране появился пустой коридор. Человек опустил коробочку в карман голубой обуви. Его компаньон двигался вдоль стены до тех пор, пока ему не стала видна ванная комната.

Коскинен стоял, замерев, ничего не понимая. Это были

мощные мужчины. Лица их были твердыми, почти без выражения.

— Эй,— начал он,— в чем дело?

Голос прозвучал довольно слабо и беспомощно, как будто звукоизоляция стен и пола поглотили его.

Человек возле ванны рывкнул:

— Ты Пит Дж. Коскинен с «Боаса»?

— Д-да, но...

— Мы из Службы Безопасности.

Человек достал из кармана бумажник, открыл его. Коскинен посмотрел на идентификационную карту, сравнил лицо владельца с фотографией. Живот у него поджался.

— В чем дело?— спросил он дрожащим голосом, так как даже новички на Земле знали, что СБ не занимается простыми преступлениями.

Человек спрятал бумажник. Коскинен успел заметить имя — Сойер. Человек возле двери остался анонимом.

— Наше бюро получило сообщение о тебе и твоей работе на Марсе,— сказал Сойер. Его глаза цвета стали пристально смотрели на Коскинена.— Сначала скажи, у тебя назначены какие-нибудь встречи на этот вечер?

— Нст. Нет, я...

— Отлично. Помни, что мы проверим твои слова, даже с помощью психовмешательства. Лучше не лги нам.

Коскинен отступил на шаг. Руки его внезапно вспотели.

— В чем дело?— прошептал он.— Я арестован? За что?

— Назовем это просто предохранительной мерой,— сказал Сойер чуть более дружеским тоном.— Технический арест. Но технический только до тех пор, пока ты отказываешься помогать нам.

— Но что я сделал?— Внезапный гнев охватил Коскинена.— Вы не можете пичкать меня наркотиками! Я знаю свои права! — крикнул он.

— Верховный суд три года назад постановил, что в случаях, касающихся национальной безопасности, допустимы методы психического вмешательства. Разумеется, эти свидетельства не могут быть использованы в суде — пока. Но это и не важно.— Сойер наклонился к Коскинену.— Где эта штука?

— Какая?— Коскинена охватила дрожь.

— Гаджет. Экранирующее устройство. Ты взял его с корабля вместе со своим багажом. Где багаж?

«Это почти единственный мой багаж»,— пронеслось в голове Коскинена.

— Что... Что... Что вам нужно?— услышал он свой заплетающийся шепот.— Я... никогда не воровал. Только хотел иметь его при себе, пока не сделаю официального сообщения.

— Никто не считает тебя вором,— сказал человек у двери.— Просто Служба Безопасности считает гаджет опасной штукой. Кто еще знает о нем, кроме других членов экспедиции?

— Никто.— Коскинен облизал губы. Страх стал понемногу оставлять его.— Он у меня здесь... в этой комнате.

— Отлично. Давай его сюда.

Коскинен прошел в кабинет, нажал кнопку. Стена скользнула в сторону, и появилась кое-какая одежда, плащ и сверток размером три на два на один фут. Он был завернут во вчерашнюю газету и перевязан бечевкой.

— Вот,— показал Коскинен.

— И это все?— подозрительно спросил Сойер.

— Устройство небольшое. Я покажу вам.— Коскинен наклонился, но Сойер положил руку ему на плечо.

— Не надо. Держись подальше от него!

Коскинен постарался подавить гнев, снова овладевший им. Он свободный американский гражданин, который хорошо поработал для своей страны. Кто они такие, эти плоскоштыпые, чтобы так обращаться с ним?

Служба Безопасности, вот кто. Это заставило его содрогнуться. Нет, конечно, он мало знал о них, никогда не слышал, чтобы они хватали людей без вины. Но о Службе Безопасности всегда говорили приглушенным голосом.

Сойер быстро осмотрел комнату.

— Больше ничего,— кивнул он.— О'кей, Коскинен, расплатись здесь, и мы уходим.

Он начал складывать вещи в чемодан, а Коскинен подошел к телефону, набрал номер и невразумительно пробормотал, что чрезвычайные обстоятельства вынуждают его срочно уехать. Затем подписал чек, и клерк, сверивший внизу его факсимиле, спросил, не нужен ли ему носильщик.

— Нет, благодарю,— Коскинен отключил связь и посмотрел в лицо агента, имени которого он так и не узнал.— Я надолго?— спросил он.

Агент пожал плечами.

— Я только работаю здесь. Идем.

Коскинен сам понес свой чемодан. Сойер взял сверток, а третий человек стоял возле стены, недвусмысленно держа руку в кармане. Скользящая дорожка понесла их вдоль коридора. На третьем перекрестке они вошли в лифт, который поднял их прямо на крышу. По пути им встретились юноша и девушка, спускающиеся вниз. Ее полупрозрачная легкая туника переливалась нежными цветами, волосы были уложены в высокую прическу и спрыснуты микалитом. Смех ее показался Коскинену похожим на серебряные колокольчики, звонившие откуда-то издалека. Он почувствовал себя таким же одиноким, каким чувствовал себя в ту ночь, когда стоял под деревом и видел, как умирает его мать.

Чепуха, чепуха,— сказал он себе. Все должно быть под контролем. Именно этого и хочет Протекторат — контролировать все, сохранить города от радиоактивного дыма. И Служба Безопасности не более чем служба разведки Протектората. Все понятно. Ведь этот потенциальный барьер предотвращает возможности развязывания войн. Хотя и не агрессивных. Или я ошибаюсь? Может быть, Служба Безопасности — или сам Маркус — хочет иметь твердую уверенность в этом вопросе?

А пока Сойер крепко держал его за локоть, у второго сотрудника наверняка в кармане оружие. И они ведут его куда-то, где проникнут в его мозг с помощью психонаркотиков... Внезапно ему до боли захотелось снова очутиться на Марсе.

На окраине Тривиум-Шаронтис, где начиналась Элизанская пустыня, которую заливало морем света маленькое сверкающее Солнце с неба, похожего на пурпурное стекло, и по которой перекатывались темно-красные и коричневые песчаные дюны, а на горизонте виднелся песчаный вихрь, увенчанный ледяными кристаллами, стояла каменная башня. Она стояла здесь в те давние времена, когда жители Земли еще охотились на мамонтов. Из-за башни появилась огромная фигура Элнора. Шагов его не было слышно в разреженном воздухе. Он положил руку на плечо Коскинена. Это была сильная рука, и Коскинен чувствовал ее прикосновение даже через термокостюм, но в то же время это прикосновение было мягким и нежным, как прикосновение женской руки. И вот Коскинен ощутил кодированную виб-

рацию, пронизывающую все его существо, он теперь понимал этот код так же просто, как английский язык.

— Когда я прошлой ночью растворился в звездном свете, мне в голову пришла идея о новом аспекте реальности, которая может решить проблему и дать нам взаимную радость...

Затем они втроем вышли из кабины лифта на крышу. Поодаль от припаркованных каров стоял ничем не выделяющийся воздушный кар. Сойер кивнул служителю, открыл дверцу:

— Заходи.

Коскинен сел на переднее сиденье. Агенты заняли места справа и слева от него, застегнули ремни безопасности. На радарном посту вспыхнул зеленый сигнал. Сойер двинул рычаг, и кар взмыл вверх.

II

Солнце уже село, и низкоэтажные мегалополисы погрузились в темноту. По стране потянулись цепочки электрических огней. Они тянулись, смутно припоминал Коскинен, к Бостону, Массачусетсу, Норфолку, Питсбургу. Но над погруженной в темноту землей возвышались небоскребы. Центры. Они были такими высокими, что солнце еще освещало их верхушки. Над янтарем солнечного заката небо окрасилось в темно-зеленый цвет, и на нем вспыхнули яркие точки. Венера, вспомнил Коскинен. А эти маленькие и движущиеся — спутники связи. В небе было много воздушных каров, гораздо больше, чем он помнил с детства. Значит, материальное благосостояние вернулось к людям наконец, подумал он. Огромный трансконтинентальный лайнер скользил по небу и пошел на посадку на морской аэродром возле мыса Код.

Сойер взял курс на Вашингтон и включил автопилот. Потом достал пачку сигарет.

— Куришь? — предложил он Коскинену.

— Нет, благодарю. — Тишина в кабине кара давила на него, и, чтобы нарушить ее, он стал объяснять: — На Марсе курить нельзя.

— О, конечно. Если приходится все время восстанавливать кислород...

— Нет. Кислород ни при чем. Главное — сила тяжести. Вместе с марсианами мы разработали восстановитель воздуха размером с кулак. Он способен снабдить воздухом двух человек, даже при максимальном потреблении кислорода. Я вмонтировал такой восстановитель в экранирующее устройство. Естественно, когда путешествовал по Марсу, используя вместо термокостюма и шлема потенциальное поле...

Сойер напрягся.

— Заткнись! — рявкнул он. — Я не желаю этого слушать!

— Но ты же из Службы Безопасности, — сказал удивленный Коскинен.

— Я не босс. И я не хочу подвергнуться промыванию мозгов, чтобы не знать того, чего не должен знать.

— Заткнись, — сказал теперь его компаньон. Сойер поджал губы. Коскинен откинулся на спинку сиденья. Неужели они сотрут мою память?

Второй агент повернулся, посмотрел в заднее стекло.

— Что-то долго этот кар летит за нами, — промычал он.

Сойер тоже посмотрел. И Коскинен не мог удержаться, но не увидел ничего, кроме ничем не примечательного кара, летящего за ними. В небе было много таких каров.

— Мы не одни, кто летит в Вашингтон, — сказал Сойер.

Агент достал из отделения для перчаток бинокль и посмотрел на кар.

— Да, — пробормотал он. — Тот же самый, что летел за нами от самого Джерси. Я обратил внимание.

— Таких голубых «Эйзенхауэров-2012» много, — ответил Сойер.

— Я запомнил номер, — фыркнул агент. — Бери курс на Академию.

— Но... — Пот каплями стекал по щекам Сойера.

— Слишком много совпадений с этим каром. Он летел за нами из Филли, затем потерялся над городом и появился над отелем «Фон Браун» точно в тот момент, когда взлетели мы. К тому же он тоже летит в Вашингтон! У любого здесь возникнут подозрения.

— Мы получили приказ в страшной спешке, — возразил Сойер. — Может, это наш эскорт. Ну, конечно. Они действуют слишком профессионально. Штаб-квартира не всегда сообщает, что выделяет эскорт.

— Если у них было время выделить эскорт, то они могли

бы подобрать нам вооруженный кар с закрытой связью. Это кто-то чужой. Что нам с ним делать?

Сойер взял микрофон.

— Вызови регулярную полицию, — предложил он. — Или даже штаб-квартиру.

— И тогда полконтинента узнает, что здесь происходит? Нет, вызовем, когда нас вынудят обстоятельства. — Агент наклонился к пульту и нажал кнопку.

Вспыхнул транспарант с надписью:

ПРОСИМ РАЗРЕШИТЬ МАКСИМАЛЬНУЮ СКОРОСТЬ.

— Что случилось? — встревожился Коскинен.

— Не беспокойся, парень, — сказал агент. — Когда Служба Контроля выведет нас на верхний уровень, пройдет не меньше трех минут до того, как возникнет возможность следующего открытия. А это тридцать миль и много каров между нами.

— Но... но...

Сойер взял себя в руки.

— Мы стараемся уберечь тебя, — сказал он дружелюбно. — Как ты думаешь, сколько времени ты проживешь, если китайцы набросят на тебя петлю?

— О, он проживет немного, но вряд ли такая жизнь понравится ему, — сказал второй агент.

Где-то внизу Служба Контроля вычислила маршрут, по которому кар мог подняться вверх с максимальной безопасностью. Прозвучал сигнал предупреждения.

Коскинена вдавило в подушки сиденья со страшной силой. Мелькающие огни слились в сплошные линии, и затем они все оказались далеко внизу. Через прозрачный потолок кабины Коскинен видел только темное небо, первые звезды на нем и ни следа человеческой деятельности, за исключением нескольких спутников да одинокого стратолайнера.

Кар выровнялся. Сойер потер лоб тыльной стороной ладони.

— Должен сказать, что здесь мне совсем не нравится.

— Но что теперь они могут сделать? — спросил Коскинен. — Если, конечно, они не решатся незаконно превысить скорость?

— Вряд ли они решатся на это, — хмыкнул агент. — Ведь тогда здесь через две минуты будут полицейские. Однако

эти мальчишки не играют вхолостую. Наверняка у них есть еще что-нибудь.

Сойер немного расслабился.

— При такой скорости мы быстро будем над Вашингтоном, но вполне возможно, что нам придется долго ждать просвета для посадки. И они успеют оказаться там. Как нам устроить срочную посадку?

— Хмм... Я...

Коскинен, глядя на звезды и думая, увидит ли он их снова, первым заметил стратокорабль.

— Что это?— спросил он.

Оба агента вскочили.

Корабль быстро снижался, большая черная пуля, неосвещенная, почти невидимая. Уши Коскинена, привыкшие к разреженному воздуху, уловили рев его двигателей.

— Восный! — ахнул Сойер. Он рванулся к панели управления, включил что-то. Коскинен замер — это уход с курса, установленного Службой Контроля. И увеличение дозволенной скорости...

Бронированный корпус корабля завис над каром и начал прижимать его к земле. Снова вокруг замелькали огни дорожного движения. Служба Контроля пыталась справиться с неожиданным нарушением ее установок. Сквозь туман в глазах Коскинен видел, что она не справляется — красные и зеленые огни беспорядочно мелькали. Иногда они загорались одновременно.

Но вот ремень безопасности крепко сдавил его живот. Рывок был таким сильным, что он чуть не ударился головой в приборную доску.

— Черт возьми! — крикнул Сойер. — Они использовали для нас систему захвата спутников.

Через потолок кабины Коскинен увидел натянутые струны. Кар накренился. Огни снова остались внизу. Они были в ловушке.

Сойер нажал кнопки связи. Никакого ответа.

— Они блокировали связь,— прохрипел он и попытался включить двигатели. Вибрация усилилась, но все было бесполезно. Сойер выключил двигатель. — Нам не разорвать эту сеть. Есть надежда, что копы вмешаются?

— Никакой,— сказал его компаньон сквозь зубы. — Даже зацепив нас, этот корабль спокойно уйдет от любого по-

лицейского кара. Но если вмешаются Воздушные Силы, то они еще смогут перехватить его.

Сквозь скрипы и скрежет Коскинен слышал низкий свист. И вот перед ними открылась черная голубизна неба и солнце над западным горизонтом. Вероятно, они вышли в стратосферу и воздух покидал кабину через неплотно пригнанные стены и двери. По шуму в ушах Коскинен догадался, что давление падает.

— Кар, который следил за нами, имел постоянную связь с этим кораблем. А корабль находился на такой высоте, чтобы Служба Континентальной Защиты не засекла его. Вот почему кар так открыто следил за нами. В каре знали, что мы будем делать, когда заметим слежку, — полетим наверх, прямо в ловушку. Значит, это китайцы. Никто, кроме них, не смог бы разработать такой дьявольский план.

У обоих агентов в руках уже были пистолеты.

— Ч-что мы будем делать? — запинаясь, спросил Коскинен. Ему уже не хватало воздуха, била дрожь.

— Драться, — сказал Сойер. — У нас есть шансы. Чтобы освободить нас из сети, им нужно спуститься. Копы наверняка предупредили Воздушные Силы, и их радары засекли нас. Эскадра преследования перехватит их через двадцать минут.

— Вероятно, они тоже знают это, — сказал другой агент. Он неотрывно смотрел вверх, где над ними висело стальное небо и звезды.

Кар тряхнуло. В брюхе открылся квадратный люк. В нем сверкнул свет.

— Они поднимают нас на борт! — ахнул Сойер.

Его компаньон сидел неподвижно. Кровь текла из его носа.

— Да, — сказал он. — Этого я и боялся.

Его пистолет повернулся и уперся в Коскинена.

— Прости, парень, — пробормотал агент.

— Ты что делаешь? — вырвался крик из груди Коскинена.

— Мы не можем позволить им взять тебя. Ты слишком важен для безопасности страны.

— Нет!!!

— Прощай, парень.

Коскинен действовал инстинктивно. Никакая реакция не спасла бы его, если бы он полагался только на разум. На Марсе он много занимался дзю-до ради развлечения. И теперь его инстинкты наложились на отточенную технику.

Он резко повернулся на сиденье, одновременно выбив левой рукой пистолет из руки агента, а правый кулак, как ракета, нанес удар в лицо, которое превратилось в сплошное кровавое пятно. И тут же ударил головой назад. Удар пришелся прямо в подбородок Сойера. Сойер хрюкнул. Руки Коскинена сдавили его шею. Задышающийся Сойер тяжело обмяк.

Коскинен выпрямился. Космическая чернота окружала его. Вибрация кара пробудила его сознание. Люк уже был над самой крышей кара, как разинутая пасть. Коскинен заметил человека на краю люка — в термокостюме, шлеме и с винтовкой. Через минуту кар будет внутри корабля. И тогда корабль спокойно улетит туда, откуда прилетел.

Сойер и другой агент шевельнулись. Коскинен в смятении подумал: «Боже, что я наделал? Я напал на двух сотрудников Службы Безопасности... И я оставил их тут, чтобы их захватили в плен...

Но они хотели убить меня. А у меня не было времени, чтобы помочь им».

Он уже отстегнул пояс безопасности, перебрался на заднее сиденье, взял сверток и развернул его. Свободной рукой он взялся за ручку двери. Воздух с шипением устремился наружу.

Кар стукнулся о край люка. Коскинен открыл дверь. Шпаги вонзились в его барабанные перепонки, когда он принял на себя разность давления. Человек в костюме напав на него винтовку.

Коскинен прыгнул в открытую дверь и начал падать...

III

Самое главное — защитить глаза. Они могут заledenеть.

Коскинен спрятал лицо в изгиб левой руки. Тьма сомкнулась вокруг него. Тьма, невесомость и жгучий холод. Боль стиснула голову. Та порция воздуха, которую он вдохнул в каре, была еще в его легких, но она рвалась наружу. Если он поддастся этому давлению, то инстинкт заставит его сделать новый вдох. На такой высоте воздуха почти не было, но холода было вполне достаточно, чтобы заморозить его дыхательную систему.

Ослепший, почти потерявший сознание, он своими неповинующимися руками сорвал обертку свертка, подтянул его

к себе. Теперь... а где же лямка для правого плеча? Паника охватила его. С трудом он справился с нею и постарался разобраться.

Вот!

Он просунул правую руку в одну петлю, левую — в другую. Панель управления улеглась на его грудь. Пальцами, которые уже ничего не чувствовали, он нащупал тумблер включения...

Он сильно выдохнул воздух и открыл глаза.

Холод ударил, как нож.

Он хотел крикнуть, но легкие его были пусты, и у него хватило здравого смысла не наполнить их.

Еще рано... рано... думал он в проблесках ускользающего сознания. Нужно опуститься ниже. Сколько же это займет времени? Квадратный корень из двойного расстояния, поделенного на Жс. Же. Элкор... когда ты по ночам растворялся в звездах, учитывал ли ты силу притяжения голубой звезды по имени Земля?

В последний момент сознания он успел выключить тумблер.

Тело его было как будто чужим, и он не мог понять, тепло вокруг или нет. Однако он уже снова мог дышать. К счастью, его положение во время падения было таким, что встречный поток воздуха не попадал в его открытый рот и не мог разорвать легкие. Он жадно вдохнул несколько раз, затем вспомнил и снова включил тумблер.

Он продолжал падать и видел ночное звездное небо над собой, так похожее на небо Марса, если бы не огни стратопланов, пересекающие его вдоль и поперек. Однако он не видел погони за собой. Естественно. Когда он прыгнул вниз, люди на стратоплане наверняка решили, что он погиб.

Внезапно он осознал, что падает в густо населенную область страны. А при этой скорости падения он был настоящей бомбой.

— О Боже или кто ты там есть, сделай так, чтобы я не убил кого-нибудь при падении!

Город летел навстречу ему. Вот он уже ничего не видит, кроме домов... И удар...

Для него это было так, как будто он ударился о туго натянутую сеть. Потенциальный барьер образовал вокруг него плотную оболочку, поглощающую кинетическую энер-

гию и затем выделяющую ее наружу. Ничто, даже звук, не могло проникнуть сквозь барьер.

Коскинен приземлился, поднялся на ноги, посмотрел на облако пыли, образовавшееся при ударе, и услышал свое хриплое дыхание внутри оболочки.

Пыль улеглась, и Коскинен вздохнул с облегчением. Он упал на улицу. Вокруг не было пятен крови — только кратер на бетонной мостовой и трещины, отходящие от него. Люминесцентные лампы бросали ровный скучный свет на не менее скучные кирпичные стены домов и неосвещенные окна. Неоновая вывеска над черной закрытой дверью привлекала его внимание.

ЛАВКА ДЯДЮШКИ ПОНА

— Я спасся, — вслух сказал Коскинен, с трудом веря в случившееся. Голос его дрожал. — Я жив. Я свободен.

Из-за угла вышли два человека. Они были плохо одеты, тощие, изможденные. Видимо, эти кварталы населены беднейшими людьми. Они остановились и, раскрыв рты, смотрели на Коскинена и на разрушенную мостовую. Полоса искусственного безжизненного света освещала лицо одного из них. Коскинен видел, что человек отчаянно жестикулирует, но не слышал, что говорит этот человек.

«Вероятно, шум от моего падения был подобен взрыву бомбы, — подумал он. — Что мне теперь делать?»

Бежать отсюда! Пока не поздно!

Он отключил экран. И первым его ощущением было тепло. Ведь тот воздух, которым он дышал внутри экрана, был захвачен им на высоте 20 000 футов. Здесь же воздух был спертым, загрязненным. Дикая боль пронзила его голову. Коскинен глотнул, чтобы уравнять давление. Звуки поглотили его — гул машин, рев пронесшегося где-то рядом поезда, топот ног, крики людей...

— ...Эй, какого дьявола?.. Кто ты?..

К мужским голосам присоединился женский. Коскинен повернулся и увидел, что из боковых улочек, дверей домов выходят все новые и новые жители этого района. Возбужденные, взволнованные, кричащие — еще бы, такое событие в их тусклой, монотонной жизни! Коскинен понял, что он для них не больше чем любопытное зрелище. И не потому, что он грохнулся вниз с такой силой, что разворотил бетон. А потому, что он был одет так, как одеваются те, кто

живет наверху, в роскошных квартирах, номерах отелей, кто ведет прекрасную загадочную жизнь. На спине у него был блестящий цилиндр, на груди — панель управления с ручками, тумблерами, тремя приборами. Да, он был похож на героя научно-фантастических фильмов. Коскинен подумал, как им объяснить: что он участвует в съемках нового фильма или что он проводит эксперимент?.. Нет. Он бросился бежать.

Кто-то схватил его. Но Коскинен вырвался и побежал дальше. Позади него раздавались крики. Десять фунтов аппаратуры давили ему на плечи. Он оглянулся. Столбы уличных фонарей стояли как скелеты великанов с горящими головами, но они находились на большом расстоянии друг от друга, так что пространство между ними заполняла тьма. По обеим сторонам улицы возвышались стены. Все небо над улицей было затянуто сетью линий электропроводов, трубопроводов. Где-то за углом проревел поезд. Коскинен успел заметить своих преследователей, услышать их вопли.

Он прижал локти и прибавил скорости. Разумеется, он был в лучшей спортивной форме, чем эти недосдающие. Тем более что у него была надежда на будущее, и это тоже нужно учитывать. А на что могли надеяться эти, у которых все рабочие места занимали машины, а потребление ограничивалось ростом населения? Люди, которые редко ели досыта, не могли хорошо драться, хорошо бегать.

Улица, по которой бежал Коскинен, пересекала монорельс. Коскинен слышал шум приближающегося поезда. Он спрятался за колонной вблизи монорельса. Вскоре появился поезд и понесся на Коскинена, ослепляя его светом прожектора. Коскинен бросился вперед и проскочил перед самым носом поезда. Вибрация пронзила все его тело. Пыль забила ноздри. Коскинен прислонился к стене и только тут вспомнил, что мог сделать себя неуязвимым, включив защитный экран. Он смотрел на поезд. Мимо пронеслись товарные вагоны, а затем появились пассажирские. Через грязные стекла Коскинен видел бледные усталые лица.

«Нужно поскорее убираться отсюда, — подумал он, — пока поезд отрезал меня от преследователей». Коскинен соскочил с платформы и снова оказался на улице. Он быстро побегал по ней и свернул в первую же боковую аллею.

Поезд прошел. Коскинен, прячась в темноте, прислу-

шался. Но шума толпы не было слышно. Видимо, охота кончилась.

Аллея привела его на небольшую площадь, по сторонам которой стояли старые дома. Низкие, дряхлые. Коскинен притаился в тени. Он видел небо, беззвездное, багровое. На небе вырисовывался величественный силуэт Центра. До него было примерно полмили. Вокруг слышался шум проезжавших поездов, машин, но возле этих домов не было никаких признаков жизни. Кроме старого тощего кота.

Интересно, где я? Вероятно, где-то между Востоком и Вашингтоном, судя по направлению полета стратокорабля.

Коскинен дождался, чтобы его пульс и дыхание пришли в норму. Ноги болели от напряжения, но мозг был ясным. Вероятно, он находится в районе, подвергшемся атомной бомбардировке. После войны такие районы наскоро отстраивались, и потом в них уже не вкладывали ни цента. Однако эти соображения ничем не помогли Коскинсу. Таких районов по стране было множество.

Что же делать?

Позвонить в полицию? Но, скорее всего, Служба Безопасности уже предупредила полицию. А агенты Службы Безопасности хотели убить его.

Дрожь охватила Коскинена. Такого не может быть! Только не в Соединенных Штатах! Но ведь страна должна охранять себя в этом жестоком мире. И тот, кто заботится о безопасности страны, должен быть человеком крепким, безжалостным. Но нельзя же допускать, чтобы агенты были убийцами!

Впрочем, может быть, ситуация слишком серьезна. Возможно, хотя он и не мог себе этого представить, безопасность Соединенных Штатов зависит от того, чтобы он, Пит Коскинен, не попал в руки врагов. Если так, то он должен связаться со Службой Безопасности. Они позаботятся о нем и освободят его, когда...

Когда?

«Отец и мать мертвы,— подумал он.— Марс спрятался где-то в грязном небе. К кому обратиться мне?»

Он вспомнил Дэйва Абрамса. Дэйв был его ближайшим другом. Он и сейчас ему друг. У него холодный, уравновешенный ум. Отец Дэйва входит в Совет директоров Атомного Центра, и его положение сравнимо с положением сенатора. Да, это выход. Позвонить Дэйву. Назначить где-нибудь

встречу. Разработать план действий и выполнять его при поддержке могущественных друзей.

Немного успокоившись, Коскинен вдруг осознал, что он голоден, ему хочется пить. Его мучит жажда, как тогда, когда он путешествовал по Церебрус-каналу и у него отказал аппарат для увлажнения воздуха... Тогда они с Элкором ходили к философам, которых уже много лет никто не видел и все забыли, как они выглядят... Кажется, это было во втором земном году. Да. На третьем году произошло слияние земной и марсианской наук и была разработана новая концепция энергетических явлений, новая для обеих планет. На четвертом году все теоретические разработки воплотились в практические решения и был сконструирован нормативный прибор для создания потенциального барьера. Такие приборы были изготовлены для всех членов экипажа «Боаса». Но из-за ограничения по весу на Землю был доставлен лишь один прибор... И тут Коскинен понял, как он легкомыслен.

Впрочем, нужно что-нибудь поесть. К счастью, в его кармане находится туго набитый кошелек...

IV

Он пересек небольшую площадь и вышел на более или менее приличную улицу. Судя по состоянию мостовой, здесь редко ездили машины. Кирпичные и бетонные дома теснились друг к другу. Они были похожи на коробки и не превышали пяти этажей. Кое-где на балконах сидели люди, наслаждаясь свежим воздухом. Другие ходили по тротуарам: старики, шаркающие ногами, подростки хулиганского вида с кепочками, надвинутыми на самые глаза, и сигаретами в углу рта, девочки в ультрамодных платьях. Они выглядели бы ничего, если бы надели такие платья через несколько лет, когда их фигуры приобретут женственные очертания. В окнах квартир видны были люди у синеватых экранов телевизоров.

Коскинен шел быстро, игнорируя взгляды людей и их перешептывания. Поесть, поесть... И вот за углом вспыхнул неон супермаркета.

В этот час там было мало народу. Он удивился обилию продуктов и сравнительно низким ценам. Он прошел мимо

отделов одежды, лекарств, игрушек и наконец увидел надпись: «Ресторан». Разбитная девица на неоновой рекламе, одетая только в коротенький передник, под которым не было ничего, проворно сновала между столиками, вместе с собой предлагая свои прелести.

Робот-швейцар не смог идентифицировать прибор на спине Коскинена.

— Один момент, пожалуйста, — раздался голос из репродуктора. Прозвучал зуммер, включился сканнер и послышался человеческий голос:

— О'кей, проходите. Я не знаю, что это такое, но вы можете пройти с этим.

Коскинен ухмыльнулся и вошел в ресторан.

С удивлением он отметил, что здесь обслуживали не автоматы. Прекрасно, значит, в беднейших кварталах, где хоть какая-нибудь плата лучше, чем ничего, еще сохранились люди, специальностью которых было приготовление пищи и обслуживание.

Огромный мужчина с печальными глазами стоял за кассовым аппаратом. Его живот буквально повисал над кассой. Два человека в дальнем конце зала пили кофе. По своему внешнему виду они не походили даже на обитателей этого квартала. Их блузы были грязными, в пятнах, на лицах чернела щетина недельной давности. Один из них, огромный, волосатый, смотрел телевизор — какую-то идиотскую историю времен последней войны. Другой сидел, зажав сигарету в пальцах, и, казалось, был погружен в собственные мысли. А может, спал.

— Что вы закажете? — спросил кассир и нажал кнопку. На экране появилось меню.

Коскинен заказал гамбургер с жареным картофелем.

— И самую большую бутылку пива для начала, — добавил он.

— Смешанного? — спросил кассир.

— ??? — Коскинен посмотрел на мясистое лицо. — Вы имеете в виду, смешанное с водкой?

— О чем вы говорите? Я имею в виду возбуждающее. Мескалиноид, скицино, несин... Что вы желаете?

— Ничего. Просто пиво. В этот вечер мне нужна ясная голова.

— Хммм. Вы сверху, не так ли? Одежда, солнечный загар и все такое... Вам не слишком повезло, когда вы попали

сюда.— Кассир достал из холодильника бутылку «Ракетенбраух», открыл ее и поставил перед Коскиным.— Послушайте моего совета,— сказал он.— Садитесь-ка на первый же поезд и отправляйтесь обратно. А еще лучше, вызовите такси.

Пальцы Коскиной стиснули бутылку.

— Неужели это такой опасный район?

— Да нет. Разве что напоретесь на банду подростков. Но мы живем недалеко от Кратера, и их люди иногда забредают сюда.

Кассир скрытно показал на тех двоих, что пили кофе в дальнем конце. Один из них отвернулся от телевизора и открыто, со злобой посмотрел на пришельца.

Кассир подтолкнул не слишком чистый стакан Коскину. И тут же прошептал:

— Здесь есть охранники, так что у нас редко бывают неприятности, но вам лучше не выходить одному на улицу. Этот заподозрил, что у вас есть деньги.

Коскин пожал плечами. Почему бы ему и не воспользоваться такси?

— Благодарю за предупреждение,— сказал он. Он снял прибор со спины и сунул его под стул.

— Что это?— спросил кассир.

— Эксперимент.

Вопросов больше не последовало. Люди низшего уровня не совали нос не в свои дела. Коскин выпил пива. Ему сразу стало легче, и он набросился на еду. Уверенность вернулась к нему.

Кассир отошел от кассы и подошел к видеотелефону. Его абонент не пожелал включить видеофон. Затем к телефону подошел тот, кто смотрел на Коскину. Переговорив, он вернулся на свое место и толкнул соседа, вернув его к действительности. Они о чем-то пошептались. Коскин не обратил на это внимания. Он покончил с едой и пошел к телефону. Здесь он набрал номер Абрамса. На экране вспыхнула надпись:

«Пожалуйста, заплатите один доллар за три минуты и два доллара за видеосвязь».

Коскин бросил две монеты и повернулся к кассиру.

— Где я?

— ???

— Я... я заблудился. Что это за район?

— Бронко.— Кассир закатил глаза к потолку, а те двое ухмыльнулись. Коскинен закрыл дверцу кабинки, когда зажегся экран. Полная пожилая женщина смотрела на него с экрана. Глаза у нее были красные, припухлые, и она нервно вертела обручальное кольцо на пальце.

— Миссис Абрамс?— спросил Коскинен.

Женщина кивнула.

— Попросите к телефону вашего сына Дэвида, пожалуйста.

— Его нет,— сказала она совсем тихо.

— А вы не скажете, как мне связаться с ним? Это очень срочно.

— Нет... нет... кто вы?

— Пит Коскинен, друг Дэвида...

Она буквально подскочила на месте.

— Я не знаю вас! — крикнула она.— И ничего не хочу знать!

— Но, мадам...— Коскинен похолодел, но попытался успокоиться.— Что-нибудь случилось? Дэв должен был рассказать обо мне. Если вы не знаете, где он сейчас, попросите его позвонить мне, когда он вернется.— Он замолчал, размышляя.— Я сниму комнату в отеле, затем позвоню, сообщу номер...

— Нет! — закричала она.— Его арестовали. Разве вы не знаете? Они пришли и увели его!

Коскинен замер.

Женщина сообразила, что сказала слишком много.

— Вам лучше самому связаться с полицией,— заговорила она.— Здесь какое-то ужасное недоразумение. Я уверена, что это недоразумение. Может, вы сможете рассеять его. Отец Дэвида весь день сидел на телефоне, обзвонил всех членов Конгресса, но не смог ничего узнать. Может, вы сможете помочь...— Она зарыдала.

«Прослушивается ли ее линия?»— подумал Коскинен и отключился.

Ему хотелось бежать. Но куда? Некуда! Если директор Атомного Центра не смог выручить сына... Я должен попытаться связаться с капитаном Твенном.

Капитан жил где-то в Орегоне, Коскинен знал это. Он вызвал Службу Информации.

— Немного терпения, сэр,— сказал голос.— Сейчас на минуту связь прервалась.

— Какого черта?— Но Коскинен вспомнил, что сейчас вся связь осуществляется через систему спутников.— Я подожду,— сказал он.

— Если человека нет дома, вы хотите, чтобы был проведен специальный поиск?

— О нет. Только найдите, где он остановился. Я буду говорить с любым, кто подойдет к телефону.

Экран погас. Коскинен стоял и слушал идиотскую музыку, передающуюся во время пауз. Он переминался с ноги на ногу, тербил бороду, ударял кулаком по ладони. Пот тек по его спине.

Послышался стук в дверь. Коскинен повернулся. Человек с квадратным подбородком, раньше сидевший за дальним столиком, стоял возле двери. Коскинен в приливе ярости распахнул дверь.

— В чем дело?— рявкнул он.

— Ты еще долго, парень?— Тон не был угрожающим, но могучие плечи угрожающе ссутулились.

— Еще несколько минут. Если ты торопишься, то здесь наверняка есть другие телефоны.

— Нет, нет, все о'кей. Я только интересуюсь. Мы здесь редко видим людей сверху. Я подумал, может, вы ищете развлечения?— Изуродованное шрамами лицо исказилось в подобии улыбки.

— Нет, благодарю.

— Я знаю неплохие местечки. Таких ты не найдешь наверху.

— Нет. Я собираюсь только позвонить и убраться отсюда. Тебе ясно?

Человек выпрямился. Улыбка стерлась с его лица.

— Не кипятись. Я ведь по-дружески.

Коскинен захлопнул дверь. Человек прошел к столику и поговорил со своим партнером. «Оба выглядят очень довольными»,— подумал Коскинен.

Прошло довольно много времени, пока телефон наконец зазвонил. Коскинен повернулся к нему так поспешно, что ударился коленом. Боль помогла ему овладеть собой.

— Мы нашли ваш номер, сэр,— сказал оператор.— Эуджен, Орсон.

Коскинен написал номер на листке бумаги, набрал. На экране появилось неизвестное лицо.

— Капитан Силас Твен дома?— спросил Коскинен.

— Кто вы? — спросил человек повелительно, но осторожно.

— А кто вы такой, чтобы интересоваться этим?

Человек помолчал, затем принял решение:

— Служба Безопасности. Капитан Твен убит, сопротивляясь, когда его пытались похитить. А кто вы?

Коскинен замотал головой, стараясь привести в ясность мысли.

— Это правда? — спросил он.

— Включите Службу Новостей. Кто вы, быстро!

— Я... только старый друг... Джим Лонгворт... — пробормотал Коскинен, выудив из бесконечно далекого прошлого имя школьного товарища. — Я слышал, что с Марса вернулась экспедиция, и решил... — Видя, что агент удовлетворился объяснением, он поспешно отключил связь.

Он выглянул из кабинки. Огромный человек, подходивший к нему, сейчас разговаривал с кассиром. Отвратительная гримаса исказила его лицо. Кассир сжался, постоянно кивал и наконец ушел в дальний конец, делая вид, что очень занят. Огромный человек вышел, но костлявый остался. Он уже не курил и не обращал внимания на Коскинена, хотя вид у него был настороженный.

Твен мертв. Большой, добродушный Си Твен — труп. Как это могло случиться?

Может, его убили агенты Службы Безопасности?

Коскинен поспешно бросил монеты в щель, набрал номер. Он даже не рассмотрел девушку.

— Включите мне сообщение о капитане Твене! — почти выкрикнул он. — Экспедиция на Марс. Мне сказали, что он убит.

— Да, сэр. Сообщение пришло совсем недавно. — Девушка нажала кнопки, и на экране появился мужчина.

— Служба Новостей. Эуджен, Орегон, 12 сентября. Капитан Силас Дж. Твен, 44 года, начальник экспедиции на Марс, сегодня был найден убитым в своей комнате отеля. Труп обнаружила в 16.30 Доринда Джой, секретарша агентства, которую он вызвал незадолго до трагедии. В номере многочисленные следы борьбы. Возле тела капитана Твена, который был застрелен, лежал труп человека, по всем приметам — китайца. Череп его разбит тяжелой пепельницей, которая все еще находилась в руке Твена. Видимо, несколько человек проникли в номер, расположенный на девятом

этаже, с подвижной платформы и попытались похитить капитана. Капитан, сопротивляясь, убил одного из них. Поняв, что с капитаном не справиться, преступники застрелили его и скрылись. Полицейский инспектор Джон Флайнинг Игл заявил, что смерть капитана Твена наступила не раньше 16.00. Затем этим делом занялись агенты Службы Безопасности, и из официальных источников больше никаких сведений не поступало. Мотивы разыгравшейся трагедии не выяснены. Капитан Твен был...

Далее последовали основные факты из биографии капитана, сопровождаемые кадрами из фильмов. Коскинен отключил аппарат. Забыть все!

Забыть Службу Безопасности, забыть китайцев... У него зашипало глаза. Неужели я заплачу?

Теперь бессмысленно звонить членам экспедиции. Вероятно, я один остался жив, и только потому, что у меня прибор экранирования. Нужно поскорее выбираться отсюда, пока меня не схватили.

Выбираться? Куда? Пока я только знаю, что нужно выбираться. И поскорее.

Дрожащими пальцами он набрал номер вызова такси.

— Да, это супермаркет в Бронко. Откуда я знаю адрес? У вас же есть справочник? Так загляните туда.— Он отключил аппарат и вышел из кабины.

Кассир отшатнулся от него. Ужас искажил его лицо.

Коскинен расплатился, накинул прибор на плечи и вышел.

Какой-то человек с пистолетом в кобуре остановил его.

— Простите, мистер. Я охранник. Я наблюдал за вами по монитору. Вы знаете того, кто с вами говорил, когда вы звонили?

— Нет,— ответил Коскинен не слишком дружелюбно.— Дайте мне пройти.

— Он и другой тип — из Кратера. Я видел их раньше. От них нельзя ждать ничего хорошего. Мне не понравилось, как он говорил с Гусом. Ясно как день, что он потребовал от Гуса, чтобы он ни о чем не предупреждал вас. А потом он оставил своего товарища и ушел один.

Костлявый человек поднялся и направился к двери. Охранник посмотрел ему вслед.

— Я не могу ничего сделать, пока они не предпринимают ничего незаконного,— сказал он.— Но если бы я был на

вашем месте, мистер, я бы оставался здесь и ждал такси. Или вызвал бы полицию.

— Полицию? Службу Безопасности? Благодарю, нет!

Охранник хмыкнул.

— Ты хочешь со всем справиться сам, сынок? Но ты не похож на людей такого сорта. Что это у тебя за спиной?

— Не твое дело! — рявкнул Коскинен и почти выбежал на улицу. Охранник пожал плечами.

На улице Коскинен остановился. Улица была пустынна и тускло освещена. Где-то вдали слышался шум поездов. «Может, мне остаться пока в этом ресторане?» — подумал он.

А потом куда? Отель? Не очень дешевой, но и не очень дорогой, чтобы он не привлек внимания Службы Безопасности. Или китайцев. Какой-нибудь отель среднего класса для коммивояжеров. Он слишком возбужден, чтобы уснуть, но он может принять таблетку для сна. А утром он решит, что делать дальше.

Помятое зеленое такси приземлилось возле него. Из кабины вышел водитель. На нем был стальной шлем, в кобуре — игольчатый пистолет. По борту машины была выведена надпись: «Комите таксико компани».

— Вы заказывали такси?

— Да. — Коскинен последовал за водителем. Когда задняя дверца захлопнулась за ним, кто-то завернул ему руку за спину, а другая сильная рука сдавила ему горло.

— Не двигайся — и тебе не сделают ничего плохого, — сказал голос человека, с которым он говорил возле телефонной кабинки.

Водитель хмыкнул и сел на переднее сиденье. Он включил двигатель, и машина взмыла в воздух. Коскинен с трудом перевел дыхание.

Идиот, обругал он себя. Тупоголовый идиот. Совершенно очевидно, что это планировалось с самого начала. И дураку ясно, что он закажет такси. Потом только нужно было вызвать сообщника с машиной, а тот в ресторане следил за Коскиненом, готовый предупредить своих сообщников, если что-то сорвется или случится что-то непредвиденное. Но ничего не случилось, и он, Пит Коскинен, попал в руки бандитов

— Вот и хорошо, — сказал грабитель. Он рассмеялся. — Успокойся. Мы отвезем тебя не больше чем на милю. Достань свой кошелек и брось его на пол.

Коскинен повиновался. «Теперь я нищий,— подумал он.— У меня мелочи не наберется и двадцати долларов. А в банк обращаться нельзя...»

— О'кей,— хмыкнул бандит.— Он послушный. Так что высадим его где-нибудь возле станции. Тогда у него будет шанс остаться живым.

Водитель что-то пробурчал, машина пошла на снижение. Они приземлились возле высокой стены — вероятно, автоматический завод. Мрак здесь был еще плотнее.

— О да,— спохватился бандит.— Сними эту штуку тоже. Да, да, то, что у тебя на спине. Не знаю, что это такое, но старый Зиггер или его девчонка разберутся. Может, ты скажешь сам?

— Но... пожалуйста...— прохрипел Коскинен.

— Заткнись! Скидывай ремни! Прокто!

Удушающий захват ослабился настолько, чтобы он мог расстегнуть ремни. Водитель повернулся и направил на него игольчатый пистолет. Металл пистолета зловеще поблескивал в темноте.

— Только без фокусов,— предупредил водитель.

«Чего мне терять?»— подумал Коскинен.

В темноте он сбросил ботинки, делая вид, что отстегивает пряжки, ступнями нащупал кошелек и подтянул его к себе.

— Пошевеливайся,— ностерпеливо сказал тот, что держал его за горло.

Коскинен нащупал тумблер.

Расширяющееся цилиндрическое силовое поле оторвало его от сиденья, и он повис в воздухе. Бандита отбросило к противоположной стене. Должно быть, они оба орали, ругались, но теперь они для него были только безмолвными тенями.

Коскинен сунул кошелек в карман и ждал. Теперь он был неуязвим. Даже газ не мог проникнуть сквозь невидимый барьер, а воздухогенератор гарантировал ему кислород для дыхания. Он видел, как их кулаки барабанят по барьеру. Водитель стрелял в него...

— Давайте, давайте,— говорил Коскинен, хотя они тоже не слышали его.— Вы не сможете мне ничего сделать. К тому же здесь наверняка есть полицейские патрули. Вытолкните меня за дверь и убирайтесь. Вы мне надоели.

Бандит двинулся, нащупывая границу барьера. Он нада-

вил на невидимый барьер плечом и убедился, что Коскинен, заключенный в оболочку, подвижен.

— Вытолкните меня отсюда и убирайтесь, идиоты,— прокричал Коскинен.

Двое посовещались. Водитель повернулся к панели управления, и машина взмыла в воздух.

«О, Боже!»— подумал Коскинен. Он понял, что бандиты решили взять его с собой.

Наверху было достаточно света, который пробивался сквозь грязный воздух снизу. Коскинен даже мог рассмотреть грабителя. Он прислонился к стене, не сводя взгляда с Коскинена. В обеих руках он держал по пистолету — игольчатый и излучатель вибрации. Глаза у него блеснули, как у безумного, грудь ходила ходуном, капли пота стекали по лицу. И все же Коскинен не смог отказать этим бандитам в мужестве. Впервые увидев такос, они все же нашли в себе силы забрать его с собой для исследования.

Что же делать?

Можно отключить поле, открыть дверь и выпрыгнуть... Нет. Это займет не меньше секунды. А этого времени вполне достаточно, чтобы игла успела поранить его.

Можно просто сдаться.

Нет. Пока нет. Это всегда можно будет сделать, когда положение станет безвыходным. Надо подождать и посмотреть, что будет дальше. Может быть, может быть... Силы оставляли Коскинена. Он устроился поудобнее и стал покорно ждать, что будет.

V

До Кратера оказалось недалеко. Машина вышла из луча Службы Контроля и стала спускаться на ручном управлении. Коскинен увидел впереди темный круг, четко вырисовывающийся на фоне освещенной паутины улиц. Ему показалось, что внутри круга виднеются темные силуэты домов, в некоторых из них даже светятся окна. Но все остальное было темно. В нескольких милях впереди виднелся Центр, который сверкающим фонтаном устремился в темное небо. Виднелись и другие небоскребы — владения богатейших фирм и компаний. Но все это было как будто на другой планете.

«Но это же Марс,— в отчаянии подумал Коскинен.— Марс тоже убивал людей своим холодом, отсутствием воды, воздуха. Но в его пустынях, движущихся лесах была красота. Но самое главное — великий разум марсиан, который соединился с земным разумом, чтобы постичь еще не известное.

Когда я был на Марсе, мне очень не хватало Земли. Я вспоминал зеленую траву, деревья, солнечное тепло на обнаженной руке, ветерок над озером. Лето, снег, людей, которых я знал, когда был ребенком... Но это не Земля. О Элкор, верни меня обратно на Марс».

Машина кружила вблизи темного круга. Водитель что-то говорил в микрофон. Идентифицирует себя? Говорили, что вожди Кратеров сбивают тех, кто без разрешения подлетает к их владениям. Очень немногие имели истинную информацию о Кратерах. Коскинен знал, что во время послевоенного восстановления в городах, подвергшихся ядерным ударам, был слишком высокий уровень радиоактивности. Когда он уменьшился, в эти города устремились беднейшие элементы, так как там земля была очень дешева или совсем не занята. Самые смелые спустились даже в кратеры, устроили там себе убежище, собрали людей и время от времени устраивали нападения на жителей городов. Полиция, которой было здесь достаточно, старалась не вмешиваться в дела жителей Кратеров, если, конечно, дело не было совсем плохо. Все-таки любой социальный порядок лучше, чем никакой, а главари Кратеров четко установили структуру общества в своих владениях.

Водитель выключил микрофон. На панели вспыхнула лампочка — радиомаяк, догадался Коскинен. Машина приземлилась, к ней подошли какие-то тени. Водитель вышел из кабины и поговорил с ними. Затем открылась дверца, и Коскинена вытащили на улицу.

Он осмотрелся. Оказалось, что посадочной площадкой послужила плоская крыша бетонного здания на самом краю Кратера. Дно Кратера терялось во тьме. Невдалеке на фоне неба вырисовывались сторожевые вышки.

В чьей-то руке вспыхнул фонарь и осветил дюжину мрачных лиц, смотревших на Коскинена. Все они были вооружены, одеты в кожаные куртки и шлемы. Двое подхватили Коскинена и понесли, остальные окружили их плотным

кольцом. Грабитель и водитель пошли впереди. Кому-то приказали отвести машину.

Коскинен пассивно лежал внутри оболочки, страдая от усталости. Его внесли в дверь, спустили по лестнице в облицованный пластиком освещенный туннель. Здесь его положили на тележку, куда сели все сопровождающие. Тележка быстро поехала по туннелю, свернула в более широкий туннель — возможно, остатки сабвея, не пострадавшие от взрыва. Тут, наверное, есть своя система энергоснабжения, вентиляции, обогрева... И, разумеется, запасы пищи, оружия, всего необходимого для того, чтобы выдержать длительный штурм. Тележка ехала мимо людей, видимо рабочих, которые с почтением смотрели на проезжающих. Наконец она въехала в стальные ворота, где в стены были вмонтированы пулеметы, и отсюда уже все снова пошли пешком.

Теперь они шли через огромные роскошно и с большим вкусом отделанные холлы. Коскинен с изумлением смотрел вокруг. Но вот перед ними открылись стальные двери, и они очутились в комнате, стены которой были сделаны из бетонных блоков. Охранники опустили Коскинена на землю, и он встал на ноги.

Это было просто: достаточно сместить центр тяжести оболочки, чтобы она прочно встала на широкое плоское основание.

Охранники распределились вдоль стен, направив на него пистолеты. На широких столах стояла обычная лабораторная аппаратура, телефон, монитор для видеосвязи. Вероятно, здесь их исследовательская лаборатория, решил Коскинен.

Коскинену показалось, что прошла целая вечность, пока открылись двери и в комнату вошли двое. Охранники приветствовали их. Коскинен постарался стряхнуть с себя тупую усталость и внимательно посмотрел на пришельцев.

Первым вошел мужчина, огромный, пожилой, с большим животом и совершенно лысой головой. У него не было даже ресниц. Лицо было пухлое, розовое, с бульбой носа и щелью рта. Несмотря на толщину, двигался он легко, в нем чувствовалась большая сила. Одет он был во что-то голубое, на пальцах сверкали перстни. Возле бедра висел пистолет.

На женщину было приятнее смотреть, чем на него. Ей было около тридцати. Высокая, с прекрасной фигурой и гибкой талией. Черно-голубые волосы падали на плечи. У нее

были лучистые карие глаза, широкий нос, полные капризно изогнутые губы. Кожа была цвета «кофе с молоком». Ослепительно белый халат, надетый поверх роскошной красной туники, резко контрастировал с ее кожей.

«О'кей,— подумал Коскинен, почувствовав, как холодок прошел по его спине.— Здесь сам босс. Как же бандиты называли его, Зиггер?»

Человек медленно обошел вокруг него, с любопытством ощупывая границы барьера, затем толкнул Коскинена и наблюдал, как он падает и затем поднимается. Махнув рукой всем, чтобы они отошли подальше, он достал пистолет и стал всаживать пулю за пулей в барьер. Пули падали прямо на пол, погасив свою энергию в экране. Женщина внимательно смотрела на происходящее. Затем она достала блокнот, написала на нем несколько строчек и показала Коскинену.

Он прочел: «Похоже, это именно то, что нам нужно. Ты не хочешь продать его нам?»

Он покачал головой.

— Отпустите меня,— прокричал он.

Она нахмурилась и написала:

«Делай знаки руками на языке глухонемых. Вот так»,— и показала несколько знаков.

Ну конечно! Это прекрасный способ общения в подобном случае. Коскинен отчаянно задвигал пальцами: «Вам до меня не добраться. А полиция ищет меня. Лучше отпустите меня».

Женщина посовещалась с Зиггером. Он казался в некотором замешательстве, но все же отдал приказ охранникам, и те вышли. Женщина обратилась к Коскинену:

— Очевидно, у тебя есть аппарат для регенерации воздуха, но я не вижу других запасов. Мы запрем тебя, и ты умрешь от голода. Лучше выходи и договорись с нами. Зиггер держит свое слово, если ему это выгодно.— Босс ухмыльнулся, покраснел, но не произнес ничего.— Однако его опасно иметь врагом.

— Не надо меня пугать,— сообщил он.— Если вы так поступите, я буду расширять силовое поле, разрушу эти стены, и, может быть, мне удастся бежать.

— О'кей. Голодание — это слишком долго,— лаконично ответила она.

Охранник вернулся с каким-то длиннотвольным оружием. Женщина написала: «Ты знаешь, что это?»

Коскинен покачал головой. Он не мог хорошенько рассмотреть это.

— Лазерный пистолет. Стреляет мощным пучком света.

«О да,— подумал Коскинен. Он внезапно вспотел.— Я слышал о таких».

«Твой экран пропускает свет в обе стороны, значит, он прозрачен и для луча лазера,— написала женщина.— Первый выстрел будет тебе в ноги».

Охранник навел пистолет. Коскинен отключил поле и рухнул на четвереньки.

VI

Телефон разбудил его. Он повернулся, поднял голову от подушки и попытался прийти в себя. Телефон продолжал звонить. Коскинен выругался, протянул руку и включил экран.

На него смотрела темнокожая женщина. Он ахнул, еще не окончательно вспомнив, где он и что с ним.

— Доброе утро,— сказала она, улыбнувшись.— Вернесс, добрый день. Думаю, что ты спал достаточно долго.

— Да?— К нему медленно, разорванными фрагментами возвращалась действительность. Он чуть не потерял сознание, когда экран отключился. Они забрали его экран, привели сюда, дали транквилизатор... Он осмотрелся — маленькая уютная комнатка с ванной, одна дверь, окна нет, вентиляционная решетка... Он под землей? В подземном замке Зигтера?

Снова вспыхнул экран.

— Я хочу поговорить с тобой,— сказала женщина.— Я заказала обед.— На лице ее появилась широкая улыбка.— Для тебя завтрак. Охранник придет за тобой через пятнадцать минут. Вставай, соня!

Коскинен поднялся с постели. Одежда его исчезла, но в стенном шкафу висело несколько новых дорогих костюмов. По правде говоря, он не думал, что ему пойдут зеленая блуза и серые брюки. Но к тому времени, когда вооруженный охранник открыл дверь, Коскинен был уже готов и ужасно голоден.

Они вступили на подвижную дорожку и вскоре очутились в той части подземного замка, которая поразила Коскинена роскошью. Охранник открыл дверь, Коскинен вошел, и дверь за ним закрылась. Коскинен осматривал покои: на полу лежал мягкий ковер, на стенах висели хорошие картины, а сами стены переливались разными цветами, что пришлось не по вкусу Коскинену. Но он обрадовался, услышав мягкую приглушенную музыку Моцарта. Вся мебель была на низких ножках. На небольшом задрапированном пьедестале лежал кристалл лунного камня. «Сколько же все это стоит?» — удивился Коскинен.

За столом сидела женщина. Белая туника очень подходила к ее светло-коричневой коже. Она махнула рукой, в которой была сигарета, в другой руке она держала бокал с коктейлем.

— Садись, Пит. — Голос ее был чуть хриловатым, с легким южным акцентом.

«Вероятно, в ней есть примесь креольской крови», — подумал он.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил Коскинен, но сразу понял. — У вас же все мои документы.

— И проверка через Службу Информации, — кивнула она. — Тебе понравилось наше жилище?

Он сел за стол. К ним подкатил робот и спросил, что он хочет. Коскинен понял, что, кроме него и женщины, здесь нет никого. Однако охранник наверняка стоит за дверью, а у нее под рукой кнопка вызова или в браслете вмонтирован микрофон.

— Я не знаю, — сказал он. — Я помню, что когда-то пил коктейль «Том Коллинз»...

Она сделала гримасу.

— О, тебе нужно пообтесаться. Куришь?

— Нет, благодарю. — Он облизнул губы. — Что говорят обо мне в новостях?

— Ничего, — ответила она, глядя прямо ему в глаза. — Эти идиоты считают, что ты все еще блаженствуешь в отеле «Фон Браун» в Филли. Однако мы не могли связаться ни с кем из твоих друзей.

— Я знаю, — грустно кивнул он. — Надеюсь, что они живы. Ты знаешь, что китайцы убили Си Твсна?

— Что?

— Это было в новостях, — ответил он. — Вчера вечером.

— Сегодня этого уже не было. Сегодня сказали, что он погиб по случайности, а то, что говорили вчера, было ошибкой истеричного диктора...— Ее чувственный рот внезапно стал жестким, злым.— Где правда?

Коскинен разозлился.

— Откуда я знаю?

— Послушай, Пит,— заговорила она тихо. Выражение ее лица снова смягчилось.— Ты попал в какую-то неприятную историю. Я весь день экспериментировала с твоим прибором. Я кое-что выяснила, поняла, что он может делать. И одного этого достаточно, чтобы Зигтер сошел с ума от радости. Здесь у нас нет наркотиков, развязывающих языки, но у нас есть кое-что другое. Нет...— она подняла тонкую руку,— я не угрожаю тебе. Я никогда не мучаю людей. Но предупреждаю тебя, Пит, что Зигтер не остановится перед этим. У тебя нет другого выхода, как сотрудничать со мной...

— Если я пойду на это, Служба Безопасности не поблагодарит меня.

— Мы сможем спрятать тебя от ее агентов, если ты думаешь, что они не простят тебе. Кратер щедро расплачивается с теми, кто делает ему добро. Ну, так что произошло с Твенем?

Робот принес коктейль. Коскинен жадно выпил. Все окружающее перестало быть реальностью.

Она кивнула, слушая его, закурила новую сигарету, выпустила клуб душистого дыма, и глаза ее сузились. Выслушав все, она задумалась и наконец заговорила:

— Очевидно, первое сообщение было правильным, а Служба Безопасности пытается скрыть правду. Теперь я понимаю, в чем дело. Ваша экспедиция привезла с Марса этот прибор, совершенно не подозревая, к чему это приведет. Люди разъехались по домам. Их домашние и друзья узнали о приборе, и Служба Безопасности, у которой полно осведомителей, узнала о нем очень быстро. Она-то поняла, какие последствия могут быть, и решила забрать прибор и изолировать всех, знающих о нем, до тех пор, пока не будет ясно, что делать. Поэтому все твои товарищи сейчас в заключении.

Но у китайцев полно своих шпионов и агентов. Они давно знали о научных достижениях на Марсе, и когда экспедиция вернулась оттуда, все ее члены оказались в кольце

шпионов. Вполне возможно, что «Боас» привез с Марса нечто необычное. Китайцы узнали о приборе через своих агентов еще быстрее, чем Служба Безопасности. И тут началась охота за членами экспедиции.

Коскинен слушал ее, забыв о своем нервном истощении, усталости. Сейчас на него не действовали ни выпивка, ни еда.

— Но я единственный, у кого есть прибор и кто знает о нем почти все. Ведь я разрабатывал его. Разумеется, в сотрудничестве с марсианами. Остальные занимались другими работами.

Она откинулась на подушку, как кошка, чуть ли не мурлыкая.

— А почему Служба Безопасности не схватила тебя раньше других?

— Может быть, они не узнали всю информацию. А кроме того, им было трудно меня найти. Я сказал, что собираюсь в Миннеаполис, но в последний момент изменил решение, захотел пожить в супертауне. Однако они пришли быстро. И китайцы за ними.

— Значит, ты бежал от китайцев, когда наши ребята вышли на тебя?

— И от Службы Безопасности.— Коскинен допил бокал.— Агенты пытались убить меня.— Она широко открыла глаза, и их блеск чуть не ослепил его. Он понял, что должен сказать ей всю правду, и начал рассказывать.

— Ясно,— пробормотала она.— Но они делали то, что требовал от них долг.— Она потянулась через стол и погладила его руку.— Поешь.

Робот принес суп. Женщина смотрела, как он ест, и не мешала ему. Затем сказала:

— Кстати, я забыла, что ты не знаешь моего имени. Меня зовут Вивьена Кордиеро.

— Очень приятно,— пробормотал он. В голове у него прояснилось, силы вернулись к нему. Он был благодарен Вивьене, что та растолковала ему ситуацию, которая казалась ему кошмарным сном.— Ты физик?

— Да, немного.— Она кивнула.— Я, как и ты, дитя института.— Лицо ее омрачилось.— Но я не пошла на государственную службу. Боссы Кратера тоже нуждаются в тех, кто кое-что понимает в энергетике и теории информации.

— Ты понимаешь, что этот прибор всего лишь первый

экспериментальный образец? Нужна большая лаборатория и годы работы, чтобы понять его возможности.

— Понимаю. Но Зиггер будет доволен и тем, что есть. Поговорим о приборе. Разумеется, не в подробностях — я не пойму сложной математики, — а в общем.

Коскинен заколебался.

— Я и так уже много узнала, — напомнила она ему.

— О'кей. — Он вздохнул.

— Во-первых, это марсианская машина?

— Не совсем. Я же говорил, что изобрел ее вместе с марсианами. Они прекрасно понимают теорию поля, но мало знают о физике твердого тела.

— Хмм. Значит, Служба Безопасности не может просто послать корабль на Марс и потребовать всю информацию о приборе. Известно, что марсиане не общаются с теми, кто им несимпатичен. И притвориться другом невозможно, потому что марсиане ЗНАЮТ. Русским пришлось убедиться в этом перед войной. Они поняли, что марсиане могут взрывать атомные бомбы прямо на кораблях противника. Причем собственные бомбы противника. Разумеется, сейчас, когда космические корабли есть только в Америке, никто другой не может прилететь на Марс. Значит, вся игра должна вестись только на Земле. Так что же представляет собой этот невидимый экран? Потенциальный барьер?

Он удивился и кивнул.

— Как ты могла узнать это?

— Но это же очевидно. Двухмерный потенциальный барьер, отгораживающий его владельца от остального мира. Я определила, что он возрастает от нуля до максимума на расстоянии нескольких сантиметров. И ничто, не обладающее очень большой скоростью, не может проникнуть сквозь него. Так что пуля ударяется о барьер, теряет свою энергию и падает. Но куда девается кинетическая энергия пули?

— Поле поглощает ее. И запасает в аккумуляторе, откуда берет энергию при формировании барьера. По моим расчетам, скорость пули, чтобы она проникла сквозь барьер, должна быть не менее пятнадцати миль в секунду.

Она присвистнула.

— Это предел?

— Нет. Можно поднять барьер на еще большую высоту, но тогда потребуются большие запасы энергии. При тех запасах, которыми обладает этот образец, я могу расширить

поле и окружить барьером целый дом. Но тогда он будет тонким. Его пробьет пуля, обладающая скоростью одна миля в секунду.

— Миля в секунду тоже неплохо. А как запасается энергия?

— Квантовая регенерация. Молскулы аккумулятора перемещаются в низшие состояния. Для этого используется внутреннее поле меньшей мощности.

— Ты только что изложил концепцию запасной энергии,— заметила она.— Если бы это стало известно людям, то многие фирмы прогорели бы, закрылись бы десятки заводов, не возникли бы сотни других. А это поле, экран, щит — или как ты его называшь,— что это? Сгущенное пространство?

— Можешь называть его и так, хотя это бессмысленное словосочетание. Я могу показать тебе формулы...— Коскинен замолчал. Нет, нельзя! Только не этой банде преступников.

Но она сняла груз с его души.

— Не надо. То немного, что я знала о тензорах и прочей белиберде, я давно забыла. Будем говорить только о чисто практической стороне. Я заметила в приборе встроенный термостатический аппарат. И прибор для регенерации воздуха. Я понимаю, что это тебе необходимо, так как пространство внутри экрана совершенно изолировано. Но таких аппаратов я еще никогда не видела.

— Это полностью изобретение марсиан. Выдыхаемые углекислый газ и водяные пары вступают в реакцию с металлическим перистым материалом. Для реакции нужно некоторое количество энергии, которая поступает от аккумулятора. При этом образуется твердый гидрокарбон и свободный кислород. Вредные примеси, выдыхаемые человеком, тоже связываются гидрокарбоном. Под защитой таких барьеров мы могли неделями путешествовать по Марсу, имея при себе лишь минимальные запасы пищи.

— Ясно. Но как можно работать в таком барьере, если ты там неподвижен?

— Мы путешествовали на тележках, которые тащили электрические тракторы. А работы выполнялись роботами. Потом наши инженеры разработали машину для одного человека с манипуляторами, которыми человек мог управлять. Но можно создать поле такой формы, чтобы оно облегло челове-

ка, как герметичный костюм. Система генераторов будет менять форму поля в зависимости от того, что требуется человеку в каждый момент. Правда, следует приложить значительные инженерные усилия, чтобы создать такую систему.

Вивьена пришла в возбуждение.

— Это только начало! Ведь, создав изменяемое поле, можно заставить летать корабли со скоростью, близкой к скорости света! А возможности в энергетике? Если ты научился поддерживать атомы в состоянии с низшей энергией — значит, ты научился управлять ядерной реакцией! Значит, ты можешь превращать любое вещество в энергию! О Пит, этот экран — только начало!

Он тут же вспомнил, где находится, стал мрачным и заметил:

— Это может быть и концом, раз столько разных людей и организаций охотятся за прибором.

Возбуждение Вивьены погасло. Она откинулась на спинку кресла.

— Да. Это вполне возможно. Неуязвимость... люди убивали друг друга и за меньшее. Ты знаешь это.

Робот принес кофе с пирожными. Вивьена обхватила себя руками, как будто ей было холодно, потом улыбнулась Питу.

— Прости, что я говорю с тобой только о деле. Давай пока забудем о приборе. Мне бы хотелось узнать тебя как человека.— Голос ее дрогнул.— Такие люди, как ты, большая редкость в наше время. Не только здесь, но и во всем мире.

Они проговорили до самой ночи.

VII

Охранник толкнул Коскинена в двери. Гулкое эхо бетонных стен лаборатории вновь заставило его почувствовать себя совершенно одиноким. Однако Зиггер и Вивьена уже были здесь. Зиггер спрашивал Вивьену:

— Ты уверена, что он тебе ничего не скажет? Никогда? Может, стоит ему показать, что он здесь ничто и что ему следует помнить об этом?

Ее губы искривились.

— Не будь еще большим идиотом, чем ты есть, Зиггер. Такой пустоголовый тип, как Бонес, не может делать ничего, кроме глупостей.

— Он не пустоголовый.

— Но он пользуется стимуляторами мозговой деятельности.

— Это не наркотики.

— Еще хуже.

Зиггер поднял руку, как бы собираясь ударить ее. Она смотрела ему прямо в лицо.

— Как ты собираешься найти Бонесса?— спросила она. Он опустил руку, отвернулся с глухим рычанием и увидел Коскинена.

— А, вот и ты! — Глаза на безбровом лице сверкнули.— Подержи его, Бак!

Один из троих охранников схватил его руки сзади. Боль в завернутых за спину руках была очень сильной, и Коскинен мог бы вырваться, но у остальных охранников и босса были пистолеты.

Зиггер взял со стола щипцы.

— Я хочу, чтобы ты все понял, Пит,— сказал он почти дружеским тоном.— Ты в плену. Никто вне Кратера не имеет понятия, где ты. Ты — собственность. Моя собственность. Я могу делать с тобой все, что захочу.— Щипцы приблизились к носу Коскинена.— Я могу вырвать твой нос прямо сейчас, если захочу.— Щипцы сдавили нос, и от боли слезы выступили на глазах Коскинена. Зиггер злое ухмыльнулся.— А у тебя есть более чувствительные места, чем нос. А если я не захочу наносить тебе физические увечья, я посажу тебя в машину, воздействующую на нервную систему. Там мучения гораздо сильнее. Я видел парней, которые прошли через это. А потом я пропущу тебя через мясорубку. У меня много кошек, а ты знаешь, сколько сейчас стоит свежее мясо.— С видимым усилием он опустил щипцы. Зиггер уже вспотел, и тон его не был таким легким, каким бы ему хотелось.— Вот что я могу сделать со своей собственностью. Ви, сделай то, что я просил.

На лице Вивьены не было никакого выражения. Она взяла стальной диск на цепочке диаметром в три дюйма и подвесила его на шею Коскинена. Затем положила под цепь лист асбеста и с помощью небольшого аппарата заварила цепь. Он чувствовал горячий металл даже через асбест.

Теперь Коскинен не мог снять с себя металлический диск, не разрезав звенья цепи.

Пока Вивьена работала, Зиггер объяснял:

— Это гарантирует твоё хорошее поведение. Ты будешь помогать леди-ученой разобраться с твоим экраном. Покажешь, как он работает, поможешь улучшить его, сделать ещё несколько. И во время работы тебе может прийти в голову идея накинуть на себя эту штуку и убежать туда, где тебя не достанет луч лазера. Так забудь об этом. Теперь на тебе фульгуритовая капсула с детонатором. Если я узнаю, что ты ведешь себя неразумно, я нажму кнопку — и тебе оторвет голову.

— Позаботься, чтобы эта штука не сработала от случайных сигналов! — рявкнул Коскинен.

— Не беспокойся, — сказала Вивьена. — Детонатор срабатывает от специального кодированного сигнала.

— Отпусти его, Бак, — сказал Зиггер. Коскинен потер нос, который немного распух и болел.

Зиггер сиял.

— Не держи зла на меня, Пит. Я показал тебе плохое. Теперь покажу хорошее. Курить хочешь? Или таблетки для счастья? У меня их полный карман. Пока ты пленник, ты — моя собственность. Но эти мальчики не собственность. Они здесь потому, что знают, где им хорошо. Мне бы хотелось, чтобы ты присоединился к нам, Пит. Разумеется, по доброй воле. О, не пугайся. Я не преступник. Ты должен понять это. Я здесь правительство. Да, да. Я создаю законы, собираю налоги, забочусь о своих людях. Разве я не правительство? Что может сделать для тебя Вашингтон, чего не мог бы сделать я? И сделать лучше. Тебе нужны деньги, хорошая пища, хороший дом, развлечения? Ты все это будешь иметь, если захочешь. К тому же тебе совсем не обязательно все время жить здесь, в Кратере. Пластическая операция — и ты можешь идти куда угодно. У меня по всему миру есть прекрасные дома, виллы, охотничьи домики, яхты... И мы будем иметь гораздо больше, когда у нас будет твой экран. Гораздо больше. Напряги свое воображение, мальчик, и подумай, что у нас будет уже в следующем году. Хочешь принять участие в игре?

Коскинен молчал.

Зиггер хлопнул его по спине.

— Подумай над предложением, Пит, — сказал он игриво. — А пока работай и води себя хорошо.

Он вышел в сопровождении охранников. За ними закрылась дверь.

Вивьена достала сигарету, села в кресло и, затянувшись, выпустила дым. Коскинен осмотрел комнату. В углу он углядел экран монитора, с экрана на него смотрело чье-то лицо. Значит, за ним следят. Он с трудом удержался, чтобы не сделать неприличный жест шпиону. На столе лежал его прибор. Коскинен пробежал пальцами по ручкам управления.

Немного погода Вивьена шевельнулась.

— Ну как?

Он не ответил.

— Мне жаль, что так случилось, — сказала она. — Но я получила приказ от босса...

— Разумеется.

— А что касается остального... того, что делал он... Думаю, что Зиггер ничем не хуже других главарей банд. Может быть, даже не хуже любого правительства. А ведь он прав, относительно того, что он правительство.

— В Вашингтоне не пытаются, — пробормотал Коскинен.

— Я не уверена в этом, — горько заметила Вивьена.

Он удивленно посмотрел на нее. Во время их беседы она мало говорила о своем прошлом. Он выяснил, что родители Вивьены были довольно состоятельны и она училась в частной школе. Но война прервала все. Она пережила несколько трудных лет среди беженцев, затем была полурабыней в плену у партизан, но затем ее освободили, взяли в институт. Там ее лечили, затем она получила образование.

— Мне кажется, что ты имешь все основания ненавидеть анархизм, — сказал он.

— И правительство тоже, — ответила она. — Что касается Зиггера, то он сейчас в очень плохом настроении. Беспокоится об исчезновении Бонеса.

— Кто это?

— Напарник Неффа. Помнишь двух парней в ресторане? Нефф вышел, чтобы вызвать машину и похитить тебя. Бонес следил за тобой.

— О да. Наркоман. Помню.

— Предполагалось, что он вернется к ночи с докладом — у Зиггера есть для него поручение. Но он не вернулся, и никто не может найти никаких его следов.

— Убийство?

— Может быть. Хотя люди Зигтера привыкли убивать сами. Бонес мог попасть в руки банды подростков, или его могли захватить люди из Нью-Хэйвенского Кратера. Мы ведь ведем войну между собой за право контролировать территории. О, черт с этим.— Вивьена выбросила сигарету.— Все так плохо. Почему правительство не хочет затратить деньги и покончить с этими гангстерами?

— Полагаю что со временем это случится. Пока что есть много более важных дел. Поддержка Протектората требует так много денег и энергии, что...

— Не говори мне о Протекторате,— вырвалось у нее.

Коскинен удивленно взглянул на нее. Ее буквально трясло. Глаза, полные слез, смотрели куда-то мимо него, ногти впились в ладони.

— Что... что случилось?— Он сделал шаг к ней.

— Если бы Бог был,— сказала она сквозь зубы,— я уверена, он ненавидел бы нас, нашу страну, весь наш род. Он заставил бы нас придерживаться доктрины Корриса, чтобы мы сами уничтожили себя и спаслись от неприятностей.

— Но... Ви, что ты хочешь? Ты хочешь третью термоядерную войну?

В голове у него всплыли строки, которые он изучал еще в институте:

«...безопасность Соединенных Штатов. Следовательно, с этого момента ни одно государство не имеет права иметь вооруженные силы в большем количестве, чем это нужно для выполнения внутренних полицейских функций. Любая попытка производить, накапливать оружие, подготавливать армию, способную к агрессивным действиям, будет рассматриваться как действие против США, и каждый, кто несет ответственность за такое действие, будет арестован и судим американским военным судом как военный преступник. Для того чтобы предотвратить тайное накопление оружия, США берут на себя функции неограниченного контроля. В остальном национальный суверенитет будет неукоснительно соблюдаться, и США гарантируют целостность государственных границ с момента опубликования этой Прокламации. США признают, что государства могут изменить эти границы по взаимному соглашению, а население государства может изменять форму правления в государстве как законным путем, так и путем вооруженного переворота. Однако США оставляют за собой право судить, не являются ли

такие изменения угрозой безопасности США, и, в случае если такие изменения несут угрозу будущему США и всего мира, не допускать их».

Конгресс, Верховный суд, президенты непрерывно усложняли, дополняли доктрину Корриса, пока она не стала раем для юристов. Но практически все было просто для тех, кто понимает. Американцы держали вооруженные силы в Европе, которые вмешивались во внутренние дела любых государств, если президент считал, что необходимо сделать это. Постепенно вся система контроля, разведывательные операции, сбор и оценка информации перешли в руки Службы Безопасности.

Вивьена не ответила на вопрос Коскинена.

— Разумеется, мы не совершенны,— сказал он.— И не очень приятно быть мировым полицейским. Это сделало нас непопулярными во всем мире. Но что можно сделать?

Она посмотрела на него долгим взглядом, затем сказала:

— Агенты Службы Безопасности пытались убить тебя.

— Да... конечно. Но я предпочел бы быть застреленным, чем попасть в камеру пыток к китайцам... или сюда!

— Они убили моего мужа.

Он замер.

— Хочешь послушать?— Она снова отвела от него взгляд.— После института я получила работу за границей как научный советник при посольстве в Бразилии. Дженис был там инженером. Нежный, немного сумасшедший и такой молодой... очень молодой, правда, он не был моложе меня. Но Бразилия почти не пострадала во время войны и ничего не знала о ее последствиях. Он не был отравлен, как я, и с ним я наконец снова почувствовала себя чистой. Мы часто ходили с ним на реку слушать пение птиц...

В то время Служба Безопасности наложила вето на план разработки урановых месторождений в Сьерра-Дорадо, так как у нее не было достаточного количества инспекторов, чтобы осуществлять контроль. Шеф Службы Безопасности боялся, что некоторое количество урана будет утаиваться для создания атомных бомб.

Она замолчала.

Коскинен видел ее состояние и хотел перевести разговор в более спокойное русло.

— Контроль должны осуществлять высококвалифицированные люди. А ведь контролем должна быть охвачена не

одна страна, а весь мир! Почему, как ты думаешь, китайцы держат целую сеть агентов, опутывающую всю землю? Правительство Китая официально не признает это, но каждый знает, что правительство содержит эту сеть. И мы не можем ничего сделать, так как у нас нет людей, чтобы контролировать само правительство.

— Да, да, — проговорила она. — Но по крайней мере китайцы не скрывают своего отношения к нам. А многие ненавидят нас, хотя и скрывают эту ненависть под сладкими улыбками. В некоторых странах мы можем позволить себе не предпринимать ничего, так как мы знаем, что они ничего не предпримут против нас... Мы не думаем о том, что жители этих стран живут на грани нищеты... О да, мы постоянно говорим о невмешательстве... но я была на дипломатической службе... я знаю...

Он вздохнул.

— Прости. Я не хотел перебивать тебя.

— Благодарю за извинение, Пит. Ты напомнил мне Джанно... Эти шахты могли бы дать работу и средства к жизни тысячам голодных людей. Некоторые отчаянные головы решили свергнуть нынешнее бразильское правительство и создать новое, которое не было бы марионеткой янки... Но заговор провалился. Они были дилетантами. Службы Безопасности США и Бразилии хватали всех подряд. Они схватили и Джанно, хотя он не участвовал в заговоре. Я это знаю точно. Но он был гордый человек, ему не нравилось все это дело с Сьерра-Дорадо, он хотел, чтобы Бразилия была независима, и многие его друзья участвовали в заговоре.

Судить их повезли в Вашингтон. Я тоже поехала с ними. Меня, конечно, не арестовали. Я ехала сама. На них воздействовали наркотиками. Я была уверена, что это докажет невиновность Джанно, но кто-то, кого я никогда раньше не видела, заявил под присягой, что Джанно участвовал во встречах заговорщиков. Я на суде назвала его лжецом. Я точно знала, что Джанно был все это время со мной.

И все же его признали виновным. И убили. Меня обвинили в соучастии. Но мне дали испытательный срок. Все-таки стране нужны ученые. Примерно через год на одной вечеринке в Манхэттене я встретила одного из членов суда. Он был пьян и рассказал мне, почему убили Джанно. Психические исследования показали, что он тип, весьма склон-

ный к мятежу. Поэтому когда-нибудь он предпримет какие-либо действия против правительства, и от него лучше избавиться сейчас. «Пока он не сделал бомбу или не нашел какую-нибудь из старых ракет, которые еще сохранились в стране и о которых нет никаких сведений в официальных кругах. Он может убить миллионы американцев», — сказал этот член суда. Мой Джанно!

И на следующий же день я ушла сюда. Мне хотелось исчезнуть, умереть... Но вместо этого я попала к Зигтеру. Ну что ж, по крайней мере я могу мстить им.

Она замолчала и долго сидела неподвижно, затем взяла сигарету и закурила ее, но, сделав несколько затяжек, забыла о ней.

— Прости меня, — прошептал Коскинен.

— Благодарю, — глухо ответила она. — Но теперь я должна извиниться. Мне не следовало выплескивать на тебя все свои горести.

— Я думаю, что когда люди имеют власть, они всегда действуют жестоко, если видят угрозу ей.

— Да, без сомнения. Особенно, если эта власть не имеет ограничения.

— А действия Службы Безопасности ограничить нельзя. Хотя защитный экран может сделать ее ненужной. Если сделать большой экран, то он будет надежной защитой от атомных бомб.

Она шевельнулась, как будто вышла из состояния страсти.

— Вряд ли это практически осуществимо, — сказала она. Голос ее был неуверенным, она прикусила губы, словно не нашла в себе силы говорить. — Особенно, если бомбу тайно собрать и взорвать внутри области, защищенной экраном. К тому же есть и другие виды оружия — химическое, бактериологическое. Не пытайся меня обмануть, Пит. Я ненавижу Маркуса и его Службу Безопасности, но я отдаю себе отчет, что другие страны вряд ли смогли бы поддерживать мир лучше, вернее, по-другому. Так или иначе, но это нужно делать, так как любое правительство — это монстр без морали и без разума. Оно способно истребить половину человечества, лишь бы обеспечить хорошую жизнь себе и своей стране.

— Интернациональная организация...

— Слишком поздно, — вздохнула она. — Кому сейчас

можно доверять? К тому же мы создали общество, какое сами захотели. Такие же и Бразилия, и Китай... Мы совсем не хотим быть мировым жандармом, но нам ничего не остается. И я не вижу, как могут быть созданы эффективные мировые полицейские силы без всемирного объединения.

Он посмотрел на свой прибор и вспомнил, как Элкор благословил его в день отправления корабля. Марсиане страдали тогда от задержки замораживания, и Коскинен постарался сократить прощание.

— А мой прибор,— запротестовал он,— ведь это путь к спасению. Многие из тех, что умерли в атомную войну, погибли не от непосредственного воздействия взрыва, а от его последствий. Защитный экран спасет людей от радиоактивных осадков, ядовитых газов...

— Да,— сказала Вивьена.— Именно поэтому Зиггер хочет заполучить этот экран. Тогда его не остановит ничто. За десять лет он будет властителем всего преступного мира и большей части остального мира.

— И мы должны работать на него?— спросил Коскинен.

— Да. И усовершенствовать прибор со временем. Если этого не сможем мы, он наймет других инженеров. Кажется, работа эта не очень сложная.

— Нет... я не могу. Я передам все это полиции!

— Это значит — Службе Безопасности,— медленно сказала она.

— Да... конечно.

— И директору Маркусу. Хью Маркусу. Представляешь, что он тогда сделает? Вспомни Джанно.

Коскинен стоял, не двигаясь. Она безжалостно продолжала, и Коскинен понимал, что она говорит это не потому, что знает о мониторе, о том, что за ними наблюдают.

— Если не Маркусу, то кому-нибудь еще. Ты просто не хочешь подумать о последствиях! Неуязвимость! Дай ее любому — от Маркуса до Зиггера или диктатора Китая... Дай любому, кто имеет власть над людьми, неуязвимость, и эта власть станет свободной от сдерживающих факторов, она станет неограниченной. И тогда... Я бы предпочла отдать неуязвимость Зиггеру,— закончила она.

Губы ее были плотно сжаты. Она взяла еще сигарету и махнула рукой.

— Все, что он хочет, это возможность грабить. Ему не нужны души всех людей.

VIII

Коскинен проснулся. Что это было?

Может быть, ничего. Сон, из которого он бежал прежде, чем тот стал слишком зловещим, пугающим. Перед сном он выпил снотворное, но его действие, наверное, кончилось. Часы показывали 4.15. Он лежал в полной темноте. И тишине. Если не считать легкого шума вентилятора. Эти толстые стены были эффективными звукоизоляторами. И если они пропускали звук, значит, он действительно был громким.

Он повернулся на бок и попытался уснуть снова, но сон уже не шел к нему. Все, что сказала ему Вивьсна, ее тон, ее состояние, действовало на него больше, чем он думал.

Я многого не знал. Мое детство прошло в стенах закрытой школы. Я никогда не встречался лицом к лицу с реальностью. Конечно, наши учителя не обманывали нас. Они предупреждали нас, что жизнь трудна, что на свете существуют и бедность, и невежество, алчность, тирания, ненависть... Но теперь я понимаю, что они сами лишь по-детски разбирались в хитросплетениях жизни. Свои политические взгляды они получали готовыми из официальных источников. Они были так загружены работой, что не могли отвлекаться ни на что другое.

Мне следовало выйти в мир вместе с остальными школьными товарищами, и тогда я мог бы многое узнать о реальной жизни. Но я предпочел сразу улететь на Марс. А теперь я вернулся, и суровая правда встала предо мною. Не постепенно, чтобы я мог привыкнуть, приспособиться, но внезапно и неизбежно. В огромной дозе. Мне бы хотелось не знать всего этого.

«Но где же правда?— тревожно подумал он.— Кто прав? Где выход? Есть ли он?»

Весь день он находился в подавленном состоянии, работая с Вивьсной над прибором. Но работа была еще далека от завершения. Требовалось еще много времени. У него, казалось, не было иного выбора, кроме как подчиниться Зиггеру. Лежа в постели и сжимая кулаки, он подумал: «Мне слишком часто приходится подчиняться обстоятельствам. Не пора ли действовать самому?»

Но цепь и взрывной диск на шею держали его, как якорь. Может, со временем ему удастся сделать что-нибудь такое, что послужит экраном для сигнала подрыва диска. Может

быть. Но не скоро. А пока ему придется подчиниться, ждать своего шанса...

Раздался глухой грохот. Пол отозвался резонирующими колебаниями.

Коскинен соскочил с постели. Сердце его едва не выпрыгивало из груди. Может, это сирена? Нашупав выключатель, он включил свет, осветивший пустую комнату. Он бросился к двери. Разумеется, закрыта. Он приложил ухо к двери: крики, топот ног... да, это сирена, воющая где-то в подземелье.

Коскинен включил телефон. Никто не отозвался. Выключены аппараты или повреждена центральная сеть? Грохот снова потряс каменные стены.

Нападение? Но кто?

Зиггер! Коскинен покрылся холодным потом. Если Зиггер в отчаянии нажмет кнопку... Невольно Коскинен стал срывать с себя цепь. Он бегал по пустой комнате, тщетно пытаясь найти, чем перерезать стальную цепь. Ничего!

Он оделся, почистил зубы и стал в ожидании расхаживать по комнате.

Шум увеличился. Еще взрыв. И еще. Но он не слышал голосов людей. Вероятно, битва велась где-то в другом месте. Ему ничего не оставалось, как ждать. Он пытался вспомнить родителей, Элнора, но был слишком возбужден, чтобы отключиться от реальности. «Идиот, — ругал он себя. — Если сюда попадет бомба, ты не узнаешь об этом». Это немного успокоило его.

Еще один взрыв. Огонь мигнул и погас. Вентилятор перестал вращаться.

Во рту Коскинена пересохло. Он стал искать воду. Дверь открылась. Он повернулся и отшатнулся.

В комнату вошла Вивьена Кордиеро и закрыла за собой дверь. На ней был плащ, в руке пистолет, а на спине какой-то узел, прикрытый плащом. Глаза ее горели, ноздри раздувались, на губах играла жестокая улыбка.

— Вот! — выдохнула она. — Сними это. — Она скинула ношу с плеч. Ткань соскользнула с узла, и Коскинен увидел свой прибор. — Он слишком тяжел для меня.

— Что... что... — Коскинен шагнул к ней.

— Возьми это, идиот! Нам очень повезет, если удастся сбежать с ним.

Силы вернулись к нему. Он подхватил тяжелый прибор.

— Что случилось?

— Нападение. Большими силами и с прекрасным вооружением. Судя по сообщениям наблюдателей, это китайцы. Они нанесли удар ракетами с воздуха, что дало им возможность высадить десант. Сейчас они пробиваются через наши последние рубежи обороны. Мы вооружены так, чтобы отразить нападение другой банды или полицейских отрядов, но не таких сильно вооруженных сил.— Она снова прикрыла прибор тканью.— Еще нужно изменить внешность.

— Что?

Она схватила его за руку.

— Каждый знает, как ты выглядишь. Но если сбрить бороду, то у тебя есть шанс проскользнуть незамеченным. Быстро! — Она протянула ему флакон с аэрозолем.

Через несколько секунд он уже ощупывал свой гладкий подбородок с неожиданным любопытством. Он уже отвык от него. Судя по тому, с какой скоростью у него росла борода, подбородок его будет таким по меньшей мере неделю.

Вивьена продолжала говорить:

— Я могу предположить, как все произошло. Китайцы приблизительно знали, где ты приземлился, и послали в этот район своих агентов. Возможно, они узнали Бонеса — в окрестностях все знают людей из Кратера. Они захватили его.— Вивьена вздохнула, вероятно, предположив, каким жутким мучениям подвергся бедняга Бонесс.— Они заставили его рассказать все — и о тебе, и о плане укреплений. Несомненно, что потом они убили Бонеса. После этого они собрали сюда все оружие, которое тайно накапливалось годами. Ведь игра стоила свеч. Китайцы, захватив экран, могли бы спокойно создавать свой ядерный арсенал и шантажировать нас.

Коскинен пожал плечами.

— Я не могу исключить возможности, что китайцы добьются успеха,— сказала Вивьена.— Но я не хочу второй войны. Поэтому я проникла в лабораторию — и все наши записи превратились в пепел.

— Подожди,— вспомнил Коскинен. Он показал на свое горло.

Она рассмеялась коротким лающим безрадостным смехом.

— Я об этом подумала. Между покоями Зиггера и моими

есть проход. Он думает, что ключ только у него, но я уже давно сделала дубликат. И я знаю, где у него хранится взрывное устройство. Когда он ушел руководить обороной, я выкрала его.— Вивьена достала из кармана маленькую плоскую коробочку с кнопкой.— Вот детонатор.

Коскинен протянул руку, но она отстранила ее.

— Нет, нельзя. Идем. У нас мало времени.

Она открыла дверь и выскользнула в холл.

— О'кей, все чисто.

Они прошли через холл, возле двери лежал застреленный часовой. Коскинен посмотрел на Вивьену. Она кивнула.

— Да. Иначе было не войти.

Они втащили тело в холл и закрыли дверь ключом Вивьены.

— Сжигаешь мосты?— спросил Коскинен.

В здании слышались разрывы, выстрелы, пулеметный лай.

— Нет,— ответила она.— Они сожжены много лет назад. С того дня, как они убили Джанно. Идем сюда.

Они пересекли подвижную дорожку, которая сейчас не двигалась. Повеяло свежим воздухом. Звук боя стали слабее. Сердце Коскинена замерло, когда он увидел отряд охранников, направлявшихся к ним. Правда, они особенно не торопились. Вивьена свернула в боковой коридор, в стенах которого находились двери.

— В основном это кладовые,— сказала она.— Держи руку на тумблере и приготовься включить экран, когда я скажу.

Следующая дверь вывела их на лестницу, ведущую вверх. Коскинен устал. Дыхание гулко раздавалось между пустых стен. Лямки сильно давили на плечи. Коскинен ощущал острый запах своего пота. Коридор был тускло освещен редкими лампами.

Повернув, они совершенно неожиданно оказались перед бронированной дверью, перегораживающей коридор. Возле двери стоял пулемет и два охранника в шлемах и масках, что делало их похожими на инопланетян.

— Стой! — скомандовал один из них. Дуло пулемета направилось на Коскинена.

— Экран! — прошипела Вивьена. Он включил тумблер — и тут же оказался в тишине. Вивьена, укрывшись за ним, открыла беглый огонь из автоматического пистолета.

Первый охранник упал, а второй продолжал всаживать пулю за пулей в экран. Пули падали у ног Коскинена. Наконец Вивьена застрелила и этого охранника.

Она подбежала к двери, посмотрела на трупы и махнула рукой Коскинену. Тот выключил экран и подошел к ней. Невыносимо яркая кровь текла по каменному полу. Ему стало плохо.

— Это нужно было?— спросил он Вивьену.

— Они бы не пропустили нас без пропуска. Не жалея этих громил. Они достаточно поубивали в своей жизни.— Она включила рубильник.— Нам нужно торопиться. Возможно, они успели поднять тревогу.

Дверь медленно повернулась. За нею зияла чернота. Вивьена взяла фонарик у одного из охранников, и они пошли по туннелю. Выход из туннеля был замаскирован огромным камнем. Коскинен выглянул из-за камня.

Три огромных самолета кружили в багровом небе. Чуть дальше, над главным входом, кружилось еще несколько самолетов. Отсюда они казались всего лишь серебряными искрами на фоне черного неба. Коскинена оглушили звуки боя — взрывы, пулеметные очереди, разрывы гранат, pistolетные выстрелы — настоящий бой, где используются все виды оружия.

— Китайцы сделали все, чтобы создать впечатление у полиции, что здесь сражаются две банды грабителей,— сказала Вивьена.— Если полицейские попытаются вмешаться, они будут просто перебиты. У них нет достаточного количества оружия, чтобы на равных сражаться с китайцами. Следовательно, сюда будут вызваны части Службы Безопасности и армии... но это будет позже. Китайцы надеются, что они достигнут своей цели — захватят прибор и тебя до того, как это случится.

— Куда мы бежим?— спросил он, оглушенный тем, что случилось.

— Идем.— Она повела его по еле заметной тропинке. Он шел за нею, спотыкаясь, падая. Руки его были исцарапаны, он сильно ушиб колено, но был слишком напуган возможностью попасть в плен к китайцам, и поэтому не обращал ни на что внимания. Вскоре они пересвалили через жерло кратера и пошли вниз среди развалин старых домов в лабиринт, где жили люди низшего класса.

Они остановились на узкой улочке, между глухих кирпичных стен. Мрак окружал их. Серые прямоугольники света виднелись впереди — там начинались главные улицы, пустынные в этот час. Только ветер гнал по ним пыль да обрывки бумаги. Над головой виднелась сеть проводов. Они были далеко от Кратера, и шума боя, если он еще продолжался, не было слышно. Ночь висела над городом, громящая, ревущая: автоматические заводы, автоматические пути сообщения — все это создавало равномерный гул, мешающий услышать отдаленные звуки. Воздух был холодным, в нем стоял запах сернистых соединений.

Коскинен присел рядом с Вивьеной. Усталость навалилась на него. Долгое время он в темноте смотрел на нее и наконец спросил:

— Что дальше?

— Не знаю, — глухо ответила она.

— В полицию...

— Нет, нет! — Резкость, с которой она отклонила его предложение, как будто пробудила их обоих. — Дай мне подумать, — сказала она. Она достала сигарету, и вскоре в темноте вспыхнуло красное пятнышко.

— К кому еще мы можем обратиться? — возразил он. — Снова к какому-нибудь боссу из банды? Нет, спасибо.

— Разумеется, нет, — сказала она. — Особенно теперь. Слухи о том, что произошло в Кратере, уже докатились до Службы Безопасности, и они поняли, в чем причина. Так что ни один босс не рискнет скрывать нас и сразу выдаст, если обнаружит.

— Тогда пойдем в полицию сами.

— Сколько раз ты должен получить копытом по зубам, прежде чем научишься не подходить к лошади сзади?

— О чем ты? Да, конечно, я признаю, что они убивают. Но...

— Ты хочешь провести остаток жизни в тюрьме? О, они могут просто стереть всю твою память, а при этом существует возможность, что ты исчезнешь как личность. Мнемотехника еще не очень точная наука. Всякое может случиться. Лично я предпочту просидеть всю жизнь в тюрьме, чем позволить им лезть своими зондами в мой мозг. Заключенный всегда может найти способ покончить с собой.

— Но почему? Я же не тип, склонный к мятежу.

— Дело не в этом. Сейчас ты единственный на Земле, кто знает, как работает генератор. Маркус, способный хладнокровно убить невинного человека из-за того, что тот может когда-нибудь причинить ему неприятность... Неужели ты думаешь, что такой человек, как Маркус, допустит возможность того, чтобы тайна экрана вышла из-под его контроля? Я не хочу сказать, что Маркус планирует стать военным диктатором Соединенных Штатов, но шаг за шагом идет к этому. Разве можно воспрепятствовать ему в этом, если он обладает властью, силой и неуязвимостью?

— Ты преувеличиваешь.

— Заткнись. Дай мне подумать.

Поднялся ветер. Где-то прогремел поезд. Красноватый огонек сигареты погас.

— Я знаю одно местечко, где мы можем скрыться,— сказала она.— У Зиггера есть убежище, которое он держит под чужим именем. Там есть запасы продовольствия, оружие. Кроме того, оно снабжено специальной телефонной системой, которую нельзя обнаружить и засечь. Мы можем там прожить некоторое время и попытаться связаться с друзьями, например в Бразилии. А потом можно будет вернуться из страны.

— А дальше что?— с вызовом спросил он.

— Не знаю. Может, выбросить прибор в море и спрятаться в лесах на всю оставшуюся жизнь? А может, мы придумаем что-нибудь получше. Не дергай меня. Нет. Пока я ничего не вижу лучше.

— Нет,— сказал Коскинен.

— Что?— переспросила она.

— Прости. Может, я чересчур доверчив. А может, ты слишком недоверчива. Но когда я отправлялся на Марс, я подписал клятву, что буду всегда поддерживать Конституцию.— Он встал.— Я сам пойду в Службу Безопасности.

Она тоже поднялась.

— Ты никуда не пойдешь.

Коскинен положил палец на тумблер.

— Не доставай пистолет,— сказал он.— Я закроюсь экраном раньше, чем ты нажмешь на курок.

Она отступила на шаг и достала из кармана плоскую коробочку.

— А это?— спросила она.

Он ахнул и рванул к ней.

— Стоять! — крикнула она. Коскинен услышал щелчок предохранителя и замер на месте.

— Я убью тебя, если ты захочешь передать прибор властям.

— Ты действительно убьешь? — Коскинен не двинулся с места.

— Да... это действительно очень важно, Пит. Ты говорил о клятве. Неужели ты не видишь, что Маркус последовательно уничтожает те жалкие остатки, что еще называются у нас Конституцией? — Она всхлипнула, Коскинен слышал это. Но он знал, что пальцы ее сжимают детонатор.

— Ты ошибаешься, — заговорил он. — Почему ты думаешь, что Маркус действует именно так? Если бы даже он и захотел, ему не позволили бы. Ведь в правительстве он не один. Есть Конгресс, Верховный суд, президент, наконец. Я не могу поставить себя вне закона только потому, что у тебя есть предубеждение против правительства, Ви!

Снова между ними легла тишина. Он ждал, размышляя о многом. Наконец она тихонько вздохнула и сказала:

— Может быть. Я не имею прямых доказательств. Но твой экран... и твоя жизнь... их нужно спрятать. Я хочу, чтобы ты убедился в этом до того, как попадешь к ним в пасть. Иначе будет поздно. А ты не так плох, чтобы желать тебе попасть к ним в лапы.

Дэйв, — вспомнил он. Он долго стоял, опустив плечи и думая о Дэвиде Абрамсе.

«Я был слишком пассивен, — подумал он. — А тут необходимо действовать».

И принятое решение вернуло ему физические силы. Он заговорил более уверенно:

— Хорошо, Ви. Я сделаю, что ты скажешь. Мне кажется, я знаю, что делать.

Она сунула детонатор в карман и пошла за ним по темной улице. Они прошли несколько кварталов, завернули за угол и увидели витрины магазинов и телефонную будку. Вивьена дала ему несколько монет — у Коскинена в этом костюме все карманы были пусты — и встала возле двери будки. Щеки ее в мертвенно-бледном свете ламп казались зелеными, губы были твердо сжаты. Она вновь обрела уверенность в себе.

Сначала Коскинен вызвал такси, затем набрал номер местного отделения Службы Безопасности. Вспыхнула алая

лампочка — сигнал записи на ленту. Коскинен не включил экран: зачем им знать, как он теперь выглядит?

— Бюро Службы Безопасности,— ответил женский голос.

Коскинен напрягся.

— Послушайте,— сказал он.— Это очень срочно. Передайте ленту с записью сразу же своему начальнику. Говорит Пит Коскинен с «Боаса». Я знаю, что вы меня ищете. Мне удалось избавиться от крупных неприятностей. Аппарат со мной. Но я не уверен, что могу доверять вам. Я пытался созвониться со своим товарищем Дэйвом Абрамсом. Я понял, что вы схватили его. Мне все это очень подозрительно. Может, я и ошибаюсь. Но то, что у меня есть, слишком важно, поэтому я не могу действовать вслепую.

Сейчас я исчезаю и позвоню с другого места примерно через полтора часа. А пока вы мне подготовьте все, что касается Абрамса. Понятно? Я хочу видеть его воочию и убедиться, что с ним все в порядке и его не содержат в тюрьме.

Он отключился и вышел из будки. Такси, как он и надеялся, уже прибыло. Вивьена спрятала пистолет под плащом — таксист не приблизится, если увидит оружие. Как и друг Неффа, таксист был в шлеме и у него был игольчатый пистолет. Господи, и это было всего два дня назад!

Коскинен и Вивьена вошли в машину. Водитель сказал в микрофон:

— Куда?— Его защищала от пассажиров прозрачная панель, видимо пуленепробиваемая.

Коскинен был захвачен врасплох, но Вивьена быстро ответила:

— В Бруклин. И поживее.

— Придется облетать Кратер, мадам. Гораздо дальше, чем обычно. Там какая-то заварушка, и Служба Контроля перекроила все маршруты.

— Хорошо,— сказал Коскинен. Он откинулся на спинку, насколько позволял ему аппарат. Они взмыли вверх. Служба Безопасности будет здесь через несколько минут, но будет уже поздно. Они, конечно, могут проверить Службу Контроля, но компьютер уже сотрет из памяти информацию, что такси останавливалось на этом углу. А работа со Службой такси займет очень много времени. «Значит, пока мы управляем ситуацией»,— подумал Коскинен.

— Бруклин,— немного погодя произнес водитель.— Куда именно?

— К станции «Флэтбуш»,— ответила Вивьена.

— Эй, на такие расстояния не стоит брать такси. Можно доехать на метро.

— Ты слышал леди,— сурово произнес Коскинен.

Водитель пробормотал что-то не очень любезное, но по-виновался. Вивьена щедро расплатилась с ним.

— Он так зол, что мог бы заявить о нас в полицию, надеясь, что нас разыскивают копы,— сказала она, когда ступила на эскалатор.

Турникет проглотил монеты и впустил их. Они вошли в вагон и сели на свободные места. Пассажиров было мало: рабочие, священник, несколько людей восточного типа, которые смотрели вокруг сонными глазами. Видимо, город еще не проснулся.

Вивьена посмотрела на Коскинена.

— Ты выглядишь значительно лучше,— заметила она.

— И чувствую себя тоже лучше,— признался он. Он снял со спины прибор и поставил возле ног.

— Хотела бы я сказать то же самое,— вздохнула Вивьена. Вокруг ее покрасневших глаз лежали черные круги.— Устала донельзя. И не только из-за сегодняшнего бегства. Все эти годы навалились на меня. Неужели я когда-то была маленькой девочкой, беззаботной, веселой, которую звали Виви? Сейчас мне кажется, что я читала об этом в старой книге.

Он молча взял ее за руку, а другой рукой отважился обнять ее за плечи. Темная голова опустилась ему на плечо.

— Прости, Пит,— сказала она.— Я совсем не хочу жаловаться тебе. Но ты не будешь возражать, если я немного поплачу? Я тихо...

Он прижал ее к себе. Никто не обращал на них внимания. Да, самое ужасное, что он нашел на Земле,— это полная изоляция людей друг от друга. Но что можно было ждать, если каждый человек всего лишь глухой, слепой, немой придаток автоматической машины, называемой государством?

Они ехали без всякой цели, пока не пришло время снова звонить в Службу Безопасности. Вивьена поспала несколько минут и выглядела посвежевшей. Она шла рядом с ним пружинящей походкой.

Сойдя с эскалатора, они огляделись. Теперь они оказались в более богатом районе. Дома вокруг были новые, с панелями, отделанными пластиком, с широкими окнами и балконами. Вдоль улицы тянулся высокий забор, служивший границей парка вокруг Центра. Сам Центр возвышался вдали, подобно горе, но Коскинен не обратил на него внимания. Его поразила свежая зелень травы, пышно величественные цветочные клумбы, грациозная красота деревьев. «Я совсем забыл, что Земля такая красивая планета», — подумал он.

Охранник в форме со скучающим видом смотрел на них из-за забора. Ранние — или, может, поздние — автомобили проносились по улице. Тут было запрещено движение поездов. Возле тротуара стояло такси. Значит, можно было не вызывать машину для немедленного бегства после звонка.

«Почему бегство? — подумал Коскинен. — Почему бы просто не отправиться в ближайшее бюро Службы Безопасности?»

Он облизнул губы, заставил себя успокоиться и вошел в будку. Вивьена осталась на улице. Она охраняла прибор, но не спускала с него глаз. Коскинен набрал номер.

— Бюро...

— Коскинен, — хрипло произнес он. — Вы готовы говорить со мной?

— О! Один момент.

Щелчок. Включился мужской голос:

— Полковник Осленд. Если вы включите канал визуальной связи, Коскинен, я соединю вас прямо с директором Маркусом.

— Ладно. — Коскинен бросил еще одну монету. — Но прошу учесть, что у меня нет с собой аппарата. Если вы выследите и схватите меня, мой товарищ уничтожит машину. И никто, даже я, не сможет воспроизвести ее. Даже я, повторяю.

На экране появилось мужское лицо, которое тут же сменилось другим, тяжелым, с густыми бровями — Хью Маркус из Вашингтона. Коскинен много раз видел фотографии этого лица, так что он сразу узнал его.

— Хэлло, — мягко сказал Маркус. — В чем дело? Чего ты боишься, сынок?

— Вас, — ответил Коскинен.

— Вероятно, у тебя есть основания, но...

— Стоп! Я знаю, что у меня совсем немного времени. Ваши агенты уже, наверное, мчатся сюда. Послушайте, Маркус, мне нужны гарантии человека, которого я хорошо знаю. Готов Дэйв Абрамс говорить со мною?

— Минуту, минуту.— Маркус поднял руку с накрашенными ногтями.— Не нужно давать волю предубеждению против нас. Да, мы содержим Абрамса в тюрьме. Но для его же собственной безопасности. Кстати, единственное, что мы хотим, это обезопасить тебя тоже. Абрамс в полном порядке...

— Дайте мне с ним переговорить. Быстро!

Маркус вспыхнул, но продолжал вполне мирно:

— Почему именно Абрамс? К сожалению, мы не можем так быстро привести его. Он содержится в Рокас-Маунтинс, и мы не видим причин, чтобы нарушать покой его и агентов, охраняющих его. А условия связи сейчас очень плохие, так что мы не можем подключить его к этой линии.

— Я считаю, что вы вкатили ему такую дозу наркотиков, что сейчас не можете привести его в себя. Все ясно, Маркус.— Коскинен протянул руку к выключателю связи.

— Подожди! — крикнул Маркус.— Хочешь поговорить с Карлом Хомбе? Он здесь, в полной безопасности.

«Механик», — подумал Коскинен, колени его внезапно стали ватными.

— Хорошо, — прохрипел он.— Подключайте Хомбе.

Изображение на экране изменилось. Лысый человек с моржовыми усами смотрел на Коскинена.

— Хэлло, Карл, — мягко сказал Коскинен.

— О, Пит.— Хомбе искоса посмотрел в сторону. Значит, где-то рядом находится охранник с пистолетом.— Что это нашло на тебя?

— Пока не знаю, — ответил Коскинен.— Как они обращаются с тобой?

— Прекрасно, — ответил Карл.— У меня все прекрасно.

— По твоему виду этого не скажешь.

— Пит...— Хомбе запнулся.— Возвращайся домой, Пит. Я не знаю, в чем дело, но мне велено передать тебе, что Служба Безопасности не сделает тебе ничего плохого. Так оно и есть.

Коскинен помолчал. В трубке слышалось гуденье. В окно будки он увидел звезды, которые постепенно таяли по мере приближения утра. Вивьена не сдвинулась со своего места.

Он напряг мышцы гортани, чтобы говорить на языке, на котором общались ближайшие друзья на Марсе.

— Карл, есть истина в том, что ты говоришь?

Хомбе замер. Лицо его побледнело.

— Не говори со мной так!

— Почему? Ведь мы говорили с тобой на этом языке в ту ночь, когда были в святилище вместе с марсианами! Я приду к тебе, если ты скажешь мне на этом языке, что против меня не планируется ничего дурного.

Хомбе попытался заговорить, но не смог.

— Послушай. Я сам знаю, что мне угрожает опасность,— сказал Коскинен.— Если бы она угрожала только мне, я бы пришел. Но я уверен, что эта опасность всемирна...

— Уходи. побыстрей и подальше,— сказал Хомбе на языке марсиан. Затем он наклонился к экрану и заговорил по-английски: — Брось все это, Пит. На тебя нашло затмение. Если ты хочешь, чтобы я дал марсианскую клятву, что ты будешь в безопасности здесь, я клянусь. Так что кончай всю эту мороку.

— Ясно. Я приду,— сказал Коскинен.— Но мне нужно забрать аппарат у помощника. А потом я явлюсь в ближайшее бюро Службы Безопасности.— Он перевел дыхание. В горле у него пересохло, наконец он сказал: — Благодарю, Карл.

— Ладно. Увидимся.

«Надеюсь»,— подумал Коскинен.

Он выключил экран. Может, ему удалось выиграть немного времени... чтобы сделать еще кое-что.

Он вышел из будки, и Вивьена схватила его за руку.

— Ну что, Пит?

Он поднял аппарат.

— Нужно убраться отсюда, пока есть время,— коротко сказал он.

Х

Она некоторое время стояла молча. Солнца еще не было видно, но оно уже позолотило верхушки зданий Центра и наполнило улицы светом. Уличное движение пока не увеличивалось: для обитателей этого района вставать было еще

рано. Тут не было слышно утробного рева фабрик и заводов, который никогда не прерывался в бедных районах. Здесь звуки городской жизни напоминали мягкое дыхание спящего. Он посмотрел на Вивьену, и она показалась ему похожей на падшего ангела, прислонившегося к воротам рая, из которого его выгнали.

— Куда?— спросила она.— В убежище Зигтера?

— Я не знаю. Мне не хотелось бы... но нужно бежать. Нам нужна помощь.

Смех ее прозвучал саркастически.

— Кто предоставит ее тебе?— Она взяла его за руку.— Идем, Пит. Служба Безопасности проследит этот звонок. Они скоро будут здесь.

— Я сказал, что иду к ним.

— Они все равно проверят. Идем!

В огромном здании на противоположной стороне вспыхнул свет. Коскинен зажмурился. Как будто само солнце дало ему сигнал.

— Да! — почти выкрикнул он.

— Что?— Широко открытые глаза с блестящими золотинками пытливо смотрели на него.— Ты что-то придумал?

— Да.— Он быстро пошел к стоянке такси.

Машины здесь были новые, блестящие, водители не вооружены.

— Отсюда не возьмат в трущобы,— предупредила его Вивьена.

— Мы и не собираемся в трущобы.

— Но лететь на верхние уровни опасно, Пит. Все вызовы такси здесь фиксируются. Как только Служба Безопасности поднимет тревогу, все таксисты будут напоминать пассажиров, и...

— Но у нас нет выбора. Метро слишком медленный вид транспорта. К тому же его могут остановить. А я вовсе не желаю сидеть в туннеле и ждать, когда за нами придут.

— Значит, ты хочешь куда-нибудь на верхний уровень, да?

Он кивнул.

— Ну, ладно. Будем считать, что ты знаешь, что делаешь, тем более что времени для спора у нас нет. Но мы будем действовать так, чтобы не привлекать внимания, чтобы нас не запомнили по необычности поведения. Дай мне генератор.— Она легко взяла прибор одной рукой.— Я по-

несу этот аппарат. Я девушка, которую ты подцепил в трущобах. Я как раз подхожу под эту роль. А ты выглядишь вполне респектабельно. Твой темный костюм не позволяет увидеть, что ты весь в грязи.

— Что ты имеешь в виду? — в замешательстве спросил он.

Небо уже посветлело, и он мог видеть ее лицо. Она громко сказала ему:

— Ты подцепил меня в таверне нижнего уровня. — Затем она заговорила громко: — Эй, ты, дурачок, беспутный сынок мультимиллиардера! Иди за мной!

Они пошли к такси. Коскинен еще ничего не понимал, но когда рука Вивьены схватила его за волосы и подтянула его рот к своему, все стало ясно.

Обнимая друг друга — даже в этот момент Коскинен удивился искусству, с которым Вивьена закрыла его лицо от таксиста, — они забрались в такси. Вивьена кинула прибор в угол.

— Том, мне нужно вернуться на работу. Босс снимет с меня шкуру, если эта штука не будет стоять в его кабинете утром.

Коскинен не мог сразу придумать ответ, и Вивьена ущипнула его.

— О, не беспокойся об этом, крошка. Я позабочусь, чтобы босс был удовлетворен.

— Как, наверное, приятно иметь много денег, — промурлыкала она. Дверь закрылась. Такси взлетело, сразу набрав полную скорость. Инерция еще крепче прижала их друг к другу.

Коскинен сжал ее в объятиях.

— Полегче, медведь, — прошептала она.

А он, закрыв глаза, вдыхал ее аромат. Волосы ее пахли солнечным восходом, а кожа... он не мог найти подходящего сравнения. Сердце бешено колотилось, он задыхался от желания обладать ею.

Уголкем глаза, без особого интереса, Коскинен увиел восходящее солнце. В его свете мегалополис казался какой-то романтической крепостью. Две реки и залив Лонг-Айленд блестели, как расплавленное серебро. В воздухе не было видно других машин. Такси быстро летело на восток — гораздо быстрее, чем ему хотелось. Сейчас они летели над районами, где могли себе позволить жить только

очень богатые и где было запрещено строить промышленные предприятия.

Громада Централии появилась на горизонте.

— Куда, сэр?— спросил водитель.

Ему пришлось дважды повторить свой вопрос, так как Коскинен замер в объятиях Вивьены. Затем он спохватился и пробормотал:

— Вест-сайд. Двадцать третья, пожалуйста.

— Хорошо, сэр.— Водитель запросил разрешения на поворот, получил его и направил такси вниз. Вскоре колеса зашуршали по флексигласу.

Вивьена сунула деньги в карман Коскинена.

— Заплати побольше,— выдохнула она ему в ухо и вышла из кабины. Все еще находясь в полном смятении от близости ее тела, он кивнул.

— О, Боже,— рассмеялась она,— я такая растрепанная!

— Ты выглядишь прекрасно,— не солгал он.

Вивьена взяла прибор и пошла. Коскинен расплатился с таксистом, который совсем не смотрел на него, а смотрел на Вивьену, которая удалялась, отчаянно виляя задом.

— Вам повезло, сэр,— сказал он, и вскоре такси взмыло в воздух, направляясь в сторону Манхэттена.

Они стояли перед прекрасным садом и смотрели на свежую зеленую траву, где блестели росинки, на прекрасные цветочные клумбы, вдыхали запах роз... Коскинен обнял Вивьену за талию. Она вздохнула и положила голову ему на плечо.

— Я почти забыла, что земля так прекрасна,— прошептала она.

— А я это только что узнал... благодаря тебе...— Он сам удивился своему ответу.

Она хмыкнула.

— Ты способный ученик, Пит, должна сказать.

Послышались шаги по дорожке, усыпанной гравием.

Они обернулись, насторожившись. На площадке для приземления не было служителей, но их, вероятно, заметили и теперь охранник шел, чтобы узнать, кто они и что им надо.

Этот человек не был одет в униформу. Он шел лениво, и улыбка играла на его губах, но Коскинен отметил его прекрасно тренированные мускулы, микропередатчик на запястье.

— Доброе утро, сэр,— поздоровался человек.— Чем могу вам служить?

— Мне бы хотелось увидеть мистера Абрамса,— сказал Коскинен.

Охранник поднял брови.

— Мое имя Коскинен. Я прилетел вместе с Дэвидом Абрамсом, и у меня есть некоторые новости, которые заинтересуют его отца.

Профессиональная невозмутимость уступила место возбуждению.

— О, конечно, мистер Коскинен! Сейчас. Я думаю, что он еще спит, но... идите за мной!

Коскинен взял у Вивьены генератор и накинул ремень на одно плечо. Она схватила его за руку, придержала, пока охранник ушел вперед. Он заметил, что Вивьена очень напряжена.

— Послушай, Пит,— прошептала она.— Я слышала о Натане Абрамсе. Он большой человек в «Дженерал Атомик». Зачем ты пришел к нему?

— Ты забыла, что Служба Безопасности схватила его сына? Я думаю, что он будет рад помочь нам.

— Болван! — взорвалась она.— Ты думаешь, что Служба Безопасности не следит за ним?

— О, несомненно. Риск, разумеется, есть, но не очень большой. Сейчас они заняты тем, что разбираются с этой историей у Кратера. Они вынуждены подключить туда всех местных агентов. Я уверен, что здесь пока чисто.

— Если Служба Безопасности не имеет агентов внутри дома.

— Я сомневаюсь в этом. Дэвид говорил мне, что его отец очень тщательно подбирает слуг и он уверен в их преданности. Так делают все большие люди. В нашем волчьем мире это необходимо.

— Хм... ну хорошо... то, что нас пока еще не схватили, доказывает, что ты, может, и прав.

Она испытующе посмотрела на него.

— Неплохо. Провинциал не смог бы так быстро оправиться от той передраги, в которую ты попал. Ты так быстро все схватываешь, что это даже пугает меня. Но идем, охранник ждет нас.

Они вошли через стеклянные двери в дом. В центре солярия била фонтан высотой в двадцать футов. Коскинен

увидел, что бассейн, в котором бил фонтан, отделан плитами из метеоритов. Плещущая вода, утреннее солнце и запах лилий — все было чудесно, но внимание Коскинена было привлечено к другому — к человеку, который спешил им навстречу.

Это был не Абрамс, а плотный человек в голубом костюме. Охранник что-то тихо сказал ему. После этого человек повернулся, исчез и вошел другой человек. Лицо этого старого человека совершенно не подходило к его атлетической фигуре. Кожа туго обтягивала высокие скулы, вокруг глаз и рта залегли морщины. Коскинен редко встречал людей с таким пронзительным взглядом. Рукопожатие его было крепким. Коскинен представил себя и Вивьену.

— Ян Трембецкий, личный секретарь мистера Абрамса. Он будет через несколько минут. Присядьте, пожалуйста. — Его английский был правильным, но слова он произносил с акцентом.

— Благодарю. — Коскинен осознал, как он устал. Он почти упал в кресло и с наслаждением утонул в его мягкой глубине.

Вивьена опустила в кресло небрежно, но было видно, что она тоже очень устала.

Трембецкий смотрел на них.

— Как насчет завтрака? — спросил он и нажал кнопку внутренней связи. Услышав ответ, он сделал заказ.

После этого он предложил сигареты. Вивьена взяла сигарету, прикурила и с наслаждением затянулась. Она с неохотой выпустила дым из легких. Трембецкий тоже сел и закурил.

— Как я понял, вам удалось убежать от агентов Службы Безопасности, — сказал он. Когда Коскинен кивнул, он продолжал: — Ну, что же, мы можем спрятать вас, но зачем? У нас и так достаточно неприятностей.

— Я могу оказать вам помощь, — сказал Коскинен. Он показал на генератор. — Вот из-за чего весь этот шум!

— Ах, вот оно что! — Трембецкий остался невозмутим. — Мы уже кое-что знаем о нем из своих источников.

— Вы думаете, что... с Дэйвом все в порядке?

— Сомневаюсь, что ему причинили какой-либо вред. Несомненно, его подвергли психологическим тестам, но если он ничего особенного не знает... а он ведь действительно не знает?

Вопрос прозвучал, как пуля. Коскинен даже не успел ничего ответить, даже покачать головой, как Трембецкий продолжал:

— Хорошо, в этом случае Дэйв содержится в роли заложника. Правда, это связывает нам руки.

— А что вы пытались сделать? Мистер Абрамс ведь мог бы сообщить обо всем президенту?

— Разумеется, он это сделает. Но нужно время. Не следует забывать, что все сотрудники и помощники президента запуганы Службой Безопасности. Они понимают, что в любой момент могут потерять работу в штате президента.

— Но сам президент...

— Да, здесь нам повезло. Он по убеждению либерал. Но ему приходится думать и о безопасности Соединенных Штатов, которая, в свою очередь, является гарантией стабильности Протектората. И в этом играет большую роль Служба Безопасности.

— Но президент может избавиться от Маркуса!

— Не так все просто, мой друг. Нужно уважать целостность государственных организаций, иначе само государство рухнет. Далее, каждый государственный деятель должен идти на компромиссы. В противном случае он окружит себя врагами и ничего не сможет совершить. Почитай историю. Вспомни Линкольна, который был окружен дубинами генералами и ослами чиновниками. Или неустойчивое равновесие между сталинистами и антисталинистами в старом Советском Союзе. Нет, президент не может отстранить Маркуса, если не сумеет доказать перед Конгрессом, что действия шефа Службы Безопасности причиняют вред государству.

— Может, мы сумеем убедить его, — сказал Коскинен.

— Может быть. Хотя через легальные каналы это трудно сделать. А если мы сами будем поступать незаконным образом, то как мы сможем говорить и обвинять Маркуса в незаконии?

Коскинен почувствовал, что все мышцы его напряглись. Воцарилась тишина, нарушаемая только журчанием фонтана.

— А вот и освежающее.

Коскинен открыл глаза. Он с удивлением обнаружил, что уснул. Слуга накрывал на стол. Коскинен посмотрел на кофе, апельсиновый сок, хлеб, сыр, масло, икру, запотев-

шую от холода бутылку водки. Трембецкий предложил ему и Вивьене таблетки.

— Они возбуждают аппетит,— пояснил он.— Очень хорошо принять перед едой.

— Нам нужно сохранить мозги свежими,— угрюмо заметила Вивьена.

Они едва принялись за еду, как в холле появились два человека. Трембецкий встал.

— К сожалению,— сказал он,— завтрак придется отложить. Пришел босс.

XI

Натан Абрамс не был высоким человеком. Скорее наоборот — невысоким, пухлым и лысым. Он был в халате, из-под которого виднелись ноги в пижамных брюках. Хрипло дыша, Абрамс сел в кресло и вытянул ноги. Он сказал сквозь зубы:

— О, Боже! Я всегда знал, что вокруг много гнили. Но когда эта гниль выступила открыто, с ней уже поздно вступать в борьбу. Но необходимо.

— С каким оружием?— спросил Трембецкий.

Рука Абрамса показала на прибор.

— Для начала с этим.

— Но нужно время, чтобы организовать производство и создать боевые группы.

— А тем временем Дэйв...— Голос Абрамса дрогнул. И, стараясь скрыть это, он стал накладывать себе пищу в тарелку.— Прошу простить меня,— сказал он Вивьене и Коскинену.— Вы, должно быть, голодны.

Коскинен не смог удержаться, чтобы не рассмотреть девушку, которая пришла с Абрамсом. Естественно, он знал о существовании сестры Дэйва, но когда экспедиция улетала на Марс, ей было пятнадцать лет. Он не ожидал увидеть ее такой взрослой. Стройную, гибкую, с серыми глазами, затуманенными печалью, с мягкими медно-красными волосами, волнами спадавшими на плечи. Абрамс не сказал жене о встрече, потому что не знал, как она перенесет это. Но дочь его была сейчас с ним.

Хорошо, что Абрамс вспомнил о завтраке. Коскинен дей-

ствительно проголодался. Однако он колебался. Девушка как бы прочла его мысли.

— Садитесь, ешьте. Не могли же все ваши зловключения лишить вас аппетита. Пожалуй, я тоже что-нибудь съем.

Вивьена улыбнулась.

— Благодарю, мисс Абрамс, хотя, заботясь о нас, вы не забываете и о себе.

— О, теперь мы в одной армии.

— Я не так уверен в этом,— сказал Трембецкий.

— Что ты имеешь в виду, Ян?— спросил Абрамс.

— Но...

— Ты же знаешь, я не предлагаю ничего экстраординарного. Самое главное, выручить Дэйва и других участников экспедиции. Мы будем действовать осторожно, но вполне возможно, что настанет момент, когда...— Абрамс замолчал.

Трембецкий закончил за него фразу:

— ...когда нам придется вступить в войну с собственным правительством.

— Да... по крайней мере, с Маркусом. Я говорю тебе, что у него мания величия и его нужно остановить.

— Не будем бросаться словами, Нат. То, что мы имеем сейчас, это не неофашизм, это цезаризм. Да, да, цезаризм, слегка модифицированный, так как появился в республике более сложной по структуре, чем Рим тех времен. Но цезаризм появился как веление времени, как средство выживания в ядерном веке. Не хочешь же ты свергнуть Цезаря, обречь страну на гражданскую войну, ослабить ее для окружающих варваров.

— Я о такой чепухе даже не думаю!

— И тем не менее это так, Нат. Это выступление вызовет разделение социальных сил в стране и, как следствие, экономический хаос. А когда это произойдет — общество не сможет производить достаточно, чтобы удовлетворить собственные нужды, и тогда откроется прямой путь для открытого диктаторства. Народ потребует сильного правителя. Лучше пожертвовать свободой, чем видеть, как голодают твои дети. Так считает большинство.

У Маркуса миллион сторонников именно потому, что мы не смогли разрешить многие проблемы, такие, как проблема образования, равномерного распределения благ цивилизации, социального неравенства. Если сейчас высшие классы

Америки передерутся между собой, то положение будет еще хуже. Может быть, Маркуса можно уничтожить, но его сторонники сразу покончат с нами. А если даже забыть о практических трудностях всего предприятия, то нельзя забывать, что на нас лежит громадная ответственность перед обществом, которая не позволит нам пускаться в опасные авантюры.

— Ты не думал об опасностях, когда помогал освобождать Краков от русских,— заметил Абрамс.

— Тогда я был моложе. Да и дело было гораздо проще.

Ли нагнулась к Коскинену и прошептала:

— Он из Центральной Европы. Папа нашел его в каком-то польском городке и уговорил приехать в Штаты.

Коскинен с почтением посмотрел на Трембецкого. Война и послевоенные годы были трудными и в США, но сюда по крайней мере не вторгались иностранные войска, сеявшие хаос и разрушение в стране, которая подверглась удару ракет с атомными бомбами. И если, несмотря на голод, этот человек нашел время, чтобы получить образование...

— Только пойми меня правильно,— продолжал Трембецкий.— Я не предлагаю покорно подчиниться Маркусу и не сопротивляться ему. Ты мужественный человек, Нат. Думаю, что я тоже не из трусов. Но «Дженерал Атомик» — это не наша личная империя. Это военная мощь страны, и она должна продолжать оставаться ею. Кроме того, ты слишком на виду, и ты не сможешь предпринимать ничего, что не было бы замечено обществом. Поэтому ты не можешь организовать заговор.

— О, ты признаешь, что нужен заговор,— сказал Абрамс.

— Не знаю. Может, да, а может, и нет. Все произошло слишком быстро, и у меня не было времени подумать.

— Но времени и так слишком мало,— напомнила Вивьсна.

— Когда Маркус идет по следу... да. Но я не вижу, как мы можем спрятать вас на длительное время. Разумеется, у нас большой штат, но это не организация. А вам нужна организация, со службой разведки, с тайными убежищами... с людьми, которым можно верить...

Абрамс щелкнул пальцами:

— Эгалитарианцы!

Трембецкий удивленно посмотрел на него.

— Ты имеешь в виду Ганновя?

— Не знаю. Но мы можем проверить его.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — вступила в разговор Ли. — Но что касается эгалитарианцев — это звучит обнадеживающе. Я бывала на их митингах, говорила со многими. Отец, это действительно хорошие люди.

— Возможно, — хмыкнул Трембецкий. — Но насколько они эффективны?

— Сам Ганновей крепко скроенный тип. Мы можем связаться с ним, хотя в этом много риска, но где его нет?

Трембецкий кивнул.

— Я запущу машину, чтобы колеса начали вертеться. Для начала мы соберем информацию, оценим ее и тогда решим, как поступить. Некоторое время мы сможем укрывать здесь наших юных друзей. Но чем скорее мы пристроим их в безопасное место, тем лучше.

— Хорошо. Тогда начнем. — Абрамс повернулся к Коскинену и Вивьене. — Мне жаль сейчас расставаться с вами, но у меня много дел. Поговорим о деталях позже. А пока Ли позаботится о вас.

Трембецкий подошел к генератору, и Коскинен продемонстрировал его действие. Секретарь осторожно потрогал его, осмотрел со всех сторон, прищелкнул языком и удалился. За ним последовал Абрамс.

— Заканчивайте завтракать, — сказала Ли. — А я распоряжусь насчет комнат. Я скоро вернусь.

Коскинен был счастлив. Пища, кров, могущество хозяев этого дома благотворно подействовали на него.

— Я думаю, — сказал он, набив рот пищей, — что мы в безопасности.

— Да? — спросила Вивьена. Она едва притронулась к еде. Коскинен видел, что тревога все еще владеет ею, и хотел рассеять ее. Но язык его заплетался. — Прости, — сказала она немного погодя. — Но меня столько раз били и пинали, что я уже не могу верить в Санта Клауса.

— Даже если папа Абрамс наденет белую бороду и войдет сюда?

Она хмуро улыбнулась и похлопала его по руке.

— Пит, ты очень необычный человек.

Послышались легкие шаги Ли. Коскинен поднялся, посмотрел на приближающуюся девушку и понял: она так красива, что он непременно влюбится в нее.

— Позавтракали?— спросила она.— Хорошо. Тогда идемте со мною. Вы, разумеется, хотите вымыться и спать.

— Только не спать,— сказал Коскинен.— Ведь мы приняли возбуждающего.

— О, я забыла. Тогда я покажу вам наш дом и предложу какие-нибудь развлечения.

— Ты так добра к нам.

Глаза Ли стали серьезными.

— Ты же друг Дэйва, Пит. Он много рассказывал нам о тебе. И ты уже успел сделать на Земле много хорошего.

— Я? Когда?

— Благодаря тебе уничтожен этот проклятый Кратер... и, вероятно, китайцы, проникшие туда.— Она тряхнула головой, и волосы ее растрепались.— Я до сих пор не могу поверить, что это произошло.

— Это только случайность. Я спасался от агентов и...

— Пошли.— Она взяла его за руку и повела. Вивьена молча пошла за ними.

Эскалатор повез их наверх. Коскинен считал, что его номер в отеле и апартаменты Вивьены в Кратере — это верх роскоши, но то, что он увидел здесь, повергло его в изумление. Он минут пять осматривался вокруг, стараясь прийти в себя. Затем, раздевшись, он заметил цепь на своей шее. «Нужно снять ее»,— подумал он, но тут же забыл об этом.

Переодевшись в свежий костюм, он вышел в солариум, где его ждала Ли.

— Идем в сад, подождем Вивьену,— предложила она.— Сегодня такой чудесный день.

Они прошли на террасу и подошли к парапету. Ли облокотилась на парапет и смотрела на залив. Легкий ветерок шевелил ее волосы. «Ви остановилась на этом же самом месте»,— вспомнил Коскинен.

Он полной грудью вдохнул чистый воздух.

— Ты права,— сказал он.— На улице хорошо. Пожалуй, на Марсе больше всего нам не доставало этого — земного воздуха, солнца, ветра.

— Но разве там не так же?

— Ничего похожего. Днем воздух такой прозрачный, что кажется, что между тобой и горизонтом ничего нет. Вакуум. А ночь опускается внезапно. Никаких сумерек. Звезды загораются, как яркие фонари. И тишина такая, что

слышен скрип камней, сжимающихся от холода. Или пыльные бури, поднимающие облака пыли в древних долинах. А весна, когда в лучах жаркого солнца тают полярные шапки и потоки воды вновь оживляют леса — странные маленькие корявые деревья, тянущие к солнцу свои сучья-щупальца, на каждом из которых висит лист длиной в целый ярд. И эти листья окрашены в самые разнообразные цвета — зеленые, золотые, красные, голубые... и все они танцуют на ветру, как будто от радости... — Коскинен очнулся от воспоминаний. — Простите, мне показалось, что я снова на Марсе.

— Ты хочешь снова туда вернуться? — спокойно спросила она.

— Да. Со временем. У нас там много друзей среди марсиан.

— Дэйв тоже говорил об этом. А ты уверен, что слово «друзья» подходит к этому случаю?

— Мне трудно объяснить, но между нами и марсианами было что-то, и теперь, когда прошло столько времени, я уже сам не очень понимаю, что связывало нас.

— Я постараюсь понять. Расскажи, — попросила она.

— Хорошо, — сказал он, внезапно охваченный энтузиазмом. — В следующей экспедиции обязательно должны быть женщины. Мы не могли провести полные исследования, так как не представляли Землю во всей полноте. Чтобы установить отношения с марсианами, нужна полная ячейка человеческого общества — мужчина, женщина, ребенок... Видишь ли, они общаются между собой не только при помощи слов. У нас на Земле тоже есть много способов общения помимо слов, но все они не систематизированы, не развиты. Для марсиан общение — это функция всего организма. У них развит язык прикосновений, музыкальный язык, язык хореографии и еще много языков. И они не являются эквивалентами друг друга, как наш язык слов и письменный язык. Но они перекрывают разные области описания объекта, и поэтому, если используются одновременно, ты можешь представить, насколько полно можно описать объект.

Мы далеко продвинулись в изучении марсиан за эти пять лет. Но если хотим продвинуться дальше в следующей экспедиции, там должны быть люди разного пола, возраста, разных рас, культур...

— Теперь я начинаю понимать, почему тебя любил Дэйв, — сказала она, — ты неисправимый идеалист.

Он с удивлением взглянул на нее.

— Я не хотел, чтобы ты так думала.

— Я очень хочу знать все о Марсе, о том, что ты там делал, что изучал, что открыл. Дэйв так мало был дома, что я не успела расспросить его. Но мне хочется это знать. И когда-нибудь самой оказаться на Марсе. Ты так живо описал мне Марс... Теперь я смотрю на небо, вижу красную точку и знаю, что это мир, и дрожь охватывает меня. Как будто передо мною раздвигаются границы Вселенной. Спасибо тебе за это, Пит.

Его озадачило то, что они так быстро подружились, более того, в их отношениях появилось нечто интимное. «Вероятно, это произошло потому, что мы находимся в стрессовой ситуации и наши защитные барьеры рухнули, когда мы почувствовали, что находимся среди друзей. И мы оба любим Дэйва, которого я знаю как себя». Затем он забыл об этом. Все это была такая ерунда по сравнению с красотой дня.

— Ты должен извинить меня, Пит.— Внезапно Ли рассмеелась.— Но я вхожу в состав Комитета Защиты Мира, и мы собираемся возобновить Ралли Освобождения, если тебе это о чем-то говорит. Сегодня у нас встреча, а я не могу рисковать именно сейчас привлекать к себе внимание тем, что не буду на нем присутствовать.

Он согласился с нею, хотя с большим сожалением. После того как она ушла, Коскинен стал осматривать дом. В конце концов он забрел в грандиозный зал, который служил библиотекой. «Хорошо,— подумал он.— По крайней мере я смогу убить время».

Вивьена уже была здесь и читала. Она была в белом платье, и это напомнило ему тот вечер, когда он впервые встретился с ней. Ему стало стыдно, что он забыл о ней.

— О,— сказала она небрежным тоном,— и ты здесь?

— Почему ты не пришла к нам?— спросил он.— Мы уже решили, что ты легла спать.

— Нет, я выходила на террасу, но вы так оживленно беседовали, что я решила не мешать вам.

— Ви! Мы же не обсуждали никаких секретов! Просто болтали.

— Разумеется, я знаю. Какие у вас тайны!

— Тогда почему же?

Улыбка погасла на лице Вивьсны. Она отвернулась.

— Я знаю, что меня вышвырнули из своего класса, а я имею достаточно гордости, чтобы не делать вид, что ничего не произошло.

— О чем ты говоришь, Ви?— удивился он.— Ты же видишь, что тут об этом никто не думает, все относятся к тебе как к другу!

— Возможно. Хотя я имела в виду не это.— Тон ее резко изменился.— Послушай, Пит. Я совсем не сержусь на тебя, но не мог бы ты оставить меня здесь одну? И закрой дверь за собой, когда будешь выходить.

XII

Коскинен вернулся в свою комнату после игры в мяч с Ли, и слуга сообщил ему, что в 16.00 в кабинете Абрамса его ждут на совещание. Он переоделся и пошел в назначенное время в кабинет. По пути он встретил Ли. Когда они вошли, Абрамс, Трембецкий и Вивьена уже были там.

Абрамс недовольно посмотрел на дочь.

— Только без тебя, моя дорогая,— сказал он.

— Не будь глупым, отец,— запротестовала она.— Я ведь тоже участвую в этом деле.

— Да, но я не хочу этого. Мы тут не играем в куклы.

— Я уже давно понял, что чем меньше людей посвящено в планы организации, тем лучше,— заметил Трембецкий.

— Я не буду болтать,— негодуя ответила она.

— Конечно. Но есть такие вещи, как психологические исследования, наркотики.

— Ты боишься, что меня могут похитить?

— Нет. Но они могут просто арестовать тебя, как это сделали с Дэйвом.

— О! — Она прикусила губу.— Но что же мне сделать, чтобы быть полезной?

— Самос трудно: сидеть тихо и ни во что не вмешиваться.

— Хорошо...— Она выпрямилась.— Мы увидимся позже, Пит. Я имею в виду это...— И она коснулась плеча Пита. Дверь закрылась за ней.

— По этой же причине,— сказал Трембецкий,— мы должны оставить бомбу у тебя на шее.

Вивьена беспокойно шевельнулась. Рука ее потянулась к

небольшому кошельку на поясе. Затем она медленно расслабилась.

— Может быть,— ровным голосом сказала она.

— Ты вполне подходящий человек, обладающий логикой и здравым смыслом, чтобы хранить взрывное устройство у себя,— сказал Трембецкий.— Сама ты ведь не знаешь, как сделать генератор?

— Нет. Мы занимались им в Кратере, но без фундаментальных знаний теории, все, что я помню, лишь бессмысленное соединение электронных устройств.

— Значит, Пит единственный, кто знает генератор.— Абрамс встревоженно смотрел на него.— Ты должен согласиться, что, если произойдет худшее, у нас должна быть возможность заставить замолчать тебя. Правда, не совсем приятно чувствовать себя пленником.

— Конечно.— Коскинен взял себя в руки.

— Но я надеюсь, что к этому не придется прибегать,— сказал Абрамс уже менее угрюмо.— Садись, и давай обсудим наш следующий шаг.— Он сел за стол, стиснул пальцы рук и медленно оглядел кабинет, прежде чем начать.— Наша проблема, как я вижу ее, в следующем. Мы должны сохранять экран, чтобы он не попал во враждебные руки, и использовать его как средство шантажа, чтобы выволнить наших друзей из тюрьмы и, если возможно, выманить Маркуса из его убежища. Действовать лучше всего через президента. Если его можно убедить, то он будет действовать. Ведь совершенно ясно, что, если Соединенные Штаты будут владеть экраном, они могут закрыть им самые уязвимые точки, города. И тогда не будет необходимости в строгом контроле всего остального мира, а функции Службы Безопасности можно будет в значительной степени ограничить. Таким образом, Конгресс получит возможность действовать более свободно, не оглядываясь на тех, кто сделал национальную безопасность своим фетишем.

Но нужно время, чтобы устроить встречу с президентом. Да и один разговор мало что даст. Единственное, на что можно надеяться при первой встрече, это то, что президент заинтересуется и согласится, чтобы ему продемонстрировали действие прибора. Это должно быть сделано втайне от Маркуса. Если Маркус узнает о встрече, то тебя придется убить, а генератор уничтожить. Ты это понимаешь. Значит, эта встреча должна быть проведена в глубокой тайне. А за-

тем снова потребуется время, чтобы президент мог подготовить общественность, политическую арену к выступлению против Маркуса. На это время вам нужно подыскать надежное убежище.

Раньше Ян мог бы легко организовать это, но, к сожалению, мы живем на виду и не имеем нужных контактов. Я во всем доверяю своим служащим, но не уверен в их возможности вести игру с копами. Если бы у нас была хотя бы неделя, мы нашли бы вам убежище, но у нас нет даже недели. Вы не должны оставаться здесь даже на час дольше, чем можно. Твои предположения, Пит, относительно Службы Безопасности оправдались. Я получил сведения из Вашингтона. Сейчас они бросили все свои силы на борьбу с китайским подпольем. Однако они тут же вернутся к тебе и прибору, как только спадет напряжение. И я думаю, что это произойдет скоро.

Исходя из всего этого, я думаю, что нам следует обратиться к эгалитарианцам. Это тоже риск, но наименьший из всех возможных.

— Кто они? — спросил Коскинен. — Я слышал это название, но не знаю, что это такое.

— Коротко об эгалитарианцах. Это идеалистическое движение, члены которого хотят, чтобы Протекторат превратился в справедливое мировое правительство. Эта идея не противоречит закону, хотя Маркус объявил эгалитарианцев мягкоголовыми идиотами, состоящими на службе иностранных государств. Правда, никаких мер против них не было принято, так как этого и не потребовалось. Эгалитарианцы организуют клубы, митинги, дискуссии, пропагандируют своих кандидатов в правительство. Они имеют какое-то значение в общественной жизни только потому, что многие интеллектуалы разделяют их убеждения.

— Все это звучит малообещающе для нас, — заметила Вивьена. — Все те эгалитарианцы, с которыми я встречалась в прошлом, были всего лишь милые старые люди... обоих полов.

— Верно. — Абрамс рассмеялся. — Но не совсем. Есть и такие, что требуют немедленных действий. И они не говорят милым старым леди о своих планах.

— Каких действий?

— Если бы я мог рассказать, то это означало бы, что они такие же болтуны. Во всяком случае, в стране ходит много

запрещенных книг и памфлетов, призывающих к уничтожению Службы Безопасности. И еще: некоторые из тех, кто выступает против Протектората и подвергается опасности, иногда исчезают. Помните случай с Ямашитой несколько лет назад? Он пытался расшевелить японцев — если слово «расшевелить» подходит в данном случае, — призывал их к пассивному сопротивлению. Его арестовали, но затем он исчез, и его до сих пор не могут найти, хотя он появляется в городах, произносит речи и исчезает до того, как придут агенты. Мне известно несколько подобных случаев. А о скольких я еще не знаю? Да, такие вещи требуют организации. Кто-то действует из подполья, но не национального, а всемирного. Я подозреваю, что здесь замешаны эгалитаряны.

— Мне все это не нравится, — пробормотал Трембеский. — Я думаю, что эта организация замешана и в убийствах.

— Может быть. Но эти убийства были необходимы. Помнишь генерала Фридмана, который подавил марши протеста в Риме?

— Хммм. Да, пожалуй, я не тот человек, чтобы обсуждать это. Кроме того, у меня нет лучшего предложения. Продолжай, Нат.

— Итак, — продолжал Абрамс. — Есть такой Карсен Ганновей, исполнительный секретарь местного филиала ЭВМ. И эгалитарянец. Я имел с ним дело несколько раз, а сейчас направил детективов, чтобы они изучили всю его жизнь. Разумеется, он не связан открыто с подпольем, но у меня есть подозрения. Например, кое-где возникают незаконные забастовки с сопротивлением полиции. И Ганновей, как и остальные члены Комитета ЭВМ, публично осуждает их, уговаривает людей вернуться на работу и утверждает, что он беспомощен воспрепятствовать спонтанным действиям забастовщиков. Однако кое-кто считает, что Ганновей способствует возникновению забастовок, хотя это никогда не было доказано. Теперь я точно знаю, что Ганновей мог бы предотвратить забастовки, если бы захотел. У него есть такие возможности. А это заставляет предположить, что за ним кто-то стоит. Время от времени он берет отпуск, и это подозрительно совпадает по времени с некоторыми событиями. Например, забастовка в Торонто, где забастовщики применили оружие против полиции.

— Служба Безопасности обратила на него внимание? — спросила Вивьена.

— Нет, я уверен в этом. Благодарю Бога, что они не могут следить за всеми нами. Ганновей не такая уж выдающаяся фигура. Я только потому заметил его связи с подпольем, что долгие годы наблюдал за ним. Я не собирался связываться с ним. До последнего времени я не был ярким антимаркусистом, хотя никогда не любил Службу Безопасности. Почему люди, подобные Ямашите, не должны напоминать своим соотечественникам, что когда-то они были гражданами самостоятельного государства? Поэтому я держал свои наблюдения при себе. Подполье никогда не причиняло мне вреда. Теперь оно может помочь нам.

— Вы думаете, что Ганновей может... — Коскинен задохнулся от возбуждения.

— Мы попытаемся поговорить с ним, — сказал Абрамс. — Ян связался с ним по телефону и попросил встречи, чтобы обсудить кое-какие деловые вопросы. Вы оба поедете с нами. Если он сможет спрятать вас — прекрасно. Если нет, то я уверен, что он будет держать язык за зубами. Тогда мы организуем для вас другое убежище, хотя это не лучший вариант.

— Если он предложит нам убежище, но мы почувствуем, что здесь что-то не так, мы должны иметь путь к отступлению, — заявил Трембецкий.

— «Мы»? — удивилась Вивьена. — Значит, вы будете с Питом и со мною?

Абрамс кивнул.

— Что касается меня, то я все еще недурно обращаюсь с пистолетом. — И Трембецкий похлопал себя по бедру, где под туникой обозначился пистолет. — Что касается Ви, то я не беспокоюсь: она двигается резко и быстро, как тигрица. А вот Пит мне кажется несколько наивным, хотя, возможно, пребывание в преступном мире его кое-чему научило.

XIII

В доме Ганновей в Кани жили его жена и четверо детей. У него был собственный кабинет, и хозяин заверил посетителей, что кабинет абсолютно звуконепроницаем, в нем нет

подслушивающих устройств, а вся семья сегодня вечером отсутствует.

Высокий, угловатый, чем-то напоминающий Эндрю Джексона, Ганновой закрыл дверь кабинета и внимательно посмотрел на своих гостей. Коскинен переминался с ноги на ногу под этим взглядом. Он посмотрел в окно на сияние ночного города, потом на Вивьену, стоящую рядом с ним, и не знал, что сказать. Когда Ганновой нарушил тишину, он обратился к Трембецкому:

— У вас должны быть веские основания, чтобы привести ко мне этих преступников. Вы не тот тип, чтобы провоцировать людей. Но я пойму вас, если вы все объясните мне и отклоните мои подозрения.

— «Преступников»?! — воскликнула Вивьена. — Уже объявлен розыск?

— Да. Час назад, — сказал Ганновой. — В вечерних новостях. Имена, фото, выдержки из записи переговоров мистера Коскинена с бюро. Теперь вы опасные агенты иностранных держав.

— Проклятье! Я надеялся, что у нас еще есть время! — взорвался Трембецкий. — Видимо, дело с китайцами уже кончилось. Теперь они все силы бросят на вас, Пит.

— Что же от вас хочет Служба Безопасности? — спросил Ганновой.

— Это длинная история, — ответил Трембецкий. — Вы услышите ее, если...

— Я знаю, что все члены экспедиции на Марс изолированы, и терялся в догадках, почему. Мне очень жаль сына Ната.

— Если ты спрячешь этих молодых людей, то сможешь освободить заключенных, — сказал Трембецкий. — Нам нужно спрятать их на некоторое время. Может, на месяц. Ты знаешь, что в связи с арестом Дэйва все убежища Ната просматриваются агентами? Можешь ты позаботиться об этих молодых людях?

— Где я их спрячу? Здесь? Это смешно. Я, разумеется, сочувствую им, так как они в тяжелом положении. Но почему я должен жертвовать собой, своей семьей, своим благополучием?

— Разве ты не хотел бы избавиться от Маркуса? — спросил Трембецкий. — У Пита есть кое-что, что можно использовать в борьбе против него.

Выражение лица Ганновей не изменилось, но он явно колебался.

— Садитесь и расскажите мне.

— Ты, наверное, не очень веришь мне,— начал Трембецкий.— Все-таки ты и мы с Натом во многом расходимся во взглядах. Но ты так же знаешь, что мы не провокаторы.

Ганновей покачал головой.

— Да, мы расходимся во взглядах. А кроме того, я действую не один. Мои союзники не знают вас лично. Их нужно убедить, что риск оправдан.

— Значит, окончательное решение примут они?

— Да... Если у вас есть нечто, что поможет сбросить Маркуса и не допустить появления нового шефа Службы Безопасности,— Ганновей показал кивком на генератор у ног Коскинена,— то тогда можно рассчитывать на более глобальные действия.

— Возможности прибора очень большие,— сказал Трембецкий.— Мы бы не отдали его в ваши руки, если бы не были в безвыходном положении. Послушай, Карс, только не обижайся: насколько можно верить твоим друзьям?

— Полностью, до тех пор, пока вы хотите того же, что и они.

— Какие же у них цели?

— Почитайте Карлеса, и вы все поймете. Мы просто его последователи.

— Так вы утверждаете. Но он не первый пророк в истории, чье учение извращается его последователями.

— Он еще жив и руководит нами. Профессор в Колумбии. Я часто вижусь с ним.— Он сел, нахмурился и обратился к Коскинену:— Послушай, если ты тот, о котором весь этот шум, то тебе принадлежит решающий голос. Что ты думаешь? Ты можешь довериться мне без всяких гарантий или уйдешь отсюда и забудешь навсегда обо мне? В последнем случае я ничего о тебе не скажу, хотя меня самого могут ждать крупные неприятности, если тебя схватят и подвергнут психологическому исследованию. Но я надеюсь, что ты доверишься мне.

— Я...— Коскинен нервно облизнул губы.— Я... но... я так мало знаю о Земле. Я не могу...

Вивьена положила руку ему на колено.

— У него не было времени разобраться в земных делах. Откуда ему знать, кто его друзья?

— Мы не можем долго сидеть и спорить,— возразил Ганновой.— Но подождите... у меня есть предложение. Почему бы нам не пригласить Карлеса? Он изложит вам свои доктрины, доктрины эгалитарианства. И тогда вы сможете решить, будете ли вы их поддерживать.

— О, мы не хотим, чтобы еще кто-нибудь узнал, что эти люди с нами,— сказал Трембецкий.

— Это не проблема,— сказал Ганновой.— Он уже много лет слеп. Мы представим вас под вымышленными именами.

— И он явится сюда?— спросил Коскинен.

— Он часто приходит ко мне по вечерам, чтобы поболтать. Он один в целом свете.

— Значит, нам придется прослушать лекцию по социологии,— пробормотал Трембецкий.

— Я думаю, мистер Ганновой прав,— сказал Коскинен.— Вам, наверное, трудно меня понять, но когда мы были на Марсе, мы старались выяснить, что необходимо для полного понимания ситуации. И решили, что эмоции составляют довольно значительную часть в понимании. Это именно то, чего нельзя вычитать в учебниках логики. Это то, что человек ощущает подсознательно.

— Я позвоню ему,— сказал Ганновой и вышел.

Трембецкий покачал головой.

— Мне бы хотелось побольше узнать об эгалитарианцах, почувствовать их убеждения. Пока что я могу только предполагать. Может быть, неплохо будет поговорить со стариком. Конечно, он, скорее всего, не догадывается о существовании подполья, но иногда по корням можно судить о дереве.— Он прикурил сигарету, затем добавил: — Иногда.

Вернулся Ганновой.

— Все прекрасно. Он сейчас выезжает. Я сказал ему, что у меня присутствуют люди, долгое время бывшие за границей, которые хотели бы встретиться с ним.— Он хмыкнул.— Орен Карлес святой, но и он не лишен тщеславия.

Некоторое время они ждали, а когда прибыл Карлес, перешли в гостиную.

Философ был невысокого роста, но держался прямо и с большим достоинством, так что его рост не бросался в глаза. В гриве седых волос прятался искусственный глаз — излучатель инфракрасных лучей, что позволяло Карлесу ходить, не натываясь на препятствия.

Он сердечно пожал руку Ганновой, чопорно поклонился

в сторону Вивьены и взял стакан шерри. Некоторое время шел обмен обычными любезностями, но Карлес довольно быстро оседлал своего конька.

— Если быть честным, — сказал он, — мне не нравится термин «эгалитаризм». Во-первых, он не точный, а во-вторых — это ярлык. Люди очень уважают ярлыки. Их даже не смущает то, что под одним и тем же ярлыком могут скрываться самые разные вещи. Посмотрите, что произошло с такими концепциями, как христианство и демократия. Последняя особенно резко изменилась. Демократия всегда идентифицировалась со свободой. Однако оказалось, что это совсем не так, и это понял де Токвиль, а до него Ювэнал. Приобретая мнимую свободу выбирать правительство, народ теряет множество подлинных, более важных свобод. Ни для кого не секрет, что в выборах участвует незначительный процент населения. И это не результат бедности, плохого образования и прочего. Нет, просто народ понимает, что правительство постепенно превращается в инструмент для тех людей, которые достаточно сильны и умны, чтобы взять контроль над правительством в свои руки. Яркий пример этому Служба Безопасности. Но не было бы ее, на арену вышла бы какая-нибудь другая организация. Если вы хотите что-нибудь сделать в индустрии, образовании, экономике, вы не пойдете обсуждать эти вопросы к сенатору или конгрессмену. Нет, вы пойдете в ближайшее агентство Службы Безопасности и постараетесь заручиться поддержкой какого-нибудь высокопоставленного лица.

— Значит, Конгресс — это всего лишь пешка? — спросил Коскинен.

— Пока еще нет. Все-таки окончательное решение принимает он. Еще отцы-основатели страны понимали, что воля народа на самом деле означает волю отдельных групп, наиболее активных. И поэтому в Конституцию страны были внесены оговорки, не позволяющие правительству совершать некоторые действия, даже если большинство населения требует их. В действительности наша страна начиналась как республика, а не чистая демократия. Но с течением времени многие из гарантий, которые предоставлялись людям, были уничтожены. Например, правительства штатов не могут уже управлять своей полицией, отдельные лица не имеют права иметь оружие... Разумеется, все это делалось из лучших побуждений, но в результате получилась

какая-то смесь между демократической республикой и олигархией. Эволюция происходит и сейчас, причем элемент олигархий начинает превалировать над элементом демократии.

— Я думала, что вы призываете к мировой демократии, а оказывается, вы вовсе не считаете ее оптимальной формой общества,— сказала Вивьена.

— О, напротив, моя дорогая. Я всегда считал и считаю, что свобода — это единственное, что ценно для человека. Но она вовсе не идентична демократии, которая только форма правления.

Вся проблема в том, как добиться свободы и как гарантировать ее. Человек не может существовать отдельно от общества. Он часть его, со всеми правами и обязанностями по отношению к нему. Однако мы, сторонники свободы, считаем, что его степень принадлежности к обществу должна определяться самим человеком. Он не должен давать обществу больше, чем желает сам, но и не должен брать от общества больше, чем вкладывает в него. Кроме того, не следует забывать, что в обществе всегда будут бедные, слабые, несчастные, и общество должно заботиться о них, иначе его поразит тяжелая болезнь, единственным лекарством от которой будет вмешательство хирургического ножа диктатора.

При всех случаях демократическая республика — лучшее средство, чтобы разрешить эти проблемы. Все-таки народное голосование каким-то образом контролирует правительство. Ведь народ выражает свою волю. И тем не менее демократическая республика самым решительным образом ограничивает права личности. И к тому же общество постоянно меняется. Средства сообщения развились так, что человек перестал быть оседлым существом. В считанные минуты он может переселиться куда угодно. У него пропал местный патриотизм. Штаты теперь всего лишь анахронизм. В руках правительства штатов остались только функции управления местными службами. И, наконец атомная война причинила не только материальный ущерб, но и разрушила моральные устои. Мы создали международный Протекторат, в котором играем роль метрополии.

Но иногда вместе со злом приходит и добро. Я считаю, что в истории наступил момент, когда можно восстановить

демократическую республику на твердой основе — во всем мире.

— Прошу прощения, — перебил его Трембецкий, — я побывал во многих странах Земли и должен сказать, что азиаты, африканцы, даже большинство европейцев и латиноамериканцев не янки. Они вряд ли считают, что вы правы в своих убеждениях. Не забывайте, что Протекторат ненавидят многие, вы не сможете сделать из них хороших демократов, так как они хорошие мусульмане, индусы...

Карлес улыбнулся.

— В национальном характере могут произойти перемены. Но я не рассчитываю на это. Более того, я даже не хочу американизации мира. Это объединит человеческую культуру.

— Но я думаю, что это единственный способ создать единое правительство, — сказал Коскинен, — единая мировая культура, где все народы исповедуют одни идеалы.

— Нет, нет, — ответил Карлес, — если такое случится, то произойдет то, что произошло в нашей стране, только в мировом масштабе. Нет, в мире должны существовать разные сообщества, достаточно сильные, чтобы сосуществовать в равенстве с остальными. И достаточно отличающиеся друг от друга, чтобы не смешиваться с остальными. Так сказать, мировая федерация.

— А какое правительство будет в такой федерации? — спросила Вивьена.

— Во-первых, должны быть образованы международные силы поддержания мира на планете, которые будут находиться под контролем президента, избранного двухпалатным парламентом: один сенатор от каждой страны, и количество членов Конгресса, пропорциональное населению общества.

— Во-первых, — сказал Трембецкий, — нельзя каждой стране давать одинаковое представительство. Вспомните печальный пример с ООН. И пропорциональность населению тоже плохо. Это будет означать полную китаизацию.

— Сейчас я разрабатываю систему выборов, — сказал Карлес. — Количество представителей от отдельного сообщества будет зависеть не только от населения, но и от уровня образования, общей культуры, развития промышленности и так далее. Разумеется, внутри своих границ каждое

сообщество может проводить выборы представителей в мировой парламент по своему усмотрению.

— Что же будет делать мировое правительство?— спросил Коскинен.

— Оно будет работать в областях, политически безопасных: здравоохранение, образование, экономика. И принципы внутренней суверенности будут свято соблюдаться. Но, разумеется, нельзя позволять, чтобы богатые страны богатели, а бедные беднели. Необходимо поровну разделить все экономические тяготы. Я прикинул, что наши нынешние расходы на поддержание Протектората вполне достаточны, чтобы выделить их в качестве помощи бедным странам. Таким образом мы избавимся от нынешних врагов и приобретем новых друзей. А лет через десять другие страны разбогатеют до такой степени, чтобы разделить с нами наши расходы.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой,— сказал Трембецкий.— Не забывайте, что только что кончилась война. И еще никогда в истории все участники войны не считали исход войны справедливым.

— Нынешние границы могут быть изменены по общему согласию,— сказал Карлес.— А что касается диктаторских режимов, я считаю, что мировое правительство сможет защитить права людей. Можно будет издать закон, согласно которому любой человек, не обвиненный в уголовных преступлениях, может покинуть страну по политическим мотивам.

— А другая страна примет его?

— Я уверен, что да, если будет ясно, что он действительно бежит от тирании. Это будет эффективный метод подрыва репутации тирана. Он явно не захочет лишаться своих подданных и изменит политику.

Карлес отпил шерри.

— Вы понимаете, что это не утопическое государство. Жизнь в нем долгое время будет трудной и суровой. Вот почему мне не нравится ярлык эгалитаризма. Он означает панацею от всех болезней общества. Но с другой стороны — это наша цель, наша организация должна работать во имя всеобщего равенства. Я думаю, что мы должны работать уже сейчас, бороться против несправедливости, бороться за то, чтобы снова стать свободными людьми.

Разговор продолжался несколько часов, и потом Карлес распрощался и ушел.

— Ну? — спросил Ганновей, проводив гостя.

— О, Боже! — воскликнул Коскинен. — Конечно, да!

XIV

«Зодиак» в Манхэттене казался странным местом для штаб-квартиры местной организации эгалитарианцев. Это было очень модное и дорогостоящее место. Много людей посещали его. Поэтому сюда можно было прийти в любое время, не привлекая внимания. Кроме того, многие входили сюда в масках. А обилие помещений давало возможность проводить тайные встречи.

Коскинен шел вместе с сопровождающими по гулким коридорам, погруженным в полумрак. Генератор давил на плечи. Коридор привел их к окованной двери, которая открылась после того, как Ганновей всунул в щель сканнера какую-то карточку.

Они вошли в небольшую комнату, где не было ничего, кроме стульев и небольшого стола. Здесь уже находилось человек пять или шесть. Их встретили настороженно. В них не было ничего от тех мятежников, которых показывали по телевидению. Возраст их колебался от тридцати до шестидесяти лет, одеты они были как люди среднего достатка, и все они были представлены Коскинену просто, без излишних формальностей — Томсон, Уошбурн, Ланфьер, Брорсен, Хилл, Риколетти. Но Коскинен чувствовал их напряженность. У некоторых на лбу выступили капельки пота.

— Наш Совет собрался потому, что каждый из присутствующих имеет возможность выехать для встречи в случае необходимости, — объяснил Ганновей.

— Однако слишком часто мы не можем этого делать, — резко заявил Брорсен. — Надеюсь, что сегодня причина для встречи действительно важная.

— Да, конечно, — ответил Ганновей и коротко изложил причину столь экстренного совещания.

После этого говорил Коскинен, и когда он закончил и ответил на многие вопросы, он сел, задыхаясь и чувствуя, что у него пересохло в горле. Он жадно выпил кофе, предложенный ему Трембецким, который говорил немного. Чле-

ны Совета по очереди осматривали генератор и возвращались на места. Дым сигарет плавал в воздухе.

Ганновой нарушил тишину.

— Как мы можем использовать этот прибор — ясно, — сказал он, — особенно если проделать кое-какую предварительную работу. Если сделать, чтобы прибор создавал экран, непроницаемый для лучей лазера, то это будет нечто потрясающее. Достаточно будет небольшой армии в тысячу человек, чтобы контролировать всю страну.

— Подождите, — вмешался Трембецкий. — Мы с Питом еще ни на что не согласились. Особенно на революцию.

— А что вы хотите делать? — с вызовом спросил Уошбурн.

Трембецкий изложил план Абрамса.

— Прекрасно, — фыркнул Ланфьер. — А теперь расскажите мне что-нибудь более реальное.

— А этот план нереален?

— Начать с того, что план очень рискованный. Даже если предположить полное сотрудничество с вами президента, неужели вы думаете, что Маркус будет спокойно сидеть и ждать своей участи? У него в Вашингтоне много сторонников и своя пропагандистская машина. Он будет говорить, что тайну прибора невозможно сохранить, что в других странах этот прибор рано или поздно будет создан. Следовательно, скажет он, Служба Безопасности нуждается в укреплении, а не в ослаблении.

— Но ему придется иметь дело с национальным героем, Питом Коскиненем, который передал прибор правительству Соединенных Штатов.

— Ха! Героев легко свергнуть с пьедестала.

— Но против Службы Безопасности могут быть выдвинуты обвинения в похищениях, незаконных арестах, даже в попытке убийства.

— На это обвинение вам скажут, что мистер Коскинен просто лжец или же он неправильно понял ситуацию и запаниковал. И что его товарищи по экспедиции были изолированы для их же блага — чтобы защитить их от китайцев, что частично будет правдой, если вспомнить о капитане Твене. А психологические исследования были необходимы, так как возникла чрезвычайная ситуация и Служба Безопасности должна была быстро получить необходимую информацию.

Ланфьер пожал плечами.

— В конце концов Маркус может пожертвовать несколькими незначительными агентами, обвинив их в том, что они превысили полномочия и действовали по собственной инициативе. Во всяком случае, сам он выйдет сухим из воды.

— Даже если президент будет против него?

— Даже в этом случае. Вы недооцениваете ту роль, которую Служба Безопасности играет в формировании общественного мнения. Американский народ уверен, что доктрина Нерриса — это единственная альтернатива ядерной войне. А эта доктрина автоматически требует существования Службы Безопасности.

— Теперь вы видите, — сказал Ганновой, — что, даже если ваш план сработает, он ничего не изменит в структуре Протектората?

— Пожалуй, — признал Трембецкий. — Но при всех обстоятельствах США долгое время будут единственным обладателем прибора. Ведь в основе его лежат эвристические идеи, которые трудно осознать человеческому разуму. Пройдут долгие годы, прежде чем человек разработает второй такой прибор без помощи марсиан. И значит, долгие годы наша страна будет в полной безопасности. Страх покинет людей. Он уступит место разуму и здравому смыслу. Идеи эгалитаризма проникнут в сердца людей. Я могу обещать, что мой босс бросит все силы в поддержку вашей организации. И это будет нечто большее, чем просто огромные деньги. Многие влиятельные люди прислушиваются к мнению Натана Абрамса.

— Если вспомнить, сколько всего вы видели за свою жизнь, — сказал Ганновой, — просто удивительно, как высоко вы цените здравый смысл людей.

— Я ценю его ниже, чем вы. — Трембецкий печально улыбнулся. — Но все же надеюсь, что события будут протекать именно так, хотя никто ничего не может гарантировать в этой жизни.

Члены Совета переглянулись. Наконец Ганновой закурил сигарету, медленно выпустил дым и ответил:

— Вы правы, любые действия рискованны. Проблема в том, как минимизировать риск. Это вы должны знать, Ян: единственный способ уменьшить число неизвестных факторов — познакомиться с ними. Я прекрасно понимаю себя,

своих друзей, вас двоих и Ната. Но я не знаю президента, не могу предсказать его действий. Да и вы тоже. Кроме того, существуют еще многочисленные чиновники его аппарата, бизнесмены, военные, все те, кто составляет структуру общества. Мы тоже не знаем, как будут реагировать они. А вспомните о миллиардах простых американцев! С их страхами, надеждами, убеждениями, привязанностями! Ведь все они живут в условиях существующего общества. Как поступят они? Все это неизвестные, которые действуют помимо нас, и поэтому результат совершенно непредсказуем. Значит, вы предлагаете просто надеяться на лучшее?

— А вы считаете, что единственный предсказуемый фактор — это сила? — Трембецкий прищурился.

— Да, — ответил Ганновей. — Разве не так? Когда я прошу незнакомого человека сделать что-то, он либо делает, либо нет, но если я наставлю на него пистолет, он обязательно сделает.

— Хмм. Я мог бы назвать вам несколько примеров исключений. Но оставим это. Как вы предлагаете поступить сейчас?

— Подробно я не могу сказать, нет времени. Но ясно одно: аппарат должен быть в наших руках, и мы должны научиться работать с ним. Кроме того, следует вести разработки для создания более усовершенствованной модели.

— Минутку, — возразил Коскинен. — Это потребует много времени. А что будет с моими товарищами?

— Верно, — согласился Ганновей. — И Нат не пойдет на то, чтобы его сын долго томился в тюрьме. Кроме того, его следует убедить, чтобы он не ходил к президенту... Сделаем несколько аппаратов существующей модели, — это можно сделать быстро? — и тогда мы сможем освободить ваших друзей. И некоторых наших товарищей, которые тоже сидят в тюрьме.

— Прямое нападение? — Уошбурн сжал кулаки. — Наконец. Экран закроет небольшой флайер. Мы захватим несколько агентов Службы Безопасности, психологическим исследованием узнаем от них, где содержатся пленники, и затем ударим.

— А когда мы сделаем усовершенствованные аппараты, мы проведем следующую стадию нейтрализации Службы Безопасности, — сказал Ганновей.

— Будете убивать агентов?— спросил Трембецкий.

— Иногда. В основном мы будем просто изолировать их, чтобы не мешали.

— Служба Безопасности — орган государственной власти. Значит, вы посягаете на основы государства?

— Да.

— А вы думаете над тем, что в дело может вмешаться армия? Полагаете ли вы, что Конгресс и президент одобряют все это?

— Нет.

— А как отнесется народ к вашим действиям?

— Разумеется, мы проведем большую пропагандистскую кампанию.

— Этого мало, если вы решили поднять оружие против государства. Согласно Конституции это измена.

— Джорджа Вашингтона тоже называли изменником, когда он делал революцию.

— Я не говорю просто так. Если вы сказали «А», вам придется говорить и «Б».— Трембецкий обвел взглядом всех сидящих за столом.— Вам придется признать, что ваша цель — свержение правительства Соединенных Штатов.

— Пусть так,— свирепо заметил Риколетти.— Другого пути нет.

— Значит, какая-то полувосная хунта захватит власть и будет править силой оружия. Мир исчезнет с Земли. Что тогда произойдет?

— Ничего особенного,— ответил Ганновой.— Мы детально изучили эту проблему. Не забывайте, что мы не замшелые анархисты, изобретающие бомбы в подвалах. Мы изучали теорию игр, стратегический анализ, политическую антропологию не хуже, чем в Вест-Пойнте. Мы целые годы разрабатывали свой план.

— Нельзя забывать о зарубежных гарнизонах. Даже когда не будет Службы Безопасности, они могут долгое время контролировать территорию этих стран. Обширное восстание нельзя подготовить за короткое время. На нашей стороне преимущества, которые всегда на стороне тех, кто производит переворот,— быстрота и решительность. Как только порядок в стране будет восстановлен, мы созовем всеобщую конференцию. Мы уже знаем делегатов, которые будут присутствовать на ней. Мы ознакомим их с планом Карлеса, ратифицируем его, затем вызовем домой амери-

канские войска. После этого люди будут наслаждаться жизнью на новой планете, на которой никогда не возникнет угроза войны!

XV

Было раннее утро, когда Коскинен и Трембецкий вернулись. Но ни тот, ни другой не могли спать.

Коскинен положил генератор на пол, уселся на стул, затем вскочил, выпил воды и подошел к окну. Темная громада города раскинулась перед ним. Коскинен ударил себя кулаком по ладони и выругался. Трембецкий закурил. Лицо его не выражало ничего.

— Что же делать, Ян?— спросил Коскинен.

— Бежать отсюда,— сразу отозвался Трембецкий.— Правда, я не знаю, куда. Вероятно, Служба Безопасности уже взяла под контроль все убежища Натана.

Коскинен повернулся к нему.

— Так куда же?

— Если мы пойдем с эгалитарианцами, нам придется уговорить их придерживаться умеренного курса.

— Они... может, они правы?

Трембецкий хмыкнул.

— Я имею в виду, что они вполне искренни.

— Искренность не самое лучшее достоинство.

— Я не знаю... Когда я отправлялся в экспедицию, я подписал клятву, что всегда буду поддерживать Конституцию. Может, это звучит по-детски, но я все еще серьезно отношусь к этой клятве. А эгалитарианцы призывают меня нарушить эту клятву.

— Да.

— Но с другой стороны — ведь все революции в прошлом были справедливыми.

— Я в этом сомневаюсь.

— А наша революция?

— Это совсем другое дело. Вспомни, она началась с того, что Англия решила превратить Америку в свою колонию на основании того, что большинство колонистов — выходцы из Англии. Но они уже давно перестали быть англичанами. Борьбу против иностранного вторжения легко назвать справедливой.

— А восстание против внутреннего притеснения? Например, Французская революция?

— Тебе нужно почитать историю. Французская революция не была основана на насилии. Она даже не упразднила монархию. Революционеры просто использовали политическое давление для проведения некоторых реформ. Но затем экстремисты привели Францию и Правление Террора к Наполеону. Первая Русская революция проходила точно так же. Сначала Дума упразднила царя, а затем большевики силой захватили власть, и в России на долгие годы воцарилась анархия. Я мог бы привести тебе еще дюжину примеров.

— Но должна же быть...

— Да, конечно. В некоторых случаях народы избавлялись от тиранов. Но это ненадолго. Очень скоро они попадали под власть нового деспота, часто более жестокого, чем прежний. Иногда, правда, диктатор оказывался добрым, но от этого он не переставал быть диктатором, хотя давал народу кое-какие свободы. Наиболее известный пример — Кемаль Ататюрк.

— Оставь историю! — рявкнул Коскинен. — Мы живем сегодня. Разве есть другой путь создания мировой федерации, чем тот, что избрали эгалитарианцы?

— Вполне возможно. У нас нет времени глубоко вникнуть в проблему. Правда, я сомневаюсь, что ее можно решить приказом свыше. Такая проблема не решается быстро, она должна созреть.

— А ей дадут время созреть? Ян, я не верю в сияющие вершины всемирного рая и прочую чепуху. Но я пытаюсь понять, где правда. Ты не можешь не согласиться с тем, что говорил Карлес о Конституции: она уже сейчас превратилась в пустую бумажку. Разве не единственный выход из создавшегося положения — радикальные изменения?

Огонек сигары Трембедского мерно вспыхивал и затухал.

— Может, это и так, — наконец сказал он. — Вполне возможно. Но есть разные виды радикализма. Такой радикализм, в котором народ силой заставляют принять изменения, мне не по душе. Я думаю, и тебе тоже. Послушай, Пит, мы же еще не исчерпали все мирные возможности. Мы еще не зажаты в угол. Маркус вовсе не такой вездесущий

демон, каким его изображают. Да и президент совсем не слабая пешка в его руках. Они говорят о поддержке народом Службы Безопасности, но полностью игнорируют тот факт, что существует оппозиция, хотя они сами являются частью ее. Они фанатики и совершенно не хотят видеть того, что не входит в их систему. К примеру, Маркус: он совсем не так уж жаждет личной власти, хотя элемент этого присутствует в его действиях. Нет, он просто убежден до мозга костей, что все зло идет от иностранцев и что он единственный, кто знает, как спасти цивилизацию. Ты хочешь сменить одного маркуса на другого?

— Но Ганновой сказал, что хунта отойдет от власти, как только порядок будет установлен...

— Мир уже слышал такие песенки, мой мальчик. Если эгалитарянцы ухватятся за руль, то они будут держаться за него так же крепко, как держались до них другие революционные группы в прошлом. Они будут оставаться у власти, чтобы убедиться, что порядок в мире устанавливается таким, каким его хотят видеть они. И если что-либо будет идти не по их плану — снова аресты, снова убийства, снова Служба Безопасности, снова диктатура. Нет, если ты пытаешься весь народ втиснуть в рамки своей идеологии, ты обязательно будешь тираном. Другого пути нет.

— Карлес не позволит им!

— Что он может сделать? Он всего лишь теоретик. Если он увидит правду и выскажет протест — снова разыграется сцена, какая уже была в истории, — сцена инквизиции. Впрочем, это я говорю абстрактно. Тебе нужно спросить себя только о том, можно ли доверять людям, которые хотят добиться цели такими средствами.

Молчание воцарилось в комнате. Коскинен смотрел на генератор. «Зачем я привез его на Землю? — в отчаянии думал он. — Зачем я родился?»

Звук шагов вернул его к действительности. Дверь в спальню Вивьены открылась. Она вышла к ним в халате. Блики света играли в ее волосах.

— Мне показалось, что вы разговариваете, — сказала она.

— Ты все слышала? — спросил Трембеский.

— Многое. Но сейчас я расскажу о том, что узнала я. — Она взяла сигарету, закурила и заговорила безразличным тоном: — Я ходила в город. Я ходила под видом босса бан-

ды, вернее, помощника босса, и делала вид, что хочу завязать деловые контакты со здешними гангстерами. Вы же знаете, что вся страна поделена между разными гангстерскими бандами. А раз погиб Зигтер, естественно, что на его территорию всегда найдутся охотники. Я подружилась с несколькими девушками, которые уже давно здесь и многое знают. Они вывели меня на одного типа, с которым я немного пофлиртовала, чтобы выведать обстановку. И я узнала, кому принадлежит «Зодиак».

— Ну?

— Одной незарегистрированной корпорации, где главным держателем акций является под вымышленным именем Карсен Ганновой.

— Что?! — Коскинен вскочил на ноги.

Трембецкий не удивился.

— Я думал об этом, — сказал он. — Это место слишком открыто и не очень удобно для эгалитарианцев. Я думаю, что они выбрали его не для того, чтобы устроить здесь штаб-квартиру, а в основном из-за того, что это богатый источник денег. Для каждой революционной организации финансирование — одна из серьезных проблем.

— О нет, нет, нет, — содрогнулся Коскинен. Но вот он снова стал решительным и холодным. — Одевайся, Ви, — сказал он, — мы уходим.

— Тебя это так встревожило? — спросила Вивьена.

— Нет, теперь ему просто многое стало ясно, — ответил за него Трембецкий. — Собирайтесь...

Коскинен ходил по холлу взад-вперед. Ладони его вспотели. Что делать? Куда уходить? Можно ли оставаться в доме Абрамса? Трембецкий говорит, что нельзя, а он знает. Кроме того, подвергнуть опасности Ли... Нет, нет... А что говорила Ви об убежище Зигтера?

Да, теперь он вспомнил и сказал об этом Трембецкому. Возможно, у них будет небольшая передышка, там они смогут обдумать последующие действия. Трембецкий согласился.

— Возможно, мы даже можем взять такси, хотя поднята тревога. У нас есть шанс пробраться туда. Ты готова, Ви?

— Сейчас. — Она вышла из комнаты уже в платье. Косшелек был пристегнут к поясу. — Может, нам надеть маски?

— Только когда будем на улице. Иначе это вызовет подозрения. Куда же я дел свою маску?

Внезапно двери распахнулись. Трембецкий резко повернулся, схватился за пистолет. Но было уже поздно.

— Стоять! — рывкнул Ганновой. Пистолет в его руке был направлен на них. За ним стояли вооруженные члены Совета.

— Неужели вы думаете, что я мог оставить вас без призора и не подслушать ваши разговоры?— сказал Ганновой.

XVI.

— Пит! Генератор! — крикнула Вивьена.

Генератор был на спине Коскинена. Он включил его и отчаянно постарался расширить поле, чтобы закрыть Вивьену и Трембецкого. И тут выстрелил пистолет.

Черт, поздно! Тишина сомкнулась вокруг него. Пуля упала перед ним на пол. Риколетти снова щелкнул курком, а Брорсен и Ланфьер держали за руки Вивьену. Томсон и Уошбурн схватили Трембецкого. Ганновой отнял пистолет у Трембецкого и бросил его на софу, затем запер дверь. Все происшедшее казалось Коскинену кошмаром.

Ганновой заговорил с Вивьеной. Девушка что-то выразительно отвечала. Советники переговаривались между собой. Ганновой заставил их замолчать повелительным жестом, подошел к экрану и долго смотрел на Коскинена. Пит мог только выругаться.

Ганновой щелкнул пальцами. Открыв шкаф, он достал переговорное устройство с парой наушников. Затем написал на листке бумаги что-то и показал Коскинену. Тот прочел:

«Такой способ общения слишком утомителен. Если ты отключишь экран на короткое время, то можешь взять наушники. Я на это время положу пистолет в другой конец комнаты и не смогу выстрелить в тебя. Остальные поднимут руки вверх. Согласен?»

Коскинен кивнул. Он хотел кое-что сказать Вивьене, пока экран был отключен, но времени было мало. Снова включив экран, он надел наушник на кисть.

Ганновой положил второй наушник на стол, чтобы его могли слышать все.

— Теперь мы можем разговаривать,— сказал он.

— Разговаривать не о чем,— сказал Коскинен.

— Напротив. У вас фантастически неверное мнение о нас и наших целях.

— Ваш способ действий все время укрепляет меня в своем мнении.

— Ты слушал нас, когда мы говорили в кабинете, а теперь Ян Трембецкий отравил твой разум.

— Он только разъяснил мне то, к чему вы стремитесь. Я не собираюсь принимать участие в убийствах своих сограждан.

— За исключением некоторых, — сказал Трембецкий.

Риколетти ударил его по лицу.

— Прекратить! — приказал Ганновей.

— Неужели революционер не может позволить себе немного грубости? — ехидно спросила Вивьена.

— Мы хотим быть вашими друзьями, — заявил Ганновей.

— Начните с того, что предоставьте нас самим себе.

— Это сумасшествие. Вы не пробудете на свободе и неделю. Я не могу допустить, чтобы генератор попал в руки Маркуса.

— Тогда помоги, чтобы он попал к президенту.

— Я уже объяснял вам...

— Такое объяснение не удовлетворяет нас, — прервал его Коскинен. — Я хочу передать прибор властям, которые смогут воспользоваться им так, как необходимо. Ты, Ганновей, не входишь в число таких людей.

— Все это бесполезно, Карс, — прорычал Томсон. — Они фанатики.

— Трембецкий — да, — сказал Ганновей. — Но Пит кажется вполне разумным. Ты можешь посмотреть с нашей точки зрения?

— Могу. В этом-то все дело.

— Мне не хотелось бы быть жестоким. Но ты не сможешь выйти отсюда и умрешь от голода через несколько дней.

Коскинен удивился тому, что не испытывает страха. Он хотел жить, как и любое живое существо. Может, даже больше. Но страха в нем не было. Только ярость.

— Я готов к этому, — возразил он. — Но тогда мое тело навсегда останется под экраном. Разве что вы разрежете генератор тепловыми лучами. Но это не поможет вам создать новый.

— Когда-нибудь построим.

— Это будет очень не скоро. За это время люди пошлют экспедицию на Марс — может, сам Абрамс финансирует ее. И марсиане помогут землянам сделать новый генератор.

— Может быть.— Ганновой повернулся к своим пленникам, и глаза его сузились.— Может, ты и не боишься смерти,— сказал он.— Но не захочешь же ты, чтобы из-за твоего упрямства погибли твои друзья?

Трембецкий с негодованием плюнул.

— Ну разве он не мошенник?

— Слишком большая ставка,— сказал Ганновой.— Я пойду на все.

Коскинена бросало то в жар, то в холод.

— Если ты убьешь их,— крикнул он,— ты убьешь последний атом надежды, который еще остается у тебя!

— Я не имею в виду немедленную смерть. Ты можешь подумать три-четыре дня.

Краска схлынула с лица Вивьены. Она с трудом выговорила:

— Не слушай его, Пит. Пусть будет что будет.

— Ты еще не знаешь, что будет.— Ганновой повернулся к Хиллу и Риколетти.— Вы знаете, где находится аппарата. Принесите ее сюда.

Советники вышли. Ганновой сел, закурил.

— Можете поговорить друг с другом,— сказал он.

— Ви,— прохрипел Коскинен.

Она сделала несколько коротких вздохов, чтобы прийти в себя.

— Не думай обо мне, Пит. Мне не нужна жизнь, если за нее нужно помогать этим вырождакам.

— Эй, вы! — крикнул Томсон.— Вы думаете, нам приятно заниматься этим?

— Конечно,— сказал Трембецкий.

— Я понимаю вас,— сказал Ганновой, и в голосе его послышалось отчаяние.— Вы даже не можете представить, как я хотел бы, чтобы мы были друзьями. Мы могли бы столько сделать для планеты. Неужели я выгляжу преступником?

Трембецкий обратился к Коскинену.

— Они, скорее всего, пристрелят меня, но...— в глазах его стояли слезы,— если я вдруг сломаюсь, не выдержу и попрошу тебя открыть экран, не слушай меня, Пит.

Коскинен почти не слушал его. Ужас охватил его. Он видел Вивьену как сквозь туман.

— Решение за тобой,— проговорил он.— Ты единственная, кто имеет право решать.

— Я уже решила. Будь твердым.

— Послушай, что для тебя все эти бредни о политике? Единственное, что ты хочешь, это месть Маркусу. Эгалитаряны это тебе могут обещать. Ви, я хочу, чтобы ты сама сделала выбор...

Она слабо улыбнулась.

— Ты трус, Пит. Ты хочешь переложить ответственность на меня,— сказала она.

— Но я не могу взять на себя ответственность,— взмолился он.

— Тогда возьми я. Будь твердым, Пит. Моя жизнь мало что значит для меня. Потеря невелика.

— Не говори так!

— А как насчет того, о чем вы сами знаете?— внезапно спросил Ганновей.

«Детонатор!»— вспомнил Коскинен. Безумная надежда вспыхнула в нем.

— Хорошо, я выйду,— сказал он.— Только сначала отпустите ее. И тогда я сдамся.

— Сначала выходи,— отвистил Ганновей.— А то я боюсь какой-нибудь шутки с твоей стороны.

— Нельзя, Пит,— сказала Вивьена.— Слишком шикарный подарок для них.

— Но если у тебя будет шанс, пока я...— прошептал он.

Лучше было умереть так, чем от голода и жажды, да еще после того, как увидишь ее мучения.

— Нет,— дрожащим голосом сказала она.— Я не могу.

— В чем дело?— спросил Брорсен.

В это время вернулись Хилл и Риколетти. Они принесли тяжелый ящик с ручкой и рулон пластика.

— Где его поставить?— спросил Хилл.

Ганновей осмотрелся.

— Вот сюда, возле двери в спальню. Силовое поле занимает большое пространство.

Риколетти расстелил пластик.

— Чтобы не пачкать ковер,— ухмыльнулся он.

Хилл открыл ящик, достал веревку и бросил ее Уошбурну.

— Свяжи этого парня,— сказал он.

Трембецкий глубоко вздохнул и что-то пробормотал польски. Он не стал сопротивляться, когда его привязали к креслу, но позвал Коскинена:

— Пит!

Коскинен услышал его только с третьего раза.

— Да, да.

— Пит, взгляни на меня.— Трембецкий внимательно смотрел в глаза Пита.— Слушай, я уже мертвец.

— Нет, нет,— сказал Ганновой.— Отдайте мне генератор, и вы проживете еще долгие годы.

Трембецкий не слушал его.

— Слушай внимательно, Пит. Не думай обо мне. Я люблю жизнь, но уже давно не боюсь смерти. Я много повидал смертей за свою жизнь. Жена моя мертва, дети выросли, никто от меня не зависит. Я умру с легким сердцем, если буду знать, что хоть немного помог делу свободы. Жить рабом я не желаю. Ты понимаешь?

Коскинен кивнул. Он чувствовал, что Трембецкий что-то хочет сказать ему.

— Если у тебя появится шанс, не думай обо мне,— продолжал Трембецкий.— Я уже прожил жизнь. Ви еще молод. И ты тоже. К тому же ты единственный, кто может передать миру секрет генератора. Когда-то давно, еще в Европе, я приказал уничтожить город, где в тюрьме находились мои друзья. Они погибли. Но я никогда не чувствовал угрызений совести. Ты тоже не думай обо мне.

Ганновой что-то заподозрил.

— Эй, заткнись, Ян.

— Ладно,— согласился Трембецкий.— Прощай.

— Пока еще рано,— сказал Ганновой и подошел к Коскинену.— Пит, ты понимаешь, что все это значит? Скоро она перестанет быть собой. А в конце она даже не будет человеком.

— Значит, тебе уже приходилось делать это,— сказала Вивьсна.

Ганновой прикусил язык.

— Начнем с воздействия на нервы,— сказал он.— Это не причинит вреда, если не делать это слишком долго. Как только ты захочешь прекратить это, скажи нам. Но если ты будешь упорствовать...— Он показал рукой на Риколетти, который готовил аппаратуру.

Хилл поставил кресло в открытом проеме двери в спальню. Риколетти подключил возбудитель нервов. Брорсен и Ланфьер повели Вивьену к креслу и привязали ее.

— Хорошо, теперь отойдите, — сказал Ганновой.

Около Вивьены остался один Риколетти. Остальные вошли в комнату, где внутри экрана находился Коскинен. Коскинен не видел Трембецкого, который сидел возле стены позади него.

— Ну, Пит? — спросил Ганновой.

— Нет, — ответила за него Вивьена, — пошли их к черту, Пит.

Риколетти начал подключать электроды к рукам и ногам Вивьены. Однако его похотливые руки были заняты не только электродами, особенно когда он касался ног девушки.

— Пит, — крикнул Трембецкий, — расширяй поле!

Руки Коскинена действовали помимо его сознания. Они повернули ручку до максимума. Вся запасенная в аккумуляторе энергия рванулась наружу, и только тогда Коскинен понял, что он делает.

Он увидел Ганноея, раздавленного на стене, как насекомое. И остальные члены Совета... нет, один был зажат в угол. Расширяющееся поле вдавило его в стену. Стены шатались, по потолку пошли трещины. Выдавленное окно полетело на улицу, за ним стол.

Вивьену и Риколетти просто выдавило в спальню. Коскинен выключил поле и бросился к ним. Риколетти как безумный шарил под туникой. Наконец он поднял руку с пистолетом. Коскинен в гряде обломков увидел нож и схватил его. Выстрел... В дюйме от ноги Коскинена взорвалось облачко пыли. Одним прыжком Коскинен достал Риколетти. Он ударил его ножом. Лезвие легко вошло в горло эгалитарянца...

Риколетти опустился на пол, истекая кровью. Коскинен перескочил через него в спальню.

— Ви! Ты не ранена?

— Нет, — выдохнула она. — Разрежь ремни. Нужно выбираться отсюда. Сейчас весь дом будет на ногах.

Разрезав ремни, он бросил нож на пол. Вивьена встала. Чувствовалось, что она лучше владеет собой, чем он.

— Идем.

Они пошли. Вивьена на ходу подняла с пола пистолет и

сунула его в сумку. Открыв дверь, они оказались в холле, где клубилась пыль.

Коскинен не мог посмотреть туда, где сидел Трэмбецкий. Но он поднял руку в прощальном жесте.

Где-то в коридоре вскрикнула девушка. Вивьена повела Коскинена в противоположном направлении. Из бокового прохода вышел служитель.

— Что случилось?— спросил он.

— Я думаю, что-то взорвалось,— сказала Вивьена.— Мы идем за помощью.

Рука ее была готова нырнуть в сумку за пистолетом. Однако служитель, не обратив на них внимания, бросился бежать туда, где произошел взрыв. Выйдя из холла, они направились вниз по лестнице, где было много возбужденных людей, но на беглецов никто не обратил внимания. Двумя этажами ниже Вивьена снова свернула в коридор. Когда они завернули за угол, где никто их не видел, она остановилась отдышаться.

— Мы свободны, свободны,— как во сне повторял Коскинен.— Мы сбежали.

Она оперлась о стену, закрыла лицо руками.

— Ян не сбежал,— проговорила она сквозь слезы.

Коскинен обнял ее за талию. Так они простояли, поддерживая друг друга несколько минут. Наконец она подняла голову и сказала почти спокойно:

— Нам лучше уйти отсюда, пока они не спохватились и не связали нас с тем, что произошло. И из города тоже надо уходить. Дай мне подумать... Наша квартира находилась на южной стороне. Давай уйдем через северный выход. Сними генератор со спины и неси его в руке. Так менее заметно.

Они шли нормальным шагом. Вивьена достала расческу и попыталась придать себе более или менее приличный вид.

— Какой человек погиб! — произнесла она со вздохом.

«А какая женщина спасена!»— подумал Коскинен.

Ему было странно, что он ничего не ощущал по отношению к тем, кого убил. Трэмбецкого, конечно, ему было жаль, к тому же он сам освободил Пита от ощущения вины. А что касается остальных — то он не чувствовал ни жалости, ни радости. Их гибель была чем-то таким, что его не касалось, что уже исчезло из его памяти, вытесненное более важными обстоятельствами, необходимостью бегства.

Было утро, когда Вивьена и Коскинен очутились на улице. В западной части неба еще сверкали звезды, а в восточной стороне уже разливалось сияние. Перед ними лежала пустынная улица. Где-то вдали промелькнуло наземное такси. Воздух был неправдоподобно свежим и холодным.

— Полагаю, мы идем в убежище Зигтера? — спросил Коскинен.

— А куда нам еще идти?

— И оттуда мы попытаемся связаться с Абрамсом?

— Можем попытаться, но черт меня побери, если его телефон не прослушивается. И ты знаешь, — продолжала она, — есть одна верная мысль в рассуждениях эгалитарианцев. Мне разъяснил ее Трембецкий. Передать генератор Протекторату и надеяться на улучшение условий жизни — это все равно что давать наркоману аспирин и думать, что он излечится.

— Кому же еще можно передать генератор?

— Не знаю... не знаю... Вот такси!

Водитель распахнул двери, и они уселись в него.

— Сиракузы, — сказала Вивьена. — Точный адрес я дам, когда мы будем на месте.

Это была только первая из их остановок. Они пересаживались из одной машины в другую машину, постоянно меняя направление. Коскинен уже видел восход солнца.

...Водитель нажал на кнопку, и панель, отделяющая кабину от пассажиров салона, стала закрываться.

— Нет, — сказала Вивьена. — Пусть будет открыта.

Водитель удивился, но повиновался.

— Я... я люблю смотреть вперед, — капризно заявила Вивьена.

Она наклонилась, чтобы назвать место назначения. Коскинен внезапно вспомнил. Он обхватил руками талию Вивьены и отстегнул кошелек со взрывным устройством.

— Какого черта! — воскликнула она и попыталась отобрать его у Пита, но он крепко держал девушку. Он сунул детонатор в карман и застегнул молнию. После этого он отпустил Вивьену. Она отпрянула от него, наполовину рассерженная, наполовину испуганная.

— Что с тобой, Пит?

— Прости, Ви. Не думай ничего такого. Но ситуация теперь изменилась. Теперь я хочу сам принимать решения.

— Ты мог бы попросить у меня.

— Да, но ты могла сказать «нет». Ведь ты уже отказалась использовать его? Я благодарен тебе за это, но я был слишком пассивен. Пора мне стать хозяином самого себя.

Она глубоко вздохнула. Мышцы ее постепенно расслабились. Она улыбнулась. Медленно, тепло.

— Ты становишься мужчиной,— пробормотала она.

Он вспыхнул. Затем с беспокойством заметил, что водитель смотрит на них через зеркальце.

— Почему ты не позволила опустить панель?

Экран вызова объяснил Коскинену, почему. На нем вспыхнула надпись: «Внимание всем машинам! Внимание всем машинам! Сообщение бюро Службы Безопасности. Два преступника, два иностранных агента разыскиваются для немедленного ареста. Они могут передвигаться в...»

Пистолет Вивьены уже был направлен в голову водителя.

— Не двигайся, парень,— приказала она.— И руки подальше от передатчика.

«...очень опасны»,— закончил хриплый голос.

И на экране Коскинен увидел себя, свое лицо, вероятно записанное, когда он звонил в Службу Безопасности. А вот и фотография Вивьены. Интересно, откуда она у них?

«...Если вы увидите этих людей, то ваш долг...»

— Мне сразу показались ваши лица знакомыми,— пробормотал водитель.— Что вы сделаете со мной? Что вы хотите?

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, если ты поможешь нам,— сказала Вивьена.

— Пожалуйста... у меня жена, дети...

Коскинен выглянул из окна. Они уже вылетели из центра города, и теперь внизу были видны крыши маленьких домиков.

— Вам не скрыться на каре,— сказал водитель.— Ни на каком каре. Если они считают, что вы где-нибудь в машине, то Служба Контроля перекроет все пути.

— Вряд ли,— сказал Коскинен,— почему же они до сих пор не сделали этого?

Вивьена бросила на него косой взгляд.

— Значит, они еще не перебрали другие нити. Но рано или поздно они возьмутся за тотальную проверку каров. Как только они узнают о том, что произошло в «Зодиаке», а

они узнают об этом быстро, они мгновенно сложат два и два. И тогда самое логичное с их стороны — перекрыть пути бегства на каре. Водитель прав. Нам нужно выбираться отсюда, пока не поздно.

— Но... как...

— Не знаю, не знаю. Подожди. Да. Спускайся здесь.

Они скользнули вниз, и колеса коснулись старого потрепавшегося асфальта улицы. Вокруг стояли дома с острыми крышами, узкими окнами. В этот час город еще спал. Вивьена предложила связать водителя и заткнуть ему рот кляпом.

— Я поменяюсь с ним одеждой,— сказал Коскинен.— Ведь теперь после «Зодиака» известно, как я одет.

— Прекрасно. Ты становишься настоящим преступником.

Он быстро переоделся, затем нашел в машине кусок провода, связал водителя и оставил его в салоне для пассажиров.

— Кто-нибудь наверняка скоро освободит тебя,— заверил он водителя,— прости, но тебе придется подождать несколько часов.

— О,— прошептала Вивьсна,— кто-то идет.

Коскинен вышел и запер дверь. Огромный человек в комбинезоне механика шел по улице. Он приблизился к такси и сказал:

— Поломка, приятель? Может, я могу помочь?

— Благодарю,— ответил Коскинен,— но компания запрещает пользоваться услугами чужих механиков. Необходимо анализировать каждый поломок. Где здесь ближайшее метро? Мне нужно отправить даму.

Механик подозрительно посмотрел на него.

— Здесь нет поблизости метро.

— О,— рассмеялся Коскинен.— Я недавно из Лос-Анджелеса. Никак не привыкну. А станция монорельсовой дороги?

— Я иду туда.

Коскинен по пути подробно отвечал на вопросы о жизни на западном побережье, хотя никогда там не бывал. Во всяком случае, это отвлекало механика от вопросов о генераторе, который, как он мог предположить, принадлежал леди. Сам механик сообщил, что зарабатывает мало и не имеет

возможности путешествовать. Благодарение Богу, что есть хоть такая работа...

Он еще долго распространялся о том, как трудно жить.

«Плохо,— подумал Коскинен,— а ведь американцы были когда-то свободными людьми».

К счастью, возле станций не было такси. Если, конечно, это нищее предместье обслуживается ими. Коскинен вошел в телефонную будку и сделал вид, что звонит для Вивьены. Механик вошел в вагон поезда, который только что подошел. Вивьена тут же бегом потащила Коскинена в другой вагон, подальше.

— Не нужно, чтобы наш друг долго видел нас,— задыхаясь, сказала она.— Прямо чудо, что он не узнал нас по объявлениям. Но когда он в следующий раз увидит объявление, он обязательно вспомнит.

Коскинен кивнул. Они сели. В вагоне было всего несколько сонных, плохо одетых пассажиров. Вряд ли когда-нибудь этот вагон набивается полностью. Людям, не имеющим работы, ездить некуда.

«Да,— подумал он,— этим людям остается только три пути — преступность, самоубийство и нудная, бессмысленная работа. А когда вся индустрия будет полностью автоматизирована и производство пищевых продуктов будет вынесено на внеземные базы? Совершенно ясно, что в существующих условиях нация свободных, независимых людей потребует коренной перестройки общества, и для того чтобы противостоять этому, любое правительство будет вынуждено закабалить людей налогами, делать их зависимыми от себя. Да, я все отчетливее вижу, что общество, в том виде, как оно есть, в корне несправедливо...»

И тут он вспомнил свои проблемы.

— Как же мы доберемся до цели?— спросил он Вивьену.— Служба Контроля остановит любой кар, который мы найдем или украдем.

— Да. За исключением...— Она посмотрела в окно. Предместье уступило место открытому полю, освещенному первыми лучами солнца.— У меня идея,— сказала она.— Комиссия по мировой войне построила много копий машин, действовавших в той войне. И по соответствующим датам люди разыгрывают битвы, сражения. Этот спектакль передается по ТВ, а кроме того, скучающие люди получают возможность поиграть с самолетами, пушками, танками —

точными копиями тех, что участвовали в войне. Здесь есть аэродром с самолетами.

— ?

— Они без автопилотов, так что могут летать свободно. И никаких помех движению, так как они летают медленно и радары Службы Контроля регулируют движение. Самое главное для нас, что полиция не может посадить нас, так как у нас нет автопилота. А кроме того, на такой самолет никто не обратит внимания. Он может лететь куда угодно, так как для него нет определенных маршрутов, полетных ограничений.

— О, Боже!

— Мы с Зигтером были здесь в прошлом году, так что я знакома с порядками. Если украсть самолет отсюда, то его не хватятся долгое время. Конечно, это некрасиво. Что ты скажешь?

Он понял, что Вивьена окончательно передала ему роль главного в их тандеме. Это была тяжелая ноша. Он сглотнул комок в горле и сказал:

— Хорошо. Мы попытаемся.

XVIII

Самолеты находились в трех милях от станции. Коскинен и Вивьена пошли туда, купив в супермаркете кое-что для завтрака, моток веревки и таблетки против сна. Большую часть пути им пришлось идти по деревенской улице, застроенной грязными бедными домами. Часто мимо них проезжали трактора, грузовые машины... Пешеходов было мало, в основном женщины, и на путников никто не обращал внимания. Кто-то показал им дорогу к ангарам и даже не спросил, зачем. Видимо, эти люди жили такой тусклой, безразличной жизнью, что даже не читали бюллетени Маркуса, и это было на руку беглецам. Никто не смотрел на них, никто не старался запомнить их внешность.

Улица привела их к лугу, на котором не было ничего. Серебрилась трава, где-то пела птица, пахло сырой землей.

— Здесь хорошо, — улыбнулся Коскинен.

Вивьена с любопытством посмотрела на него.

— А я чисто городской житель. Мне не кажется здесь красиво.

Посреди поля находилось пространство, ограниченное электрифицированным забором. За забором виднелись ангары и взлетная полоса. Радарные установки аэродрома предупредят деревенскую полицию, если сюда сядет чужой самолет. Так что часовой здесь был не нужен.

За забором было тихо. Коскинен осмотрелся. Домов близко не было, так что их вряд ли видит кто-нибудь.

Он сделал петлю и после нескольких попыток забросил веревку на столб и помог Вивьене включить генератор. Затем пропустил вторую веревку сквозь петлю, жестом показал Вивьене, чтобы она прижалась к металлической решетке, к которой было подключено напряжение, а затем, используя барьер как изоляцию между собой и забором, начал поднимать их обоих. Ему стало не по себе, когда он подумал, что произойдет, если он притронется к сетке. Может, он и не умрет от удара электрического тока, но наверняка поднимется тревога и их схватят.

Еще немного — и они благополучно спустились по ту сторону забора. Вскоре они уже шагали к ангарам. Вивьена могла бы сбить замок выстрелом из пистолета, но этого не потребовалось. Двери открылись сами, когда они подошли. Внутри был полумрак. Увидев самолеты, Коскинен открыл рот. Ему показалось, что он попал в далекое прошлое, еще более древнее, чем башни Марса.

— Видишь? — проговорил он. — Вот твоё прошлое. Мой прадед мог летать на таком чудовище. И это моя планета?! — Гнев охватил его. — Во что они превратили ее?!

Потом успокоился, взял кое-какие инструменты из ящика и пошел к самолетам. Через час он выбрал самолет. Это был бомбардировщик «Хэвилэнд». Огромная машина с двумя крыльями, менее элегантная, чем «Фоккеры» и «Опады», но в ней чувствовалась какая-то мужественная красота. Это и пленило его. Пользуясь приобретенным на Марсе ощущением правильности, он разобрался, как управлять самолетом. Они выкатили его на взлетную дорожку, заправили из насоса и отвернули в сторону от радаров.

— Садись на заднее сиденье за дополнительный пульт, — сказал он Вивьене. — Я крутну пропеллер.

Она внезапно посмотрела на него очень внимательно.

— Мы можем потерпеть крушение, или нас могут сбить, ты знаешь это?

— Да. — Он пожал плечами. — Это ясно.

— Я...— Она сжала его руку.— Я хочу тебе сказать кое-что, может, у меня не будет такой возможности.

Он посмотрел в ее карие глаза.

— Этот детонатор. Это — фикция.

— Что?

— Вернее, детонатор работает, но бомбы нет.

Смех застрял у нее в горле.

— Помнишь, Зиггер приказал мне приготовить это устройство? Но я не смогла. В капсуле вместо взрывчатки порошок талька.

— Что?— снова прошептал он.

— Я не сказала об этом в доме Абрамса. Они бы поставили настоящую бомбу. Я не смогла бы взорвать ее, но другой смог бы. Я хочу, чтобы ты это знал, Пит.

Она пыталась убрать свои руки, но он стиснул и не отпускал их.

— Это правда, Ви?

— Да. Разве ты сомневаешься?

— Я не сомневаюсь.— Он собрал все свое мужество, достал детонатор, нажал кнопку. Вивьена смотрела на него сквозь слезы.

Коскинен секунду смотрел на детонатор, затем зашвырнул его в траву. Потом крепко обнял ее, поцеловал, приподнял и посадил в заднюю кабину, где она пристроилась между пулеметом и рычагами управления. Коскинен изо всех сил крутанул деревянный пропеллер.

Мотор кашлянул, задымил и затарахтел. Коскинен вскочил на деревянное крыло и в кабине пилота долго сидел, прислушиваясь к работе мотора и отмечая все стуки, нежелательные вибрации. Вроде бы ничего. Он двинул рычаг — и самолет побежал по дорожке, набирая скорость. Наконец он подпрыгнул и повис в воздухе. Ощущение было новым для него.

Вивьена ткнула пальцем в карту, куда им следовало лететь. Он понял, что на такой черепашной скорости он может спокойно ориентироваться по местности. Его нервы и мускулы, натренированные Элкором, быстро приспособились к управлению самолетом.

Самолет рычал, содрогался, откуда-то тянуло дымом. Странная штука. И как только она летает? И все же ему было приятно лететь на нем. Казалось, он парит в воздухе. Ветер обдувал лобовое стекло, хлестал его по лицу, свистел

в снастях. Смешно, подумал Коскинен, что ему приходится возлагать столько надежд на столь примитивное устройство. Затем он вспомнил девушку, которая не могла заставить себя убить его. Он чувствовал себя так, как будто умылся свежей родниковой водой, отмылся от грязи нынешнего мира. А внизу было зелено, красиво. Они летели над богатой местностью: дома большие, новые, отделенные друг от друга большими парковыми массивами. Между холмами извивался Гудзон, и в нем отражалась голубизна неба, зелень травы, белизна облаков. Вот в таком мире следует искать ответа на его вопрос!

Он с надеждой смотрел вперед.

XIX

После двух дней напряженного труда приятно очутиться один на один с природой. Убежище Зиггера находилось над рекой, которая пылала расплавленным золотом в лучах заходящего солнца. Противоположные берега реки заросли лесом. А на этой стороне по пологому склону спускались к воде розовые кусты. Над головой шумели дубовые листья, ветви яблонь гнулись под тяжестью плодов. Миллионы запахов околдовывали Коскинена.

Но такое состояние не могло длиться бесконечно. Когда приятная усталость покинула его тело, мозг Пита снова начал работу, и вся радость исчезла.

— Почему? — спросил он себя. — Работа сделана, убежище найдено. Мы скрылись от мира.

Что произойдет дальше, зависело от того, как быстро враги выследят их. Многие видели приземляющийся здесь самолет. Никто в деревне не подозревал, что они с Вивьеной незаконно вселились в дом, принадлежащий мистеру Ван Вельту. Вивьена представилась местным властям под этим именем. Вряд ли в ней можно было узнать женщину, за которой охотится полиция. С помощью грима она искусно изменила свою внешность.

Но сплетни, конечно, были. Почему она была здесь одна, без мистера Ван Вельта и без слуг? Почему сразу по прибытии она потребовала прислать ей бульдозер и работала на нем сама? Все эти слухи наверняка могли дойти до властей и возбудить их подозрения.

И с другой стороны, могли найтись ключи, указывающие на их нынешнее местонахождение. В Кратере могли взять пленных, и кто-нибудь мог знать о существовании этого убежища. Враг был хитер и всемогущ.

Сомнения терзали Коскинена. Может, все это зря, ни к чему? Нет. Раньше или позже нужно сделать выбор и твердо стоять на своем.

Он глубоко вдохнул земной воздух.

Из дома вышла Вивьена.

— Эй! Я уже охрипла, и пальцы мои болят от нажимающих кнопок. Я обзвонила множество людей, пока ты строишь эту крепость.

— Пожалуй, теперь мы можем отдохнуть.

— Чудесно. Я приготовлю праздничный ужин.

— Из концентратов?

— Нет, нет. Я буду делать ужин по-старомодному: при помощи рук и головы. Я неплохая кухарка.— Наигранная веселость покинула ее, и она подошла к Коскинену.— У нас мало шансов.

— Может быть,— признал он.— Несколько дней, не больше.

Она обняла его за талию и положила голову на его плечо.

— Мне бы хотелось сделать для тебя больше, Пит, чем просто готовить еду.

— Почему?— Лицо его вспыхнуло. Он пристально смотрел на другой берег реки.

— Я тебе стольким обязана.

— Нет, нет. Ты спасала меня... много раз. Но ничто не может сравниться со случаем с бомбой.— Он коснулся цепи на шее.— Мне даже не хочется снимать ее.

— Неужели это для тебя так важно, Пит?

— Да. Потому что... потому что ты стала близкой для меня... Я никогда не смогу забыть этого.

— Я знаю,— прошептала она.— Ты тоже близок мне.

Она быстро отстранилась от него и побежала в дом. Он удивился, хотел пойти за нею, но сдержался. Ситуация была слишком деликатна. Они были только вдвоем, и он не хотел испортить спешкой те отношения, что сложились между ними.

Однако его беспокойство не утихало. Нужно что-то делать. Может, сделать еще несколько звонков, пока она во-

зится с едой? Чем больше, тем лучше. Он вошел в гостиную и направился к телефону.

Из раскрытого блокнота он узнал, что Вивьена звонила в разные города Индии, Америку и Европу они уже обзвонили. Коскинен вызвал в памяти карту мира. Куда звонить теперь? Они хотели распространить информацию о генераторе по всему свету.

Китай? Нет, не стоит. Средний китаец ничем не отличается от среднего американца или европейца. Но правительство Китая... Нет, пусть китайцы добывают информацию в другом месте. Коскинен нажал на кнопку.

— Токио, — сказал он.

На экране вспыхнул телефонный справочник. Коскинен переключал страницы до тех пор, пока не добрался до страницы, где были перечислены телефоны инженеров и технических компаний. Несколько номеров он выписал наугад и очистил экран, затем набрал один из номеров, добавив РХ, что означало автоматическое включение аппаратуры записи у абонента. Удивленное плоское восточное лицо смотрело на него с экрана.

— Я Питер Коскинен, — сказал он. — Служба Новостей подтвердит, что я недавно прибыл с Марса, где был в экспедиции. С собой я привез устройство, обеспечивающее неуязвимость человеку. Мне грозит опасность, поэтому я сообщаю всему миру физические принципы, конструкцию и рабочие инструкции для этого прибора.

Японец что-то сказал, что, видимо, означало, что он не понимает по-английски и этот звонок недоразумение. Коскинен открыл первую страницу своих записей, затем следующую, следующую... Подготовить эти записи было несложно, так как он хорошо помнил все, что он и Вивьена делали еще в Кратере.

Некоторые люди отключались, считая, что имеют дело с сумасшедшим, но этот человек смотрел со все возрастающим интересом. Коскинен понял, что этот японец возьмет ленту с записью и наверняка переведет объяснения с английского на японский. Если хотя бы часть тех, кому они с Вивьеной звонят, заинтересуются записями, значит, мир узнает о приборе.

Коскинен закончил, попрощался и стал набирать следующий номер. Крик Вивьены прервал его занятие.

Он поспешил на террасу. Она была там, вытянутая как

струна, и показывала на небо. Четыре длинных черных аэрокара спускались на землю. Он увидел эмблемы Службы Безопасности.

— Я заметила их из окна кухни,— дрожащим голосом сказала девушка.— Неужели так быстро?

— Должно быть, мы оставили для них больше следов, чем я надеялся.

— Но...— Она сжала его руку холодными пальцами, стараясь не закричать.— Идем.

Они вернулись в гостиную, забрали генератор и поспешили в задний дворик. Двор был вымощен плоскими каменными плитами, Коскинен еще раньше устроил кладовую для еды, контейнеров с водой, постельных принадлежностей. Здесь же была и винтовка из кабинета Зиггера, а также переговорное устройство. Коскинен включил генератор. Он настроил поле так, чтобы барьер охватывал пространство в двадцать футов диаметром. Наступила тишина.

— Теперь мы в безопасности, Вивьена.

Она обхватила его руками, зарылась лицом в его грудь и всхлипнула.

— Что случилось?— Он взял пальцами ее подбородок и поднял ее лицо.— Разве ты не рада, что нам придется бороться?

— Если... если...— Она не могла сдержать слез.— Я так надеялась, что мы некоторое время побудем с тобой. Вдвоем.

— Да, это было бы хорошо.

Вивьена выпрямилась.

— Прости. Не обращай внимания.

Он наклонился и нежно поцеловал ее в губы. Они не заметили агентов, окруживших дом. Они были в гражданской одежде, не вооружены. Приблизились цепи солдат. И только когда снижающийся кар заслонил солнце, Коскинен вспомнил о врагах.

Он с удовлетворением смотрел, как агенты пытались прорваться сквозь защитный барьер. Вивьена сидела на каменной плите и с безразличным видом курила. Две дюжины молодых людей с оружием оцепили патио.

Коскинен встал, подошел к невидимой стене и показал передатчик. Человек кивнул, сказал что-то. Коскинен почти не удивился, когда из дома вышел сам Хью Маркус с передатчиком.

Они стояли друг против друга на расстоянии в один ярд, а между ними была непроницаемая стена толщиной в несколько сантиметров. Маркус улыбнулся.

— Хелло, Пит,— сказал он дружелюбно.

— Для вас я Коскинен, мистер Коскинен.

— Ты совсем как ребенок,— сказал Маркус.— После такого фантастического бегства я могу только предполагать, что ты немного тронулся.— И затем более мягким тоном:— Выходи, мы вылечим тебя. Для твоей же пользы.

— Излечите от памяти? Или от жизни?

— Не надо пафоса.

— Где Дэйв Абрамс?

— Он...

— Приведите сюда всех моих товарищей,— сказал Коскинен.— Они же у вас. Поставьте их перед барьером, я возьму их под барьер. Если они подтвердят, что вы держите их в тюрьме для их защиты, я выйду и попрошу у вас прощения. Если же нет, я буду оставаться здесь, пока солнце не замерзнет.

Маркус покраснел.

— Ты знаешь, что делаешь? Ты выступаешь против правительства США.

— О? Как? Возможно, я виновен в том, что сопротивлялся аресту, но никаких преступлений против Конституции я не совершал. Пусть решит суд. Мой адвокат докажет, что арест был незаконным. Я не сделал ничего, чтобы меня арестовывать.

— Что? А сокрытие собственности правительства...

Коскинен покачал головой.

— Я готов передать прибор властям в любое время. Но только тем, кто сделает прибор собственностью народа.

Маркус поднял палец.

— Да! Измена! Ты скрываешь прибор, представляющий угрозу безопасности государства.

— Что, Конгресс издал закон, ограничивающий использование потенциального барьера? Или есть указ президента? Нет, те бумаги, что я подписывал, ни слова не говорят о сохранении тайны. Напротив. Мы собирались опубликовать наши работы.

Маркус стоял долго, затем откинул голову и отрезал:

— У меня нет времени беседовать с дилетантом-адвока-

том. Ты арестован. Если ты будешь продолжать сопротивление, мы сожжем тебя.

— Ясно,— сказал Коскинен и подошел к Вивьене. За барьером забегали люди и вскоре притащили три лазерные установки.

— Значит, они знают,— сказала Вивьена, но ни нотки страха не было в ее голосе.

— Я в этом не сомневался. Они не дураки.

Коскинен с Вивьеной спустились в подготовленное убежище. Они устроились довольно удобно.

Солнечный свет проникал сквозь отверстия, трогал ее блестящие волосы. Сердце его отчаянно билось, когда он смотрел на девушку. Лазеры открыли огонь, и Коскинен сжал ее руку. Но эти лучи, способные расплавить броню, не могли ничего поделывать с толстыми бетонными плитами.

Немного погодя раздался голос Маркуса:

— Выходи, поговорим.

— Если тебе доставит это удовольствие,— согласился Коскинен.— Но только уберите эти идиотские лазерные пушки.

— Хорошо,— свирепо сказал Маркус.

— Девушка останется здесь,— предупредил Коскинен.— Вдруг ты решишь обмануть меня? А она такая же упрямая, как и я.

И Коскинен вылез из убежища.

Шеф Службы Безопасности был в замешательстве. Он провел рукой по седым волосам.

— Во что ты играешь, Коскинен? Чего ты добиваешься?

— Сначала освобождения моих друзей.

— Но им грозит опасность!

— Не лги. Если есть опасность, то достаточно полицейского охранения. Так как ты все еще держишь их у себя, то я могу предположить, что ты с ними уже успел сделать. А второе, чего я хочу,— это чтобы вся информация о генераторе была опубликована. Тогда никому не будет угрожать опасность, и можно будет не держать их в тюрьме.

— Что?

Маркус был так взбешен, что агенты придвинулись к нему. Он жестом отослал их прочь и посмотрел на Коскинена. Золотой свет обливал обоих противников, играл в желтых листьях.

— Ты сошел с ума,— сказал Маркус.— Ты сам не знаешь, что говоришь.

— Так объясни мне.

— Ведь каждый преступник будет недосыгаем для полиции...

— Но и каждый честный человек будет недосыгаем для преступников. Если разработать этот прибор в виде карманного варианта, то будет покончено с преступлениями против личности. Конечно, тогда будет труднее покончить с преступниками, но общество в целом выиграет больше.

— Может быть. Но произойдет еще кое-что.— Маркус выдвинул вперед челюсть.— Протекторат. Ты хочешь, чтобы снова произошла атомная война?

— Протекторат больше не нужен.

— Этот экран может выстоять против атомной бомбы?

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, не против прямого попадания. Но более мощный генератор выдержит. Каждый город будет снабжен генератором, который будет включаться при обнаружении ракеты в полете. Правда, остается опасность взрыва бомб изнутри, но с нею проще бороться.

— В мире миллиард китайцев, Коскинен. Ты можешь оценить эту цифру? Мы еще живем на земле только потому, что мы можем уничтожить их быстрее, чем они нас. Если наше оружие будет такое же, как у них, или слабее...

— О, тогда достаточно включить свой защитный барьер. И тогда орды, идущие через Берингов пролив, будут тебе не страшны, если ты боишься их. Их легко остановить — и без единого выстрела. Потенциальный барьер от генератора, установленного на дне моря...

Лицо Маркуса изменилось. Может, он кое-что понял? Надежда вспыхнула в душе Коскинена.

— Послушай,— продолжал он.— Ты упустил самое главное. Война не только станет бессмысленной — ее невозможно будет начать. Чтобы организовать войну, нужно твердое правительство и послушное население. А когда будет защитный барьер, граждане страны будут чувствовать себя в безопасности и ни одно правительство, не удовлетворяющее их, не удержится у власти. Возьми, к примеру, нынешнего диктатора Китая Ванга. Буквально через месяц после появления барьера в Китае Ванг будет вынужден

скрыться под защитой собственного барьера, а китайцы будут ждать вокруг, когда он умрет от голода.

Маркус наклонился вперед.

— Ты понимаешь, что то же самое может случиться и у нас?

— Разумеется.

— Значит, ты стремишься к анархии?

— Нет. К свободе. Ограниченное в правах правительство и независимость индивидуума. Я хочу, чтобы каждый гражданин имел возможность сказать «нет», если он того желает, и чтобы он не боялся последствий. Разве это не идеал, к которому стремится Америка? Конечно, мир придется немного переделать, но это маленькая цена за возвращение к принципу Джефферсона: «Дерево свободы нужно время от времени орошать кровью патриотов и тиранов». Ты согласишься? Лично я считаю, что для орошения достаточно только крови тиранов.

Коскинен понизил голос:

— Я понимаю, что очень трудно признать свою работу бессмысленной. Работу, в которую ты веришь. Но при переходе мира в новое качество работы хватит всем. Ведь мир снова начнет жить, а не прозябать.

Маркус стоял неподвижно, опустив глаза. Ветер шевелил его волосы. Коскинену очень хотелось, чтобы ветер Земли коснулся и его лица. Солнце опустилось ниже.

Наконец он поднял глаза и вздохнул.

— Ну хватит, дело зашло слишком далеко. Если ты не хочешь сдаться, тем хуже для тебя.

Коскинен хотел ответить, но не мог. Сожаление и гнев владели им. Он вернулся к Вивьене.

Вивьена включила лампу в бункере, где уже стало темно, затем встала на колени перед контейнером, где находились припасы. Он покачал головой и сел. Слабость охватила его.

— Поешь, — настаивала Вивьена. — Конечно, это не тот ужин, что я обещала тебе...

Он вздохнул:

— Как бы мне хотелось почувствовать капли дождя...

Она резко выпрямилась.

— Ты уже не надеешься увидеть дождь?

— О, надежда у меня есть. Надежда — это все, что у нас осталось. — Он откинулся назад, посмотрел на свои руки.

Вивьена закончила работу и ласково погладила Коски-
нена.

— Полежи немного,— сказала она.

Он не стал спорить и покорно положил голову ей на колени.

Сон обрушился на него, как удар.

XX

Она разбудила его. Он с трудом открыл глаза.

— О... может, ты тоже хочешь отдохнуть?— Он протер глаза.— Черт побери! Я должен был позволить тебе поспать первой.

— Дело не в этом,— ответила Вивьена. Лицо ее было встревожено.— Они притащили какую-то машину.

Коскинен осторожно высунул голову из бункера. Яркие лампы отогнали ночь куда-то далеко. Два громадных крана, как два динозавра, возвышались над барьером. Вокруг суетились рабочие.

Коскинен посмотрел на часы.

— Четверть пятого,— сказал он.— Дать им возможность поковыряться еще немного?

— Но что они собираются делать?

— Понятия не имею. Все, что у нас здесь есть, довольно много весит. Может, они хотят нас перенести куда-нибудь в более удобное для них место?

— Но, Пит...— Вивьена прильнула к нему. Он обнял ее за талию. Немного погодя он ощутил, как страх покидает ее.— Ты совсем не боишься?— спросила она.

— Видит Бог, нет,— засмеялся он.

Стрелы кранов стали опускаться. Невидимая оболочка была опутана цепями. И вот рабочий махнул рукой, и стрелы начали подниматься вверх.

— Пора,— сказал Коскинен. Он нагнулся над генератором, подкрутил ручку.

Поле расширилось. Цепи полопались и с грохотом упали на землю. Краны качнулись. Коскинен вернул ручку в прежнее положение.

— Я мог бы опрокинуть эти чудовища. Но не хочу причинить вред рабочим.

— О,— дрожащим голосом произнесла Вивьена,— ты великолепен.

Смятение вне барьера улеглось. Рабочие отошли в сторону, и на освещенное место вышел Маркус. Один.

— Коскинен,— раздался его голос, когда Пит включил переговорное устройство.

— Да?— Коскинен остался на месте. Он не хотел снова предстать перед Маркусом.

— Великолепная штука. Ты все еще хочешь сопротивляться?

— Да.

Маркус вздохнул.

— Ты не оставляешь мне выбора.

У Коскинена сжало горло. Он прислушался к своему сердцу.

— Мне не хочется делать этого,— сказал Маркус,— но если ты не выйдешь, я сброшу атомную бомбу.

Коскинен услышал возглас Вивьены. Ногти его впились в ладони.

— Ты не можешь! — крикнул он.— Не можешь без приказа президента! Я знаю закон.

— А может, у меня есть приказ.

Коскинен провел языком по пересохшим губам.

— Если у тебя есть согласие президента, то можно сделать проще: пригласите сюда президента и пусть он подтвердит свое согласие. Тогда я выйду отсюда.

— Ты выйдешь отсюда тогда, когда тебе приказано, Коскинен. Сейчас.

— Другими словами, у тебя нет разрешения президента, и ты знаешь, что не получишь его. Так кто из нас нарушает закон?

— Служба Безопасности имеет право использовать ядерное оружие, имеющееся в ее арсенале, по собственной инициативе в случае экстренной необходимости.

— Какая необходимость убивать нас? Мы просто сидим и никому не мешаем.

Маркус посмотрел на часы.

— Четверть шестого. У тебя два часа на размышления.— И он твердым шагом направился прочь.

— Пит.— Вивьена прижалась к Коскинену. Он почувствовал, что она дрожит.— Он блефует, правда? Он же не может, это невозможно.

— Боюсь, что может.

— Но как это он объяснит потом?

— Придумает что-нибудь. От нас почти ничего не останется, а его люди, видимо, самые преданные ему. Все диктаторы в истории подбирали себе таких людей. Так что они поддержат все, что он скажет, и ему все сойдет с рук.

— Но он же потеряет и генератор!

— Это лучше, чем потерять положение. И шанс на более высокий пост. Кроме того, он полагает, что его ученые сумеют раскрыть секрет генератора.

— Но ведь секрета уже нет! Мы позаботились об этом. Почему ты не скажешь об этом?

— Боюсь, что тогда он бросит бомбу сразу. Ведь мы с работающим генератором потенциального барьера — прямые доказательства того, что он лжец и давно изжил себя. Ты же понимаешь, что новый экран не сделать сегодня к вечеру. Первые образцы будут готовы минимум через месяц. И если Маркус будет действовать быстро, он и его агенты смогут выследить тех людей, с которыми мы вошли в контакт, и обвинить их в заговоре против Протектората. И правительство поверит ему, поддержит его, так как доказательств противного нет.

— Ясно, — сказала она. Затем она почему-то отключила свет. Мягкий свет, проникающий с улицы, коснулся ее световыми пятнами, обнял мягкими тенями. — Значит, нам остается только ждать.

— Может быть, твой бразильский друг, которому ты сообщила все, успеет что-либо предпринять.

— Может быть. Однако ему придется иметь дело с бюрократией администрации, а он числится в списке подозрительных, так как был знаком с Дженисом. Но он журналист. Он должен знать больше уловок, чем остальные люди.

— А как насчет того сенатора, с которым ты говорила?

— Хохенрейдер? Да, я все рассказала ему. Но я говорила, разумеется, не с ним, а с секретарем, который слушал меня весьма скептически. Может, он стер ленту. Ведь в офис Хохенрейдера наверняка звонят многие по разным пустякам.

— И тем не менее есть возможность, что твой бразильский журналист расскажет обо всем президенту, и сенатор Хохенрейдер... и еще кто-нибудь, кто получил наши данные и смог понять, что происходит, почему мы прибегли к тако-

му необычному способу распространения информации. Так что помощь может прийти в любую минуту.

— Не надо меня успокаивать, дорогой. Я прекрасно понимаю, что до семи пятнадцати никто не успеет. Возможно, к полудню Маркус уже будет в тюрьме, но мы этого знать уже не будем.

— Может быть,— неохотно признал он.— Но все же здесь лучше, чем в «Зодиак». Смерть будет мгновенной.

— Знаю. Это самое худшее. Жизнь в одно мгновение снова превратится в мертвую материю.

— Может, ты хочешь выйти? Я могу отключить барьер на полсекунды.

— О, Боже, нет! — Ее негодование вдохнуло жизнь в них обоих. Она неуверенно рассмеялась и достала сигарету.— Я люблю тебя,— пробормотала она.

— И я тоже люблю тебя. Может быть, нам...

— Нет, нет. Во всяком случае, не сейчас, когда я знаю, что ты умрешь через сто минут. Я не смогу забыть об этом. Я лучше буду просто говорить с тобой, смотреть на тебя.

— В конце концов, может, для нас наступит другое время. Вот тогда я...

Он не понимал, почему боль исказила ее лицо. Однако Вивьена улыбнулась и прижалась к нему. Они держались за руки. Впоследствии он вспоминал, что говорил только он, говорил о том, что ждет их в будущем.

Первые лучи солнца скользнули по небу. Они вышли из бункера, не обращая внимания на лазерные пушки, на охранников, стоящих вокруг, на отвратительный черный длинный цилиндр, который лежал на тележке возле барьера.

— Солнце,— сказал Коскинен.— Деревья, цветы, река, ты... Я рад, что вернулся на Землю.

Вивьена не ответила. Коскинен не мог удержаться и взглянул на часы. 6.47.

Внезапно раздалась автоматная очередь, и пули выбили штукатурку из стены дома. Коскинен подпрыгнул. Аэрокар Службы Безопасности, висевший над ними, полетел прочь. Сверкающая игла неслась за ним. Раздались выстрелы. Аэрокар рухнул вниз. Коскинен не видел падения, но из-за деревьев поднялись клубы дыма.

Длинный узкий кар вернулся.

— Это армейский кар! — крикнул Коскинен.— Ты видишь эмблему?

Человек в солдатской форме бежал через кусты. Агент упал на колено, прицелился и выстрелил. Но солдат успел вовремя упасть. Тут же рука его описала в воздухе дугу. Коскинен увидел гранату в воздухе. Он инстинктивно закрыл собой Вивьену. Однако даже звук разрыва не проник через барьер. «Но все же,— подумал Коскинен,— я не дал ей увидеть смерть агента». Остальные агенты исчезли из виду.

Нет, один человек пробирался сквозь кусты. Маркус! С лица его исчезло все человеческое. Он подбежал к бомбе и начал что-то крутить возле носа бомбы. Из кустов выскочил солдат и выстрелил. Маркус упал. Солдат подошел, перевернул его на спину, покачал головой и осмотрелся вокруг. Мертвые глаза Маркуса смотрели в небо, на восходящее солнце.

Сражения Коскинен не видел. Он крепко прижимал к себе Вивьену и не мог понять, почему она плачет. Вскоре солдаты сгрудились вокруг барьера. Коскинен не смог прочесть на их лицах ничего, кроме изумления.

Пожилой человек в сопровождении нескольких младших офицеров и гражданских вышел из дома и направился к патио. Четыре звезды горели на его погонах.

— Коскинен?— сказал он, остановившись и глядя на двоих внутри барьера.

— Да,— сказал Коскинен.

— Я генерал Грахович. Регулярная армия...— Он бросил взгляд на Маркуса.— Отдел Специальных операций. Здесь нахожусь по приказу президента. Мы прибыли только для изучения обстановки, но когда мы приземлились, эти птицы открыли огонь. Что все это означает, черт побери?

— Я все объясню! — крикнул Коскинен.— Одну минуту!

Он снял со своей шеи руки Вивьены, спрыгнул в бункер, отключил генератор. Затем он поднялся из бункера на поверхность, и утренний ветер коснулся его лица.

XXI

Благодаря любезности генерала Граховича перед отъездом в Вашингтон Коскинен смог побыть с Вивьеной наедине. Когда он вошел в гостиную, то увидел, что девушка

стоит возле окна и смотрит на реку и холмы на другом берегу.

— Виви,— позвал он.

Она не повернулась. Он подошел сзади, положил руки на талию и сказал в самое ухо, хотя губы его щекотали черно-голубые волосы Вивьены, пахнувшие летом:

— Все улажено.

Снова она не двинулась.

— Разумеется,— продолжал он,— некоторое время еще будет шум по поводу того, что мы по всему свету распространили сведения о генераторе. Но большая часть правительства считает, что выбора у нас не было и мы не нарушили никаких законов. Так что дело сделано, остается признать нас героями. Не могу сказать, что мне нравится такая перспектива, но я уверен, что со временем шумиха уляжется.

— Это хорошо,— ровным голосом сказала она.

Он поцеловал Вивьену.

— А тогда...

— О да,— проговорила она,— я уверена, что у тебя начнется чудесная жизнь.

— Что ты имеешь в виду «у тебя»? Я говорю о «нас».

Коскинен почувствовал, как тело ее напряглось.

— Может, ты беспокоишься о прежних обвинениях против тебя? Но я получил от Граховича честное слово, что ты будешь прощена.

— Очень мило с твоей стороны не забыть обо мне,— сказала она. Медленно, через силу, она повернулась и посмотрела ему в лицо.— Однако я не удивлена. Такой уж ты человек.

— Чепуха,— фыркнул он.— Разве я не могу позаботиться о своей жене?— И тут он с удивлением увидел, что Вивьена не плачет только потому, что все уже выплакала.

— Ничего не будет у нас, Пит.

— Что ты говоришь?

— Я не могу связывать такого человека, как ты...

— О чем ты? Разве ты не хочешь меня? Ведь еще сегодня утром...

— Сейчас совсем другое дело. Я не думала, что мы останемся живы. Так почему бы не дать друг другу то, что у нас есть? Но теперь, когда мы живы... Нет, нет, я не могу... О, Пит, Пит...— Она спрятала лицо в ладонях.— Неужели ты не можешь понять? После всего, что я сделала и чем была...

— Ты думаешь, это имеет значение для меня?

— ...и что я есть. Ведь старые привычки не забываются. Да, все это имеет значение для тебя. Ты слишком молод, чтобы понять это. Но позже ты поймешь. Когда пройдут годы и ты узнаешь других людей... Ли Абрамс, например... Нет, я не могу остаться с тобой. Для твоего же блага. И для своего. Давай попрощаемся.

— Но что ты будешь делать?— спросил он, ошарашенный ее словами. Впоследствии он понял, что только силой он смог бы удержать ее.

— Я устроюсь,— ответила Вивьена.— Я умею устраиваться. Сначала я исчезну, а потом появлюсь где-нибудь под другой фамилией и займусь чем-нибудь. Вспомни, дорогой, как мало времени ты знал меня. Через шесть месяцев ты даже не вспомнишь, как я выгляжу. Я знаю.

Она поцеловала его, очень быстро, как будто боялась.

— После Джанно,— произнесла она,— я больше всех люблю тебя.

Прежде чем он успел пошевелиться, она вышла из комнаты, спустилась с крыльца и пошла к берегу, где ее ждали несколько военных аэрокаров. Голову она держала высоко.

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный Лис	5
Планета, с которой не возвращаются	267
Экран	357

**АНДЕРСОН ПОЛ
ЗВЕЗДНЫЙ ЛИС
КЛУБ «ЗОЛОТОЕ ПЕРО»**

Выпуск 12

**Редактор Н. М. Федоренко
Технический редактор А. Б. Кольчик
Корректор А. И. Асланянц**

Подписано в печать 30.X.92. Формат 84 × 108 1/32. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Тираж 100 000 экз. Заказ 1038.

Фирма «Топикал», Ltd. 109390, Москва, 1-ая ул. Текстильщиков, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 113054, Москва, Ватова, 28.

12

ПОЛ АНДЕРСОН